

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Л. П. ПОТАПОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ФОРМИРОВАНИЕ
ХАКАССКОЙ НАРОДНОСТИ

ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АБАКАН—1957

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о происхождении и формировании хакасской народности был впервые поставлен мною в книге, изданной в 1952 г. под названием „Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.)“. Однако в этой работе я не смог осветить его достаточно подробно и глубоко, ибо передо мной одновременно стояли и другие не менее важные и трудные задачи (например, изучение и характеристика основных этапов исторического развития хакасов, их общественного строя, культуры, быта и т. д.). К тому же фактический материал для исследования поставленного вопроса был тогда ещё недостаточно выявлен. За время, истекшее после выхода в свет упомянутой книги, я не прекращал занятий по выявлению и изучению различных исторических источников для выяснения вопроса происхождения современной хакасской народности. С этой целью я попытался не только разыскать, изучить и обобщить весь когда-либо опубликованный материал, разбросанный в обширной исторической и этнографической литературе, имеющий отношение к избранной теме, но и выявить новый, ещё не публиковавшийся. Положительные результаты в этом смысле дали мои занятия над документами Сибирского приказа, хранящимися в Центральном Государственном архиве Древних Актов (ЦГАДА) в Москве. Я считаю своим долгом поблагодарить заведующую читальным залом Т. С. Иванову, оказавшую мне большую помощь при работе над столбцами Сибирского приказа. Глубоко благодарен также Н. П. Шастиной, Б. О. Долгих и И. С. Гуревичу, которые весьма помогли мне указаниями, а иногда проверкой и даже выписками некоторых материалов, относящихся к предмету моих занятий, встретившихся им в документах Сибирского приказа при работе по своим темам. К сожалению, я не имел возможности просмотреть и исчерпать для моей темы весь огромный материал, содержащийся в столбцах Сибирского приказа.

Кроме отмеченных выше, из новых исторических источников XVII в. мною использованы отдельные документы, прило-

женные к третьему тому „Истории Сибири“ Г. Миллера. Этот том подготовлен к печати Институтом Этнографии АН СССР в Ленинграде, под руководством А. И. Андреева. Ценные новые исторические и этнографические материалы выявлены по XVIII в. Из них назову прежде всего рукопись Г. Миллера (на немецком языке) под названием: „Описание сибирских народов“ и „Описание Красноярского уезда Енисейской провинции в настоящем его положении в начале 1735 г.“. Обе рукописи хранятся в ЦГАДА в портфелях Миллера и впервые используются для публикации. Затем следует упомянуть о путевых заметках (на немецком языке) Фишера, сделанных им по дороге из Томска в Красноярск в 1741 г.¹ Указанием на рукопись „Описание Сибирских народов“ Миллера и заметок Фишера я обязан любезности А. И. Андреева, которому приношу свою искреннюю благодарность. В книге использованы также материалы из дневника Д. Мессершмидта, путешествовавшего по Сибири в самом начале 20-х годов XVIII в. Приведённые извлечения из путевых записок Д. Мессершмидта публикуются также впервые (за исключением тех, которые цитируются мною в книге „Краткие очерки истории и этнографии хакасов“). Наконец, впервые публикуемыми являются и некоторые выписки из ответов на знаменитую анкету В. Н. Татищева. Все эти новые материалы оговорены мною в тексте книги в соответствующих примечаниях. Расширение круга источников позволило, конечно, с большей полнотой и достоверностью не только поставить, но и предложить решение ряда вопросов, относящихся к исследуемой теме.

Настоящая книга была написана мною к юбилейной дате 25-летия существования Хакасской автономной области, исполнившейся в октябре 1955 г. По не зависящим от автора причинам подготовка и сдача её в печать несколько задержалась. В связи с этим, я вынужден обратить внимание на следующее обстоятельство. В начале 1956 г. в печати появилась ценная и большая статья покойного С. В. Бахрушина под названием „Енисейские киргизы в XVII в.“². Данная работа весьма перекликается с большой главой „Енисейские киргизы“, открывающей настоящую книгу³. Однако, я уже не имел возможности вернуться к проделанной работе, чтобы использовать содержащийся в статье С. В. Бахрушина некоторый ценный фактический материал из столбцов Сибирского приказа (к сожалению, далеко не всегда снабжённый ссылкой на цитируемый

---

¹ Все извлечения из рукописей Миллера и Фишера даются мною в русском переводе, сделанном при помощи Т. Н. Кладо.

² С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. II. Москва, 1955, стр. 176—224.

³ Первый и краткий вариант этой главы опубликован мною в 1952 г. в книге „Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.)“, под названием „Енисейские киргизы и их киштымы“. Издано в г. Абакане Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории.

источник), оставшийся мне неизвестным¹, а также принять во внимание некоторые соображения и характеристики автора. Кое-что в этом отношении мною сделано путём добавления к главе подстрочных примечаний. Но этого, конечно, недостаточно. Несмотря на большую ценность как в отношении нового документального материала, так и ряда интересных, плодотворных мыслей и выводов, в упомянутой статье С. В. Бахрушина содержатся спорные, а в отдельных случаях и неправильные утверждения. О них мне хотелось бы кратко сказать. Прежде всего вызывает решительное возражение взгляд автора, оценивающий борьбу енисейских киргизов с русскими, как борьбу за независимость киргизов. Хотя автор начинает раздел „Взаимоотношения енисейских киргизов с Россией в XVII в.“ с того, что борьба енисейских киргизов против освоения Минусинской котловины русскими была корыстной борьбой эксплуататорской верхушки киргизов за право беспрепятственно совершать грабительские набеги на соседей и в первую очередь на мирное русское и ясачное население, но в заключение этого основного раздела своей статьи пишет: „Захват енисейских киргизов джунгарскими феодалами привел к их распылению как народности и к ещё более тяжёлой эксплуатации, чем та, ради избежания которой они с таким упорством боролись против царских служилых людей“.² Таким образом, автор исходит из утверждения, что борьба енисейских киргизов с русскими была борьбой против тяжёлой эксплуатации их со стороны русского государства, т. е. борьбой за независимость. Столь явное противоречие во взглядах автора заставило меня внимательно изучить с этой точки зрения весь текст статьи. В результате выяснилось, что С. В. Бахрушин занимал в этом вопросе такую же позицию, как и Н. Н. Козьмин, т. е. считал борьбу киргизских феодалов с русскими борьбой за независимость енисейских киргизов. По его утверждению, енисейские киргизы до появления на Енисее русских были в политическом отношении независимыми. Он пишет: „Киргизы сумели в течение долгого времени сохранить свою независимость от внешних врагов“.³ На самом же деле это было не так. Киргизы издавна, во всяком случае, до появления русских в Южной Сибири, были зависимыми данниками от монгольских алтын-ханов, а около 20-х годов XVII в. ещё и джунгарских ханов. Эти факты, конечно, не могли быть неизвестными С. В. Бахрушину. Однако, он считает, что киргизы ук-

¹ Замечу, что кое-какие факты, почерпнутые мною из столбцов Сибирского приказа, приведённые в главе „Енисейские киргизы“, в свою очередь остались неизвестными С. В. Бахрушину. Это свидетельствует о том, какой ценный и обширный источник представляют собой материалы Сибирского приказа.

² С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 224.

³ Там же, стр. 180.

донились от объясачивания их русскими „ценой признания власти алтын-ханов и джунгар“,¹ т. е. согласились стать данниками алтын-ханов, как и джунгар, лишь бы избежать объясачивания со стороны русских. Документы не подтверждают такого предположения. Известно, что ещё в 1616 г. Алтын-хан считал себя полновластным владельцем киргизов и в присутствии русских послов заявил, что если киргизы „какое дурно над русскими людьми учинят, и он (*Алтын-хан—Л. 17.*) велит их за одново государева человека всех высечь до одново человека“.² Вот в какой зависимости были киргизы от Алтын-хана ещё до того, как русские закрепились на Енисее. Не случайно поэтому внук первого Алтын-хана Лоджан заявил русским послам в ответ на требование уйти „с государевой земли“ из бассейна р. Тубы: „какая де земля вашего государя, земля де извеку наша, а киргизы де и тубинцы и алтырцы и керетцы и с киштымами вечные наши киштымы“.³ Лоджан сослался и на то: „как де Красноярский острог был не поставлен и до тех мест киргизские и тубинские князцы и киштымы и качинцы все были отца и деда его Лоджановы“.⁴ Нельзя согласиться также с тем, что С. В. Бахрушин преувеличивает агрессивность русских по отношению к киргизам, а киргизских феодалов, напротив, идеализирует. Так, например, ответные действия русских властей, вызванные грабительскими набегами киргизских феодалов на мирное ясачное и русское население, он характеризует только как стремление „разгромить киргизов в их собственной земле“.⁵ Он пишет: „С конца XVII в. русские возобновляют натиск на степь, на этот раз с большим упорством. В 1697 г. состоялся указ о постройке острога на Абакане, о каковом ещё в 1690 г. ходатайствовали все жители Красноярского уезда как русские, так и качинцы („качинские татары“), аринцы и др.“⁶ Единодушная просьба мирных русских крестьян Красноярского уезда и мирных ясачных племён защитить и оградить их от грабительских набегов киргизов, как видим, трактуется „натиском на степь“ со стороны русского государства. Постройку серебряных рудников на речке Каштаке (бассейн Чулыма) русскими людьми в конце XVII в. С. В. Бахрушин характеризует как захват, хотя (это будет документально показано дальше) об этих рудниках сообщили и привезли образцы руды русским людям кызыльские ясачные князцы. По иному автор расценивает действия феодальной вер-

¹ Бахрушин. Указ. соч., стр. 202.

² См. публикацию статейного списка первых послов к Алтын-хану в Известиях Отдел. Русс. Языка и Словесности Акад. Наук, т. XVIII, кн. 4-я, стр. 279.

³ Сиб. приказ, стб. № 513, л. 42.

⁴ Бахрушин. Указ. соч., стр. 193.

⁵ Там же, стр. 219.

⁶ Там же, стр. 221.

хушки киргизов: её грабительские набеги, эксплуатацию подчинённых и зависимых от неё данников-киштымов. Это объясняется следующим образом: „Примитивное скотоводческое хозяйство не могло обеспечить удовлетворения всех насущных потребностей киргизов. Недостающее пополнялось частично грабежом киштымов; этим способом приобреталась пушнина и отчасти зерновые продукты“.¹ Подобная же мысль высказывается и в другом месте: „Примитивное скотоводство и степная охота не могли удовлетворить всех хозяйственных потребностей киргизов, и этим обстоятельством объясняется их стремление подчинить себе народы соседней лесостепи“.²

Как далеко заходил С. В. Бахрушин в идеализации киргизской верхушки, можно судить по следующему отрывку его работы: „Тяжёлые войны, которые киргизам пришлось вести за право существования с гораздо более могущественными соседями, способствовали развитию в них воинственности, жестокости. Пленникам они „носы и уши резали“, у убитых врагов „груди вспарывали... и глаза застилали“.³ Даже такие ничем не оправдываемые жестокости киргизских феодалов по отношению к русским пленным, сообщаемые русскими историческими источниками, автор находил возможным объяснить объективными причинами. Едва ли нужно доказывать необоснованность таких утверждений. Приведённые взгляды легко опровергаются историческими фактами, изложение которых читатель найдёт дальше, в главе „Енисейские киргизы“ настоящей книги. Но такие факты, кстати сказать, содержатся и в статье С. В. Бахрушина.

Давая критическую оценку некоторым высказываниям С. В. Бахрушина, необходимо подчеркнуть, что опубликование их в печати сделано не самим автором, а редакционной коллегией по изданию научных трудов покойного. Очень возможно, что сам автор и не опубликовал бы в таком виде статьи, написанной, видимо, много лет тому назад и не публиковавшейся им при жизни. Поэтому я далёк от мысли предъявить С. В. Бахрушину какие-либо обвинения. Но я не мог обойти эти взгляды молчанием, поскольку они опубликованы. Это нужно было сделать ещё и потому, что мне пришлось однажды давать отпор концепции Н. Н. Козьмина, характеризовавшей агрессивную и грабительскую политику киргизских феодалов борьбой за независимость.⁴ В статье С. В. Бахрушина упомянутая концепция Н. Н. Козьмина получила поддержку, и на это нельзя было не обратить внимания. Нет никаких оснований сомне-

¹ Бахрушин. Указ. соч., стр. 182.

² Там же, стр. 187.

³ Там же, стр. 183.

⁴ Н. Н. Козьмин. Хакасы. Иркутск, 1925 г. См. критику в моей книге: „Краткие очерки по истории и этнографии хакасов“.

ваться в том, что редколлегия, издавшая научные труды, проделала значительную работу по сближению устарелых и неправильных взглядов покойного автора с некоторыми современными точками зрения, высказанными в нашей исторической науке. Свидетельства такой вдумчивой работы дают нам некоторые примечания от редакции к тексту статьи об енисейских киргизах. Но очистить всю эту статью, написанную с определённых позиций, от разного рода неправильных высказываний путем редактирования, конечно, невозможно.

Я позволю себе кратко упомянуть о своем несогласии с С. В. Бахрушиным ещё по следующим двум вопросам. Автор считает, что енисейские киргизы возглавляли процесс „постепенного слияния отдельных групп верхнего Енисея в единую народность“.¹ С этим трудно согласиться, так как нет соответствующего фактического материала. Напротив, имеются данные о том, что по языку, прежде всего, а также по культуре и быту, многочисленные родоплеменные мелкие группы Минусинской котловины резко отличались от енисейских киргизов (кетоязычные арины, ястинцы, тинцы и др.; самодийскоязычные камасинцы, кашинцы, тубинцы, маторы и т. п.) да и друг от друга. В неустойчивой политической обстановке в XVII в. не было условий и для создания территориальной общности этих различных по языку, этническому происхождению, культуре и быту родоплеменных групп. Процесс формирования народности из разнородного и смешанного ясачного населения в Минусинской котловине возник и развился только после того, как енисейские киргизы покинули эти места, переселившись в Джунгарию. Исследованию данного вопроса и посвящена настоящая книга.

Расхожусь я с С. В. Бахрушиным и в определении общественного и политического строя² киргизов. С. В. Бахрушин полагает, что енисейские киргизы находились „на стадии разложения родового строя“, хотя и не рассматривает экономического содержания этого строя. По моему же мнению, основанному на анализе экономической структуры общества, у киргизов прочно и давно сложились ранние формы феодальных отношений, с характерными для них многочисленными родовыми пережитками. Политический строй енисейских киргизов С. В. Бахрушин определяет как „федерацию небольших племенных княжеств“.³ С моей точки зрения это были раздробленные феодальные улусы, каждый из которых возглавлялся своим князем, имел своих данников-киштымов из числа различных мелких родоплеменных групп Саяно-Алтайского нагорья. Но во главе всех этих мелких улусов находился князь, кото-

---

¹ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 189.

² Там же, стр. 186—187.

³ Там же, стр. 190.

рый номинально считался владельцем „всей киргизской земли“, как говорится в русских исторических документах начала XVII в. Тем не менее, несмотря на наличие иерархической структуры, все эти мелкие киргизские улусы не составляли единого самостоятельного государства. Все они, как в целом, так и по отдельности, находились в феодальной зависимости от различных монгольских феодальных государств XVI—XVII вв., платили им дань и считались их киштымами. При этом одни киргизские улусы платили дань одним монгольским владельцам, другие — другим, или тем и другим и т. д. И даже в те периоды, например, в первой половине XVII в. и несколько позднее, особенно в период деятельности князя Иренака, когда происходило временное, более тесное объединение раздробленных феодальных улусов енисейских киргизов, это не привело к образованию собственного феодального государства енисейских киргизов, так как в политическом отношении они полностью зависели от джунгарского хана. Доказательства в пользу такого определения читатель найдёт в соответствующем разделе первой главы настоящей книги.

Ленинград, 1956 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАСЕЛЕНИЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В XVII в.

1. ЕНИСЕЙСКИЕ КИРГИЗЫ

Наиболее ранние упоминания об енисейских киргизах в известных нам русских исторических документах относятся к самому началу XVII в. Вскоре после окончательного разгрома хана Кучума и падения Сибирского ханства, князец еуштинских татар Тоян, обитавший в низовьях Томи (при её впадении в Обь), обратился к московскому царю Борису Годунову с просьбой о принятии его со своими людьми в русское подданство. В своей челобитной 25 марта 1604 г. Тоян предложил „в вотчине его в Томи поставить город“ и указал, что с построением здесь города в состав Русского государства мог бы войти, при содействии Тояна, целый ряд различных племён, кочевавших в районах, прилегающих к будущему городу Томску. Он назвал при этом киргизского князца Номчи, кочевавшего в 7 днях пути от Томска, имевшего 1000 людей; телеутского князца Обока (или Абака), кочевавшего с тысячей людей не далее, чем в 5 днях пути; Умацкого, точнее же Мацкого князца Чити, кочевавшего в 14 днях езды и владевшего тремястами людей, и некоторых других¹. Царь принял предложение Тояна, и в конце сентября 1604 г. Томск уже был построен. После этого томские служилые люди начинают осуществлять план включения в состав Русского государства различных родоплеменных групп населения, находящихся на обширной периферии Томска, в том числе и тех, которые были перечислены в челобитной князца Тояна. Из них к 1609 г. вошли в состав Русского государства и стали вносить ясак телеуты и „мацкие люди“, т. е. маты или мады. Последние представляли собой, видимо, тюркоязычную, (как телеуты и киргизы) группу, относящуюся к числу ближайших исторических предков современных тувинцев. Вследствие того, что о матах речь пойдёт впереди, ограничимся здесь указанием на то, что упомянутый в челобитной Тояна мацкий князец Чити признал

---

¹. Документ № 55. Приложение к труду Г. Миллера „История Сибири“, т. 1. М.—Л., 1937, стр. 410—411.

русское подданство и внес ясак томским казакам в 1609 г. Побывавшие у него казаки „мацких людей князька Четея, да Олгана, да Тумея и его людей привели под твою царскую высокую руку“, — писали царю томские воеводы и отметили, что „мацкие люди прежде сего... ясак платили Алтыну царю“, т. е. Алтын-хану монгольскому.¹

Что касается непосредственно енисейских киргизов, то первоначально события, связанные с включением их в состав Русского государства в начале XVII в., развивались следующим образом. Когда князь Тоян обратился с просьбой о принятии его в русское подданство и представил план включения в состав Русского государства кочевников прилегающих к Томску районов, то какая-то часть киргизов, возможно, уже считалась в русском подданстве и вносила ясак. Это следует из одной отписки воеводы Кетского острога Постника Бельского, датированной не ранее сентября 1604 г., когда уже Томский острог был построен. В упомянутой отписке, адресованной первым томским воеводам Г. Писемскому и В. Тыркову, кетский воевода пишет: „И вы, господине, делаете не по государеву указу, что в Чюлым и в Киргиссы ясашников посылаете и ясак государев велити имати; а Чюлым и Киргиссы прежде сего ясак давали в кецкой острог. И в наказе у меня написано: которые волости и горотки прежде сего давали государев указ в Кецкой острог, и с тех ясашных людей велено имать в Кецком остроге по старому государев ясак мне до государеву указу. И в росписи у меня написаны те волости Чюлым и Киргиссы“.²

К сожалению, мы не знаем точно, какие улусы енисейских киргизов вносили ясак в Кетский острог. Но более всего вероятно, что ясак в это время давали не собственно енисейские киргизы, а собирали его с „Киргисские земли“, т. е. с ясачных волостей, входивших территориально в районы кочевий киргизов, ибо, как увидим дальше, под рубрикой „Киргиссы“ или „Киргисские земли“ в русских исторических документах первых двух десятилетий XVII в. перечисляется ряд ясачных волостей, так называемых „чулымских татар“ (Кызыльская, Басагарская, Кийская, Керексусская и Кимская).³ Документально известно, что отдельные князья собственно киргизов начинают вносить ясак только с 1609 г. и то спорадически, причём, не связывая с уплатой ясака подданство русскому царю. Напротив, построение г. Томска вызвало со стороны некоторых киргизских князей враждебное отношение к русским, вероятно потому, что они видели в постепенном включении в состав Русского государства территории Западной и Южной Сибири угрозу для

¹ Документ № 641, Миллер, т. I, стр. 422.

² Документ № 56. Миллер, т. I, стр. 412.

³ См. об этом документальные материалы из Сибирского приказа, опубликованные в работе З. Я. Бояршиной „Население Томского уезда в XVII в.“ Труды Томского Государственного Университета, т. 112. Томск, 1953.

себя в смысле потери многочисленных данников-киштыморов, за счет грабежа которых они строили своё благополучие. Только этим можно объяснить, что не прошло и года со времени построения Томска, как уже был раскрыт заговор против нового острога, инициатором и организатором которого являлся киргизский князь Номча¹. Грубое поведение томских воевод, стремившихся к обогащению любыми средствами, конечно, тоже сказывалось отрицательно на взаимоотношениях с киргизами. Например, в литературе описан случай ограбления томскими воеводами жены князя Номчи, прибывшей в Томск по поручению мужа. С неё воеводы сняли соболью шубу, что, естественно, вызвало неблагоприятную реакцию со стороны Номчи. Во всяком случае документами устанавливается, что Номча внёс ясак только в 1609 г., а другие киргизские князья Кочебай, Ноян и др. в это время не только не дали ясак, но били и морили голодом прибывших к ним из Томска служилых людей. В этом же году внесли ясак так называемые десары или есары (вероятно, езерцы), находившиеся непосредственно под главенством киргизского князя Немеца (вероятно, описка, следует Немека), затем алтырцы, которые в позднейших русских документах обычно отождествляются с киргизами. Возможно, это был один из киргизских улусов, возглавляемых киргизскими князьями, как и десарский или езерский. Точными данными на этот счёт мы не располагаем. В том же 1609 г. киргизский князь Кочебай совершает грабительские набеги на ясачные Чулымские волости и разоряет население. Это вызвало ответную меру со стороны томских служилых людей, которые немедленно совершили поход на киргизов и взяли у них добычу, в том числе и пленных. Правда, киргизам удалось отбить эту добычу². В 1614 г. киргизы напали на Томск вместе со своими чулымскими киштымами (кызылами, басагарами и т. д.). Томские казаки не только прогнали противника, но и совершили поход в Киргизские земли, где жили также кызылы и басагары, и во время этого похода „три городка высекли“, взяли пленных. В следующем 1615 г. томские воеводы посылали служилых людей в Киргизскую землю „ко всем киргизским князькам после войны“. Эта поездка томских служилых людей увенчалась успехом. В их донесении говорится: „Мы холопы твои тех киргизских князьков под твою царскую высокую руку привели к шерте и твоего государева с киргизских князьков взяли 42 соболя да с киргизских людей тебе государю ясаку взяли 31 соболь...“³ Однако с этого времени столкновения с киргизами приобретают постоянный характер и делятся весь XVII век.

¹ Документ № 58. Миллер, т. I, стр. 415.

² Документ № 69. Миллер, т. I, стр. 428—430.

³ Документ № 87. Миллер, т. I, стр. 444.

Прежде чем перейти к характеристике политической обстановки и главных событий на протяжении XVII в., связанных с включением в состав Русского государства той обширной части между Кузнецким Алатау и Саянами, которая носит название Минусинской котловины, необходимо рассмотреть, что представляли собой в то время енисейские киргизы в отношении их хозяйства, культуры, быта и политического устройства. Учитывая, что такая попытка в историко-этнографической литературе делается по существу впервые, мы, конечно, не претендуем на полноту такого очерка, тем более, что и фактический материал для этого не только ещё нигде не обобщён, но даже полностью не выявлен¹.

Как правило, в русских исторических документах XVII в. нет желательной для нас чёткости в смысле этнической характеристики енисейских киргизов, описания их родоплеменного состава, расселения и т. д. Термин киргизы часто употребляется шире, чем этноним, и нередко означает не только самих киргизов, как определённую этническую группу, но и принадлежащую им территорию, где находились их кочевья, и даже политически зависимое от них население, не относящееся этнически непосредственно к киргизам. Можно утверждать, что собственно енисейские киргизы представляли собой в это время, да и позднее, небольшую тюркоязычную группу, являющуюся потомками средневековых енисейских киргизов, именовавшихся в ранних китайских источниках гянь-гунь, а в более поздних (VII—X вв.) возможно хягас. Последний термин некоторыми учеными считается транскрипцией слова „кыргыз“, употреблявшейся в Китае в период Танской династии (618—907) и вошедшей в современное наименование хакасов. О численности енисейских киргизов имеются отрывочные, но выразительные данные. Документ 1639 г. сообщает: „а киргизы де и тубинцы люди небольшие, только многими землицами завладели и многое дурно чинят“². В документе 1616 г. говорится, что всех киргизов „самых человек с 300, а чёрных людей ясачных мужиков, а по-киргизски киштымов, с 1000 человек“³... В документе 1627 г., где излагается предложение русского посланца Дм. Черкасского киргизам вносить ясак по 10 соболей с человека, приводится ответ на это киргизских князей, в котором содержатся данные об их численности. Они сказали: „всего де киргизов, прямых людей, 100 человек и по 10 соболей с человека дать нам не с чего, тем де государь нас и досталь от своей великой государевой руки отгоняет,

¹ В настоящее время положение изменилось, т. к. в печати появилась работа „Енисейские киргизы в XVII в.“ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. вторая. М., 1955, стр. 176—224. См. об этом наше предисловие.

² Сиб. приказ, стб. № 30, л. 552. У Бахрушина (стр. 176) эта цитата дана без ссылки на документ.

³ Сиб. приказ, стб. № 126, Монгольские дела, л. 46.

которые природные холопы кыштымы наши были и те наши кыштымы за ним государем и ясак со всех них собирает в Томский город, а с иных в Кузнецкой острог и в Мелеской. И нам самим государю по 10 соболей давать не с чего, и собирать нам не с кого, живём в степи, а по лесу на лешнях не зверуем, и соболей не добываем, и больше 100 соболей ныне да и впредь ясаку с нас не будет, в том его государева воля¹. Здесь численность „прямых“ киргизов приведена, конечно, только для взрослых мужчин—плательщиков ясака. Во второй половине XVII в. численность енисейских киргизов возросла. По данным 1668 г. „всех киргиз в их земле добрых людей, оприч кыштымов с 1000 человек“². Наконец, по сведениям посла в Китай Н. Спафария, проезжавшего через Сибирь в 1675 г., киргизов „человек с 1000, только гораздо воисты, и язык и вера их татарская“³.

Местообитание киргизов на основании изучения и сопоставления русских исторических документов XVII в. устанавливается довольно точно. Оно не было постоянным на протяжении всего этого столетия. В первой половине XVII в. кочевья киргизов были разбросаны по обширной территории бассейна верхнего течения Чулыма и рек Чёрного и Белого Юсов, которые при слиянии образуют Чулым. Эта территория захватывала течение Урюпа (левый приток Чулыма), районы, прилегающие к Божьему и Белому озёрам, и на севере достигала Ачинска. Когда в 1621 г. строили Мелеский острог на Чулыме, то это место считалось „впереди Киргизской земли“, т. е. севернее районов их кочевий, хотя Мелеские волости по Чулыму считались относящимися к Киргизской земле, но в смысле зависимости населения, а не принадлежности территории.

Вследствие того, что князец Кийской волости Курчейко в документах этого времени именуется „киргизского рубежа князек Курчейко“,⁴ можно утверждать, что западной границей Киргизской земли считалась р. Кия (левый приток Чулыма). На востоке граница подходила близко к р. Енисей. Основным районом обитания собственно киргизов и их феодальной верхушки была река Белый Юс. Здесь находились ставки наиболее влиятельных киргизских князей и их „каменный городок“, неоднократно упоминаемый в русских исторических документах. Городок этот находился „посеред Киргизской земли“⁵. Он был расположен на берегу Белого Юса, на расстоянии менее дневного пути от Божьего озера. Здесь устраивались

¹ Сиб. приказ, стб. № 886, лл. 172—173.

² Сиб. приказ, стб. № 802, ч. 1, л. 143.

³ Записки ИРГО по Отд. Этнографии, т. X, в. 1, 1882, стр. 85.

⁴ Документы №№ 156 и 161. Приложения к труду Г. Миллера, История Сибири, т. II, М.—Л., 1941, стр. 257 и 262.

⁵ Сиб. приказ, стб. № 84, л. 182.

„на урочище подле их киргизского каменного городка у Юса“ съезды киргизских князей¹. С этой именно территорией связаны князья Алтысарского улуса, из рода Номчи (князья Ишей, Иренак или Еренак и др.). Впрочем и другие видные князья как Кочербай, Кару, Ноян, Ишеней также имели свои кочевья в этой центральной киргизской земле. Имеются основания считать этот городок древним центром владений енисейских киргизов. По сообщению Гардизи (персидский автор XI в., писавший свое сочинение по более ранним письменным источникам), ставка киргизского кагана в IX—X вв. находилась в 7 днях пути к северу от Когменских гор, под которым и в востоковедной литературе принято считать Саянский хребет. Если это так, то ставка киргизского кагана находилась именно в районе Белого Юуса, ибо, как это практически знали, например, русские послы к Алтын-хану в начале XVII в., путь от Белого Юуса до Абакана занимал 7 дней, а от Абакана до Саянского хребта—один день².

Южнее киргизов, всего в двух днях пути, в 1608 г. кочевали маты или мады,³ предки части современных тувинцев, которые вскоре откочевали за Саяны, ибо в 1616 г. русские послы к Алтын-хану уже нашли матов в долине Енисея, между Саянами и Танну-Олой⁴. Ещё несколько южнее, в районе реки Уйбата, жили алтырцы, которые во 2-й половине XVII в. именуется часто киргизами, иногда „верхними киргизами“. Их кочевья простирались на юг до Абакана и Аскиза. Они упоминаются впервые в документе 1609 г., как принявшие русское подданство, и про них тогда говорилось: „а живут около киргиз близко“⁵. Во 2-й половине XVII в. границы кочевий енисейских киргизов сместились на юг и как будто бы расширились за счёт южного направления. Краем Киргизской земли теперь на севере считался район Белого озера⁶. А южным краем Киргизской земли считалась, как это следует из отписки Красноярского воеводы 1655 г., территории по Абакану и Енисею— „по сию сторону (т. е. северную—Л. П.) Саянского камня“⁷.

¹ Сиб. приказ, стб. № 883, л. 164, 166. См. также Архив Академии Наук (ААН), ф. 21, оп. 4, № 7, лл 109, 110; Миллер, т. II, стр. 316. На основании этих документов, не учтённых С. В. Бахрушиным, невозможно согласиться со следующим его мнением о расселении киргизов: „центр их поселений лежал в Абаканских степях“ (стр. 177)

² См. Известия Отделения Русского Языка и Словесности. Акад. Наук, г. XVIII, кн. 4-я, стр. 287.

³ Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. Изв. Отдел. Русск. Языка и Словесности. Ак. Наук, т. XVIII, кн. 4-я, стр. 265.

⁴ Там же, стр. 273.

⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 31, об. № 24. Миллер, т. 1, стр. 431.

⁶ Сборник князя Хилкова, СПб., стр. 308.

⁷ Сиб. приказ, стб. № 513, л. 62.

В царской грамоте кузнецкому воеводе, датированной 1683 г., мы находим такие сведения о расселении енисейских киргизов: „Енисей река прошла сквозь Киргизскую землю; а по сторону Енисея, по рекам Абакану и Уйбату, живут, и подле Енисей, многие киргизские и с ними калмыцкие люди, а по другую сторону Енисея, по Упсе реке, живут киргизы же, имя им тубинцы, а с ними иных многих земель данные люди; а преж сего жили киргизы на реках Июсах, ближе к Томску и Красноярскому острогу, а как с государевыми людьми завоевались, для того вдоль от Июсов отошли“¹. Этот отход киргизов от Июсов произошёл, кажется, в 60-х годах. В том же документе ещё сказано: „Киргизские люди как слышат от Томского и из Красноярского на их Киргизскую землю поход государевых ратных людей, и они киргизы жен своих и детей отсылают прятать в вершины Абаканские и Уйбатские, близко Кузнецкого острогу, а сами выезжают с боем“. В другом документе, относящемся к 1685 г., рассказывается, что киргизы кочуют по рр. Сарагашу и Ерге и по обоим сторонам Июса, а также живут до устья Абакана реки и за Абаканом по обе стороны Енисея реки и вверх по Абакану реке „киргизские люди“². Правда, в последнем случае, когда говорится не о киргизах, а о „киргизских людях“, это может означать и зависимых от киргиз киштымов. Как бы то ни было, из приведённых свидетельств видно, что енисейские киргизы во 2-й половине XVII в. освоили под кочевья более южные части Минусинской котловины, где нередко кочевали тюркоязычные племена, принадлежавшие Алтын-хану (мады, кучугуты и др.). Надо сказать, что и в первой половине XVII в. киргизы откочёвывали иногда на юг. Известно, например, что киргизский князь Ишей в 1641 г. перекочевал на Абакан, а князь Табун (сын Кочебая) остался на Белом Июсе³. В этом же году, во время похода на киргизов Якова Тухачевского, киргизы откочевали со своих улусов с Белого Июса на Уйбат, где находились князья Ишей и Ичиней, а князья Кочебай, Бехтен (сын Нояна) и Талай стояли в это время в верховьях Аскиза. В этих местах и разгорелась решающая битва Тухачевского с киргизскими князьями⁴. Однако киргизы никогда не думали совершенно покинуть свои кочевья по Белому Июсу. Напротив, когда в 1697 г. была открыта серебряная руда на Каштаке и поставлен Каштацкий острог, киргизские князья послали в 1698 г. в Томск своих представителей с заявлением, что Каштак „де земля Киргизская“. Они сообщили об этом и джунгарскому хану, называя район течения р. Каштака „своей

¹ Акты Исторические, т. V, стр. 165.

² Сиб. приказ, стб. № 715—716, лл. 266, 218.

³ Сиб. приказ, стб. № 112, л. 19.

⁴ Сиб. приказ, стб. № 84, лл. 297, 361.

землей". Томские воеводы оспаривали это заявление и, отвечая на это сыну Еренака, мотивировали, „что Каштацкой острог поставлен против договору отца твоего Еренака, по сю сторону Июсов на государственной земле, а не на киргизской стороне“¹. Отсюда видно, что в конце XVII в. территорию севернее Июсов русские считали вошедшей в состав Русского государства, согласно договору с Еренаком, а сын его Корчуи не признавал этого, как не признавали, кажется, и некоторые другие киргизские князья.

По роду хозяйственного занятия енисейские киргизы были типичными степняками, скотоводами-кочевниками. Они разводили преимущественно лошадей и овец, а также крупный рогатый скот. Киргизские князья держали и верблюдов. При походе на киргизов в 1641 г. Я. Тухачевский в числе добычи взял у них значительное количество верблюдов. Хозяйственный быт киргизов кратко, но выразительно характеризовали русские казаки—первые послы к Алтын-хану в 1616 г., которые сообщили: „страна их кочевая: живут здесь в избах полстяных (*войлочных юртах*—Л. П.), а ходят в шубах и зипунах. А едят рыбу и зверя бьют. А бой у киргиз лучной. Лошадей и коров много, а хлеба не сеют“².

Скотоводство у киргизов было пастбищным в течение круглого года. Когда, спасаясь от карательной экспедиции Алтын-хана в 1665 г., киргизы вынуждены были кочевать под самым Красноярском, в царской грамоте из Москвы предписывалось, как только Алтын-хан Лоджан¹ удалится, отпустить киргизов на их старые кочевья, и мотивировалось это именно тем, что „под Красноярском де острогом жить им тесно и бывает снег большой, а на старых их кочевьях снег мелкий и сена они на скот не готовят“³. Что касается занятия киргизов охотой, то, как у многих кочевников-степняков, у них практиковалась облавная верховая охота, но не пешая горно-таёжная на пушного зверя. Это постоянно и настойчиво подчёркивали сами киргизы. Киргизские князья, как уже говорилось выше, говорили русскому посланнику в 1627 г.: „Живём в степи, а

¹ Памятники Сибирской Истории XVIII в., кн. 1. Петербург, 1882, стр. 71-72. Ср. Бахрушин. Указ. соч., стр. 196. Непонятно, почему С. В. Бахрушин считает, что Каштак принадлежал джунгарскому хану, и пишет: „Киргизы уже не были в состоянии помешать захвату принадлежавших их сеньёру, джунгарскому хунтайчжи, серебряных рудников на речке Каштаке, произведённому из Томска в 1697 г., и постройке здесь острога“ (стр. 222).

² Записки Рус. Географ. Об-ва по Отделению Этнографии, т. X, в. 1. СПб., 1882, стр. 9. Бахрушин отмечает, что „отсутствие хлеба возмещал отчасти корень „сараны“: „а у них де на пашнях и сарану и коренья копают на всяких пашнях“ (стр. 181). „Хлеб добывали и грабежом северных алтайцев“ (стр. 181—182).

³ ААН, № 8, лл. 116—119, № 94; Миллер, т. II, стр. 493. Ср. Бахрушин (стр. 181) „сен де на скот не готовят“, потому что „к зиме сен ставить на лошади и на рогатый скот негде“. Сиб. приказ, стб. 380, л. 89 и др.

по лесу на лешнях не зверуем и соболей не добываем“. В другом документе про киргизов читаем: „Сами де они за соболями и за бобрами зверовать не умеют и не природа им“. Красноярские казаки, ездившие к киргизам в 1629 г. за ясаком, сообщили ответ на это киргизских князей Ишея, Табуна и др.: „ясаку взять негде, сами де соболей не ловим, а емлем де за долг соболей у киштымов“¹. Годом позднее киргизы говорили томским казакам: „а лыжной де нам ход не за обычай“². Несмотря на то, что сами киргизы охотой на таёжных пушных зверей не занимались, они оберегали свои охотничьи ухажья от русских охотников, возможно потому, чтобы это не сказало отрицательно на промысле зверя у их киштымов-звероловов. Киргизские князья даже жаловались по этому поводу на русских людей джунгарскому хану. В одном из донесений томских служилых людей, ездивших для переговоров к джунгарскому контайше Галдану (1680 г.), сообщалось требование Галдана: „Да чтоб де в киргизские урочища по речкам и на звериные промыслы промышленные люди из Томского и из Кузнецкого острогу не ходили“.³

В соответствии с господством натурального хозяйства, у киргизов были, видимо, некоторые ремёсла, носившие домашний характер. Вряд ли можно сомневаться в том, что киргизы, как и прочие азиатские кочевники-скотоводы, выделяли домашним способом войлок для покрытия жилища, для постелей, для конских потников и т. д., а также шкуры и кожи зверей, домашних животных, шедших на изготовление одежды и обуви, конской сбруи и домашней утвари, в частности, кожаной посуды. Из русских исторических источников мы знаем об основных элементах домашнего быта киргизов. Кроме того, что киргизы жили в войлочных переносных юртах, известно, что они носили шубы (конечно, из овчин) и зипуны, под которыми нужно подразумевать суконный или армячный халат. В качестве головного зимнего убора киргизов упоминаются „малахай“⁴. Основным средством передвижения служила верховая лошадь. В конце XVII в. киргизы знали, видимо, и русскую зимнюю упряжку. Основанием для такого предположения служит сообщение одного документа, в котором говорится, что киргизский князь Еренак прислал русским казакам сани, чтобы они могли увезти к себе несколько пушек, захваченных киргизами при одном из нападений на Ачинский острог⁵.

¹ ААН, № 17, лл. 132—134, № 113; Миллер, т. II, стр. 352.

² ААН, № 17, лл. 132—134; Миллер, т. II, стр. 373. Ср. у Бахрушина: Киргизы „люди служилые, на лыжах ходить и зверя добывать не умеют“, стр. 181 со ссылкой на Сиб. приказ, стб. № 886, л. 290.

³ Сборник кн. Хилкова, стр. 306.

⁴ Сборник кн. Хилкова, стр. 317.

⁵ Сборник кн. Хилкова, стр. 319. О вооружении киргизов см. также С. В. Бахрушин, стр. 182—183.

Кроме лошади, киргизы пользовались для перевозки груза верблюдами. Лыжи у киргизов, как у настоящих кочевников-степняков, распространения не имели. Это следует из приведённого выше заявления киргизских князей русским служилым людям, что „лыжной де нам ход не за обычай“. В качестве оружия киргизам служили лук и стрелы, копья, а во второй половине XVII в. у них появилось огнестрельное оружие от русских и от западных монголов. В наших документах также упоминаются различные воинские железные доспехи: панцыри, куяки и др. Холодное оружие и воинские доспехи киргизы получали, главным образом, от своих киштымов — „кузнецов“ и прежде всего от шорцев, славившихся умением не только плавить железную руду, но и выделывать из железа различное холодное оружие и воинские доспехи. Объём производства шорцами холодного железного оружия и воинских доспехов был настолько значителен, что московские государи неоднократно отдавали указы, запрещающие шорцам снабжать этими предметами киргизов, джунгаров и др. как путём торговли, так и в виде уплаты дани — алмана.¹ В 1641 г., например, когда шорцы уже в течение нескольких десятков лет находились в составе Русского государства, им предписывалось: „заказать Кузнецкому уезду во всех волостях и улусах... всем ясачным людям, чтоб они, ясачные люди, куяков и шапок железных и копий и рогатин и никакой ратной збруи чёрным и белым калмыкам и киргизским и саянским людям не продавали и на лошади и на скотину не меняли...“ Однако шорцы в то время просили это им разрешить, мотивируя следующим: „Что им ясачным людям куяки и шапки железные и всякую ратную збрую чёрным и белым калмыкам и киргизским и саянским людям (необходимо) продавать и на лошадей менять, тем де мы ясачные люди и живём“².

Традиция производства железных изделий посредством труда данников-киштымов имела у енисейских киргизов большую древность. Как известно из китайских исторических хроник, киргизы платили дань железными изделиями древним тюркам в период господства Тюркского каганата (VI—VIII вв.), а затем снабжали прекрасным железным оружием императорский двор Китая. Оружие это было настолько остро, что могло пронизывать кожу носорога. Наскальные изображения Минусинской котловины сохранили нам облик древних киргиз-

¹ Сборник кн. Хилкова, стр. 193—194. С. В. Бахрушин утверждает: „Непрерывные войны способствовали развитию среди киргизов и тубинцев оружейного дела“ (182). Документами и прочим фактическим материалом это не подтверждается. Напротив, в документах часто говорится, что железные предметы вооружения киргизы получали от своих данников, обычно шорцев.

² Сиб. приказ, кн. № 136, лл. 350—351; С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936, стр. 122.

ских воинов-конников, одетых в броню. Едва ли можно сомневаться, что и в те времена шорцам, как поставщикам высококачественных железных изделий военного назначения енисейским киргизам, принадлежала ведущая роль. Об этом свидетельствует блестящее мастерство шорских кузнецов XVII в., предполагающее большой, накопленный многими поколениями, опыт кузнечного дела.

В отношении религии киргизов имеющиеся данные позволяют утверждать, что они были шаманистами.¹ Хотя прямых указаний на наличие киргизских шаманов не имеется, но сомневаться в этом отношении нет оснований, ибо шаманизм был широко распространён в этой части Сибири не только в XVII в., но и в XVIII—XIX и начале XX столетий. Дошедшие же до нас сведения о некоторых обрядах киргизов лишь подтверждают это. Из них обратим внимание на обряд принесения „шерти“, т. е. клятвы или присяги. В исторических документах имеются довольно точные, хотя и краткие описания обряда, так как русских служилых людей этот вопрос весьма интересовал практически вследствие того, что им приходилось приводить к присяге на верность Русскому государству различные племена и народности. Служилые люди сообщали, что при принесении клятвы енисейские киргизы „рассекали собаку и сквозь неё проходили“². Полную аналогию представляла собой клятва и у якутов в XVII в., которые приносили присягу следующим образом: „шертуют де те князцы по своей вере сами—палмою рассечет собаку на полы и раскинет её на-двое, а сам идёт в тот промежек и землю в те поры в рот мечет, а говорит с толмачём на том шертовании, будет-де он не учнёт государю служить и ясаку платить, и его-де та палма рассекёт также, что ту собаку рассекёт. А больше того шертования нет“³. В этой аналогии, между прочим, лишний раз отражена этногенетическая связь якутов с тюркоязычными народами Саяно-Алтайского нагорья, в частности с енисейскими киргизами, по линии общности древних исторических предков этих народов.

Вместе с тем, клятва на убитой собаке не была единственной формой клятвы у енисейских киргизов. Кроме того „иные с ножа у них хлеб с клятвою ели“, либо, „обещався по своей вере пили золото“. Эта последняя форма клятвы так уточняет-

¹ С. В. Бахрушин полагает, что „в религиозном быту киргизов сохранился первобытный шаманизм с его „наивной магией“ (стр. 183), а также „признаки тотемизма“ (стр. 184).

² ЦГАДА, Мунгальские дела 1616 г., л. 46; С. В. Бахрушин. Ясак в Сибири в XVII в. Сибирские Огни, 1927 г., № 3, стр. 111.

³ Сиб. приказ, стб. № 53, л. 791. См. Бахрушин, там же. Ср. у Бахрушина: киргизский князь Ишей в 1627 г. говорил: „Да о том мы ныне по своей басурманской вере и шертуем, собачью кровь пьём“. Енисейские киргизы, стр. 183.

ся в других описаниях: „Они-де по своей вере шертью скребут золото или медь, да пьют“, либо „налив чашку вина и золота положи“ шерть пьют.¹ Именно так „пили шерть“ киргизские князья алтысарского, исарского и других улусов во главе с Еренаком в 1680 г.² Однако пили не только золото, но и собачью кровь. На это прямо указывают документы. В 1627 г., когда киргизские князья съехались к Кочебаю, чтобы принести шерть русскому царю, они перед отпуском русских послов „убив собаку и выточа кровь тое свежую собачью кровь пили“³. Убитых своих соплеменников киргизы иногда хоронили сожжением. В одной из отписок томского воеводы, датированной началом 1700 г., рассказывается, как после боя с русскими казаками, потерпев поражение, киргизы „побежали врознь лесами и нужными местами, а побитых своих людей тела, бегучи, жгли в сенных стогах“⁴. Обряд погребения покойника сожжением существовал у киргизов и в раннем средневековье, о чём свидетельствуют китайские и мусульманские исторические источники, а также раскопки каменных курганов „чаатасов“ в Минусинской котловине.

Встречаются отдельные указания и на наличие у киргизов „крещёных“, принявших от русских православие.

Несмотря на скудость сведений вообще о культуре енисейских киргизов XVII в., всё же имеются некоторые данные о письменности у них. Киргизские князья пользовались при сношениях с русскими властями того времени письменностью на калмыцком языке. По этому поводу В. В. Бартольд пишет: „В русских архивных делах сохранилось дело о приезде в Москву послѣв Иренака в 1684 г.; там же находится „калмыцкое письмо“ Иренака, в подлиннике и переводе. Есть и другие известия, что киргизы в сношениях с русскими пользовались языком и алфавитом ойратов, хотя сами ойраты часто прибегали к более понятному для русских татарскому языку, иногда даже к персидскому. Русский двор, по исследованию проф. Котвича, только в 1696 г. в первый раз в переписке с ойратами „воспользовался для ответа калмыцким языком вместо татарского“. Письменности на своём языке у киргизов в то время, очевидно, не было“⁵. Добавим к этому, что некогда существовавшая у киргизов (VII—VIII вв.) древнетюркская „руническая“ письменность, о которой сообщали китайские летописцы и памятники которой дошли до нас и изданы, видимо, была совершенно утрачена и забыта. Между тем известно, что памятники упомянутой древнетюркской письменности

¹ Миллер, т. 1, стр. 490.

² Сборник кн. Хилкова, стр. 319.

³ Сиб. приказ, стб. № 886, л. 192. Ср. Бахрушин, стр. 183, 184.

⁴ Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, стр. 19.

⁵ В. В. Бартольд. Киргизы. (Исторический очерк). Фрунзе, 1927, стр. 44

VII—VIII вв. были обнаружены на рр. Чёрном и Белом Июсах, на левом берегу Енисея, на Уйбате, Ташебе, в бассейне Абакана и т. д., т. е. в тех же местах, где мы находим енисейских киргизов в XVII в.¹

Калмыцкая письменность была доступна, конечно, только отдельным лицам из феодальной верхушки киргизов, тесно связанной с монгольскими алтын-ханами или джунгарскими хан-тайши.

Изложенным, пожалуй, исчерпываются сведения о культуре и быте енисейских киргизов, встречающиеся в официальных русских исторических документах XVII в. Эти сведения характеризуют киргизов как типичных кочевников-степняков. Остаётся только добавить, что культура и быт енисейских киргизов в рассматриваемое время не были чужды влияниям культуры некоторых других народов, проникавших сюда различными путями, в том числе и через торговые сношения. Торговые связи енисейских киргизов зафиксированы китайскими и мусульманскими источниками, по крайней мере, для IX—X вв., т. е. для так называемого периода киргизского великодержавья. Киргизы вели тогда караванную торговлю с арабами, тибетцами и карлуками. Раз в три года к ним приходил караван от арабов, состоящий из 20—24 верблюдов, навьюченных узорчатыми шёлковыми тканями. Из рукописи Туманского (X в.) известно, что из страны киргизов вывозились ценные меха, мускус, рог и береста. Китайские хроники повествуют о доставке киргизами превосходного железного оружия императорскому двору Китая. В XVII в. торговые связи енисейских киргизов весьма сократились и изменились, но не исчезли. Посещавшие киргизов бухарские купцы доставляли сюда преимущественно среднеазиатские ткани.² Эти поездки продолжались в районы Саяно-Алтайского нагорья и в XVIII в., когда становится хорошо известным ассортимент среднеазиатских товаров, завозимых в данные районы. Через поездки к Алтын-хану и сношения с монголами, в том числе джунгарами, к киргизам проникали товары китайского производства, также преимущественно ткани. Довольно постоянный и оживлённый обмен и торговлю вели отдельные группы киргизов с русскими, причём от последних киргизы получали не только ткани, в частности сукна, но и огнестрельное оружие и боеприпасы, несмотря на то, что московское правительство запрещало продавать киргизам

¹ С. В. Бахрушин сообщает, что „вместо подписей тубинцы (которых он неправильно относит к киргизам.—Л. П.) пользовались „знаменами“, изображавшими чрезвычайно грубым рисунком предметы вооружения „копье, лук со стрелами, рогатину“. Сиб. приказ, стб. 380, лл. 138—139 об. Енисейские киргизы, стр. 184.

² См., например, Сборник кн. Хилкова, стр. 306; Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, № 2.

военное снаряжение¹. Однако влияние перечисленных выше народов на культуру и быт киргизов, проникавшее через торговлю, касалось главным образом феодальной богатой верхушки. Киргизские князья и их семьи одевались в дорогие одежды, приобретенные через торговлю и, конечно, ценные меха, полученные в дань от своих киштымов. Дорогая соболья шуба супруги князя Номчи, которую у неё отобрали томские воеводы, может дать представление о различии в быте феодальной верхушки киргизов и рядовых кочевников. Наличие у енисейских киргизов каменного городка на Белом Июсе, являвшегося, вероятно, ставкой князей, также показывает, что и в отношении жилища (надо полагать зимнего) среди киргизов были большие различия, определяемые разницей социально-экономического положения. Влияние китайской и монгольской феодальной культуры проявлялось в проникновении, преимущественно в феодальную киргизскую среду, монгольской письменности, феодальной титулатуры и т. п... Вместе с этим можно предполагать, что рядовые киргизы-кочевники, так называемые киргизские „улусные мужики“, испытывали в большей степени влияние русской народной культуры, ибо они почти в течение столетия находились в тесном соприкосновении с русским трудовым народом. Русское мирное население появилось на Енисее уже в самом начале XVII в., ещё до построения Енисейского и Красноярского острогов. В 1616 г. сообщалось царю из Тобольска: „А Енисея де глубока, кораблями ходить по ней мочно же, и река угодна боры и чёрный лес и пашенные места есть, и рыба в той реке всякая, такова ж что и в Волге, и твои государевы сошные и промышленные люди на той реке живут многие“². Правда, русско-киргизские связи чаще носили не мирный, а враждебный характер. Но даже участвуя в организованных киргизскими феодалами грабительских набегах на мирное русское население и получая некоторую долю в добыче, рядовые киргизы-кочевники, конечно, не могли не знать и не заимствовать некоторых элементов русской народной культуры и быта. Русская одежда, предметы домашней утвари, хлебные запасы, средства передвижения и т. п. проникали к киргизам и таким путём. Конечно, и феодальная верхушка киргизов, получавшая львиную долю добычи (особенно скотом и пленниками, отдаваемыми затем за выкуп), ещё в большей степени пользовалась различными материальными ценностями, созданными трудом русских крестьян. Кроме того, находясь в таких русских административных и экономических центрах, как гг. Томск и Красноярск, в аманатах, или приезжая

¹ ДАИ, т. IV, № 108. Ср. Бахрушин: „Заметно также русское влияние, проникавшее в „Киргизскую степь“ через торговлю... От русских же киргизы получали панцыри и хороших боевых коней, у них же приобретались немецкие сукна“, стр. 184 (Сиб. приказ, стб. № 886, л. 176; стб. № 802, лл. 178, 183).

² Русская Историческая Библиотека, т. II, 1875 г., стр. 1050.

сюда для различных переговоров, киргизские князья имели возможность хорошо изучать более высокую русскую культуру и заимствовать из неё те или иные элементы. Русское население городов и острогов, а также сёл и деревень, бóльшей частью было мирным населением. Значительное место в его составе занимали пашенные крестьяне, развивавшие здесь впервые настоящее плужное земледелие. Крестьяне временами специально переселялись в Томский, Енисейский и Красноярский уезды для развития здесь земледелия. В 1632 г., например, по указу царя было ассигновано 1500 рублей на подмогу крестьянам, переселяемым сюда из Верхо-Турского уезда. Предлагалось послать в эти остроги: „100 человек пашенных крестьян добрых, заводных, прожиточных и семьянистых, с меньших же-ребеев лутчих людей, которые пахут наши пашни не больше десятины, а выбрав, велели им дать нашего жалования на подмогу 1000 рублёв, по 10 рублёв человеку“¹.

Но помимо этого, были в истории взаимоотношений русских и енисейских киргизов периоды довольно длительного мирного сосуществования. Так, например, в одном документе сообщается, что после похода на киргизов Ивана Кобыльского (1641 г.) „киргизы и тубинцы были великому государю послушны и Красноярскому от них войны лет с тридцать никакой не было...“². В мирный период отношения между русскими и киргизами, конечно, не прерывались. Возможно, что под прямым влиянием русских крестьян киргизы начали производить посе́вы близ Чулыма. Если в 1616 г. русские источники свидетельствуют, что киргизы „хлеба не сеют“, то, несколько лет спустя, в одном из документов говорится уже „о киргизских пашнях“³. Таким образом, предположение о заимствовании некоторых элементов русской народной культуры и быта кочевниками—енисейскими киргизами имеет под собой серьёзное основание⁴.

Енисейские киргизы жили феодальным строем, с присущими ему особенностями, характерными для азиатских кочевников-скотоводов. Эти особенности, вытекающие из кочевого образа жизни, основанного на разведении и пастбищном содержании

¹ Русск. Историч. Библиотека, т. 8-й, стр. 507.

² Сиб. приказ, стб. № 886, л. 205.

³ Документ № 145, Миллер, т. II, стр. 251.

⁴ С. В. Бахрушин совершенно не учитывал роли мирных связей киргизов с трудовыми русскими слоями населения и преувеличивал значение военного плена. „Очень большому воздействию русской культуры подвергались отдельные киргизы, попадавшие в плен к русским. Как общее правило, их принудительно крестили, и они постепенно русели и приспособлялись к условиям русского хозяйства и русского быта. Многие из новокрещённых „ясырей“ (рабов) оставались холопами у русских людей, но некоторые сохраняли свою свободу, садились на землю и переходили к земледелию, занимались торговлей и даже вступали в число служилых людей“ (стр. 184—185).

стад, как теперь выяснено, заключаются в том, что главное средство производства — кочевья и пастбища обычно находятся в сословной иерархической и наследственной собственности князей, выступающей в родовой форме. Когда князь Тоян предложил московскому царю „в вотчине его в Томи поставить город“, он естественно отразил реальное положение вещей, назвав себя собственником большой территории, на которой он предлагал поставить русский город, отнюдь не думая этим отказаться от своих прав собственника. В предшествовавшем изложении мы видели, какое огромное и первостепенное значение придавали киргизские князья собственности на свои кочевья и пастбища, а также охотничьи ухажья, что наиболее ярко сказалось в период, когда началось включение территории бассейна Чулыма в состав Русского государства. Киргизские феодалы упорно подчёркивали свои права собственников на определённые территории перед русскими воеводами. Что они считались действительно собственниками определённых кочевий и пастбищ, видно также из того, что это было известно и телеутам, в частности, возглавлявшему их князю Коке Абакову. В одной из отписок томским воеводам, датированной 1656 г., говорится: „...приезжали в Киргизскую землю от Коки послы к киргизским князям, чтоб киргизские князцы ево Коку пустили к себе в свою землю киргизскую кочевать¹“... Телеутские князья признавали за киргизскими феодалами собственность на определённые кочевья и пастбища и, прежде чем вступить со своими стадами на территорию киргизов, просили у киргизских феодалов разрешение. Таким образом, рядовые кочевники-скотоводы у киргизов (по выражению русских документов — „улусные мужики“, „улусные люди“ или „чёрные люди“) являлись только собственниками мелкого скотоводческого хозяйства и находились в личной зависимости от князей-феодалов. Они могли кочевать только на территории своего владельца и были обязаны нести ему различные натуральные повинности. Кочевой образ жизни, как и всюду у азиатских кочевников-скотоводов, весьма способствовал сохранению родоплеменного устройства, и рядовые кочевники закреплялись за феодальными владельцами не по личному владельческому признаку, а, как правило, по принадлежности к тому или иному родоплеменному подразделению. Живучесть различных видов родовых отношений и их переплетение с феодальными являются главной особенностью этой ранней формы феодализма, именуемой в нашей историко-этнографической литературе — патриархально-феодальной.

Для феодалов енисейских киргизов XVII в., как и для многих других азиатских феодалов, было характерно наличие у них иноплемённых данников-киштымов из числа различных

---

¹ ААН, ф. 21, оп 4, № 18, лл. 59 об—60, № 35.

по языку и происхождению племён и родов Саяно-Алтайского нагорья и бассейна р. Чулыма, с которых киргизские князья взимали дань, преимущественно ценной пушниной. В русских исторических документах эти данники именуется обычно как „киштымы“, иногда с добавлением „холопи вечные“. Эксплоатация трудящихся, зависимых от киргизов-феодалов, протекала в различных формах. Наиболее характерной из них была эксплуатация киштымов. Киштымы в русских исторических документах относятся определённо к категории „чёрных людей.“ В документе 1616 г. прямо говорится про „чёрных людей“, „ясачных мужиков, а по-киргизски киштымов“¹. В документе, относящемся к концу 30-х годов XVII в., приводятся следующие данные о численности киштымов: „киргизских и маторских и тубинских князцов было с 50 человек, а владельцы князцы государевыми ясачными людьми по 40 человек и больше князец и того будет государевых ясачных людей за теми князцами 2000 человек. Да у киргизского князца у Ченея в Мугальской земле киштымов ясачных людей с 500... А Абраева улуса князец Талай с товарищи владеет государевыми ясачными людьми с 1000 человек...“²

Ещё китайская хроника Танского времени сообщает о богатых киргизах, что они ловили и употребляли на работу зависимых от них данников³. В XVII в. киргизские князья поступали таким же образом. В одном из документов первой половины XVII в. повествуется, что на требование русских служилых людей возвратить ясачных, киргизы ответили, что этого сделать сразу они не могут, так как киштымов своих „взяли для того, что они нужны, а по то де время покамест они справятся, и они де на свои старые урочища отпустят“⁴. Однако более распространённой формой эксплуатации труда киштымов были систематические натуральные поборы с них, преимущественно в виде ценной пушнины и железных изделий. Киргизские феодалы и члены их семей собирали на себя дань со своих киштымов раздельно. Мелеские киштымы киргизов, например, жаловались царю в 1621 г., что киргизские князья приходят к ним „по трижды и по четырежды годом, и с них емлют ясак, и жен и детей за ясак емлют в полон“⁵. В 1647 г. кизыльцы снова жаловались, „что прежде сего киргизские князцы имали с их ясачных людей ясак на трёх князей, сходило с человека по 3 бобра, а ныне де они киргизские люди ем-

¹ ЦГАДА. Монгольские дела, № 126, л. 46. Ср. Бахрушин: „Чёрного человека дети, а не Ишеевы дети“, стр. 187 (Сиб. приказ, стб. № 6, л. 75 об.).

² Сиб. приказ, стб. № 886, лл. 224—245.

³ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1, М—Л., 1950, стр. 354.

⁴ ААН, ф. 21, оп. 4. Списки Томской Архивы № 20.

⁵ Документы №№ 159, 163, Миллер, т. II, стр. 261, 264.

лют со всякого твоего государева ясачного татарина на себя ясаку по осми бобров, кроме соболей; княгиня де Абакай емлет по бобру, Табун по бобру, Бехтень по бобру. Собу Тыхтыкаев сын по 2 бобра, что отец его умер на Москве, Ишеев сын Айкан по бобру, Отоурну по бобру, Яга по бобру, Юмукай по 2 соболя, Абжи по соболю, Изерчевы дети по соболю ж с человека".¹ Далее указывается, что упомянутые киргизские князья „у ясачных людей емлют на себя ясак насильством и их бьют“. В 1663 г. в царском указе упомянута челобитная „киргизского улусного татарина Начикайка“, в которой напоминалось, что после походов Я. Тухачевского на киргизов в начале 40-х годов XVII в., когда была установлена определённая норма уплаты дани и было определено количество киштымов (около 600 человек), обязанных платить киргизам пушниной, кроме ясака русскому царю, „с тех же де киштымов ныне емлют киргизских князей дети и внучата, которые после того времени народилися, на себя сильно сверх того что было имать с тех киштымов отцами их и дедам трём князям... и те де молодые киргизы князцы приезжают к ним киштымам и емлют у них на себя вместо соболей бобры и кони добрые и платье и котлы и жен и детей у них увозят, а правят на них киштымах себе ясак привязав к дереву и стреляют по ним из луков и тем де ясачных людей разоряют..., а ныне де Киргизской земле старые люди померли, и в подростях шатость большая и только бы их скоро войною не смирить и от них чаять большого дурна...“² По мере дробления княжеских киргизских семей тяжесть поборов с киштымов увеличивалась. Вполне понятно поэтому то сочувствие, с каким не только киштымы, но и рядовые кочевники киргизы принимали переход в русское подданство, это избавляло их от многоданничества. Уже первые послы к Алтын-хану, побывавшие у киргизов, говорили: „те де черные люди тому рады ныне, чтоб с них имал ясак один государь, а не князи и они де под государевой рукой быть готовы“³.

Кроме киштымов, киргизские феодалы жестоко эксплуатировали своих крепостных соплеменников „улусных“ людей, а также рабов—„холопей“, как они именуются в исторических документах XVII в. Последние приобретались, вероятно, путём войн и набегов. В одном из документов 1683 г. эти категории людей, зависимых от киргизских князей, перечислены одновременно. В нём говорится, что камасинской землицы, Тинской волости „ясачный татарин Жарган Омчаков сын в извете своём сказал в нынешнем де 201 году, приходили к ним в Камасинскую землю киргизские люди езерского князца Шорлы Мерге-

¹ Сиб. приказ, стб. № 262, лл. 173—174.

² Сиб. приказ, стб. № 709, ч. II, л. 29.

³ Сиб. приказ, Мунгальские дела, № 126, л. 46.

ня улусный человек—Кадын, да холоп ево Шорлов-Тушачак, да киштым ево же—Кемирек с товарищи 12 человек и взяли в свою землю жену его Жаргана с двумя сыновьями и они де взяли у качинцов Кургулова улусу у ясачных татар грабежем 13 котлов, также топоры и тулупы и пимы и лыжи всё побрали¹. Здесь различно названы улусный человек, холоп и киштым. Разница между „холопями“ и „киштымами“, судя по источникам, была в том, что первые были домашними рабами, не имевшими своего хозяйства, жившими и кочевавшими вместе со своими владельцами и непосредственно обслуживавшими рабочей силой их хозяйство. Киштымы же вели собственное хозяйство (как и улусные люди), жили отдельно, обычно управлялись своими князьями, но были обязаны вносить киргизским феодалам натуральные сборы, выполнять по их требованию различные работы и даже участвовать в грабительских набегах феодалов. Что касается общественного и юридического положения тех и других, определяемого обычным неписаным правом, то оно было, пожалуй, одинаково бесправным, и те и другие в одинаковой степени считались полной собственностью владельца. По русским документам известно, что киргизские князья могли забить до смерти своих холопей, как и крепостных улусных людей. Корчун Еренаков, сын знаменитого киргизского феодала Еренака Ишеева, например, однажды „трёх улусных своих людей казнил, Койкану Шерметеву сыну велел отрезать нос и уши, да ему ж за его сына переломить правую ногу“.² Имеется не мало примеров подобного обращения и с киштымами. Киргизский князь Талай, который считал своими киштымами шорцев, поступал с ними следующим образом. По описанию документа 1634 г., „киргизские люди Талай с товарищи в государевых ясачных волостях на Мрасе живут беспрестани и у ясачных де мраских людей емлют всякий живот сильно, а у иного ясачного человека жену и дочь отимет и отдаёт за иного мужика сильно, и им де ясачным людем от них ясачных киргизских людей от Талая с товарищи налога великая, а они де мраские ясачные люди с ними киргизскими людьми говорить не смеют“³. В другом документе повествуется о мучительстве киштымов коттов, к которым в 1691 г. явился „тубинский князец Шандычко 90 человек и скот у них отогнал и котлы и топоры и всякую рухлядь побрали и луки и стрелы отняли... Дубинку Бардамова мучили и руку переломили, у Муйначки Сагалова рассекли голову, у Хохатки Бурдамова убили дочь до смерти, Сенечка ранили копьём, а брата его Шобарка мучили ж“. В дальнейшем изложении, при описании отдельных земель, мы ещё не раз

¹ Сиб. приказ, стб. № 377, л. 21.

² Сиб. приказ, стб. № 1317, л. 24.

³ Документ № 320, Миллер, т. II, стр. 410.

встретимся с подобными свидетельствами документов относительно киргизских киштымов. Отсюда вполне понятно, что как киштымы киргизские, так и их „холопы“ стремились избавиться от гнёта киргизских феодалов. Киштымы получили наилучшую возможность в этом отношении с появлением в Минусинской котловине русских людей. Они принимали русское подданство, включались в состав Русского государства и получали от него не только облегчение своего положения, избавляясь от многоданничества, но и защиту от посягательств на жизнь и от насилий над ними со стороны киргизских феодалов. Само собой разумеется, что защита эта далеко не всегда была реальной или действенной, но с ней вынуждены были считаться, и даже этого опасаться, киргизские феодалы.

Положение холопей было в этом смысле хуже. В соответствии с крепостническими взглядами русских воевод и царя, они признавались личной собственностью киргизских князей, и когда киргизские князья при заключении тех или иных договоров или соглашений с воеводами ставили условия: „а беглых холопей отдавать“, то это условие принималось и даже выполнялось. За киштымов киргизских, ставших ясачными русскими подданными, царские власти заступались и по возможности оберегали их от киргизских притеснителей, а за холопов они не заступались, за исключением тех случаев, когда этот холоп становился крепостным того или иного воеводы или его помощников и принимал православие. Если киргизские улусные люди или холопы были захвачены в плен при военных столкновениях, то они считались „ясырем“ и возвращались только за выкуп. Нечего и говорить о том, что царские воеводы—эти закоренелые крепостники—не только не упустили, но искали всевозможных случаев приобрести „ясырь“, чтобы увеличить количество своих крепостных людей за счёт принудительного крещения взятых в плен киргизских улусных людей. Последние представляли собой соплеменников киргизских феодалов. В социальном отношении улусные люди киргизов не были однородными. Среди них была категория „лутчих людей“, вероятнее всего приближённых феодалов-князей, их дружинники или джигиты. Видимо, такого рода люди в то время у русских именовались „товарищами“. Так позволяют думать многие исторические документы, в которых говорится о том или ином киргизском князе „с товарищи“. Однако среди улусных людей, кроме „лутчих“, были ещё и „чёрные люди“, с которыми киргизские феодалы обращались как с крепостными и холопами, „казнили“ их всякими пытками и мучительством. В связи с этим следует ещё заметить, что термин „князец с товарищи“ широко употреблялся в XVII в. и по отношению к русским ясачным, обычно бывшим киргизским киштымам. В этом случае упомянутый термин означал сородичей взрослых людей

мужского пола, могущих промыслять зверя и являющихся плательщиками ясака.

Наконец, необходимо сказать ещё об одной форме эксплуатации трудового населения (преимущественно киштымов) со стороны киргизских феодалов. Речь идёт о кабальных экономических сделках с отдельными семьями киштымов, о раздаче им в долг скота, войлока, шуб и т. д.

Обратимся снова к историческим документам, в которых такие упоминания далеко не редки. Киргизские феодалы иногда официально обращались к русским влостям за разрешением посещать ясачные волости, мотивируя это тем, что „в ясачные волости им не приходиться не уметь, потому что у них ясачные люди многие, приходя в киргизы, емлют в долг лошади и платье и шубы козлины, и за то им сулят платёж собольми и бобрами; и тех де им долгов сами не приносят, и они де для тех долгов в государевы ясачные волости ходят и долги выбирают, на ком что доведётся, собольми и бобрами; и тем де они (киргизы) платят государю с себя ясак и Алтыновым детям черных калмыков тайшам, а сами де они за соболями и за бобрами зверовать не умеют и не природа им“¹. Московский царь, осведомлённый об этом, давал указы воеводам „говорить киргизским кнезцам, чтобы они долгов не давали и не брали, а потом животы и рухлядь не брали“. Однако киргизские феодалы не желали отказаться от столь прибыльных для них операций, от которых ясачное население изрядно страдало. В ряде документов сообщается, что выколачивание „долгов“ киргизскими князьями с русских ясачных людей сопровождалось насилиями и жестокостями, о чём будет сказано дальше при описании отдельных ясачных земель.

Политическое устройство енисейских киргизов характеризовалось иерархической структурой. Во главе всех киргизов стоял князь, которому подчинялись другие. Но каждый из них, кроме улусных людей, имел и данников-киштымов. Русские казаки, ходившие в качестве послов к Алтын-хану в 1616 г., по пути к последнему приехали „в Киргизы к киргизским князкам к Немеку князю с товарищи“. По сообщению послов „тот у них Немец князь и начальной, и та киргизская земля вся ево, а наперед того была отца ево, да под ним Немеком 2 князка лутчих Номча да Кора“². Князь Немец, как говорилось выше, признал русское подданство в 1609 г., как и князь Номча. Последний, как мы видели выше, признав русское подданство, в то же время вёл борьбу против русского освоения бассейна Чулыма и Минусинской котловины. Князь Кора также активно выступал против русских. Когда киргизам

¹ ААН, ф. 21, оп. 4, №№ 17 и 133.

² Известия Отделения Русского языка и Словесности Акад. Наук, тт. XVIII, кн. 4-я, СПб., 1914, стр. 270.

стало известно, что русские приняли решение в 1621 г. поставить на Чулыме Мелеский острог, князь Кора хотел воспрепятствовать силой. Об этом заранее предупредили русских строителей острога чулымские князцы, но всё же состоялось сражение, в котором Кора потерпел полное поражение и попал в плен. В это время по документам становится известным ещё один „лутчий князец“ киргизов Ишей, сын Номчи.

Иерархическое строение власти у киргизов не ограничивалось тем, что сказано в вышеприведённом сообщении о князьях Немеке, Номче и Коре. Из отписки тобольского воеводы 1609 г., составленной на основании сведений томских казаков, посланных киргизам, мы узнаём, что князь Номча, в свою очередь, стоял выше ряда некоторых других князей, из которых названы Кочербай, Ноян и Кошкой. Эти князцы должны были повиноваться Номче. Однако в вопросе присоединения к русскому государству, в уплате ясака они заняли иную позицию, чем Номча, и поэтому „Номчина жена сказала, что Кочербай с товарищи государю не премят и мужа её Номчи не слушают“.¹ В 40-х годах „лутчим“ и старшим князем киргизов стал Кочербай,² а в 50-х годах—Ишей. Несмотря на наличие среди енисейских киргизов, по крайней мере в первой половине XVII в., „начального князя“, в политическом отношении они были всё же раздроблены и делились, видимо, на два основных улуса, бывших довольно самостоятельными, князья которых имели своих данников-киштымов. Таким собственно киргизским улусом надо считать Езерский или Исарский улус (десары), возглавлявшийся в начале XVII в. князем Немеком, а в конце XVII в. князем Шорло-Мергеном. Кочевья этого улуса как будто бы распространялись до Красноярска, так как современная речка Кача, впадающая слева в Енисей под Красноярском, получившая это русское наименование от имени обитавших там качинцев, у местного тюркоязычного населения, в частности у качинцев, называлась Изыр-су, т. е. езерская река.

Вторым основным киргизским улусом являлся Алтысарский улус, возглавлявшийся князем Номчей, затем его сыном Ишеем и внуком Иренаком или Еренаком. Князья этого улуса имели свои ставки на Белом Июсе, центре киргизской земли. Наконец, принято относить к киргизским ещё один крупный улус Алтырский, население которого во второй половине XVII в. в русских документах называется „верхними киргизами“, по месту своего обитания в районе Уйбата—Абакана—Аскиза, хотя в начале XVII в. алтырцы или Алтырская волость не отожд-

¹ Документ № 69, Миллер, т. 1, стр. 428.

² Ср. у Бахрушина: „В первой половине XVII в. „лучшим киргизским князем был старик Кочербай, который у них в Киргизской земле... старее всех и почитают его“ (1648 г.). При заключении мира в 1627 г. князцы „шерт шертвали“, съехавшись к нему. В качестве посла он говорит в Москве от всей Киргизской земли“, стр. 190.

дествлялись русскими с киргизами, несмотря на то, что и тогда было известно: „алтырцы живут около киргиз блиско“. Очевидно ещё в первой половине XVII в. алтырцы не успели объединиться с алтысарскими киргизами, ибо в 1629 г., например, русские служилые люди, посланные из Красноярска, упрекали киргизских князей: „Да вы же кыргызы держите у себя государевых изменников алтырцев, и они государю изменили и государевых кузнецких казаков побивали, и ясаку с себя не платят, а бегают к вам кыргызам“. Киргизские князья ответили тогда, что этих алтырцев, которые побили кузнецких людей, „отослали в Кузнецк“.¹ Между прочим в памяти местного населения, в частности татар, живших по р. Сыде в начале XVIII в., когда здесь проезжал Мессершмидт, сохранялось воспоминание о том, что алтырцы присоединялись к киргизам, жившим на р. Абакан, и перешли вместе с тубинцами и есарами после войны с Алтын-ханом к джунгарскому контайше. Об этом „Сыдинские татары“, потомки аринцев, рассказывали путешественнику в 1721 г.² Ставка алтырских князей находилась на р. Нине—правом притоке Уйбата. По сообщению Миллера, к алтырцам причислялись керейтцы или керетцы (*Kereiti*)³. Вот эти три крупных улуса енисейских киргизов и составляли, видимо, понятие „всей киргизской земли“, как это вытекает из одного исторического акта, датированного 70-ми гг., „хотят де киргизские люди Алтысарского и Исарского улусов, да с ними же и Алтырского улуса киргизы всею своею землею приходить под острог“⁴. Князья каждого из перечисленных основных киргизских улусов, включая и Алтырский, имели собственных киштымов в виде различных по языку и происхождению мелких родоплеменных групп Минусинской котловины и Саяно-Алтайского нагорья. Алтысарские князья считали своими данниками—киштымами, например, кизилов, басагаров, ачинцев, аргунов, байгулов, шустов и камларов, обитавших в бассейне Чулыма, а также аринцев, ястынцев, тинцев и качинцев, живших близ Красноярска. Алтырские князья киштымами своими называли сагайцев, шорцев, бельтиров, часть саянов и тубинцев. Кроме перечисленных улусов енисейских киргизов, к ним, после выхода работы Н. Н. Козьмина „Хакасы“, принято причислять ещё Тубинский улус. Однако этот улус мы не можем признать за киргизский, как не признавали его своим и сами киргизские князья (Ишей, Табун и Ишенек), которые в 1629 г. говорили красноярцам: „а только де нас государь пожалует и ясаку с нас имать не велит; а велит нам служить, как полным городом татаровя служат, и мы де государю прибыль учиним

¹ Документ № 259, Миллер, т. II, стр. 351—352.

² Журнал Путешествия Мессершмидта, рукопись, стр. 145—146.

³ Миллер. Описание Красноярского уезда, л. 12 об.

⁴ ДАИ, т. VII, № IV.

великую, тубинских и моторских и иные земли подведем многие под государеву высокую руку, с казаками подведём¹. В этом же документе рассказывается, что когда красноярские служилые люди стали жаловаться киргизам на тубинского князя Соита, те отрицали принадлежность его к киргизам или даже зависимость его от них и подчеркнули: „А Соид де князец живет в Кану с своими людьми, а людей де у него ста с три, и нам де ему указывать не уметь“². Тубинские князья, как и алтырские, вступили в коалицию с киргизскими также в середине XVII в., после разгрома Алтын-хана и установления над ними власти джунгарского контайши, что и нашло свое отражение в народной памяти и рассказ о чем был зафиксирован в начале 20-х годов XVIII в. путешественником Мессершмидтом³.

Объединение раздробленных мелких улусов, с присоединением к ним Алтырского и Тубинского, по нашему мнению, было вызвано двумя причинами. Прежде всего к этому побуждала общность интересов князей феодалов, стремившихся воспрепятствовать включению в состав Русского государства территории Минусинской котловины и населяющих ее мелких родоплеменных групп — их киштымов. Именно на этой почве и происходило сближение и сплочение поименованных выше улусов, князья которых предпочитали действовать соединенными усилиями. Второй причиной служило то обстоятельство, что с переходом всех этих раздробленных феодальных улусов под власть джунгарских ханов, интересы управления киргизами со стороны последних также требовали укрупнения и устойчивого деления подвластных им киргизов, тубинцев и их киштымов. Иерархическая родоплеменная структура управления улусным населением, столь характерная для государственных образований азиатских кочевников, была наиболее целесообразной в интересах феодального класса при данном общественном строе. Джунгарский хан сохранял за местными киргизскими и тубинскими феодалами некоторую власть и правление, давая льготы и раздавая различные звания и титулы, принятые у монголов. Взамен этого он делал киргизских князей ответственными за поступление дани и т. д.

После общего очерка об енисейских киргизах необходимо обратиться, хотя бы кратко, к обзору политических событий, связанных с историей енисейских киргизов, с постепенным включением территории Минусинской котловины и её населения в состав Русского государства на протяжении XVII столетия.

В первой четверти XVII в, как и в течение всего XVII в.,

¹ История Сибири, ч. II. Приложение. Документ № 259, Миллер, т. II, стр. 352.

² Там же.

С. В. Бахрушин также считает тубинцев за киргизов. При описании местожительства тубинцев он ошибочно называет Тубу притоком Абакана. (Ук. соч. стр. 177).

енисейские киргизы не были в политическом отношении самостоятельными; несмотря на нежелание киргизских князей войти в состав Русского государства, они всецело зависели политически от небольшого, но довольно сильного феодального государства монголов-кочевников, возникшего в конце XVI в. и получившего в исторической литературе название государства Алтын-ханов¹. Кочевья и ставка Алтын-хана, главы этого государства, находились на территории современной Тувы и, частично, Монголии, в верхнем течении Енисея и в районе озера Упса-нор. Киргизские князья и их киштымы должны были платить Алтын-ханам „алман“ пушниной и скотом, который взимали особые сборщики, приезжавшие к киргизам. Иногда киргизские князья доставляли „алман“ Алтын-хану, совершая поездку через Саянские горы.

Зависимость енисейских киргизов вместе со своими киштымами определялась, видимо, отношениями „албату“, столь характерными для феодализма у монголов.² Алтын-хан мог распоряжаться киргизами как своими крепостными. Насколько далеко простиралась его власть над ними видно из того, что Алтын-хан, принимая у себя русских послов в 1616 г., говорил в их присутствии киргизскому князю Коре, приехавшему сюда с послами в качестве переводчика: „только оне (киргизы—Л. П.) под государевой высокой рукой быти не учнут и ему, государю, служить и прямить не станут и какое дурно над русскими людьми учинят, и он (Алтын-хан—Л. П.) велит их за одново государева человека всех высечь до одново человека“³. Находящийся в положении „албату“ не мог даже откочевать от своего владельца без его разрешения. Это рассматривалось как бегство и каралось феодальным владельцем по усмотрению. В середине XVII в., когда могущество Алтын-хана стало колебаться в борьбе с джунгарскими ханами, киргизы начали проявлять неповиновение. Алтын-хан,—этот потомственный монгольский феодал,—в соответствии с существовавшими в Монголии представлениями, принял срочные меры к наказанию ослушников и совершил на них несколько карательных походов. Так, например, в 1657 г. Алтын-хан предпринял карательную экспедицию на киргизов и тубинцев. Разгромив и разграбив их, он потребовал от красноярских воевод выдачи бежавших туда искать спасения, рассматривая откочёвку киргизов и тубинцев в район Красноярска как бегство своих крепостных.⁴ Известно, что отношения албату—у монголов вменяли в обя-

¹ Н. П. Шастина. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. Советское Востоковедение, VI, Ленинград, 1947.

² Отношения албату у монгол исследованы Б. Я. Владимирцовым. „Общественный строй монголов“, Л., 1934, стр. 159—166.

³ Известия. Отдел. Русс. Языка и Словесности. Академ. Наук, т. XVIII, кн. 4-я, стр. 279.

⁴ ДАИ, т. III, документ № 108.

занность платить натуральные поборы феодалу, нести подводную (гужевую) повинность, участвовать в ополчении владельца, в облавных охотах и т. д. Все эти элементы отношений феодальной зависимости от монгольского Алтын-хана мы находим и у енисейских киргизов. С них требовали и брали поборы пушниной и скотом, взыскиваемые с чрезвычайной жестокостью, брали заложников, заставляли давать провожатых, корм и подводы для проезжающих в их землю послов и т. д.¹ Последнее обстоятельство хорошо отражено почти во всех реляциях русских посольств к Алтын-хану. Албан или алман пушниной Алтын-хан брал соболями и не только на себя, но и на своих родственников. Киргизские князья ещё в 1644 г. говорили русским: „Мы де ево Алтыновы люди и ясак платим Алтыну-царю“. При этом киргизы вместе с качинцами свидетельствовали: „Да емлют с нас Алтыновы люди ясаку на Алтына-царя по 5 соболей с юрты, да на двух алтыновых братьев емлют по соболю с юрты, да с нас же де емлют по 100 лошадей на год“.²

Зависимость киргизов от алтын-ханов стала ослабевать, а затем сменилась полной зависимостью от джунгарских ханов со времени возникновения вражды и борьбы Алтын-хана с джунгарами, которая окончилась во второй половине XVII в. поражением Алтын-хана и падением его государства. Первые попытки джунгарских ханов завладеть киргизами относятся ещё к 20-м годам XVII в., когда известный чоросский тайша Хара-Хула начал борьбу за политическое объединение западных монголов. В эти годы сборщики дани иногда приезжали от Хара-Хулы к киргизам. Временами киргизы оказывались в положении троеданцев. Они свидетельствовали, например, в 1627 г.: „Даём де ясак один государю, а другой ясак Алтын-царю, третий ясак черным калмыкам Кара-куле тайше“³. Однако, в полной зависимости от джунгарских ханов енисейские киргизы оказались только в 60-х годах XVII в., после разгрома джунгарами государства Алтын-ханов.

Как известно, процесс феодальной раздробленности Монголии, достигший к началу XVII в. наибольшей силы, характеризовался также и возникновением в среде некоторых монгольских феодалов объединительных тенденций. Хара-Хула был представителем именно тех феодальных кругов Монголии, в которых идеи объединения монголов находили приверженцев. Он начал борьбу за объединение западных монголов, но натолкнулся на сильное сопротивление ряда монгольских феодалов, и особенно Алтын-хана. Борьба западных монголов, т. е.

¹ ДАИ, т. III, стр. 379—385.

² Сиб. приказ, кн. № 136, л. 753—754. См. С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 47—48.

³ Сиб. приказ, стб. № 886, л. 186.

ойратов или джунгаров (именуемых также калмыками) с Алтын-ханом велась вначале с переменным успехом. Первый из алтын-ханов, основатель этой династии, Шолой Убаши совершил большой поход на ойратов, окончившийся для него неудачно. Это событие нашло отражение в известной исторической песне, опубликованной в монголоведческой литературе.¹ При правлении Шолой Убаши и состоялось первое русское посольство к Алтын-хану, который, будучи владельцем енисейских киргизов, потребовал от них жить в мире с русскими. Алтын-хан ответил на первый приезд русских послов двумя своими посольствами, совершёнными на протяжении трёх ближайших лет. Но достигнув успеха в борьбе с Хара-Хулой, Алтын-хан прекратил сношения с русскими, а киргизские князья, учитывая новую обстановку, открывают агрессивные действия против мирного русского и ясачного населения. В 1621 г. в связи с построением Мелесского острога произошло крупное столкновение с киргизами, в результате которого нападавшие киргизы потерпели серьёзное поражение, а их князь Кара был взят в плен. „И с того бою,—повествует документ,—князька Кару служилые люди прислали в Томский город з женой и з детьми, и в Томском городке Кара жил блиско году да умер.“² В этом же сражении были взяты в плен племянники „лучшего“ киргизского князя Ишея, которых Томский воевода Шаховской „крестил и увез с собой в Москву“, хотя за них предварительно взял с Ишея выкуп. Само собой разумеется, что подобного рода действия корыстолюбивых, жадных до наживы царских воевод только обостряли отношения с киргизскими феодалами. После этого киргизы совершили грабительские набеги на Кузнецкий уезд в 1622 г. и на г. Томск в 1624 г. Для защиты мирного русского и ясачного населения от набегов киргизских феодалов в 1628 г. был построен Красноярский острог, который оказался „у киргизских людей за хребтом“. Это на некоторое время повлияло на уменьшение активности киргизских феодалов в смысле нападения на мирные русские и ясачные селения. Более того, некоторые киргизские князья теперь ищут союза с русскими и в 1629 г. даже предлагают построить на р. Кемчике русский острог для защиты их самих от Алтын-хана³. Однако в следующем 1630 г. енисейские киргизы появляются под Красноярским острогом, громят ясачных подгородных аринов, качинцев и мирных русских жителей, грабят их имущество, убивают, вытаптывают и жгут посева⁴. В том же году тубинский князь Коян и маторский князь Ша-

¹ С. А. Козин. Ойратская историческая песнь о разгроме халхасского Шолой-Убаши хунтайджи в 1587 г. „Советское Востоковедение“, т. IV, 1947.

² Сиб. приказ, стб, № 6, лл. 73—76.

³ Документ № 259, Миллер, т. II, стр. 351.

⁴ Документ № 283, Там же, стр. 374.

желек, в сговоре с киргизами, нападают на Канскую землю и грабят мирных кочевников, забирая всё их скудное имущество до луков, стрел и корнекопалок включительно.¹ Разбойничьи набеги киргизских феодалов на мирное русское и ясачное население становятся частыми и систематическими. Особенно большие опустошительные набеги на Красноярск совершили киргизы в 1634-35 гг., мобилизовав для этой цели ряд своих бывших киштымов. При набегах пострадало много русских крестьян, кроме того, как свидетельствует один из документов, „ясачными людьми киргизы извладели“². В это же время алтырский князь Бехтеней (сын Нояна) совершил нападение на Кузнецкий уезд, в результате которого мирные русские и ясачные люди понесли большой материальный урон.³

Необходимо отметить, что в 30-х годах политическая обстановка в Южной Сибири и Джунгарии изменяется в связи с рядом поражений, которые понёс Алтын-хан в борьбе с ойратами или джунгарами. Положение Алтын-хана настолько осложнилось, что он в 1634 г. принял формально русское подданство. Неудачи в борьбе с джунгарами преследовали Алтын-хана и в последующие 40-е годы XVII в. Одним из косвенных свидетельств этого являются записи в таможенных книгах г. Томска, среди которых фигурируют улусные люди Алтын-хана, проданные джунгарами томским воеводам в крепостные. Приведём несколько выписок из них:

„Июля в 23-й день купил воевода О. Т. Хлопов у Талай-тайшиных же черных калмыков девку 13 лет именем Шундей, волосом руса, бела, румяна, очи кари, Алтынова улуса черных монгол, а дал на ней 10 рублей. Того ж дня купил жилец Иван Гордыдо у тех же черных калмыков Талай-тайшана улуса малого Мурмеятка, волосом черн, шелудив, очи черны, борода рассечена ножом, 8 лет, Алтынова ж улуса черных монгол, а дал за него 9 рублей. Пошлины взято 4 алтына 2 деньги“.

„Июля в 22-й день купил воевода Осип Тимофеевич Хлопов у черных калмыков Талай-тайшана улуса малого 12 лет именем Бидала Таутиева сына, волосом черн, очи черныя ж, на голове, повыше лба, на правой стороне язвина, да на грудях язвина—ж, Алтынова улуса черных мунгал, а дал за него калмыкам 12 рублей“⁴.

Главой джунгаров после смерти Хара-Хулы в 1634 г. стал его сын Батур, который успешно продолжал политику объеди-

¹ Документ № 277, Миллер, т. II, стр. 367.

² Документы №№ 330, 333, 359. Там же, стр. 415, 417, 433, 434.

³ Документы №№ 315, 320, 321. Там же, стр. 407, 410, 411. У В. Бартольда князь Бехтеней ошибочно именуется алтысарским. См. „Киргизы“, стр. 43.

⁴ Оба цитированных документа из „Книги Таможенные Томского города с лошадей пошлин и пошерстной в городе и на Калмыцком торге 155 года (1697) с марта месяца сбор целовальников: Ивана Гордыдо да Федьки Сидорова“. Сибирский Архив, 1915 г., № 4—5, стр. 252.

нения Западно-Монгольского или Джунгарского государства. Киргизский князь Бехтеней в связи с успехами джунгар изменил русским и отдался в полную зависимость джунгарам. Так же поступили и другие киргизские князья. Некоторые из них (например, князь Изеней или Ичженей) породнились с новым джунгарским ханом через какие-то брачные связи. Однако расчёт киргизских феодалов найти в лице джунгарского хана сильного защитника, под покровительством которого они могли бы укрепить своё положение и продолжать удерживать в своей власти и грабить киштымов, а также совершать набеги на русских крестьян, не оправдался. Завладев киргизами, джунгарский контайша Батур, занятый военными делами в Средней Азии, не имел желаний обострять отношения с русским государством. Царское же правительство России предприняло ряд мер для защиты мирного ясачного и русского населения от киргизской агрессии. С 1639 г. организуется несколько походов на киргизов, преимущественно под начальством Я. Тухачевского. Киргизские феодалы, привыкшие совершать вооруженные набеги главным образом на мирное население, при столкновениях с русскими вооружёнными отрядами, несмотря на своё численное превосходство, как правило, терпели поражение. Батур-контайша, занятый борьбой в Средней Азии, не вмешивался в эти дела и ограничивался только переговорами с русскими по этому поводу. Когда к русским попал в плен киргизский князь Изеней или Ишинея, то Батур, например, сделал представление об его освобождении, ссылаясь на родство с ним. Между прочим, на это представление джунгарского хана был приготовлен ответ, в котором после перечислений многочисленных злодеяний Изенея говорилось: „и за то воровство взят он Изен в Томской боем и отдать ево Изеня ему Контайше не доведётся, потому что он природный киргишянин, а не ево контайшин улусный человек“.¹ В этом дипломатическом ответе содержался намёк на необоснованность заступничества джунгарского хана, аргументированного лишь ссылкой на его родство с Ишенеем. Московский царь вовсе не был склонен освободить Ишенея, ибо хорошо знал, какую роль играл этот киргизский феодал в организации агрессивных действий против русского и ясачного населения Томского, Красноярского и Кузнецкого уездов. Победители Ишинея Яков Тухачевский и Иван Кобыльской, будучи вызваны по этому делу в Сибирский приказ, „в допросе сказали: как де они с нашими служилыми людьми наших изменников и непослушников киргизских людей повоевали и к шерти привели и аманатов поймали, и ему Ивану говорили киргизские князцы и улусные люди чтоб из Томсково князца Изеня в киргизы не отпускали, для того, что он в киргизах на всякое дурно завотчик был большой, а только

¹ ААН, ф. 24, оп. 4, № 11, лл. 92 об—103 об, № 69.

де Изеня и с Томсково отпустят, и он де Изень киргиских людей на всякое дурно учнёт приводить по прежнему¹.

В результате ряда успешных походов русских служилых людей, киргизские феодалы, отпавшие от Алтын-хана и не получавшие реальной поддержки джунгарского контайши, снова присягнули на верность московскому государю. В 1641 г. Я. Тухачевский поставил Ачинский острог почти в центре Киргизской земли, в районе р. Белого Июса и близ озера Сызырим, где находилась Ачинская ясачная волость, с той целью, „чтоб тот острог Томскому городу и Кузнецкому, и Красноярскому и Мелесскому острогам и нашим ясачным волостям был к обереганью“².

В те же годы Я. Тухачевский выдвигал предложение поставить ещё острог на Абакане, обосновывая это стратегическими соображениями: „тот де острог будет у киргиз за хребтом вверх по Енисею“. Это предложение не было тогда осуществлено.

В 1648 г. Степан Гречанин, посланный из Томска к алтырскому князю Бехтеню, привёл его „к шерти“, по поводу чего было сообщено, что „киргизские земли князцы Бехтен да Сенжа и все их улусные люди“ шертовали.³

Вскоре после описанных событий наступил довольно длительный период затишья в конфликтах между енисейскими киргизами и русскими. Именно к характеристике этого периода относится документ, частично цитированный выше, в котором говорится, что „киргизы и тубинцы были великому государю послушны и Красноярскому от них войны лет с тридцать не было и ясашные люди тубинские киштымы и моторцы и уштерцы, алахамы, байкотовцы, яринцы, бохтинцы и Ебагатова улусу алытцы, бугусы, Хайтоны великому государю ясак платили по все годы“⁴,

В конце 40-х годов монгольский Алтын-хан Омбо Эрдени ищет поддержки у правящей Маньчжурской или Дайцинской династии Китая и становится вассалом китайского императора.

Алтын-хан, оправившийся от поражений и не опасющийся теперь джунгаров, воевавших в Средней Азии, решил восстановить свои владельческие права на енисейских киргизов. В 1652 г., преследуя племянника Мерген-Тайшу, появившись из-за Саянского хребта со своим сыном и наследником Лоджаном, он напал на киргизов и произвёл среди них настоящий разгром. В русском документе по этому поводу говорится: „И киргизских и Тубинских всех лучших князцов поймал Алтын-царь к себе сильно, семдесят человек, и его Алтыновы

¹ ААН, ф. 24, оп. 4, № 11, лл. 92 об.—103 об, № 69.

² ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 522—523 об, № 268.

³ Там же.

⁴ Сиб. приказ, стб. № 886, л. 205. Этот важный документ С. В. Бахрушиным не приводится.

люди у Киргиз и у Тубинцев и у всех иноземцев кони и скот отгоняют, и животы их на лабазах грабят и из земли выкапывают“, киргизы и тубинцы и их киштымы „разбежались в дальние места, в Камень и в черные леса“¹. Часть киргизских князей ушла на Белый Июс и укрылась в каменном городке, обратившись за помощью в Красноярск. Из Красноярска к Алтын-хану выехал для переговоров посланец, который потребовал от Алтын-хана возвратиться за Саяны и пригрозил выступлением против него русских военных отрядов, если он не уйдёт добровольно. Алтын-хан заявил, что его появление здесь продиктовано необходимостью представить подвластным ему киргизам своего наследника Лоджана или Лубсана, как их нового владельца, которому Алтын-хан намерен передать правление своим государством ввиду наступившей старости. После этого Алтын-хан удалился к себе за Саяны, а сын его вскоре стал именоваться Алтын-ханом. Поход Алтын-хана на енисейских киргизов и тубинцев был столь разорительным и возможность повторения его была настолько реальной, что всё это вместе взятое побудило киргизов и тубинцев обратиться в 1653 г. к царю Алексею Михайловичу с просьбой поставить острог „в Тубинской земле на мунгальских и на колмацких сакмах и на переходах“². Точнее же речь шла о постройке острога „на Усть-Упсы реки на урочище Тагыре“³. При этом указывалось: „а только де государь их не пожалует в устье реки Упсы на урочище Тагыре острог поставить не укажет им де от мунгальских царей и ото всяких воинских людей беспрестанно быть войне в разоренье и в бегах ежегодно“.

В 1655 г. племянник Алтын-хана Мерген-тайша, враждовавший со своим дядей, будучи в затруднительном положении, также обращался к царю Алексею Михайловичу с предложением подданства, о разрешении ему кочевать на „государевой земле по сю сторону Саянского Камени по край киргизские и тубинские земли по Абакану и Енисею реках“. Кроме того, он просил „на мугалском переходе, на том месте, где ему кочевать на Усть-Упсы или Тагыра речек поставить острожек“⁴. Но и на этот раз построение острога в центре Тубинской земли не было осуществлено.⁵

¹ ДАИ, т. III. № 108.

² Документ № 475. Миллер, т. II, стр. 536.

³ Сиб. приказ, стб. № 380, л. 24.

⁴ Сиб. приказ, стб. № 513, л. 36.

⁵ С. Бахрушин даёт этому такое объяснение. „В Москве ещё не ринались ссориться с Алтын-ханом. Было предписано „того тайшу отговаривать всякими мерами, что то место, где он хочет кочевать, дальное, и служилым людям хлеба возить далече и нельзя за дальным путём, а крестьян в пашню строить и привести нельзя ж, и он бы кочевал на старых своих кочевьях“. Пока тянулись переговоры, Мерген-тайша был захвачен в плен Лауцзаном, и вопрос отпал“ (стр. 208.).

Новый Алтын-хан не считал себя связанным признанием русского подданства, о чём он неоднократно заявлял русским послам. Осенью 1656 г. Лоджан появился снова среди киргизов „с воинскими людьми с семью тысячами безвестно“ и стал на речке Ирбе, правом притоке Тубы-Упсы, близ Красноярска.¹ Он снова подверг сильнейшему погрому и грабежу киргизов и тубинцев и взял у них аманатов. Часть тубинских князцов откочевала к Красноярску, ища спасения и защиты у русских. Лоджан потребовал их выдачи. Красноярский воевода отправил к нему посланца Родиона Кольцова, который напомнил ему о присяге отца и потребовал уйти из государевой земли. На это Лоджан с раздражением ответил: „какая де земля вашего государя, земля де извеку наша, а киргизы де и тубинцы и алтырцы и керетцы и с киштымами вечные наши киштымы, а не вашего государя, ... а я де пришёл собою на свою землю и сойду собою. А то де, что збираем подати большие и запросы и ясак и то де мне волно у своих киштымов хотя всё взяти хотя и пощадит“².

Лоджан вскоре ушёл к себе за Саяны, так как в это время умер его отец. Местное население настолько страдало от неспокойной политической обстановки на юге Сибири, что видело своё спасение в постройке острога на Упсе. В 1662 г. в Москву приезжал „Киргизской земли улусный татарин Начикайко с сыном“³, который также ходатайствовал о поставлении острога на Упсе реке. Но в Москве и на этот раз воздержались удовлетворить просьбу, полагая, что это может осложнить политическую обстановку в Минусинской котловине.

Политическое и военное положение Алтын-хана в начале 60-х годов ухудшилось. Втянутый в монгольские междоусобия, он то и дело испытывал серьёзные затруднения. В этих условиях Лоджан резко изменил своё отношение к русскому государству. Он сам стал искать сближения с русскими, надеясь этим укрепить своё политическое положение и обеспечить себе реальную помощь. От дипломатической позиции, преисполненной чувством собственного достоинства и уверенности в своих силах и не лишённой в обращении с русскими послами высокомерия, которую занимал Лоджан при приезде к нему Родиона Кольцова, не осталось и следа. Теперь уже Алтын-хан по-иному относился к вопросу о принятии русского подданства и уже не восклицал с возмущением: „Когда

¹ Сиб. приказ, стб. № 513, л. 19.

² Сиб. приказ, стб. № 513, л. 42. У Бахрушина приведены ещё следующие слова Алтын-хана Лоджана: „Как де Красноярский острог был не поставлен и до тех мест киргизские и тубинские князцы и киштымы и качинцы все были отца и деда его Лоджановы“, и они „имавали с них ясак“ (стр. 193). Здесь кроется указание, что киргизы платили ясак алтын-ханам ещё в конце XVI в., т. е. при деде Лоджана—первом Алтын-хане.

³ Сиб. приказ, стб. № 802, ч. 1, л. 188.

де царь царю бывает в подданстве"¹. Алтын-хан всё чаще и настойчивее просит русских посланцев о постройке русского острога на Абакане или Упсе. В 1662 г. Лоджан, воспользовавшись приездом к нему томского сына боярского Петра Лаврова, отправил с ним своих послов в Москву, которые заявили, что „он Лаузан обещался у великого государя у его царского величества быть в вечном холопстве так же, что и отец его по смерть живота“. При этом послы Алтын-хана сообщили: „была де война у царя их у Лаузана Хонтайши с семью кочевными государствами“².

Осенью 1663 г. Алтын-хан Лоджан, возобновивший военные действия с ойратами-джунгарами, снова перевалил Саяны и появился в Минусинской котловине. На этот раз киргизы и тубинцы подверглись ещё большому погрому. В отписке Красноярского воеводы 1664 г. об этом говорится достаточно подробно. Алтын-хан потребовал от киргизских, тубинских, алтырских и керетских князцов лошадей, коров, овец, начал собирать в алман соболей и бобров, грабить имущество и пищевые запасы, вплоть до заготовленных корней сараны. Рядовых кочевников и киштымов он „раздал мунгальским своим людям в холопи с женами и с детьми и со всеми животы“. Некоторые из них, как обычно в таких случаях, разбежались „в Камень и в черные леса“. Другие, как, например, киргизские и тубинские князцы (Итпола Медечин, Арыкпай Тюленев и др.) откочевали со своими семьями и улусными людьми, со скотом и прочим имуществом под Красноярск под защиту русских властей, и таким образом им удалось спастись. В этот раз безудержный грабёж вызвал среди местного ясачного населения голод, и в зиму 1663-64 гг., как сообщается в отписке, „от голоду померло больше 100 человек, а с женами и с детьми человек с 300 и та де киргизская, государь, земля запустела“³. Возвращаясь к себе за Саяны летом 1664 г., Алтын-хан увёл с собой многих пленных киргизов и ясачных людей вместе с семьями⁴. Потомки этих уведённых киргизов до настоящего времени живут среди тувинцев, полностью с ними слившись в отношении языка, культуры и быта, но сохранили своё наименование „кыргыз“. В начале XX в. они кочевали по Саянам, между Саянами и Танну-Олой и на южных склонах по Танну-Олы⁵.

Вскоре же после указанного возвращения Алтын-хана из-за Саян к нему прибыло очередное русское посольство, воз-

¹ Сиб. приказ, стб., № 513, л. 42.

² Сиб. приказ, стб. № 1469, л. 24.

³ Сиб. приказ, стб. № 380, лл. 70—76.

⁴ Сиб. приказ, стб. № 380, л. 79.

⁵ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, стр. 285; В. И. Дулов, Пережитки общинно-родового строя у тувинцев в XIX—начале XX века. Советская этнография, 1951, № 4, стр. 60.

главленное Зиновием Литосом. В статейном списке посла говорится: „А мне Зиновию с товарищи говорил (Алтын-хан, — Л. П.), чтоб великий государь изволил на Абакане реке поставить острог“¹.

Между тем, политическая обстановка в Монголии и на юге Сибири в описываемое время осложнилась. В Монголии и среди ойратов после смерти Батура начались распри и междоусобица. К этому добавлялась ещё борьба Алтын-хана с рядом монгольских тайш и с ойратами. Алтын-хан продолжает ориентироваться на сближение с русскими и рассчитывает получить от них прямую помощь и защиту от своих врагов. Во время посольства к нему Романа Старкова в 1665-66 гг. Алтын-хан снова просит о постройке русского острога на устье р. Упсы-Тубы, где он желал бы „прибегать на время летним временем от неприятелей“². Вскоре после отъезда русских послов, осенью того же 1666 г., Алтын-хану действительно пришлось воспользоваться намеченным убежищем. Теснимый своими врагами, он появился в Тубинской земле на р. Упсе, где „стал со всеми своими людьми и с кочевьи“³. Тубинские князья, их киштымы и жившие поблизости ясачные люди, конечно, разбежались от него „в Камень и в чёрные леса“³. Алтын-хан Лоджан обратился к Томским и Красноярским воеводам, прося помощи и быстрой постройки острога. Заботясь об обороне, Лоджан начал строить укрепление близ устья р. Сизой (правый приток Енисея) в 10 км. выше деревни Означенной⁴. Однако, эти меры не помогли ему. Летом 1667 г. его взял в плен ойратский тайши Сенга (сын Батура). Пленение сопровождалось полным разгромом его вооружённых отрядов, причём в плен попали также „тысячи две лутчих ближних ево людей“. Самого Лоджана Сенга подверг унижению: „велел руку правую по завить отсечь и собачья мяса Лоджану велел в рот класть“⁵.

Однако, среди самих ойратов продолжались междоусобицы. В этой обстановке некоторые тайши в 1666 г. искали сближения с Москвой и дали согласие быть „под царскою величества высокою рукою в подданстве“⁶. Они просили разрешить их

¹ Сиб. приказ, стб. № 610, л. 27.

² Сиб. приказ, стб. № 1469, (Статейный список Р. Старкова), л. 71.

³ ДАИ, т. V, стр. 93.

⁴ По Миллеру: „следы древних укреплений были найдены в Саянских горах примерно в 20 верстах от их северного подножья, на восточном берегу Енисея, несколько выше устья впадающей с востока р. Голубой (впадает в Енисей в 4 км выше р. Сизой, — Л. П.). Укрепление лежит на низком месте под горой и имеет вид полумесяца, обращённого к реке. Сохранилось предание, что укрепление было построено для своей защиты ханом Лозаном, когда его преследовал калмыцкий Бохту-хан до этих мест Саянского хребта, вследствие чего это место называется Лозанова осада (Описание Красноярского уезда, л. 12).

⁵ Н. П. Шастина, указ. соч., стр. 393.

⁶ „Исторические акты XVII столетия“, т. I, Томск, 1890, стр. 25.

улусным людям приходиться торговать в Томск, а сами предлагали русским купцам торговать у них „поволною торговлей“.

Тайша Сенга был убит своими братьями. В 1671 г. ойратов возглавил его брат Галдан, воспитывавшийся в Тибете у Далай Ламы и носивший титул Бошокту (благословенный). Галдан успешно развивал политику создания общемонгольского государства. Он вмешался в междоусобия между халхасскими феодалами Дзасакту-ханом и Тушету-ханами, разбил халхасов и подчинил себе почти всю Монголию, за исключением её восточной части, которая была в 1688 г. присоединена к Китаю, правящей в нём Маньчжурской династией. Государство Алтын-ханов в начале 80-х годов прекращает своё существование в результате нового вмешательства Алтын-хана в междоусобную войну западно-монгольских князей. Сам Алтын-хан, после вторичного пленения его в 1682 г., на этот раз Дзасакту-ханом, и бегства к Галдану, после различных скитаний, появляется в Китае, где заканчивает свою жизнь, будучи в свите китайского императора¹. Киргизы теперь попадают в полную и безусловную зависимость от Джунгарского хана, а их князья превращаются в его послушных чиновников.

Прежде чем охарактеризовать зависимость киргизов от джунгарских ханов, необходимо коснуться вопроса о политике феодальной верхушки енисейских киргизов по отношению к Русскому государству за рассматриваемый период. В середине 60-х годов, вскоре после того, как наблюдательные русские служилые люди отметили, что среди енисейских киргизов „подросло много молодых людей, и умами не искрелчали, и впредь де от них чають шатости большие“², на сцену политической жизни выходит сын Ишея и внук Номчи алтызарский князь Иренак (Еренак, Ереначка. См. русские документы второй половины XVII в.), который в течение 20 лет жёг и грабил мирные русские и ясачные селения, убивал мирных жителей и уводил их в плен, вытапывал и сжигал посева, заготовленное сено и т. д.

Иренак был наиболее ярким выразителем разбойничьей идеологии и практики степняка-феодала, стремившегося к монопольному и безраздельному господству над киштымами, отдававшего свою выдающуюся энергию организации грабительских походов. Иренак всё время держал курс на полное подчинение енисейских киргизов джунгарским ханам. Уже в 1666 г. стало известно, что „вор Еренак умыслил с своими улусными людьми, развоевав Красноярских и Енисейских и Томских ясашных людей, хочет отъехать в Чёрные калмаки, а на своей Кирги-

¹ Н. П. Шастина, указ. соч., стр. 394—395.

² ДАИ, т. III, стр. 383. Ср. „в Киргизской де земле старые люди померли, а в подрослых учало быть шатости большие и от них чають большого дурна“. Сиб. приказ, стб. № 801, ч. 1, л. 191.

ской земле жити не хочет¹. Видимо, в порядке осуществления этого плана Иренак в этом же году „собрався пошел громить государевых красноярских, и удинских, и Енисейских, сагайских ясачных людей, а собралось с ним воров человек с триста и больше, а идучи Канскую ясашную же землю погромил, он тубинских кнезцов и взял кочевье их, с женами и с детьми, и с конями и с рогатым скотом, и отпустил в киргизы, на свою киргизскую землю“². Осенью 1666 г., когда Алтын-хан Лоджан вынужден был откочевать на Упсу, опасаясь джунгаров, Иренак установил хорошие отношения с ним, хотя в это время томские воеводы, с которыми Лоджан вёл переговоры о помощи, требовали выдачи Иренака, как изменника и врага русских. После же победы тайши Сенги над Алтын-ханом в 1667 г. Иренак нашёл выгодным передаться джунгарам, в то время как некоторые киргизские и тубинские князья искали защиты у Красноярска. О подчинении Иренака джунгарам писал в Москву Красноярский воевода А. Сумароков в 1667 г., сообщая, что Иренак передался „в холопство“ к калмыцкому Сенге-тайше со всею землею Киргизскою и Тубинскою. Более того, киргизский князь потребовал от Красноярского воеводы, чтобы русские ясачные качинцы и аринцы платили теперь дань джунгарам и в случае отказа угрожал совершить на Красноярск поход совместно с калмыками, тубинцами и алтырцами.³ И действительно, в 1667 г. джунгары и киргизы осадили Красноярск, причём в осаде участвовал и Сенга-тайши, несмотря на заключённое им соглашение с Москвой. Гарнизону Красноярска удалось отстоять город, хотя потери людьми и были значительны. Но многие мирные сёла и деревни Красноярского уезда были сожжены, скот у них отогнан и взяты пленные. Одновременно Иренак развернул большую деятельность по организации среди ясачного населения „отпадения“ от русского подданства, действуя на местных князцов посулами, угрозами и используя недовольство многих из них взаимоотношениями с русскими воеводами Красноярска, Томска и др. городов. Не желавшим подчиниться его требованиям выступить против русских или откочевать к нему „в Киргизы“, Иренак посылал „стрелы с грозами“⁴, т. е. предупреждения, что они будут разгромлены, причём стрела в руках посланцев Иренака означала, что предстоит вооружённый поход. В Москве в Сибирском приказе было заведено специальное дело 1673—76 гг. об измене ясачных Красноярского уезда, вызванной енисейскими киргизами⁵. Об этих выступлениях князцов

¹ ДАИ, т. V, стр. 43.

² ДАИ, т. V, стр. 41.

³ Сиб. приказ, стб. № 380, л. 63.

⁴ ДАИ, т. V, стр. 420.

⁵ Н. Оглоблин, Обзорение столбцов Сибирского приказа, ч. III, Москва, 1895, стр. 39.

русских ясачных людей говорится в последующей главе, характеризующей ясачные земли XVII в. Красноярского, Томского и Кузнецкого уездов.

Таким образом, с именем и деятельностью алтысарского князя Иренака связан период наиболее активной агрессивной деятельности феодальной верхушки енисейских киргизов, в течение которого был нанесён наибольший ущерб жизни, имуществу и благополучию мирного русского местного и ясачного населения. Киргизы грабили даже русские кладбища, где добывали „погребные животы“ в виде крестов, перстней, серёг, одежды и полотна¹.

В 1671 г. Иренак снова требовал от Красноярского воеводы ясак с качинцев и аринцев, действуя уже от имени джунгарского контайши Галдана. В 1673-74 гг. он совершил грабительские походы на Енисейский и Томский уезды, во время которых киргизы, не сумев взять приступом, сожгли Ачинский острог², который был выстроен вновь только в 1683 г. уже на берегу Чулыма, на месте современного Ачинска. Небольшой русский гарнизон Ачинска вынужден был покинуть острог и отступить. В донесении об этом участники обороны острога сообщали, что когда острог был подождён, они „в другой конец из острогу к полю выбежали, и Божье милосердые, Спасов образ и государеву казну, пушки и пушечные снаряды и зелье с собой из острогу вынесли, а медную посуду, котел и безмен, да пешню, да две теслы и насеку преж того спрятали в остроге в землю, пушки и пушечные снаряды и зелье спрятали на лугу в землю, и прятали де мы всяк по своим местам, порознь, а Спасов образ, Божье милосердые и книги принесли с собой в Мелеской острог“³. В этом красочном сообщении, возможно, не всё соответствует действительности, ибо пушки ачинские всё-таки оказались в руках Иренака и были им возвращены только в 1680 г., причём в обгорелом виде: „железная пушка огорела и изогнулась дугой, а у медной пушки дуло сгорело, и к стрельбе те пушки не годятся“⁴.

Агрессивные действия киргизов вызвали ответную меру со стороны царского правительства России, которое в 1673 и 1674 гг. принимает решение открыть военные действия против енисейских киргизов. Этим было положено начало последнему и кратковременному периоду истории енисейских киргизов XVII в., который закончился уводом их в Джунгарию в 1703 г.

В Сибирских городах Томского, Енисейского, Красноярского и Кузнецкого уездов начались приготовления к военному отпору

¹ Сиб. приказ, стб. № 715—716, л. 35.

² ДАИ, т. VI, № 23.

³ А. А. Ярилов. Кызыльцы и их хозяйство. Юрьев, 1899, стр. 4.

⁴ Статейный список похода Р. Старова и И. Гречанина с служилыми людьми в Киргизскую землю. Сборник кн. Хилкова, Петербург, 1879, Документ № 100.

агрессии киргизских феодалов. Приняты были меры и к укреплению и к усилению обороны этих городов. Было признано целесообразным осуществить также старый замысел о постройке в 1675 г. острога близ устья Абакана. Однако сделать это не удалось, так как Иренак с киргизами и алтырцами оказал достаточно сильное сопротивление¹. Затем Иренак оказался втянутым на несколько лет (до конца 70-х годов) в джунгарские дела. Он теперь не только часто отлучается из своих кочевий, но, видимо, вследствие этого меняет тактику по отношению к русским и ведёт переговоры о мире. В 1678 г. русские послы побывали у Иренака и заключили соглашение о мире. В том же году, по инициативе Алтын-хана, к нему было отправлено из Томска русское посольство, возглавленное Степаном Тупальским. Это было последнее русское посольство к Алтын-хану. В это время Алтын-хан кочевал сравнительно недалеко от Красноярска, за Удинским острогом, в верхнем течении р. Оки (приток Ангары). Алтын-хан в этот раз снова принёс присягу на подданство русскому царю. В статейном списке посла рассказывается: „И за всех своих улусных людей взяв книгу сам Лоджан алтын царь и воздев на небо руки и детям своим и всем ейзаном и улусным людем тако ж велел руки поднять к небу как и сам по лицу своему потирал и ногти лизал и детям своим велел тако ж“². Во время переговоров Алтын-хан предлагал повоевать киргизов и снова возбуждал старый вопрос о постройке русского острога, имея ввиду, конечно, цели собственной обороны. Он говорил послам: „зачем де не изволит великий государь киргиз воевать и мне б де изволил великий государь с своими улусными людьми их воров воевать вместе, а повоевав их, острог в киргисах поставить и пашни пахать, а мне б де острог великого государя и русские люди оберегать от калмыцких людей“³.

И на этот раз просьба Алтын-хана о постройке русского острога не была удовлетворена, как не принято было и его предложение „повоевать киргиз“. Правительство Русского государства в то время по отношению к киргизам продолжало по возможности придерживаться мирной политики, стремилось избежать военных действий, вследствие чего и было достигнуто с Иренаком в 1678 г. соглашение о мире.

Однако уже в 1679 г. Иренак нарушил соглашение и вновь грабил Красноярский уезд. Он сжёг около двух десятков русских деревень, сжёг и вытоптал на полях хлеб, сжёг заготовленное крестьянами сено, угнал скот. В том же году киргизы под начальством Шандыка наступали на Томск, но были разбиты, а князец Шандык был убит в бою и его голова была

¹ ДАИ, т. VII, док. № 72.

² Сиб. приказ, стб. № 709, ч. II, л. 387.

³ Сиб. приказ, стб. № 709, ч. II, л. 389.

доставлена в Томск.¹ В ответ на это в 1680 г. из Томска был предпринят большой поход на киргизов русских служилых людей под начальством Романа Старова и Ивана Гречанинова, в котором участвовало более тысячи томских и кузнецких „ратных людей“, чатские татары, телеуты. Кроме того, к отряду должны были примкнуть красноярские и енисейские служилые люди. Место встречи было определено: „по край Киргиской земли на Белоозере, вниз речки Сереси на усть речки Тереклююл“.² Дошедший до нас „Статейный список“ содержит довольно подробное описание похода. Несмотря на то, что главный отряд русских служилых людей не смог сразу соединиться с красноярцами и енисейцами, которые подошли позже в количестве около 600 человек, он дал бой енисейским киргизам и разбил их. Киргизы предложили переговоры о мире. Р. Старов принял предложение и посланцы Иренака, в том числе его брат Мунзачко, заявили, что мы „ратным людям противны быть не хотим“ и просили пожаловать их принятием под царскую „высокую руку в вечное холопство“. При этом киргизские князья признали все свои „вины“ и выражали готовность не только принести „шерть“ на верность, но и вернуть ачинские пушки и красноярских русских полоняников. Принятие присяги было назначено на 10 февраля в открытом поле. Русские полки стояли в боевой готовности и с артиллерией. Иренак с несколькими князьями, среди которых были алтырские, езерские, тубинские и др., подъехал к Старову. „Иреначко и товарищи слезли с коней и малахай сняли“. Но сразу же произошел инцидент, который послужил причиной прекращения переговоров. Иренак „выговорил про столника и воеводу князь Петра Лукияновича Лвова невежливое слово“. Оскорбившись за томского воеводу, его посланцы и военачальники прервали переговоры, которые возобновились на следующий день, когда Иренак принёс извинение, признав, что „вчера выговорил про воеводу невежливое слово“. Шертовал в этот раз не только Иренак, но и ряд других князей алтырских, езерских, тубинских. Среди них уже были князья, носившие джунгарские, монгольские титулы; например, Иниркачко Тарган Ейзан или тайша Мерген. Приняв присягу и дав заверения удовлетворить предъявленные к нему требования, Иренак на следующий же день их нарушил, что вызвало новое вооружённое столкновение и новое поражение Иренака, который только после этого выполнил ряд условий, принятых им при принесении „шерти“. В результате этого похода было получе-

¹ ДАИТ, т. VIII, № 15; Памятники Сибирской Истории XVIII столетия, кн. 1, стр. 12.

² Сборник кн. Хилкова, стр. 308—309. Речка Тереклююл впадает в Большой Кемчук (правый приток Чулыма). В начале XVIII в. отсюда начинался Томский уезд по рр. Кемчуку и Чулыму. На устье этой речки был в 1722 г. Мессершмидт, который упоминает её в своем дневнике.

но по существу лишь формальное признание Иренаком русского подданства, которому он сам не придавал особенного значения и сделал это в целях избежания полного разгрома, что ему и удалось. Иренак и не думал освободиться от зависимости джунгарского контайши Галдана и во время переговоров со Старовым откровенно заявил: „я де Ереначко готов за великого государя биться, и в города весть подавать, кроме того, куды де пойдёт Кеген-тайша; а об Кегене де весть не подам“. Когда пошла речь о возвращении под Красноярск, взятых силой киргизами качинцев и аринцев, то Иренак ответил: „Качинцов де и Аринцов велели Ереначку взять с Красново Яру Кеген-тайша; и о том де мы пошлём к нему послов, и чтоб де, по указу великого государя, воевода из Томского и Кегеню-тайше послал же. И только де Кегень-тайша не велит их нам держать, и мы де их всех отпустим попрежнему на Красный Яр“. Представляет интерес ещё один пункт этих переговоров, не отражённый в опубликованном Статейном списке похода Р. Старова, но о котором мы узнаём из другого документа. Здесь на Июсе шёл разговор и о территориальной границе между русскими владениями и кочевьями киргизов. Этой границей были признаны реки Белый и Черный Июсы „по сю сторону Июсов“, т. е. по северную, прилегающую к Томску, была русская земля, а по другую „Киргизские кочевья“.¹

Царское правительство не могло, конечно, удовлетвориться такими результатами описанного похода на енисейских киргизов. Поэтому оно предписывает организовать новый поход на Иренака, уже под начальством Ивана Суворова из Тобольска. И Суворов сначала прибыл в Томск, где усилил свой отряд за счёт томских, а затем и кузнецких ратных людей и летом того же года отправился на киргизов. Поход этот был явно неудачным, ибо И. Суворов потерпел поражение и отступил к Томску, потеряв значительное количество воинов.²

В 1684 г. Иренак шлёт с письмом (на калмыцком языке) своих послов в Москву для переговоров об упорядочении своих отношений с русскими, но одновременно продолжает совершать грабительские набеги на Томский, Красноярский и Енисейский уезды. Однако вскоре после этого его имя исчезает из русских документов того времени, что позволяет предположить, что Иренак в середине 80-х годов умер.

Некоторые исследователи пытались изобразить набеги, грабежи и насилия Иренака, его предшественников и последователей, как „борьбу за независимость“.³ Подобное определение

¹ Сиб. приказ, стб. № 1052, л. 106 и 127.

² Там же, л. 545; см. также ДАИ, т. X., стр. 360—361.

³ См., например, ряд работ Н. Козьмина: „Князь Иренак“, Сибирские Записки, 1916 г., № 1 (Красноярск), его же книгу „Хакасы“, Иркутск, 1925 г. и др.; В. Бартольд, Киргизы, стр. 41; А. Н. Бернштам. Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942 г. и др.

деятельности киргизских князей XVII в. далеко от действительности. Иренак не боролся, например, с джунгарскими ханами, от которых, как увидим дальше, киргизы действительно были зависимы, ибо джунгарские ханы вмешивались во внутренние дела киргизов, в их взаимоотношения с русскими, помимо того, что брали с киргизов албан. Такую борьбу можно было бы назвать борьбой за независимость. Иренак же нападал на мирные русские пригородные селения и ясачное население, которое никак ему и ничем не угрожало. Иренак со своими подданными-киргизами не был стеснён также и в кочевьях. Ему вполне хватало пастбищ. Земельные территории, находившиеся под его контролем, были велики и обширны. Русские власти не строили здесь селений или острогов даже для защиты ясачного населения, которое нуждалось в такой защите. Русские военные отряды не нападали на Иренака первыми. Царское правительство, напротив, инструктировало из Москвы своих воевод не осложнять отношений с киргизскими князьями, призывать их под покровительство русского государства „ласкою, а не жесточью“. Правда, эти распоряжения далеко не всегда выполнялись. Высшая военная верхушка в воеводствах или уездах извлекала из конфликтов с киргизами выгоду, посылая ответные военные экспедиции, доставлявшие ей трофеи и пленных (ясырь), которые реализовались этой верхушкой. Но не в этом таилась причина агрессивных действий киргизских князей. Её тем более нельзя искать в среде широких трудовых слоёв русского народа, проживавшего в Южной Сибири. Рядовое русское население, жившее в Красноярском и других уездах, занимавшееся мирной хозяйственной деятельностью, было заинтересовано лишь в мирных отношениях с киргизами. От набегов киргизов оно терпело не только большие лишения и ущерб в экономическом отношении, но и страдало в смысле личной безопасности, так как набеги эти сопровождались убийством мирного населения, уводом его в плен и обращением в рабство. Точно так же стремились к мирной жизни и деятельности в своём большинстве рядовые киргизы („улусные мужики“), ибо тяжесть и опасность военных набегов ложилась на их плечи, а добыча от этих набегов почти целиком поступала феодальной верхушке. Причина исключительно беспокойной обстановки в Южной Сибири в XVII в. заключалась именно в агрессии киргизской феодальной верхушки, поощряемой феодальными кругами Джунгарии. Стремление удержать под своей властью в целях монопольной эксплуатации рядовых киргизов и различные племена и роды киштымов, помешать экономическому и культурному сближению их с русским народом, а также расчёт на лёгкую и прибыльную наживу, — вот те реальные причины, которые толкали киргизских князей на агрессию. Быстрый рост экономики и культуры в районах русского освоения Южной Сибири, упрочение военно-

административного аппарата, рост русского влияния на местное, зависимое в прошлом от киргизов население, заинтересованность этого населения в развитии экономических и культурных связей с русским народом и т. п., — всё это крайне беспокоило киргизскую феодальную верхушку и делало её врагом русского государства.

Киргизские князья вполне сознавали, что у них не хватит собственных сил, чтобы отнять у русского государства Южную Сибирь. Поэтому-то они и предполагали, „развоевав“ Красноярский и Енисейский уезды, отъехать в „Чёрные Калмаки“ и на киргизской земле не жить. Князь Иренак, опираясь на помощь джунгарских ханов, посылавших отряды калмыков или джунгаров, начинает осуществлять с 70-х годов первую часть именно этого плана и совершает многочисленные набеги на ряд русских уездов, о которых говорилось выше, населённых русским и ясачным населением. Он вовлекает в свои операции и телеутских князей, принуждает к этому различными способами (угрозами, силой, хитростью и т. п.) также некоторых киргизских киштымов. Эта агрессия, являвшаяся основой политики коалиции киргизских и джунгарских феодалов, и вызвала ряд ответных мер со стороны царского правительства России, которое распорядилось укрепить в военном отношении русские города и остроги в Южной Сибири и организовать вооружённый отпор грабительским нападениям киргизов. Царское правительство в то время не ставило задачи изгнания из Сибири енисейских киргизов и не желало развивать там длительные военные операции. Оно охотно шло на мирное урегулирование отношений с енисейскими киргизами. Свидетельством этого и является то обстоятельство, что царское правительство посылало своих послов к Иренаку и принимало в Москве его послов.

В связи с тем, что мы затронули вопрос о зависимости енисейских киргизов от Джунгарии, целесообразно остановиться на нём несколько подробнее.

В рассматриваемое и последующее время зависимость киргизов от джунгар весьма усилилась. Это, конечно, тяжело отражалось на положении рядовых кочевников-киргизов и киштымов. Они должны были платить обременительный „албан“ пушниной, преимущественно соболями, у них без стеснения отбирали скот как в албан, так для содержания постоянно приезжающих к киргизам различных джунгарских чиновников. Чтобы получить представление, насколько высоки и разорительны были для киргизского скотоводства поборы скотом в пользу джунгарского хана, сошлёмся на сообщение кузнецкого воеводы о пребывании в 1689 г. на Кемчике „За Чолушманом и за Алтыней (Телеским) озером в трех днищах“ Бошоктухана Галдана, потерпевшего поражение от монгол. В отписке говорится: „а Бошукту-хан де стоит в собраньи, из киргиз к

Бошухту-хану гонят скотины тысяч с двадцать на прокорм людей его¹ В другом документе 1689 г. говорится о том, как к киргизам приехало трое тайш в сопровождении небольшого отряда и брали с „киргиз всяким скотом половинной скот, да они же де тайши переписали у них киргиз женского пола вдов и девок для того, что де их калмыцкого тайшу Бошухту-хана развоевала казачья орда“². Из этого видно, насколько далеко зашла зависимость рядовых киргизов и киштымов от джунгар после того, как Иренак в своих корыстных целях передался джунгарскому контайше. Последний относился к киргизам, как к своим рабам, и считал себя вправе делать с ними всё, что ему угодно. Это видно из другого документа 1689 г., где говорится, что Галдан-Бошухту-хан у киргиз „весь скот и живот отобрал и их, киргиз, хочет всех запродать в Китайское государство и землю их сделать пусту“³. Вполне понятно, что в этих условиях некоторые рядовые киргизы, не говоря уже о киштымах, бежали к русским. Не случайно в своём письме к красноярскому воеводе Иренак просил „беглых холопей отдавать“, о чём уже говорилось выше. В русских документах встречаются сведения о беглых киргизах. Так в одной из отписок царям Ивану и Петру Алексеевичам сообщается из Красноярска, что в 1689 и 1690 гг. „из киргизской земли киргиз 7 человек пришли служить вам великим государям и ясак в нашу... казну давать“⁴.

Что касается положения киргизской феодальной верхушки при джунгарах, то оно, конечно, было несравнимо лучше, чем их улусных людей и киштымов. Однако киргизские феодалы были лишены самостоятельности в политических делах и во многом зависели от повелений джунгарского хана. Они обязаны были ездить в ставку контайши, обеспечивать сбор алма-на с улусных людей и киштымов, доставлять хану скот и участвовать в его походах. Ездил постоянно к контайше Иренак. После смерти Иренака стал туда ездить его сын Корчун. Томские служилые люди, отправленные в 1680 г. к контайше Галдану, застали там и телеутского князя Табунку Кокина и енисейских киргизов, среди которых они упоминают князца Иреначко „Тархан яйзана с товарищи“, прибывшего с Уйбата⁵. В отписке томского воеводы рассказывается, что в 1689 г. „князец Корчун Ереняков со всеми улусными людьми поехал было Бошухту-хану помоч и он де Корчин Бошухту в Урге не застал и жена де Бошухту-ханова киргизского князца Корчуна отослала в

¹ Сиб. приказ, стб. № 1052, л. 82—83, Ср. стб. № 1038, л. 354.

² Сиб. приказ, стб. № 1052, л. 101—102. Этот документ сокращённо даётся и у Бахрушина, как свидетельство того, что джунгарский хан был полно-властным хозяином в Киргизской земле (стр. 197).

³ Сиб. приказ, стб. № 1052, л. 106, л. 127.

⁴ Там же, л. 545.

⁵ Сборник кн. Хилкова, стр. 305 и 318.

киргизскую землю“, чтобы „взять на Бошухту-хана скота 300 лошадей, да 100 скотин рогатого, а в киргизской земле голод великой. Корчун хочет притти под государевы ясачные люди собирать ясак на Бошухту-хана“¹.

В киргизских кочевьях постоянно жили различные джунгарские чиновники-посланцы джунгарского хана, власть которых распространялась на киргизских князей. Они распоряжались киргизами, и те не могли их ослушаться. Они вели переговоры с представителями русских городов Сибири о взаимоотношениях с киргизами, вызывали к себе, в случае необходимости, любого киргизского князя и отдавали ему приказания. Резиденция джунгарских чиновников находилась либо на Абакане, либо на р. Нине (приток Уйбата). Иногда эти посланцы джунгарского контайши являлись организаторами и вдохновителями грабительских походов и набегов на русские города и селения.² Киргизские князья превращаются в последние десятилетия XVII в. по существу в административный аппарат джунгарского хана, в связи с чем, видимо, некоторые из них получают джунгарские титулы. Правда, русские исторические документы начала XVII в. дают некоторые сведения о наличии у енисейских киргизов и собственного административного аппарата. Упоминаются судьи: „Ожо“ и „Яргучи“. В первом наименовании сохранился термин „ажо“, которым назывался верховный правитель киргизов на Енисее в эпоху их великодержавья в IX в., что известно нам по сообщению китайской летописи³. Вторым термин был известен у монголов в XIII в. и применялся к судьям, выносившим решения на основе монгольского обычного права—Ясы Чингис-хана.⁴ Конечно, этот второй термин мог быть, возможно, и тюркского происхождения, ибо на ряде тюркских языков суд обозначается словом „ярга“, отсюда судья—яргучи. Известно, что в орхонских памятниках древнетюркского письма встречается термин *iarqan* (ярган) в значении судебный чин, „палач“.⁵ Таким образом, во второй половине XVII в. енисейские киргизы превратились в киштымов джунгарского контайши.⁶

Однако, столь сильная зависимость енисейских киргизов от Джунгарии не мешала киргизской феодальной верхушке не только враждебно относиться к распространению русского

¹ Сиб. приказ, стб. № 1052, л. 627.

² Памятники Сибирской истории, кн. 1, стр. 140.

³ Бичурин (Иакинф), указ. соч., ч. 1, стр. 352, 353, 355, 356.

⁴ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. М—Л, 1950, стр. 135.

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М—Л, 1951, стр. 385.

⁶ Ср. Бахрушин: „Хунтайчжи вмешивался во внутренние дела киргизов и давал властные распоряжения их князьям“, стр. 196.

влияния в Минусинской котловине, но и систематически организовывать грабежи и убийства мирного русского и ясачного населения. Такая агрессивная политика киргизских феодалов поддерживалась и поощрялась господствующими феодальными кругами Джунгарии. Правда, джунгарские ханы, особенно Галдан-Бошохту, да и сменивший его затем Цэван-Раптан, из дипломатических соображений постоянно подчёркивали своё желание сохранять мирные отношения с Русским государством. Они часто декларативно заявляли об этом, но в основе этих деклараций лежала только забота об обеспечении своей безопасности со стороны русских границ, ибо вражда Джунгарии с некоторыми государствами Средней Азии, а затем с маньчжурской династией Китая, при наличии довольно часто вспыхивающих междоусобиц в монгольском мире, поглощали основные силы и внимание джунгарских ханов. В этой обстановке они, естественно, придерживались официальной миролюбивой политики по отношению к России, но вместе с тем не упускали случая нанести тот или иной ущерб русскому ясачному населению Сибири—послать к ним сборщиков дани, совершить набег под предлогом наказания своих киштымов и т. п. Освоение Южной Сибири русскими, конечно, не могло встретить сочувственного отношения феодальных кругов Джунгарии, ибо это уменьшало и ограничивало их возможность монопольной эксплуатации ясачного населения, в частности, получение дани ценной пушниной, железными изделиями и скотом. Поэтому джунгарские ханы одобрительно относились к агрессивной политике феодальной верхушки енисейских киргизов, поддерживали и тайно поощряли её, а когда русское правительство того времени применяло решительные меры для защиты мирного русского и ясачного населения от грабительских набегов киргизов, делали вид, что это их не касается, и их представители даже пытались выступить в роли арбитра в таких столкновениях¹.

Перейдем теперь к событиям конца XVII в. Смерть Иренака не повлекла за собой прекращения набегов енисейских киргизов на русское и ясачное население. Особенную активность в этом отношении начал проявлять его сын Корчун Еренаков, который не думал отказываться от политики, проводившейся его отцом. Грабительский, разбойничий характер киргизских набегов выступал совершенно ясно. Киргизские феодалы по-прежнему бесчинствовали и издевались над мирным ясачным и русским населением. Многочисленные исторические документы говорят об этом довольно красноречиво. Приведём для примера одно из таких документальных свидетельств. В начале 1700 г. томский воевода сообщал в Москву: „А как, государь, они киргизы пришли войной в Томский уезд, прежа

¹ Памятники Сибирской Истории XVIII столетия.

бою выжгли в деревни верхнетомских пашенных крестьян 6 дворов, да перекололи копии женского полу баб и девок 5 человек, да мужска полу трое ребят; а лошадей и рогатой скотины взяли малое число, и тое скотину, бегучи, кололи и метали по дороге".¹ В этом кратком и выразительном описании хорошо видна разбойничья сущность набегов киргизских феодалов, избегавших столкновений с русскими вооруженными силами и зверски расправлявшихся с мирными жителями.

Из всех городов и уездов Южной Сибири поступали сообщения, свидетельствовавшие о том, что киргизские князья, в том числе зависимые от них тубинские, несмотря на существование официальных мирных соглашений, систематически нарушали эти соглашения и продолжали нападать на мирные селения русских крестьян и ясачных людей, не стеснялись грабить и убивать их. Жалобы на бесчинства киргизов не прекращались вплоть до конца XVII в. В 1699 г. томские, красноярские и кузнецкие служилые люди сообщили при допросе в Сибирском Приказе в Москве: „Араптана де контайшины люди Киргизы, Телеуты, Чёрные калмыки приходят Томскому уезду под слободы и деревни войною многолюдством, человек по 3000 и болши и менши, с ружьём, и чинят всякое разорение, деревни жгут, и скот отгоняют, и на пашнях людей побивают, и на промыслы ходить не дают, а вверх по Томе реке промышленных и есашных людей разоряют и побивают же и от того де соболиного и звериного промыслу не стало“.² Ответом на все эти жалобы и сообщения было решение в Московских правительственных кругах „смирить войной“ енисейских киргизов. В 1692 г. был совершён поход на Тубинского князя Шандыка, который, приняв присягу и заверив красноярского воеводу в намерении „государю служить и ясак платить“, в том же году нарушил свое обещание и отправился в Канскую землю, где разорил канских ясачных людей. Шандычко их „бил мучил, а иных побивал до смерти, и ясак отымал, и чинил всякие разорения“.³ Высланный из Красноярска русский отряд под начальством Василия Многогрешного пытался вести переговоры с тубинским князем, но тот от этого отказался „и по служилых людех из луков и пищалей стреляли и многих переранили, а иных побили до смерти. И они де служилые люди, видя такое воровство, учинили бой и... тех воров и изменников Шандычку с товарищи побили, а жён их и детей поймали в полон, и знамя взяли; а иные де, зашед в крепкие места, окопались и лесом осеклись и сели в осаду, и тех де осадных людей они взяли ж и побили и пошли в Красноярской“.⁴ Князь Шандычко и около 600 человек тубинцев

¹ Памятники Сибирской Истории, кн. 1, стр. 19.

² Памятники Сибирской Истории XVIII в., кн. 1, стр. 6, 11.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 16.

были убиты. Поражение было настолько сильным, что тубинцы после этого уже не могли оправиться. Оставшееся население этого улуса вскоре рассеялось по разным другим „землицам“.

Киргизские князья продолжали совершать набеги на русские и ясачные селения. Наиболее крупным из них было нападение на Кузнецкий острог в 1700 г., в котором, кроме киргизов, принимали участие джунгары или „чёрные калмыки“. Нападавшие сожгли Рождественский монастырь, находившийся под Кузнецком, с церковью, кельями, хозяйственными постройками и запасами. В подгородных деревнях они сожгли ряд дворов, сжатый и неубранный хлеб на полях, угнали около 2000 голов скота. При этом пострадали ещё „белые калмыки“, т. е. телеуты, жившие в окрестностях города. У них были сожжены улусы, угнано около 1000 голов скота и взято примерно 300 человек в плен.¹

Затем в период 1700—1704 г. состоялся ряд русских военных походов на енисейских киргизов, которыми и закончилась борьба с киргизскими феодалами, так как в 1703 г. большая часть киргизов вынуждена была покинуть степи Минусинской котловины по повелению джунгарского контайши. При этом в 1701 г. была сделана ещё одна попытка мирного урегулирования взаимоотношений с енисейскими киргизами. По поручению представителя джунгарского хана — зайсана Аба, жившего у киргизов, в Красноярск явился посланец с письмом, в котором зайсан предложил провести переговоры о взаимоотношениях с киргизами, чтобы „как жили преж сего в миру и ныне бы также“. Красноярский воевода на это ответил: „буде из Киргиз пришлют аманатов и с киштымов ясак по прежнему давать станут и отгонных лошадей и грабленные животы отдадут, им тех полонянных киргизских людей отдадут и в миру затем жить рады“. Затем воевода передал посланцу письменный ответ. Это письмо было доставлено зайсану Абе и прочитано не только ему, но и киргизским князьям, в том числе Корчуну Еренакову „с товарищи“. Однако Красноярский воевода прежде чем дать согласие на встречу русских с киргизскими князьями потребовал гарантии о неприкосновенности русских послов. Он напомнил, что „в прошлых годах, при воеводе Даниле Загрязском, для такого же мирного поставления выпрашали послов из Красноярска к Езерцом и к Тубинцом, лутчих людей красноярцев 18 человек, и тех послов голодом морили и всячески ругали и держали болше полугода. Також при Алексее Башковском выпросили послов из Красноярска, Ивана Сиротинина, Романа с товарищи, для такова ж мирного поставления, и на той правде не устояли, мир не учинили, и тех послов обругали и обесчестили, и голодом морили и дер-

¹ ААН, ф. 21, оп № 5, 152, лл. 252—281 об.

жали болши полугода и ограбили. Также буде по прежнему учините, и для того послов послать к ним (киргизам—Л. П.) нельзя“.

После длительных предварительных переговоров, тянувшихся больше месяца, соглашение о встрече русских послов с киргизами состоялось. Встреча была назначена в ставке джунгарского зайсана на речке Нине (приток Уйбата). Русское посольство возглавлял казачий десятник Роман Торгошин. Русские послы в течение 3-х дней жили в ставке зайсана Абы, где подробно ознакомили его с указом царя по поводу предстоящих переговоров. Затем, по указанию зайсана, они переехали на Абакан в Езерской улус, возглавляемый князем Шорло-Мергенем, где находились с 19 августа до 16 сентября. Наконец, они получили приглашение приехать „для посолского договору“ в Алтырскую землю на р. Уйбат к князю Тангуту-Батуртайше, куда русские послы приехали 18 сентября. На следующий день их позвали к „Абе зайсану в посолскую юрту всех трёх городов посланцев всем вместе, для того, что де люди русские одного великого государя и посольство чинить де в ответах всем заодно“. Здесь были приглашенные зайсаном русские представители гг. Томска и Кузнецка. Переговоры начались 20 сентября в юрте джунгарского зайсана, где „были все киргизские князцы, кроме Корчюна; а Корчюн¹ не был за болезнью; а имянами были порознь: алтырской тайша Батур, езерской Мергенъ Шорло тайша, алтызарские Агалок Кашка, Голега, Кубаши, со многими своими улусными знатными людьми, да с Корчюнова улусу многие знатные улусные люди“. От тубинцев был князец Курача, в имени которого, видимо, сделана описка. Мы полагаем, что это был князец Курага, имя которого сохранилось в названии села Курагино, расположенного на Тубе, близ впадения в неё р. Ирбы². От имени енисейских киргизов выступал князь Шорло: „езерской князец Шорло Мерген Тайши учал говорить: по указу де контайши и по приказу Абы зайсана, велено ему за всех Киргиз быть в посолском ответе; и он де Шорло с киргизскими князцами о посолском договоре советовал: буде Красноярцы хотят во веки миритца, и чтоб де старые ссоры все покинуть, а договорится бы вечным миром постоянно“... Шорло обещал дать аманатов с езерцев и тубинцев „добрых людей“ и платить ясак „с езерских и с тубинских киштымов со всех улусов, с трехсот луков... наперед по соболю с человека, а впредь против прежняго“. Но Шорло Мергенъ в то же время ясно заявил, что они не собираются отказаться от сбора дани с киштымов своих и, в

¹ На чертеже Ремезова Корчунков улус показан при слиянии в Чулым Чёрного и Белого Июсов. Чертежная книга Сибири. СПб, 1882.

² О происхождении названия села Курагино см. В. А. Ватин, Минусинский край в XVIII веке. Минусинск, 1913, стр. 139.

частности, с канских. Он просил официального согласия на это: „а им бы с Канских киштымов имать после государева ясаку летом дань свою железом, и топорами и осипами, и орловым перьем, кроме соболей, добровольно, а не сильно и не грабежем“¹. После окончательной потери возможности собирать дань железными изделиями с шорцев, енисейские киргизы особенно упорно держались за канских киштымов (в основном, коттов, родственных кетам—енисейским остякам), умевших добывать и выплавлять из руды железо и ковать различные железные изделия. Шорло Мерген соглашался также возместить некоторые убытки, понесённые мирным русским и ясачным населением от киргизских набегов (вернуть отогнанный скот, вооружение и доспехи, взятые у убитых служилых людей и т. п.) и отпустить пленников. В общем соглашение во время этих переговоров было достигнуто. Только против одного пункта решительно возражали красноярцы—это относительно сбора дани киргизами с канских киштымов. Красноярцы заявили: „преж сего они Канские и ясачные люди за езерскими князцы николи не бывали, а бывали они Тубинские, а не Езерские, и ныне Езерцам до тех Канских киштымов и дела нет; а от Тубинцов завоеваны они Канские великого государя ратными людьми, потому до тех киштымов дела нет“².

Однако соглашение не было осуществлено, так как летом 1703 г. енисейские киргизы в подавляющем большинстве во главе с феодальной верхушкой были уведены джунгарским контайши в его кочевья в долину р. Или. Это событие коренным образом изменило политическую обстановку в районе Минусинской котловины и явилось завершающим этапом истории енисейских киргизов. Оно оказало также большое влияние на изменение в расселении и этническом составе ясачного населения Минусинской котловины, на основе которого сформировалась современная хакасская народность. Киштымы в значительной части разбежались при уходе киргизов, чтобы не быть уведёнными из родных мест в Джунгарию. Ив. Злобин безуспешно искал их в течение трёх недель, побывав даже за Саянскими горами. Напуганные масштабом и характером массового насилия, произведённого отрядами джунгарского хана, упомянутые киштымы обратились к Злобину с просьбой построить в Киргизской землице острог „для оборони от иных землиц“ и обещали при этом „как де острог построен будет, и они де в казну великого государя станут платить со всякого человека по шести соболей, чтоб им жить под великого госу-

¹ Осипами здесь названы железные наконечники корнекопалок, называемых на местных языках „озуп“, „осуп“ и т. д. См. об этом: Н. Дыренкова и Л. Потапов, „Абыл и озуп—хозяйственные орудия шорцев“. Культура и письменность Востока, кн. V. Баку, 1929.

² Все цитаты взяты из документа № 37, помещённого в Памятниках Сибирской Истории XVIII века, кн. I, стр. 174—186.

даря державою безопасно"¹. Политическая обстановка в период ухода киргизов была настолько тяжела и невыносима для рядового населения, что оно видело выход для себя только в укреплении русской власти, желая таким образом окончательно избавиться прежде всего от многоданничества и систематических грабежей джунгарских и киргизских феодалов. Эта мысль, поданная бывшими киргизскими и тубинскими киштымами, разумеется, не была оставлена без внимания, ибо этот вопрос уже давно (ещё в первой половине XVII в.) интересовал царское правительство. Осуществлению его мешали политическая и военная активность киргизских князей и джунгарских феодалов. Теперь, с уходом тех и других в Джунгарию, это основное препятствие устранялось. Более того, с уводом киргизов в Джунгарию оказалась свободной большая территория, до этого занятая их кочевьями. В этих условиях в начале XVIII в. в бассейне южного течения Енисея возникает ряд русских острогов. В 1707 г. был построен Абаканский острог. Его строительство было намечено на устье р. Абакана. Однако острог построили на правой стороне Енисея значительно ниже р. Абакана, хотя и сохранили за ним наименование Абаканского. Ныне здесь находится село Краснотуранское. В 1709 г. на правом берегу Енисея у Саянских гор был построен Саянский острог. В Минусинской котловине создавалась спокойная обстановка для мирной хозяйственной жизни населения. Бассейн южного течения Енисея до Саянских гор вошёл в ведомство Красноярского уезда сначала Сибирской губернии (с 1708 г.), а позднее Енисейской (с 1724 по 1783).

В 1727 г. Россия заключила с Китаем Буреинский договор о границе. Ясачное население Минусинской котловины осталось в пределах Русского государства и дальнейшее историческое развитие его и судьбы оказались тесно связанными с русским народом.

Заключая главу, мы хотели бы ещё дать общую характеристику процесса включения в состав Русского государства местного ясачного населения и территории Минусинской котловины, в связи с описанными выше политическими событиями и особенно взаимоотношениями Русского государства с енисейскими киргизами.

Процесс этот протекал, как мы видели, в довольно сложной и напряжённой политической обстановке феодальной раздробленности, характерной для восточной части Центральной Азии, в сферу влияния которой входила Южная Сибирь. Грабежи и набеги были частым явлением и весьма тяжело отражались на мирных хозяйственных занятиях трудящихся скотоводов и охотников. Анархия, произвол и насилия, чинимые азиатскими

---

¹ Памятники Сибирской Истории XVIII в., кн. I. стр. 245.

феодалами по отношению к трудовому населению различных мелких родоплеменных групп Южной Сибири, многоданничество, увод в рабство и т. д. тормозили экономическое и культурное развитие местного разноязычного населения. В этих условиях мелкие родоплеменные группы, жившие разбросанно и изолированно друг от друга, довольно охотно встречали появление русских и, как правило, добровольно соглашались на включение в состав Русского государства и взнос ясака. Местное население в сближении с русскими видело облегчение своего положения. Вместе с русскими в Южную Сибирь проникала не только централизованная, твердая государственная власть, но и более высокие и развитые формы хозяйства, культуры и быта, которые быстро стали оказывать положительное влияние на экономику, быт и культуру местного населения. С появлением русских в сельскохозяйственный оборот включались большие площади пустующих целинных плодородных земель, пригодных для земледелия и оседлого скотоводства. Русское крестьянство быстро осваивало свободные целинные земли, распахивало и засеивало их, развивало продуктивное скотоводство со стойловым содержанием скота, с заготовкой сена. Большие и разнообразные природные богатства Сибири, на первых порах преимущественно в виде ценной пушнины, постепенно включались в экономику Русского государства и через него в мировую экономику. Русские люди быстро и хорошо изучили огромную территорию Сибири, нанесли её на карты и чертежи, сделали сведения о Сибири достоянием всего цивилизованного мира.

Соблюдая свои классовые интересы, московские цари первоначально взяли курс на охрану включаемых мирным путём в состав Русского государства сибирских племён и народностей не только от внешних посягательств на них, но и, до известной степени, от своих воевод—представителей царской власти в Сибири. В царских наказах XVII в. сибирским воеводам постоянно подчёркивается необходимость мирного включения местного населения „под государеву высокую руку“ (т. е. в подданство), обычно рекомендуется приводить это население „ласкотою под державу великого государя“. В сношениях с ясачным населением предписывалось „держати к ним ласку и привет и бережение, а напрасные жесточи и никакие налоги им ни в чем не чинить некоторыми делы, чтоб их в чем напрасно и в ясаке не ожесточить и от государевы милости не отгонить“. Подобная тактика предписывалась и воеводам, управлявшим в Южной Сибири. В наказе Кузнецкому воеводе от 1625 г. говорится не только о необходимости оберегать ясачное население от насилий, грабежа, убытков со стороны воевод и их сборщиков ясака, но даже указывается, что „государь велел им, смотря по тамошнему делу, в ясаках полгоить, а с бедных людей, кому платит ясаков не мочно, имати яса-

ков не велел¹. В наказе Андрею Дубенскому, отправленному поставить Красноярский острог, повелевалось „новых земель людей под царскую высокую руку приводить ласкою,“ „... ясак с тех земель имати велено, как будет пригоже, что их не ожесточить“, „... от обид их беречь, чтоб их вдруг не ожесточить, и давать им государева жалованья, сукна, смотря по людям, кому что доведетца, и напоить, и накормить, и ласку и привет держать, и от служивых людей от обид во всем оберегать“. Здесь же давались указания в отношении енисейских киргизов, уже зарекомендовавших себя агрессивными действиями против мирного русского и ясачного населения: „Да будет киргизские люди к государю обратились и в винах своих добились челом, и в Томской город ясак учнут давать и под Томской город войной ходить не учнут, и Андрею Дубенскому их киргизских людей отнюдь ни в чем обидеть не велеть, и ласка и бережение к ним держать, и задору с ними накакого не чинить². Таких предписаний и советов из царских указов XVII в. можно привести большое количество, ибо они следуют на протяжении всего столетия. Более того, царское правительство того времени не ограничивалось только подобными пожеланиями, но часто наказывало, отстраняло воевод от должностей за их насилия, грабёж и злоупотребления по отношению к ясачным. Однако было бы неправильно думать, что такое отношение правительства определялось доброжелательной природой его—только стремлением действительно облегчить и улучшить положение ясачного населения. Нужно понять, что благожелательная политика по отношению к местному населению, переходившему в русское подданство, диктовалась в то время классовыми интересами самого царского правительства. Последнее было весьма заинтересовано в мирном расширении и укреплении восточной границы Русского государства за счёт освоения богатой дарами природы почти незаселённой Сибири. Оно особенно сильно было заинтересовано в получении так высоко ценившейся на мировом рынке ценнейшей сибирской пушнины, поступавшей от ясака в царскую казну монопольно. Для московских царей было выгоднее по возможности мирное освоение Сибири, заселение её крестьянством, при поддержке небольших военных сил, нежели вооружённое присоединение этой обширной территории, требующее больших материальных затрат. Вот почему они так настойчиво требовали от воевод не „ожесточать“ ясачное население и пытались бороться с их хищничеством. Таким путём московские цари стремились обеспечить интересы своей казны. Этим политика московских царей в XVII в. резко отличалась от соответствующей политики правительств других европейских

¹ Акты Исторические, т. III, стр. 218—219.

² Документ № 237. Миллер, История Сибири, т. II, стр. 330—333.

государств, которые в эпоху первоначального накопления капитала обращали в рабство и, как известно, в буквальном смысле, физически истребляли целые племена и народности. Напротив, некоторые сибирские народности за время пребывания в составе Русского государства (буряты, якуты и др.) не только не были истреблены, но даже весьма увеличились численно. Присоединение племён и народностей Сибири после падения Сибирского ханства производилось в Южной Сибири силами маленьких отрядов, численностью в один-два десятка служилых людей, плывущих по реке на дощаниках, а нередко и пеших, зимой идущих и тянущих за собой ручные нарты с провиантом и „государевым ясаком“.

Однако было бы неправильно представлять включение Сибири в состав Русского государства как только прогрессивный и совершенно безболезненный для местного населения процесс, будто бы исключаящий методы насильственного военного присоединения некоторых народностей и территорий. Факты насилия и жестокого отношения к местному населению при объяснении со стороны вооружённых русских отрядов также нашли отражение в исторических документах. Нельзя забывать, что в этом процессе участвовали различные классы как местного, так и русского населения, что роль и значение в нём различных классов были неодинаковы, что в нём сталкивались различные классовые интересы. Не ставя перед собой задачи решать этот сложный вопрос для всей Сибири, мы попытаемся кратко осветить его на материале, относящемся преимущественно к теме нашего исследования. В этой связи хотелось бы обратить внимание прежде всего на роль и значение в упомянутом выше процессе представителей различных классов русского народа. Особенно следует подчеркнуть роль непосредственных ставленников царского правительства — воевод и их ближайших помощников военной и административной верхушки. Воеводы, как и московские цари, принадлежали к одному и тому же господствующему эксплуататорскому классу русского народа. Они так же, как и московские цари, весьма заботились о своих классовых интересах и выгодах. Однако путь для достижения собственных корыстных выгод у них был несколько иным. При монополии царской казны на ценную пушнину и прочие богатства Сибири, царские воеводы предпочитали обогащаться любыми способами и средствами, не очень заботясь о том; насколько это противоречит царским указам и предписаниям. Основным способом обогащения воевод и их помощников были насилия, грабежи, различные мошенничества и т. п., перечислением которых изобилуют царские указы к сибирским воеводам. В исторической литературе широко известен случай грабежа томскими воеводами дорогой собольей шубы киргизской княгини, жены князя Номчи, которая приехала официально в Томск. Воеводы, говорится в до-

кументах, „писали в ясак... старых и малых и увечных людей, которые на зверовья ходити не могут, а иных де писали одних людей вдвое, а иных писали мёртвые живыми“. Поэтому, отмечается в документе, „многие ясачные люди худали“¹. Воеводы обогащались и за счёт принудительной, грабительской торговли. Енисейский воевода Андрей Ошанин, по словам одного документа, послал своего „торгового человека“ в Тюлькину (Аринскую) и Качинскую земли с своим товаром на 600 руб., которые его посланец „намётывал сильно“ (т. е. насильно) ясачным людям и „сильно“ брал у них за воеводские товары „мягкую рухлядь“ (пушнину).² Н. Оглоблин сообщает о наличии среди документов Сибирского Приказа таможенных „рописей ясыря“, т. е. рабов или крепостных, преимущественно детей ясачного населения, в которые вносились при отъезде воевод из Сибири в Россию данные об отобранном у них и „воеводских детей“ ясыре. Воеводы иногда пополняли количество своих крепостных, покупая их, как мы видели выше, у джунгар-калмыков, которые приводили для продажи своих пленников, взятых при взаимных набегах у Алтын-хана или при военных походах на другие племена и народности. Но известно также, что воеводы не упускали возможности поживиться крепостными людьми и за счёт „ясачных людей, жён и детей“, особенно при военных экспедициях „на непослушников государевых“. В последнем случае взятые пленные рассматривались как „погромный ясырь“ и присваивались воеводами. Взятых в плен они насильственно „крестили“, т. е. обращали в христианство, и старались вывезти в Россию, как своих крепостных. При этом воеводы не гнушались и тем, чтобы отбить „ясырь“ друг у друга³. Между прочим, киргизские князья иногда довольно успешно для себя использовали эти корыстные распри между воеводами Томска, Красноярска и Енисейска⁴. В нашем кратком очерке нет возможности, да и необходимости, описать подробно многочисленные бесчинства, произвол и прочие способы наживы и обогащения царских воевод в Сибири, о лихоимстве которых так красноречиво свидетельствуют исторические документы. Отметим только, что подобные методы обращения нередко вынуждали ясачных не только жаловаться на воевод-насильников, но и вызывали более активные формы протеста в виде отказа от взноса ясака, ухода „в немирные земли“ (т. е. в те районы, население которых не состояло в русском подданстве), а иногда и вооружённого сопротивления и убийства сборщиков ясака. Центральная власть, ввиду отдалённости Сибири от Москвы, была

¹ Русская Историческая Библиотека, т. VIII, № XII, стр. 508—509.

² См. Оглоблин. Обзорение столбцов Сибирского Приказа, ч. III, стр. 165.

³ См., например, Документ № 283, Миллер, т. II, стр. 374.

⁴ Оглоблин, указ. сочинение, стр. 121.

почти бессильна бороться с лихоимствами воевод, хотя и ясно виделась в этом для себя большой ущерб, наносимый созданной ею самой системой управления в Сибири, приводившей иногда ясачное население к „отложению“. Случаи отложения от ясака были довольно часты и для Красноярского уезда в XVII в., но здесь нужно иметь в виду и то, что они большей частью возникали и по другим причинам, а именно в результате агрессивной политики киргизской феодальной верхушки, хотя насилия и произвол красноярских воевод тоже были причиной для отдельных случаев „отложения“ ясачного населения.

Иным было отношение к местному ясачному населению со стороны трудовой части русского народа, составлявшей большинство русских людей в Сибири. Прежде всего следует иметь в виду, что сам русский трудовой народ в лице рядовых служилых людей, пашенных крестьян и т. д. терпел от притеснений воевод и всей системы царской власти не в меньшей, а в большей степени, чем ясачное население. Вот как описывает положение, например, рядовых служилых людей официальный документ того времени: „в Томском, и в Кузнецком, и в Красноярском людишки нужные и бедные, по два и по три на одной лошади, а иной пеш всегда бродят и запас на себе таскают нартами, оголодают, и от того голоду всегда ратные люди от киргиз погибают, а недругу в посмех, что государевы ратные люди голодни в их землю приходят, и отходя на дороге погибают без хлебных запасов“¹. Известно, что простые русские люди и, в частности, „пашенные крестьяне“ вынуждены были иногда бежать, например, из Кузнецкого уезда, надеясь пробраться на Волгу и там найти облегчение своей жизни. В стписке кузнецкого воеводы царю о беглых служилых людях и пашенных крестьянах приводятся мотивы пойманных бежавших из Кузнецкого острога; как правило „с пытки на допросе“ они говорили: „побежали де мы из Кузнецкова острогу для бедности“, а пашенный крестьянин Илейко Потапов сказал в расспросе: „прислан де я в государеву пашню в Кузнецкий острог и мне де государева пашня не за обычей, и я для того побежал из Кузнецкова острогу“². Челобитные рядовых казаков на имя царя полны жалоб и описаний исключительной бедности этих людей, больших трудностей и лишений, которые им приходилось терпеть, неся „государеву службу“, и заканчивается просьбами не дать погибнуть с голоду. Несомненно, что доведённые до такого состояния, голодные, измученные и оборванные, некоторые рядовые казаки, иногда соблазнялись пушниной ясачных. Царские воеводы таких служилых людей за это „били батоги нещадно“, отбирали у них присвоенное

¹ Акты Исторические, т. V, стр. 167. См. также Русская Историческая Библиотека, т. VIII, СПб, 1884, стр. 471—472, 477—489, 533—535 и др.

² Русская Историческая Библиотека, т. 8, стр. 483, 486, 489.

имущество и... забирали его себе¹. Таким образом, не в этих рядовых служилых людях было заложено зло для ясачного населения, оно таилось в царизме, как политической системе, в том, что у власти, начиная от царя, стояли крепостники-помещики, которые осуществляли свои классовые интересы. Русское трудовое население XVII в. в Сибири в своей массе, особенно крестьянство, не только не являлось притеснителем местного ясачного населения, но, напротив, уже в то время было тесно связано с последними культурными и экономическими связями, что весьма положительным образом сказывалось на хозяйстве и быте ясачного населения, заимствовавшего от русских крестьян более высокие формы культуры. Как видно из одной воеводской отписки от 1623 года, русские крестьяне не только тесно общались с ясачным населением, но и вступали с ним в браки. Поэтому воевода жаловался, что „пашенные люди живут не по крестьянски: крестов на себе не носят, и сред и пятниц не почитают, а едят всякую скверну с некрещёнными татарами“, что „с татарскими... женами живут... и детей с ними приживают с некрещёнными“². Русское мирное трудовое население испытывало притеснения, грабежи и насилия не только от своих воевод и детей боярских и т. п., но и от местных феодалов, особенно киргизских князей, о чём уже говорилось.

Теперь посмотрим, как относились различные социальные группы енисейских киргизов и их киштымов к включению их в Русское государство. Изложенный выше фактический материал позволяет сделать следующий вывод. Рядовое население, т. е. трудящиеся скотоводы и охотники различных родоплеменных групп Минусинской котловины, в том числе и енисейские киргизы, как правило, относились к этому сочувственно, что проявлялось в добровольном подчинении их Русскому государству, в признании себя подданными русского царя. Мы уже отмечали, что это происходило первоначально вследствие того, что рядовое население, измученное феодальным гнётом и обстановкой междоусобицы, непрерывными военными набегами, сопровождавшимися полным разорением, уводом в полон и т. п., видело в переходе в русское подданство своё спасение, возможность мирной и безопасной жизни. Это обстоятельство нашло отражение в ряде документов, частично цитированных выше. Ясачное население часто обращалось с просьбой защитить его от произвола и насилий киргизских или монгольских феодалов и само просило о построении русских острогов, которые являлись в то время не только военно-оборонительными укреплениями, но и местными русскими центрами экономической и культурной жизни; эти города и остроги обрастали

¹ См., например, Документ № 143, Миллер, т. II, стр. 250.

² Документ № 197, Миллер, т. II, стр. 293—297.

посадами, пригородами и более отдалёнными русскими селениями. Трудящихся охотников и скотоводов не могли не интересовать экономические и культурные связи с русским крестьянским населением, которое заводило при острогах пашню, разводило крупный рогатый скот, заготавливая для него сено, принесло с собой ряд кустарных промыслов, строительную технику, новые совершенные орудия труда и т. п. Таким образом, русское и ясачное мирное трудовое население было заинтересовано во взаимных культурно-экономических связях, в мирной обстановке. Эта общность социально-экономических интересов между трудящимся русским и ясачным населением порою проявлялась в XVII в. в совместной обороне от енисейских киргизов и в совместных активных выступлениях трудящихся против царских насильников и угнетателей. Качинцы, как и аринцы, несли вместе с красноярскими служилыми людьми караульную службу и отбивали нападения неприятеля. В одной из челобитных царю качинцы указали, например, как они в 1668 г. при набеге енисейских киргизов на Красноярск „копали глубокий ров и в осаде сидели, на вылазке вместе с служилыми людьми бились“. Качинцы выступали со служилыми людьми не только против грабителей, киргизских феодалов, но участвовали и в некоторых народных движениях против царских угнетателей. Знаменитый „Красноярский бунт“ 1695—1698 гг. в действительности представлял собой народное восстание против царских воевод в Сибири. Известно, что против красноярских воевод с русскими трудящимися восстали и качинцы во главе с Карочаном Тайларовым, которых царские следственные документы именуют вместе с рядовыми служилыми людьми и горожанами Красноярска „воровскими людьми“¹. Замечательное народное движение конца XVII в., к сожалению, ещё слабо изученное, не являлось чисто красноярским местным явлением. В исторических документах имеются указания на „бунтовские замыслы и мятеж“ служилых людей Селенгинского, Удинского, Канского и других острогов Красноярского и Иркутского уездов против верхушки царской власти или „приказных людей“ этих острогов.

Совместные активные выступления трудящихся русского и местного ясачного населения против царских угнетателей ясно показывают, какой степени развития порой достигали эти связи к концу XVII в. Поэтому едва ли можно сомневаться в том, что заинтересованность трудового ясачного населения в экономических и культурных связях с русскими была одной из причин довольно быстрого и мирного первоначального освоения Южной Сибири, пока этому активно не воспротивилась местная феодальная знать, связанная своими классовыми интересами с наиболее крупными азиатскими феодалами-кочевниками.

¹ Н. Н. Оглоблин. Красноярский бунт 1695—1698 годов. Томск, 1902 г.

Отношение феодальной верхушки к русскому освоению Южной Сибири было иным. Убедившись, что зависимые от них племена и роды добровольно и охотно переходят в русское подданство, что таким образом они лишаются прибыльного источника доходов, объекта эксплуатации, киргизские князья начинают упорную военную борьбу с русскими, которая длилась в течение всего XVII в. В ней киргизские князья объединялись между собой и вступали в тесный контакт с различными джунгарскими или монгольскими ханами, также заинтересованными в устранении быстро растущего русского влияния. В основе этой борьбы лежали, конечно, узкокорыстные интересы азиатских феодалов. Они не хотели лишаться своих киштымов, которые не только работали на них, но доставляли им ценную пушнину и снабжали железными изделиями, прежде всего предметами военного снаряжения (холодное оружие, доспехи и т. д.). Как уже отмечалось, киштымы киргизов, жившие по Енисею ниже Красноярска, в бассейне р. Кана, в верховьях Абакана и в бассейне рр. Мрасы и Кондомы, производили большое количество разнообразных железных изделий, которыми они снабжали тюркских и монгольских кочевников как путём уплаты дани, так и порою в порядке натурального обмена. Все эти центры местной железоделательной промышленности, хотя и носившей домашний характер, но все же развитой, в связи с освоением Южной Сибири русскими, были потеряны для азиатских феодалов. Царское правительство, оценивая значение этого, запрещало своим ясачным давать или продавать киргизам и калмыкам железные изделия, чем наносило феодальной верхушке чувствительный удар.

Киргизские князья неоднократно подчёркивали, какое важное значение имеют для них киштымы и как поставщики пушнины. Документальный материал такого рода приводился в предшествующем изложении. Следовательно, борьба киргизских феодалов против русского влияния, против перехода киштымов в русское подданство, против экономического и культурного сближения их и трудящихся киргизов с русским народом не может рассматриваться как освободительная борьба. Агрессивная политика эксплуататорской верхушки енисейских киргизов с её систематическими грабежами и насилиями над мирным русским и ясачным населением проводилась отнюдь не в интересах трудового населения, будь то киштымы или рядовые скотоводы киргизы. Трудовое население, как мы видели, с самого начала было в общем заинтересовано в развитии и укреплении культурно-экономических связей с русским народом и стремилось к мирной жизни. Конечно, и в этой среде под влиянием различных причин, о которых говорилось выше, возникали антирусские настроения, и в грабительских набегах киргизских князей принимали участие также рядовые киргизы, причём не только по принуждению, но и заинтересованные в получении доли

добычи. Однако инициатива военных грабительских набегов и нападений на мирное население исходила не от рядовых кочевников, а от феодальной верхушки.

На основании всего изложенного, мы считаем возможным охарактеризовать борьбу коалиции князей енисейских киргизов и стоящих за их спиной монгольских и джунгарских феодальных кругов реакционной борьбой, отвечавшей лишь корыстным стремлениям эксплуататорской верхушки енисейских киргизов. Никаких общенародных освободительных задач эта борьба не ставила, не преследовала она и целей политической самостоятельности и создания собственной государственности енисейских киргизов.

II. ЯСАЧНЫЕ ЗЕМЛИЦЫ ИЛИ ВОЛОСТИ КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДА.

На протяжении XVII в. в Красноярский уезд входило значительное количество ясачных земель или волостей. Но состав их не был постоянным и устойчивым. В зависимости от изменений в той сложной политической обстановке, которая охарактеризована выше, эти земли и волости то появлялись в ясачных книгах, то исчезали из них. Некоторые из земель (например, Бирюсская, Буклинская и др.) в дошедших до нас книгах вообще отсутствуют, хотя неоднократно упоминаются в различных других документах (отписках, челобитных). Нередко мелкие ясачные земли или волости со временем сливались с другими, более крупными, превращались в улусы тех или иных волостей. Мы не имели возможности изучить на конкретном материале и проследить судьбу всех ясачных земель и волостей, встречающихся в документах XVII в., относящихся к Красноярскому, Томскому и Кузнецкому уездам, прежде всего из-за недостаточности сведений о каждой из них, хотя отлично понимаем, что для целей, поставленных в настоящей работе, это могло бы иметь значение. Но мы попытались сделать это для большинства ясачных волостей и земель, по крайней мере, Красноярского уезда, в той степени, в какой это позволил фактический материал. Исходя из задачи выяснения вопроса происхождения и этнического состава современной хакасской народности, мы не могли оставить вне поля нашего внимания и ряд ясачных земель и волостей Томского и Кузнецкого уездов, ибо ясачное население этих уездов в некоторой части принимало участие в процессе формирования современных хакасов и также может быть отнесено к числу их ближайших исторических предков.

Наше рассмотрение мы начинаем с характеристики ясачных земель и волостей Красноярского уезда и в первую очередь тех из них, которые были наиболее крупными и устойчивыми

в составе ясачного населения этого уезда. Здесь придётся отметить то, о чём частично уже говорилось выше, что ясачные волости или земли являлись преимущественно учётно-налоговыми административными подразделениями ясачного населения, построенными на принципе личного подчинения ясачных своему князю. Территория обитания той или иной земли далеко не всегда была постоянной, так как ясачное население, как правило, не было оседлым и вело кочевой образ жизни, обусловленный довольно отсталыми формами хозяйства в виде пастбищного скотоводства и охоты на зверя. Это способствовало сохранению здесь указанного административного деления. Такой порядок, надо сказать, вполне устраивал в то время местные русские власти, которым было проще и удобнее иметь дело с определёнными князьями, сносясь с ними по всем вопросам как связанным с взносом ясака, так и некоторыми другими обязанностями, вытекающими из факта признания русского подданства и включения в состав русского государства. Однако последнее обстоятельство способствовало закреплению ясачного населения местными князьями, усилению их власти, ибо русские администраторы не вмешивались в дела внутреннего управления ясачным населением, которое жило своим обычным бытом, сложившимся на основе тех общественных отношений господства и подчинения, которые возникли здесь в описанной выше общественно-политической обстановке. В этих условиях разделение ясачных земель на улусы и волости вовсе не являлось лишь результатом административной деятельности представителей русской государственной власти в Сибири в XVII в. Оно было в большей степени фиксацией родоплеменного и феодального устройства ясачного населения, характерного для периода включения Южной Сибири в русское государство. Принимая в русское подданство ту или иную группу населения, с которой русские служилые люди встречались при своём продвижении и постепенном освоении территории Минусинской котловины, они записывали её в ясачные книги или свои донесения под родоплеменными названиями, но с непременным добавлением к ним имени князя, стоящего во главе. При этом имя князя в официальных документах часто становилось наименованием всей новой ясачной волости или земли. Так было, например, с Тюлькиной землей аринов. Ту часть аринов, которую возглавлял князец Тюлька, стали именовать в документах Тюлькиной землей. Имя Татуша, другого аринского князя, стало названием Татушева улуса, сохранявшегося не только в XVII в., но и в XVIII веке. То же самое произошло с термином Койбал, который произошел от собственного имени князя Койбала, возглавлявшего в 50-х годах XVII в. один из родов самодийскоязычных маторов. По имени князя Койбала русские служилые люди называли население, которым он ведал, и занесли его в ясачные книги как

Койбалов улус. С XVIII в. этим термином стали называть целую землю, а в XIX в. одну из Степных Дум. Отсюда стало именоваться койбалами население Койбальской думы. „Койбалы“ стало этническим названием части хакасов и сохранилось до наших дней. То же самое произошло с наименованием кайдинцев—группы населения, говорившей на языке, родственном аринам и енисейским остякам. Эта группа возглавлялась в XVII в. князем Хайтоном или Хайтыном, по имени которого в ясачные книги был занесён Хайтонов улус, население которого стали именовать в XVIII в. кайдинцами. Нужно ещё иметь в виду и то, что по указанной причине отдельные части одного и того же племени или рода иногда получали у русских служилых людей различные названия. Происходило это ещё и потому, что многие племена и роды в силу особенности своего хозяйства (промысел зверя, кочевое скотоводство) вынуждены были разбиваться на группы и жить в различных местах. Переход таких групп в русское подданство иногда совершался разновремененно и под разными названиями. Это обстоятельство нужно иметь в виду при ознакомлении с этническим составом ясачных земель, к рассмотрению которого мы переходим.

1. АРИНСКАЯ ЗЕМЛИЦА.

Землица получила своё название по её населению, именовавшемуся аринами. Но название это возникло довольно поздно, после построения Красноярского острога в 1628 г. Присоединение же аринов к русскому государству началось раньше, уже в первом десятилетии XVII в. часть аринов была причислена к Кетскому острогу, куда и вносили ясак. В русских исторических документах первых двух десятилетий XVII в. арины выступают обычно под названием „остяков“, но различаются по волостям, наименования которым давали русские служилые люди, обычно по имени князцов, возглавлявших эти волости. Заметим, кстати, что название ары или арины утвердилось за той частью „остяков“, которые жили по Енисею и находились в ведении князя Тюльки, вследствие чего первоначально, до построения Красноярска, они назывались „тюлькиными людьми“ или Тюлькиной землицей. Вот эта Тюлькина землица и стала в конце 20-х годов именоваться Аринской землицей. Однако её население с этого времени обычно именуется уже „татарами“, а не „остяками“, хотя именно это население в отписках кетских воевод в первом десятилетии XVII в. называлось „остяками“. Что же касается той части „остяков“, родственников енисейским аринам, живших по р. Кети (и соседящих с ними обитателей верховьев Малой Кеми), которых можно назвать верхне-кетскими остяками, то в отношении их всё время удерживаются дробные названия по ясач-

ным волостям. Следует указать, что понятие „волость“ для этого времени, судя по тому историческому материалу, которым мы располагаем, может быть охарактеризовано как окладная ясачная единица.

По мере того, как служилые люди, продвигаясь от Оби к Енисею, открывали и включали в состав Русского государства ту или иную группу местного, довольно редкого и раздробленного, населения, они фиксировали её численность, учитывая взрослых мужчин, подлежащих обложению ясаком, выясняли возглавляющее её лицо и, назвав его „князцом“, под его именем, записывали эту группу населения, как новую волость (иногда землю), в официальные документы. Князец этот становился ответственным за исправный взнос ясака и за верность русскому государству. Следовательно, в основе деления на такие волости лежала не определённая территория, а то или иное количество ясачных плательщиков, числящихся в ведении определённого князца. Вот почему в ясачных книгах Томского, Енисейского, Красноярского уездов числится так много мелких волостей, в которых количество ясачных плательщиков колеблется в пределах одного или двух десятков человек. Вследствие такого первоначального порядка образования ясачных волостей, последние сплошь и рядом не совпадали с племенами и родами местного населения в целом, а являлись их мелкими подразделениями, возникшими более или менее случайно, что не могло не содействовать дальнейшему распаду и смешению этих родоплеменных родственных объединений разноязычного населения Минусинской котловины. Иногда такая волость представляла собой, как нам кажется, большую патриархальную семью, включающую в себя и зависимых и несвободных членов („холопей“ или „киштымов“ — данников). Глава её именовался обычно в ясачных книгах князцом. Столь стандартная запись в ясачных книгах, как „волость Весловская, а в ней князец Весла с товарищи 3 человека“, наталкивает на мысль, что в ряде случаев волость совпадала с одной большой патриархальной семьёй. В других случаях волость включала в себя и по две и больше патриархальных семей. Подтверждение этому можно видеть и в том, что в некоторых волостях, называемых уже не по имени князца, а по местности или по племенной группе, было по 2 князца. Здесь князцы каждый „с товарищи“ (3 или 5 человек), видимо, также были патриархальными главами больших семей. Конечно, совпадение мелкой волости с патриархальной семьёй также не являлось закономерным для того времени. Наряду с такими маленькими волостями как упомянутая остяцкая Весловская, состоящая всего из 3 человек плательщиков ясака, у тех же аринов — остяков (как кетских, так и енисейских) мы находим и более крупные по количеству населения ясачные волости, которые никак не могут быть отождеств-

лены с большой патриархальной семьёй. Такова, например, Пумпокольская (или Панпукольская) волость кетских остяков-аринов, возглавлявшаяся князем Урнуком, в ведении которого по ясачным книгам 1620/21 гг. числилось ясачных плательщиков 34 человека. В Нацкой или Кадыской волости кетских же остяков, возглавлявшейся вначале князем Намаком, числилось более 20 человек¹. А в Тюлькиной волости или земле енисейских остяков—аринов было 250 ясачных людей. Князцами в этой волости были и сыновья Тюльки и родной брат князца кетских аринов Намака, по имени Атабай и т. д. Но и такая крупная ясачная волость или земля аринов, как Тюлькина, едва ли совпадала с племенем. В противном случае братья Намак и Атабай не оказались бы князцами различных волостей, да ещё столь удалённых друг от друга. Таким образом, первоначально возникновение ясачных волостей у аринов вело к раздроблению их родоплеменной организации, как, вероятно, и у других племён и народностей бассейна Енисея. Этот процесс, нам кажется, с особенной силой развился на протяжении всего XVII века ввиду исключительно беспокойной, сложной и неустойчивой политической обстановки в этих районах Сибири в указанном столетии; в результате чего племена и роды местного населения непрерывно дробились и смешивались. Однако, мы не ставили перед собой задачи исследовать этот вопрос специально и коснулись его здесь попутно, чтобы пояснить некоторые особенности, связанные с понятием ясачной волости того времени, и поэтому после такого небольшого отступления возвращаемся к рассмотрению вопроса об Аринской земле.

Первыми из аринских князцов, принявшими русское подданство и вносившими ясак в кетский острог, были Урнук и Намак. В отписке кетского воеводы за 1608 г. сообщается, что в том году в Кетский острог приходил и приносил ясак князец Урнук с „лутчим человеком Олка“. Здесь же мы встречаем упоминание о князце Намаке, к которому в тот же год ходил упомянутый „лутчий человек Олка“ за ясаком „в перевотчиках“. При этом волость Намака названа „новой землицей“. Одновременно воевода доносил в этой отписке томским воеводам, что „в прошлом году“ (т. е. 1607 г.) он посылал служилых людей на Енисей к „Тюлькину сыну и их людям“ за ясаком, но ясаку им Тюлькин сын не дал². В этом документе мы имеем первое, известное нам, упоминание о князце Тюльке, который был самым крупным князцом аринов, по имени которого и аринская земля в первых десятилетиях XVII в. обыч-

¹ Князец Намак в некоторых документах именуется князцом Аманаком. См. Миллер, т. II, стр. 240. С таким же перебоем слогов в документах мы встречаемся в написании имени князца Атабая или Абатая.

² Документ № 79, Миллер, т. II, стр. 208.

но именовалась Тюлькиной. Судя по приведённому документу, знакомство русских служилых людей с Тюлькой состоялось ранее 1608 г., но платил ли он в это время ясак со своей земли — неизвестно. Зато здесь содержатся ценные сведения, позволяющие отнести присоединение части аринов к Русскому государству, к периоду ранее 1608 г.

Князец Урнук или Урнучка, а по некоторым документам Урлюк, и князец Намак жили в верхнем течении р. Кети, поэтому в документах Кетского острога, к которому они были причислены до 1618 г., относились к „дальним“ или „верхним волостям“. Что это были арины, видно из того, что князец Намак был братом известного аринского князца Абытая (или Атабая), возглавлявшего Абытаев улус Аринской земли и вместе с князем Тюлькой помогавшего строить А. Дубенскому Красноярский острог (Абытай давал лошадей „на острог лесу возить“). Общность языка кетских и енисейских аринов отражена в том, приведённом выше, факте, из которого мы узнаём, что „лутчей человек Олка“ из волости князца Урнука ходил переводчиком к енисейским аринам.

Волость Урнука именовалась иногда Панпукольской-Урнуковой¹, а волость Намака — Кадисской-Намаковой. О местоположении этих аринских-кетских волостей имеются следующие данные. В известном дневнике своего путешествия через Сибирь в 1675 г. Н. Спафарий, описывая реку Кеть в её верхнем течении, сообщает: „На правой стороне Юрлуково городище, а в том городище живал остяцкий князец Урнюк. И то городище ныне пусто и все сгнило и лесом поросло, от Старой Кети (так названа протока р. Кети, — Л. П.) 12 вёрст. А стоит то Урлюково городище на красном месте, на яру. А от Урлюкова городища пойдут остяки Маковские“². Н. Спафарий, посетивший эти места лет пятьдесят после смерти Урлука-Урнюка, имел возможность посмотреть место обитания этого князца и точно его описать. Намак же жил по соседству с волостью Урнука, ещё дальше к верховьям Кети. Его волость известна по документам под разными названиями. Её именуют Намацкой, Нацкой, Кадинской или Кадышской верхней волостью. Затем в начале XVII в. её объединили с Пумпокольской, и она стала называться „Нацкой Пумпокольской“³. Намак владел местностью, где был поставлен затем Маковский⁴ острог, который, видимо, в силу этого назывался ещё Намац-

¹ Документ № 88, Миллер, т. II, стр. 215—216.

² Документы №№ 133 и 158, Миллер, т. II, стр. 244, 259.

³ Записки РГО по Отделению Этнографии, т. X, в. I, 1882, стр. 78. Князец Урнук „с товарищи 35 человек“ числится ещё в Ясачной книге Енисейского острога за 1623 г., См. Миллер, т. II, стр. 291.

⁴ Миллер, т. II, стр. 44, 244. Ср. документ 1611 г., в котором сказано „в Кадышескую волость к князцу Намаку“ (Русская Историческая Библиотека), т. II, 1875 г., стр. 212.

ким.¹ Острог этот был построен в 1618 г. „на Макоцком волоке“, т. е. там, где кончалось плавание по р. Кети в районе впадения р. Сочюра и начинался волок в систему Енисея, расстояние которого составляло 2—3 дня пути на вьючных лошадях.²

Выше уже говорилось, что Енисейские арины, или Тюлькина земля, ещё в 1608 г. не считали себя подданными Русского государства. Это видно из того, что ходившие за ясаком казаки сообщили, что арины ясаку не дали, а послали только „поминки“, т. е. вместо ясака дали поминки, как называлось тогда добровольное подношение. Князец их по имени Кобытя, сын князца Тюльки, был в то время киштымом енисейских киргизов, которым и платил ясак. В этом же документе далее говорится: „а живёт де тот Тюлькин сын и с своими остяками податно к киргисским людям, и ясак в прежних годах тот Тюлькин сын киргисским людям, а надеются на тех же киргисцов, что государю ясак не платят“.³ Нельзя не обратить внимания на то, что в приведённом документе Тюлькины люди называются не татарами, не аринами, а остяками. Это обстоятельство имеет существенное значение для выяснения этнической характеристики аринов, и мы его будем иметь в виду в дальнейшем изложении.

В документе 1609 г. уже констатируется получение ясака и от Тюлькиного сына: „а новья ж земли князец Кобытя, Тулкин сын, убоился войны государевых людей, прислал государю ясак два сорока соболей к ясачным государевым людям в новую ж землю в Веслову волость; а преж сево тот князец Кобытя Тулкин сын государю ясаку не даывал же“⁴. Под Весловой волостью подразумевается часть кетских аринов, находившихся в ведении князца Веслы, обитавшего в верховьях Малой Кеми. Эта маленькая волость под главенством Веслы именовалась обычно после построения Маковского острога волостью: Маковской, Макуцкой.⁵ Под этим названием она выступает, например, в ясачных книгах Енисейского острога на 1620-21 гг., 1622-23 г., где в записях указано, что в ней князец Весла „с товарищи 3 человека“.⁶

С 1608—1609 гг. арины довольно регулярно вносят ясак, причём сбор ясака с них иногда производят не русские служилые люди, а князцы кетских остяков (в порядке службы) по поручению воеводы Кецкого острога. Об этом говорит следующий документ 1613 г.: „в Тюлькину землю ходили Нама-

¹ См., например, документ № 150, Миллер, т. II, стр. 254—255.

² Записки РГО по Отд. Этнографии, т. X, в. 1, стр. 80, 85.

³ Документ № 79, Миллер, т. II, стр. 208.

⁴ Документ № 83, т. II, стр. 211.

⁵ Документ № 158, Миллер, т. II, стр. 260.

⁶ Документы №№ 158, 175, 195, Миллер, т. II, стр. 260, 274, 292. По Миллеру „весловские остяки“ соединились с Красноярскими аринами после 1630 г. (стр. 44).

ков брат Атабай, лутчей человек Енбель; и из Тюлькины, государь, землицы Атабай принёс государева ясаку 60 соболей да... поминков 13 соболей. А бил челом государю Тюлькины земли князец Затыгаш, что им государева ясаку больше тово дать невозможно, потому что де их воевали брацкие люди и что де было у них ясаку в сборе, и тот де ясак у них отгромили брацкие люди¹. Тюлькина или Аринская земляца была приписана после построения Томского острога к этому новому русскому административному и культурно-экономическому центру Сибири. Однако некоторое время аринам в Тюлькиной земле (она именовалась иногда также волостью) приходилось платить ясак как в Кетский острог, так и в Томск. В одном из документов говорится: „волость Тюлькина от Кецкого острогу удалена, а по распросным речам казака Давыдка Городчикова ясачных людей в Тюлькиной волости 250 человек, а в прошлом во 125-м году (т. е. 1617 г.—Л. П.) взято с них государева ясаку в Кецкий острог 2 сорока соболей, а во 126-м году взято с них государева ясаку в Кецкой острог 50 соболей, да в Томской город взято с них на тот же год 50 соболей“².

В 1618 г. был построен Енисейский острог, к которому вместе с различными волостями енисейских остяков была приписана и Тюлькинская земляца. Об этом упоминается в документе 1618 г., где сказано, что „к новому Тунгусскому острогу“, как вначале именовали Енисейский острог, „поворочено“ десять волостей: „волость Панпукольская Урнукова, а в ней ясачных людей 37 человек, волость Кадисская Намакова, ясачных людей 8 человек, Кас волость, Сым волость, Енисея, ясачных людей 24 человека, волость Кемские вершины, ясачных людей 15 человек, волость Макуцкая, ясачных людей 3 человека, волость Ямышская, ясачных людей 2 человека, волость Тюлькина, от Кецкого острогу удалена.“³ Арины в это время исправно вносили ясак и не поддавались на проiski киргизских феодалов, нападавших на русское и ясачное население. Енисейский остяк Тымка, зимовавший в Тюлькиной земле у аринов, рассказывал в 1619 г. в Енисейском остроге „Приходили де при нём киргизы в Тюлькину землю звати тюлькиных людей с собой под Томской город и под Кузнецкий острог, и тюлькины люди им отказали: мы не идём, и они де пошли иных землиц подзывать, асанов и Бохты землицы“⁴. Правда, в 1621 г. в Томске были получены сведения о намерении киргизов напасть на Томский и Кузнецкий уезды, причём в качестве союзников киргизских князей по этим сведениям были и аринские князцы, но этого выступления аринов

¹ Документ № 108, Миллер, т. II, стр. 227.

² Документ № 133, Миллер, т. II, стр. 244.

³ Документ № 133, Миллер, т. II, стр. 244.

⁴ Отписка Петра Албычева от июня 1619 г. Миллер, т. II, стр. 249—250.

не произошло, и они продолжают исправно вносить ясак. Известно, что в 1625 г. они внесли в Енисейский острог 99 соборей¹. Но в следующий 1626 год отряд тюлькиных людей приходил на Кеть в Надскую волость и взял к себе в Тюлькину землю местного „кнезца Епею со всем его племенем“.² Князец Епей сменил в Нацкой волости Намака. В последний раз имя Намака попадает в 1617 г. А в ясачных книгах 1620-21 гг. князцом этой волости указывается уже Епей, который известен нам ещё по Кадыской волости в 1610 г., когда он как „остяк Епей Койбинцын сын“ приносит в Кетский острог ясак.³

Начиная с 1620 г., в русских исторических документах появляется имя ара, арины, аринские князцы,⁴ но ещё наряду с „тюлькиными людьми“. В Ясачных книгах Енисейского острога за 1621-23 гг. отмечено получение ясака соборами с князцов Тюлькинской земли Татуша и Набатая и с родственного аринам племени асанов, поименованных в этих записях „Новой Васанской землицей“.⁵ В записях о получении ясака с Тюлькиной земли, кроме „кочевых“ аринов, упоминаются ещё и „пашенные“. Арины теперь именуются, как и качинцы, татарами. Однако в упоминании о пашенных татарах под Красноярском в Тюлькиной земле нельзя не видеть также и качинцев, входивших в состав Тюлькиной земли, знакомых с земледелием, видимо, ещё в период пребывания их на Тоболе под властью хана Кучума. В 1625 г. в енисейский острог доставил „ясак с тюлькиных людей 99 соборей“ атаман Васька Алексеев.⁶ Он пытался купить у аринов лошадей для вспашки „государевы пашни“, но „тюлькинские люди“ ему сказали, „что де у нас продажных лошадей для государевы пашни не будет, да и служивых бы людей к нам для государевы лошадиные покупки из Енисейского острогу не посылали“. Часть спутников В. Алексеева хотела было отправиться через Тюлькину землю в Тубинскую землю за ясаком, но арины не пропустили сборщиков ясака, мотивируя тем, „что де Тубинские землицы князцы и лутчие люди со всеми своими людьми откочевали в Киргизы и ныне де живут все тубинцы в Киргизах“.

В 1628 г., в связи с основанием Красноярского острога на территории Тюлькиной земли, арины во главе с князцом Татушем были приписаны к новому острогу, и Тюлькина земля после этого стала именоваться Аринской подгородной. Местные аринские князцы вначале довольно благожелательно отнеслись к постройке Красноярского острога и, как упомина-

¹ Отписки тобольского воеводы М. Годунова и Енисейского воеводы Я. Хрипунова. Миллер, т. II, стр. 262 и 318.

² Миллер, т. II, стр. 564.

³ Документы №№ 95, 158, 175, 195, Миллер, т. II, стр. 219, 259, 273, 292.

⁴ Документы №№ 145, 156, Миллер, т. II, стр. 251, 257—258.

⁵ Документы №№ 143, 158, 175, 195, Миллер, т. II, стр. 250, 260, 273, 292.

⁶ Отписка Енисейского воеводы Я. Хрипунова. Миллер, т. II, стр. 318.

лось, даже давали А. Дубенскому, строившему острог, лошадей „на острог лесу возить“.¹ Но вскоре они изменили это отношение. Уже во время постройки Красноярского острога в июле 1628 г. аринские и качинские князцы и „лутчие люди“, подстрекаемые снова киргизскими феодалами и выполняя их инструкцию, „отъехали в Кыргызы“ вместе с зависимым от них кочевым населением. При этом они „у острогу служивых людей побивали и к острогу приступали“.²

В ответ на это Красноярские служилые люди ходили „на пашни качинских и аринских татар на Красном Яру на государевых изменников и непослушников на аринских и качинских людей войною и мы холопы твои тебе государю служили, —пишут казаки, —съехали на пашнях на Красном Яру с аринскими и качинскими людьми, бой был с ними... многих твоих изменников и непослушников аринских и качинских людей побили и языки поймали и привели в качинской в Красной острог к Ондрею Офонасьевичу Дубенскому“.³ Более того, атаман Иван Кольцов, выступивший со 140 служилыми казаками, отправившись „в Киргизы“ полностью разбил качинцев и аринов и взял в плен „Кыргыскую княгиню Кулера, стара гораздо“. Это привело к тому, что аринский князь Татуш, по словам документа: „государю добил челом и вину свой покрыл, и в оманаты сына своего дал и лутчева мужика Кубеянова сына же своего в оманаты дал; и на нынешний 137-й (т. е. 1629 г.—Л. П.) год тебе государю ясак тот Татуш с своими людьми дали, и качинцы под твою государеву высокую руки приклонились“. При этом „в съезжей избе аринский князед Татуш сказал: и ныне де нам Алтыну ясак дать же“. В конце 1629 г. аринский князед Татуш, именуемый в документе татарским князцом, идёт с красноярским служилым человеком, качинцем Ивашкой Бабушкиным „в Киргизы“ и привозит от них ясак 100 соболей“.⁴ В 1630 г. часть аринов оказывается присоединенной к Макуцкой волости енисейских аринов, числившейся в Енисейском уезде, которая, как указывалось выше, именовалась ещё (по имени возглавлявшего её князца Веслы) Весловской волостью.

В дальнейшем аринские князцы, как и качинские, довольно часто вступали в сговор с агрессивной феодальной верхушкой киргизов, а иногда и калмыков (западных монголов), и уводили к ним зависимое от них население с обычных своих кочевьев, нарушая присягу и договоры, заключаемые с представителями царской власти в Красноярске. Исторические документы засвидетельствовали это для периода 1639—1644 гг.

¹ Сиб. приказ, стб. № 12, л. 201.

² Документ № 245, Миллер, т. II, стр. 340.

³ ЦГАДА. Сиб. приказ, стб. 368, л. 127; Документы №№ 249, 250, Миллер, т. II, стр. 342.

⁴ Документ № 256, Миллер, т. II, стр. 347.

(когда в Аринской волости стало числиться только 49 ясачных), затем для 1641-42, 1659 и 1665 гг.¹ В одном из документов говорится, например, что „Красноярские подгородные Качинские и Аринские татаровя, посадя в Красноярском остроге аманат своих, уехали из под Красноярского острогу на низ в степь, в дальние места, где преж сего не кочевывали, близко Енисейского уезду по Бузимским и по подъёмным вершинам с жёнами и с детьми и с коньми и с рогатым скотом, и со всеми своими кочевьи, и к Кетским вершинам и ссылаются с киргизы и с калмыки безпрестанно“.² Надо сказать, что такая политика аринских князцов, действовавших по наущению киргизских и калмыцких феодалов, тяжело отразилась на положении рядовых кочевников-аринов. Именно эта политика аринской верхушки привела к раздробленности аринов, большой убыли населения, к потере родовых кочевий, к ассимиляции их затем в среде качинцев, киргизов и т. д. Изучение русских исторических актов и некоторых материалов XVIII в. даёт возможность установить местообитание аринов, их языковую и этническую принадлежность.

Арины занимали территорию вниз по р. Енисею от устья Качи до порога, служившего в первой половине XVII в. границей между Енисейским и Красноярским уездами. В одном из документов 1617 г. говорится: „а от Тунгусково устья вверх по Енисею 3 дни ходу дощаником до порогу. А порогу... на Енисее 2 версты, а выше порогу 3 дни до Тюлькиных людей“.³ Под тюлькиными людьми здесь подразумеваются арины. Расстояние от порога „в 3 дни“ определено для передвижения на дощаниках, следуемых против течения. Стало быть, арины жили по берегам Енисея выше порога. Однако, судя по ряду наших исторических документов, они обитали и ниже этого порога, захватывая верховья р. Кети и речку Уксат, а также в сторону от берегов Енисея „на речке Бузуме с усть речки Колы, по речке Бузуме по обе стороны до Лиственного броду, а в гору от той речки Бузума по нижнюю сторону до вершины Колы речки и на вершину аринского Нижнего Мымьюля, вверх по Мымьюлю до устья верхнего Исылюша, а с верхнего Исылюша до левые Тустинские вершины“.³ Нет сомнения в том, что часть аринов жила и в бассейне Оби, по р. Кети, в районе волока на Енисей. Это было показано нами выше, в отношении Пумпокольской, Нацкой и др. волостей, население которых всегда именуется в документах остяками. Но остяками,

¹ Оглоблин, Столбцы Сибирского Приказа, ч. III, стр. 54; Дополнения к Актам Историческим, т. V, стр. 39; Дополнения к Актам Историческим, т. IV, стр. 183; Акты Исторические, т. V, стр. 39.

² Дополнения к Актам Историческим, т. V, стр. 39.

³ Дополнения к Актам Историческим, т. V, № 4, Сиб. приказ, кн. № 1504, лл. 117, 119. Цитируется в Примечаниях к Истории Сибири Миллера, т. II, стр. 563, составленных А. И. Андреевым и С. В. Бахрушиным.

как мы теперь знаем, именовались и тюлькины люди (точнее сына Тюльки). Стало быть, территория распространения кетоязычных аринов, к которым мы относим также енисейских остяков, относится и к р. Кети.

Память о прежнем местообитании арины сохраняли довольно долго.

Родство енисейских остяков между собой (в том числе и той их части, обитавшей под Красноярском, которая сделалась известной с 20-х годов XVII в. под именем аринов), а также с кетскими остяками, доказывается близостью их языка. Это было известно практически уже в первой половине XVII в. Русские служилые люди руководствовались этим фактом при подборе себе переводчиков, когда им нужно было собирать ясак или вступать в сношения с теми или иными группами енисейских остяков. Более того, было известно и то, что близки и родственны этим енисейским остякам-аринам ещё так называемые котты и асаны. Из документа 1629 г. видно, например, что отправляясь в Канскую землю (на р. Кан), где жили котты, русские служилые люди брали с собой в качестве переводчиков аринов. Из сказанного выше становится вполне объяснимым такое сообщение документа (1610 г.), в котором рассказывается о кетских (т. е. приписанных в то время к Кецкому острогу) ясачных остяках, проживавших на Енисее и составлявших здесь Кузнецкую волость, подвергшихся разгрому от тунгусов. Разгромленные остяки бежали искать спасения в Тюлькину землю, т. е. к своим родственникам остякам-аринам, жившим выше по р. Енисею.¹ Однако язык аринов научно был определён только в XVIII в. во время пребывания в 1735 г. в Красноярске Г. Миллера. В то время арины говорили уже по-качински, т. е. на одном из языков тюркской группы. Но Миллеру удалось найти старика, который ещё помнил родной аринский язык, и, сделав от него записи, Миллер сразу же определил аринский язык как кетский и установил его единство с коттовским и ассанским языками.² Позднее принадлежность аринов по языку к енисейским остякам была подтверждена в XIX в. М. А. Кастреном.

Старик арин, живший при речке Бузиме (приток Енисея) сообщил Миллеру, что имя „ара“ или во множественном числе „аралар“ — татарское (т. е. тюркоязычное) и оно было дано аринам с незапамятных времён татарами около Красноярска.³

Таким образом, термин „арины“ возможно не было самоназванием для всех групп енисейских и кетских аринов-остяков, которые, видимо, именовали себя по родам, а термин „ара“ мог быть одним из названий группы родов енисейских арин-

¹ Документ № 95, Миллер, т. II, стр. 219.

² Миллер, т. II, стр. 48.

³ Миллер, т. I, стр. 186.

цев Тюлькиной земли, которое их соседи, в том числе русское население, распространили на всех подгородных красноярских аринов.

Об общности и родстве кетских остяков с аринами свидетельствует и такая немаловажная этнографическая особенность, как способ давать клятву. Если сопоставить сообщения Г. Миллера на сей счет о кетских остяках с сообщением Георги об аринах, то оказывается те и другие при клятве прикасались губами или зубами к медвежьей голове¹.

Исторические русские документы содержат некоторые сведения об административном делении аринов. Они делились на улусы, возглавляемые князьями, по принципу личного подчинения, но отнюдь не по территориальному. Как выясняется, в первой половине XVII в. арины были разделены в административном отношении на улусы, называвшиеся по имени своих князцов. Таких улусов, записанных в ясачных книгах, было пять: Татушев, Абытаев, Канбирев (выделился из Абытаева), Тетюгин, Щербаков. Судя по данным ясачных книг, эти улусы были немногочисленны. В 1642 г. в Татушевом улусе платило ясак 18 человек, в Абытаевом и Канбиревом—по 10 человек, в Щербаковом—7 человек, в Тетюгинском улусе—7 человек. Кроме того, в этом году значится платящих ясак „весловских мужиков“—4 человека, да родственных аринам—ястынцев—24 человека. Таким образом, всего в Аринской земле в указанном году было на учете 80 ясачных, т. е., видимо, свыше 300 душ обоего пола всего населения.² С этого года, судя по делопроизводству царского административного аппарата, в Сибири устанавливается описанный состав Аринской земли, который не только не изменялся в дальнейшем на протяжении XVII в., но перешёл в таком виде и в XVIII в. На карте Ремезова, составленной в 1701 г., но, конечно, по данным XVII в., арины показаны также на р. Бузиме под названием „яренцы“. Это, видимо, была та часть их, которая откочевала в эти места из-под Красноярска в 1655 г.

Власть князцов у аринов передавалась по наследству от отца к сыну. Улус отца дробился со смертью последнего между его сыновьями.

В социальном отношении арины были неоднородны и четко делились на две группы: 1) князцов и „лутчих людей“ (богачей), 2) улусных „мужиков“. Первые представляли социальную верхушку, а вторые—рядовых аринов, зависимых от своей полупфеодальной, полупатриархальной знати. Мелкие и раздроб-

¹ Миллер. Описание сибирских народов (рукопись). Архив АН СССР. Георги. Описание всех обитающих в Российской империи народов. СПб, 1792, ч. III, стр. 25.

² В середине XVII в. общая численность аринов, по подсчёту Б. О. Долгих, составляла около 500 человек. Краткие сообщения И-та Этнографии, 1949 г., т. VIII, стр. 46.

ленные улусы аринов не были самостоятельными и постоянно находились в зависимости от тех или иных более крупных феодалов Южной Сибири, у которых они были на положении киштымов. Как видно из документов, приведённых выше, до появления русских в бассейне Енисея арины жили „податно“ к киргизским князьям, затем Алтын-хану, а временами с них брали ясак бурятские или калмыцкие феодалы. Часто арины оказывались в положении многоданников. При переходе в русское подданство аринские князья были оставлены во главе своих улусов. Иногда они несли „царскую службу“ и участвовали в экспедициях по сбору ясака и военных походах против, например, бурятских феодалов, нападавших на русские остроги и ясачное население. Однако, чаще аринская верхушка следовала инструкциям киргизской феодальной знати либо под угрозой нападения и разорения, либо в своих корыстных целях. Разумеется, играло в этом роль и недовольство политикой царских властей, не доверявших местным князьям и применявших по отношению к ним довольно крутые меры, требуя, например, аманатов (заложников), обычно сыновей и племянников князцов и „лутчих людей“, которых содержали в острогах. В 1639 г., например, когда с аманатского двора в Красноярске был выпущен „аринского лучшего князца Татуша сын Алдалка“, „подгородные аринские, качинские и ястинские татаровя“ сбежали к киргизам. Но когда в 1641 г. томский воевода послал к ним служилых людей с предложением вернуться на старые кочевья под Красноярск, то 100 аринов подчинились этому требованию.

Крайне мало сведений в исторических документах о культуре и быте аринов. Достоверно известно, что это были люди „кочевные“, занимавшиеся в основном скотоводством. Особенно развито у них было, видимо, коневодство, ибо из Енисейского острога к ним посылали казаков для покупки лошадей „для государевы пашни“¹. Однако среди аринов были и „пашенные“, т. е. занимавшиеся земледелием. Из челобитной русских казаков, строивших Красноярский острог (как и из других документов), это вполне ясно. Казаки пишут, что они покупали у аринцев „сарану и курлык дорогою ценой и последнее свое платишко на курлык и на саране поотдавали татарам... покупали у татар пашенные лошадёнки... и семян... яровых покупали у них же у татар ячмени пуд по рублю и дороже“². Отсюда видно, что сеяли арины ячмень, дикую гречиху (карлык) и заготавливали корни сараны. Последнее обстоятельство указывает на ограниченность и примитивность аринского земледелия, далеко не обеспечивавшего потребительские

¹ Отписка Енисейского воеводы Я. Хрилунова от марта 1625 г. Миллер т. II, стр. 318.

² ЦГАДА, Сиб. приказ, стб. 12, л. 531.

потребности таких „земледельцев“. Это было, видимо, земледелие мотыжного типа, как можно об этом судить по аналогичным материалам XVIII в. Поэтому вполне естественно, что русские документы определяют аринов как кочевников-скотоводов. В документе 1670 г. говорится, например: „а по Енисею живут конные люди Аринцы“¹.

Как и у многих кочевников Южной Сибири, существенное значение в хозяйстве аринов имела охота на пушного зверя (особенно соболей), которыми они платили дань киргизам или, позднее, царским властям. Они добывали также бобра и имели свои „бобровые речки“. Наряду с этим они занимались и рыболовством, имевшим для них, видимо, немаловажное значение для повседневного питания.²

По религии арины были шаманистами. Шаманский культ существовал у них даже в первой половине XVIII в. Путешественник Гмелин, посетивший аринов в 1735 г., упоминает об „яринском колдуне“, проживавшем в верховьях р. Сыды.

Как указывалось выше, покорное следование аринской верхушки политике киргизской феодальной знати вовлекло аринов вместе с качинцами в вооруженную борьбу между киргизами и Алтын-ханом. В результате этого арины были не только разгромлены, но и территориально рассеяны, причём, большая часть их присоединилась к качинцам, в среде которых они быстро ассимилировались.

Кроме аринов, в ясачных книгах этой земли записаны родственные им (т. е. кетоязычные) ястынцы. Когда был поставлен Красноярский острог, они жили близ острога вместе с аринами и качинцами³. Русские служилые люди, строившие Красноярский острог, жаловались на киргизов, которые в 1630 г. подходили к острогу и увели насильно с собой ясачных качинцев, аринцев и ястынцев. Упоминаются ястынцы как „подгородные ясачные татары“ в 1664 г.⁴. Записи о них появляются с 1639 г., когда начинаются статистические сведения о количестве населения Аринской земли. В 1639 г. показано 20 человек ястынцев, платящих ясак. В 1659 г. они вместе с аринами и качинцами „бежали в киргизы“⁵. На карте Ремезова они показаны живущими по р. Кану. В XVIII в. они вместе с аринами слились с качинцами, о чём будет сказано дальше.

2. КАЧИНСКАЯ (ПОДГОРОДНАЯ) ЗЕМЛИЦА.

Под Качинской землицей в XVII в. подразумевалось смешанное по языку и происхождению население, жившее по

¹ Оглоблин. Столбцы Сибирского приказа, ч. III, стр. 239.

² Грамота в Енисейск воеводе Пашкову. Миллер, т. II, стр. 535.

³ Сибирский приказ, стб. № 12, л. 531.

⁴ Сиб. приказ, стб. № 380, л. 69.

⁵ Дополнения к Актам Историческим, т. VI, стр. 183.

р. Каче, называвшейся в начале XVIII в. по-тюркски—Изыр-су. По свидетельству Г. Миллера, посетившего Красноярск в 1735 г. и изучавшего вопросы истории и этнографии местного населения, наименование „качинцы“ было дано группе населения, жившей в Тюлькиной (аринской) земле по р. Каче. Миллер замечает: „Родовое название этих татар, которым они отличались от других родов своего народа, было „кашкар, каштар или кашкалар“. От этого произошли русские слова „качи“ и „качинцы“, а также русское название реки Качи, тогда как татары называют ее Изыр-су. Когда татарам приходится переводить на свой язык слово „качинцы“, они говорят „изыркичи“, что означает людей, живущих на реке Изыр“¹. Последнее сообщение Миллера вполне правдоподобно, ибо такое обыкновение, когда группа населения, живущая в бассейне той или иной реки, называет себя, независимо от родоплеменного состава, общим территориальным термином по имени реки, хорошо известно нам и в отношении других тюркоязычных племён, например, Горного Алтая. На Алтае так обстоит дело с названиями „Чу-кижи“ или „Майма-кижи“ и др., означающими буквально „люди реки Чуи“ (теленгиты) или „люди реки Маймы“ (различные роды алтайцев, проживающие в бассейне этой реки). В таких терминах отражается преобладающее значение территориальных связей в жизни населения, что указывает уже на разложение родоплеменных связей. Таким образом, опираясь на полевые материалы Миллера, термин „качинцы“ можно считать синонимом термина „изыркичи“ или „езерцы“, имя которых довольно часто встречается в русских исторических документах XVII в. Однако, в этих документах термины „качинцы“ и „езерцы“ применяются к разным этническим группам населения. Термином качинцы называются „качинские татары“ или „татары“, живущие по р. Кача под Красноярском и составляющие подгородную ясачную волость, а имя езерцев употребляется только применительно к части енисейских киргизов, (которые никогда татарами не именуются), входящей в состав Езерского улуса. Следовательно, мы не имеем оснований, пользуясь материалом русских исторических актов XVII в., отождествлять эти два термина вследствие того, что русские люди в то время подразумевали под этими названиями различные этнические группы. Поэтому вопрос о происхождении и этническом составе качинцев XVII в. нужно считать пока открытым. Достоверно известным этнический состав качинцев становится только в период XVIII—XIX в.в., после ухода енисейских киргизов в Джунгарию, когда произошла новая консолидация ряда территориальных групп, весьма смешанного родоплеменного состава, вошедших в этнический состав современных хакасов. В этническом отношении качинцы XVIII—XIX вв.,

¹ Миллер, т. II, стр. 49.

видимо, не очень отличались от качинцев XVII в., вопрос о происхождении которых ещё остается для нас не вполне ясным. Правда, в отношении этнического состава качинцев XVII в. можно высказать некоторые предположения, но для их окончательного подтверждения фактического материала всё же недостаточно. Мы позволим себе кратко остановиться на этом. Вернёмся к цитированному выше сообщению Миллера. Он указывает, что русское название „качи“ и „качинцы“ произошло от этнонима „каш“ или „кашка“, которое он приводит в форме множественного числа тюркского языка (каштар, кашкалар). Если это так, в чём сомневаться у нас нет оснований, тем более, что термин „кашка“ сохранился у современных качинцев до нашего времени, как название одного из сеоков (родов), то наличие среди качинцев XVII в. этнонима „каш“ может служить одним из свидетельств того, что в их составе был самодийский этнический элемент. Именно этот этноним лежал в основе обобщённого наименования самодийскоязычных конных „кашинцев“ (делившихся на ряд улусов) и некоторых родов карагасов, о чём нам придётся говорить ещё дальше. То обстоятельство, что этноним „каш“ принял множественное число тюркского языка, может служить указанием на тюркизацию самодийскоязычных этнических элементов в среде качинцев XVII в. Тюркизация самодийскоязычных (как и кетоязычных, в частности, аринцев) элементов в среде качинцев могла осуществляться прежде всего енисейскими киргизами, с которыми племена „каш“ несомненно смешивались, в частности, с езерцами, давшими, вероятно, своё наименование р. Каче, по которой они, как можно предполагать, жили. Кроме смешения и ассимиляции в среде енисейских киргизов, самодийскоязычные кашинцы, как и кетоязычные аринцы, смешивались и скрещивались ещё с той частью тюркоязычного населения Западной Сибири, вышедшей из района р. Тобола, которая оказалась здесь в результате падения Сибирского ханства в конце XVI в. Нам придётся ещё коснуться этого вопроса несколько дальше, а теперь хотелось бы отметить, что термин „Качинская земля“ появляется впервые в документах, относящихся к построению в 1628 г. Красноярского острога, в то время как термин „качи“ встречается раньше, например, в 1620 г.¹ В документе о строении Красноярского острога говорится, что велено острог поставить „в Тюлькиной земле на Красном яру на реке Енисее“. Здесь-то и упоминается впервые „Качинская земля“, как находящаяся в „Тюлькиной земле“. Когда в Москве заинтересовались постройкой этого острога детально и запросили чертёж из Тобольска (тогдашнего центра Сибири), тамошние воеводы расспросили об этом людей, которые „хаживали из Енисейского острогу для госу-

¹ Документ № 145, Миллер, т. II, стр. 251.

дарева ясаку в Тюлькину землю, Качинскую землю". Они получили ответ, что „они вверх по Енисею тово места, где присмотрел Ондрей Дубенской под острог, Красного Яру именно прозвищем, не знают, и ни от ково... не слышали". Поэтому Андрею Дубенскому—строителю острога—пришлось разъяснить, „что и Качинская земля, что Красный Яр, а прозвал то место Красным Яром" он, Дубенской, с ратными людьми, так как „то место красно же"¹. Из этого видно, что качинская земля была в составе Тюлькиной земли и местожительство качинцев показалось наиболее пригодным для построения острога. Качинцы жили вместе с аринцами. Они, как и аринцы, благожелательно отнеслись к строительству острога, но после построения его аринцы и качинцы вместе „отъехали в киргизы". В дальнейшем, почти на протяжении всего XVII в., качинцы и аринцы, судя по документам, как правило, кочуют вместе. Это обстоятельство привело к тому, что родной язык аринцев был полностью ими утрачен уже в первой половине XVIII в. Его место занял качинский тюркский язык. Возникает вопрос: как и когда появились в аринской Тюлькиной земле тюркоязычные качинцы, ибо русские источники говорят о том, что места по Енисею между порогом и Красноярском были аринской территорией, которую в начале XVII в. русские называли Тюлькиной землей? Появление тюркоязычного населения среди кетоязычных аринцев, как указывалось, может быть объяснено прежде всего распространением в этот район енисейских киргизов и, вероятнее всего, езерцев. Кроме того, в конце XVI в. сюда через верховья Чулыма проникли тюркоязычные кочевники из бассейна Иртыша, в частности, с р. Тобола, вследствие передвижения кочевого тюркоязычного населения на восток в результате поражения и распада Сибирского ханства. Русские исторические документы содержат по поводу этого продвижения прямые указания. В отписке воеводы А. Воейкова (1598 г.), например, говорится: „в распросе мне, холопу твоему, сказали лутчие люди про Кучума царя, пошел де Кучум царь с Чёрных вод на Обь с детьми и со всеми людьми, где у него хлеб сеян, а им де велел жити всем на Убе озере"². С показанием документов согласуются и предания качинцев, кизыльцев о приходе части их с Иртыша и Тобола, записанные различными путешественниками и исследователями в XVIII, XIX и XX вв. Трудно себе представить, чтобы эти предания, зафиксированные на протяжении трёх столетий в разное время и различными исследователями, не отражали бы реального факта передвижения тюркоязычного населения с запада Сибири на восток, удостоверенного и русскими истори-

¹ Документ № 257, Миллер. т. II, стр. 348—349.

² Акты Исторические, т. II, СПб, 1841, стр. 2.

ческими документами¹. Мы упомянем здесь только о некоторых качинских преданиях, оставив пока предания кизыльцев. Н. Катанов записал в конце XIX в. в с. Аскизе предание, в котором сказано: „Качинский народ пришёл с р. Тобола; там он был народом царя Кучума. Ермак, воюя с Кучумом и преследуя его, подчинил (качинцев) Русскому царю. Пришедши с Тобола, половина народа стала жить по р. Каче, находящейся близ Красноярска, другая половина стала жить в земле, где стоит теперь г. Ачинск (т. е. на Чулыме—Л. П.). Когда в Красноярске стал умножаться Русский народ, (Качинский народ) пришёл сюда жить, — здесь земля была свободная, безлюдная“². В 1925 г. у качинцев сеока Хара-Сокки было записано предание: „Сохы жили Иртыш Сугда (на р. Иртыше) около Тобола; сохы там жили“³.

Кроме преданий, у современных качинцев сохранились некоторые этнографические особенности, сигнализирующие об этногенетических связях их с тобольскими татарами, например, старинный головной убор женщины (ах пюрик) в виде длинного колпака с кистью на конце, шаманский бубен (сходный с бубном барабинских татар и т. д.). Героический эпос качинцев в ряде произведений обнаруживает сходство с эпосом тобольских татар. В связи со сказанным, укажем ещё на сообщения ряда путешественников и учёных XVIII—XIX вв. о том, что современные им качинцы или кизыльцы не считают за могилы своих предков многочисленные курганы Минусинской котловины. Об этом свидетельствует прежде всего наблюдательный Мессершмидт. В его записях 1722 г., относящихся к местности по Черному Июсу, мы читаем: „Могилы сооружены ещё до киргизов, которых 30—40 лет тому назад русские тогда прогнали. Киргизы бежали тогда через горы на р. Кемчук, и прадеды и деды этих татар, а также прадеды киргизов не знают, какие народы соорудили эти могилы и памятники“⁴. Приведённое сообщение, конечно, заслуживает серьёзного внимания. Если в начале XVIII в. тюркоязычное население бассейна верхнего течения Чулыма не считало древние курганы моги-

¹ В нашей историко-этнографической литературе по вопросу происхождения народов до недавнего времени господствовали односторонние взгляды, согласно которым все современные народности являются непременно автохтонами. В отличие от представителей миграционной теории, пытавшихся объяснить происхождение каждого народа бесконечными миграциями, сторонники автохтонизма впадали в другую крайность. Они, иногда вопреки историческим фактам, отрицали возможность происхождения и формирования той или иной народности путём переселения больших групп людей и смешения пришельцев с аборигенами.

² Образцы народной литературы тюркских племён, ч. IX, перевод, СПб, 1907, стр. 533—534.

³ Г. В. Ксенофонов. Ураанхай—сахалар. Иркутск, 1937, стр. 81.

⁴ Мессершмидт. Указ. соч., стр. 286.

лами своих предков, то это также говорит о том, что население это было в значительной части пришлым. Подобные сообщения известны нам и для XIX в¹.

Таким образом, этнический состав качинцев XVII в. представлял собой в основе смесь самодийских родоплеменных групп (с этнонимом „каш“) с киргизами-езерцами. К этому прибавилась в конце XVI в. некоторая часть так называемых западно-сибирских татар (т. е. кыпчакских тюркоязычных групп). Наконец, в среде качинцев в XVII в. происходила постепенная ассимиляция местных кетоязычных родоплеменных групп и прежде всего аринцев. Язык у качинцев был тюркский, в основе, видимо, киргизский, родственный языку древних тюрков, памятники которого дошли до нас в енисейско-орхонских надписях. Несомненно, что в этом языке должны были найти отражение и кыпчакские языковые особенности, что наблюдается и до сего времени.

Вернёмся к характеристике Качинской земли, которая после построения Красноярска стала именоваться, по местонахождению своему, Качинской подгородной и состояла, по крайней мере, из пяти улусов: Базарыкова, Тойларова, Кужерекова, Мунгатова, Тубинского. Все эти названия, за исключением Тубинского улуса, появились в русских ясачных книгах от имён князцов, возглавлявших эти улусы². Однако, с 1664 г. большинство перечисленных улусов изменили названия. Базарыков улус превратился в Силочин (в XVIII в. — Шалошин), Тайларов — в Кубан, Кужереков — в Татаров. Улусы Мунгатов и Тубинский сохранили свои прежние названия. По свидетельству же Миллера, Мунгатов или Мунгатков улус у самих качинцев назывался „Изир—аймак“. Судя по ясачным книгам, Мунгатов улус с 1642 по 1649 г. состоял всего из 3 ясачных, но в 60-х годах в нём числилось 10—11 душ³.

В документах конца 20-х годов XVII в. качинцы характеризуются следующим образом: „Люди кочевные; летом пашню пашут, сеют ячмень да курлак (т. е. карлык—дикую гречиху—Л. П.), а зимой кочуют в крепких местах и оберегаются от калмыцких людей и от братских (бурятских—Л. П.) потому, что де... белые калмыки (телеуты—Л. П.), киргизы и братские люди с тех качинцев на себя ясак емлют же, приезжая

¹ См., например, „Из подлинных записок А. К. К-на“, журнал Атеней 1838, № 12. СПб., стр. 266; Н. Корнилов. Воспоминания о восточной Сибири См. Магазин земледелия и путешествий, т. III, Москва, 1854, стр. 639.

² Один из представителей фамилии, давшей наименование Тайларову улусу, именно Карачан Тайларов, был во главе качинцев, восставших вместе с русскими служилыми людьми против Красноярского воеводы в 1695-98 гг.

Качинский князец Базрак упоминается в 1621-22 гг. как князец „пашенных татар“ Тюлькиной земли. Миллер, т. II, стр. 274, 292. Имя качинского князца Мунгата упоминается в 1634 г., Миллер, т. II, стр. 417.

³ Миллер, т. II, стр. 568.

к ним в землю сильно"¹. О занятиях, в частности, об охоте и земледелии качинцев в нашем распоряжении имеется ещё такое сообщение. В 1657 г. качинцы жаловались: „В Красноярской земле, где мы кочуем, соболей не стало, перешли соболи в самые дальние земли и промышлять стало негде и что государь преж сего на наших землях водился зверь дикие и тот зверь мы, холопи твои, преж сего на зверьбе побивали и тем зверем были сыты и тот зверь с нашей земли сошел тому лет с десять, да у нас же божьею волею начал поедать ежегодно сеяной хлеб, курлык и ячмени насхоже кобылка, почала родиться из земли ежегодно и на сходях доедает хлеб и скорни и оттого, мы, государь, холопи твои, начали мы быти и босы и голодны и лошади и рогатый скот падают у нас ежегодно"². Однако основой хозяйства качинцев, как и аринцев, было всё же скотоводство. Охотой они занимались при помощи лошади, как транспортного животного. Такой вывод вытекает из сведений, содержащихся в русских исторических документах XVII в. В одном из таких документов качинцы и аринцы совместно жаловались, что после того, как в 1668 г. во время грабительского набега киргизов на Красноярск у них отогнали много скота: „коней добрых и кобыл и рогатый скот, и быков, и овец, и баранов и верблюдов,“ они весьма разорились и хозяйство их пришло в упадок. Когда у них был скот, писали они в челобитной: „Мы были сыты и покойны и ясак на Вас промышляли на конях ежегодно, а пеши соболей, бобров и всякого зверя промышлять не умеем и пеши ходить не умеем же“³.

Из этого видно, что качинцы были скотоводы-кочевники, а также охотники за зверем, хотя занимались частично и земледелием, которое некоторым из них было хорошо известно от своих предков на Тоболе. Вскоре после построения Красноярска отдельные качинцы, как и аринцы, шли на „государеву службу“ в качестве служилых людей. Их в исторических документах именуют „служилыми татарами“. Они ходили за ясаком, служили переводчиками и участвовали в военных экспедициях красноярских воевод. В военных экспедициях участвовали и неслужилые качинцы и аринцы, так как князцы их были в этом материально заинтересованы, ибо наживались на „трофеях“, особенно на „ясыре“, т. е. на пленниках, которых потом продавали или отдавали за выкуп. Известно, например, что качинцы и аринцы участвовали в таком походе красноярских казаков „воевать в Брацкую землю“ (т. е. к бурятам). В результате этого похода бурятские князья были разбиты, уча-

¹ „Собрание государственных грамот и договоров“, ч. 3, стр. 311; Документ № 257, Миллер, т. II, стр. 348—349.

² Сиб. приказ, стб. № 513, л. 7.

³ Сиб. приказ, стб. № 802, ч. I, л. 89.

стники похода взяли большой „ясырь“, который потом отдавали за выкуп. Документ свидетельствует, что „татарове качинские и аринские менши полутораста соболей рослых за окуп полоненика не отдают, а служилые люди просят по 2 сорока (т. е. по 80 штук—Л. П.) рослых соболей“¹. Следовательно, „ясырь“ для качинцев был весьма прибыльным делом и широко практиковался, как и у киргизских феодалов.

Качинские князья, как и аринские, находились под сильным влиянием киргизских феодалов, считавших качинцев своими киштымами, и довольно часто „отъезжали“ к киргизам, сопровождая свой уход разбоем и грабежом мирного русского и ясачного населения. Уже в документе 1621 г. они фигурируют в качестве „государевых ослушников“ вместе с тубинцами и маторами, на которых был отправлен Томскими воеводами (в порядке несения „государевой службы“) телеутский князь Абак с отрядом в 200 человек². Качинские князья вместе с аринскими участвовали в набеге на Красноярск во время постройки острога. В 1629 г. качинцы были уведены к киргизам, к князьям Ишею, Табуну и Ишенеку. Красноярские казаки явились за ними в киргизскую землю. Однако киргизские князья не отпустили своих киштымов и дипломатично ответили: „а качинцев де мы к себе не звали, сами к нам приходили, а отпустить де мы не смеем, потому что де вы нас с качинцами повоюете“³. В 1630 г. киргизы поймали и увели к себе 65 подгородных качинцев с женами и детьми. В 1633-34 гг. красноярский воевода должен был послать служилых людей „на изменников и непослушников на кыргызких Иженеевых на Кашинских мужиков“. Посланные казаки „дошли... качинских мужиков в 9-й день на Упсе“⁴, т. е. уже на р. Тубе. Киргизский князь Ишей под разными предлогами отказывался возвратить качинцев под Красноярск. Когда Красноярский воевода послал в 1644 г. служилых людей „в Кыргызскую землю, к князю Ишею с товарищи“ требовать „чтоб они из Кыргызской земли отослали... красноярских качинских татар под Красноярский острог на старые свои кочевья“, киргизские князья на это ответили: „Нам де качинских татар отдать нельзя; будут де к нам Алтын-Хана (т. е. Алтын-Хана—Л. П.) по ясак, а качинцев де у нас не будет и они де нас спросят: где качинцы? и мы скажем: „отпущены на Красный Яр, и они де нам сильны, а мы де им не волны“⁵. Такой дипломатический

¹ Сибирский приказ, стб. № 377, лл. 130—131.

² Отписка томских воевод. Миллер, т. II, стр. 263.

³ Доезд красноярских казаков от 1629 г. Миллер, т. II, стр. 352.

⁴ Сиб. приказ, стб., № 368, л. 411. См. также Дополнения к Актам Историческим, т. IV, стр. 179.

⁵ Сибирский приказ, стб. № 136, л. 753. Цитирую по книге С. А. Токарева „Докапиталистические пережитки в Ойротии“. Ленинград, 1936.

ответ не удовлетворил Красноярского воеводу, и в 1647 году он снова посылает за качинцами. После вторичного требования киргизские князья не стали больше противиться, тем более, что качинцы выразили желание вернуться под Красноярск, за исключением двух человек, которые мотивировали свой отказ тем, что „только де они слывут качинцы по старине, а на той де земле не живали, и родина де их в Кыргызской земле“.¹ Русские власти в Красноярске активно боролись против многоданничества качинцев и аринцев и, как правило, заступались за своих ясачных, стремились уберечь их от многочисленных претендентов на взимание с них албана. Однако качинские князья и их „лутчие люди“, вследствие общности классовых интересов с киргизскими феодалами, довольно часто втягивали рядовое население качинцев в агрессивные набеги киргизских князей и систематически нарушали свои обязательства в отношении подданства и сбора ясака. Эта политика тяжело отражалась на экономическом состоянии рядовых скотоводов, тормозила развитие их хозяйства, вела к раздробленности и сокращению численности качинцев.

В середине XVII в. качинцев насчитывалось в этой земле, примерно, 530 душ обоего пола.² Вся эта земля была преимущественно тюркоязычной. Её население включало в себя не только местные тюркоязычные (киргизские) элементы, но, как указывалось, и выходцев с р. Тобола.

Район обитания качинцев и аринцев, с которыми качинцы в течение XVII в. находились в тесном культурном общении и брачных связях³, не оставался ограниченным окрестностями Красноярска. Кроме того, что часть качинцев и аринцев иногда уводилась принудительно на „кыргызскую землю“, имеются свидетельства о расселении их вниз по Енисею. Из приведённой выше отписки Красноярского воеводы 1665 г. мы узнаём: „уехали на низ на степь, в дальние места, где преж сего не кочевывали, близко Енисейского уезда по Бузимским и по подъёмным вершинам, с женами и с детьми, и коньми и с рогатым скотом, и со всеми кочевья к Кетским и Кемским вершинам“...⁴ Эти места ранее не были известны качинцам, но они входили в район распространения енисейских остяков-аринцев, а с последними качинцы всё время смешивались, ассимилируя аринов в своей тюркоязычной среде.

¹ Сиб. приказ. кн. № 202, л. 94. Цитирую по указ. соч. С. А. Токарева.

² Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 45.

³ По выражению Г. Миллера, арины и качинцы „издавна соединялись брачным совокуплением“.

⁴ Дополнения к Актам Историческим, т. 5, стр. 39.

3. ЯРИНСКАЯ ЗЕМЛИЦА

Яринская земляца появляется в ясачных книгах довольно поздно, с 1642 г.; в записи о ней говорится: „С новоприисканные яринские землицы“ взято „2 сорока соболь, да 3 бобра, да 10 соболей“¹. По свидетельству Б. О. Долгих, Яринская земляца входит в постоянный список окладных землиц Красноярского уезда с 1658 г. В ней числились улусы: Абалаков, Хайтонов, Тубачаков. Ебыгатов и волости: Тинская и Бахтинская, а с 1658 по 1680 г. ещё волости „Алышская и Бугульская“, а также Илдорская. Из них Абалаков улус и Тинская волость всё время входят в эту землюца. При этом Тинская или Бухтинская волость упоминается ещё в 1619 г. как соседняя с кетоязычными асанами². Другие волости и улусы, по ясачным книгам, то появляются в этой землице, то исчезают из неё и обнаруживаются затем в других. Такова, например, Бахтинская волость, которая, как проследил Б. О. Долгих, в 1639 г., 1658 г. и, затем, в 1688—1712 гг. входила в Аринскую землюца, причём количество ясачных плательщиков в ней не превышало 34 человек. Особенно неясно обстоит дело с Хайтоновым улусом³. Исследовавший этот вопрос Б. О. Долгих сообщил нам, что впервые этот улус он обнаружил в ясачных книгах Канской землицы в 1639 г. под названием Погурской волости с шестью плательщиками ясака. Затем в 1658 г. эта волость оказывается в Яринской землице под наименованием Хайтонова улуса (по имени князца Хайтона или Хайтына, возглавлявшего Погурскую волость). С 1664 по 1669 г. Хайтонов улус появляется в составе Тубинской землицы, а в 1672, 1679, 1687 годы снова в Яринской. Наконец, в 1712 г. этот улус числится в Койбальской, а в 1735 г. под названием Кайдынова улуса опять в Яринской землице. Объяснить такое перемещение этого улуса из землицы в землицу очень трудно. Является ли это следствием несовершенства записей в ясачных книгах, отражает ли сложную историческую судьбу или кочевнический образ этого улуса, мы не знаем. Несомненно только одно, что население этого улуса, как увидим дальше, под наименованием кайдинцев переходит в XVIII в., а на карте Ремезова отмечено как „Землица Хантоска“. В XIX в. кайдинцы составляют род Кайденг у хакасов койбалов, именуясь официально Кандыковым или Кайдинским улусом. Что касается волостей Алышской, Бугульской и Илдорской, то они после погрома киргизами в 1680 г. исчезают

¹ По сообщению Б. О. Долгих.

² Документ № 143, Миллер, т. II, стр. 250.

³ Ср. С. В. Бахрушин: „Ясачная Яринская земля в XVII в. состояла из конгломерата различных племён“ (Сиб. приказ, стб. 1052, л. 686) (Хайтоны—Сургулаков улус), стр. 178.

и, вероятно, уходят к так называемым „конным кашинцам“. Тинская волость под этим же названием переходит в XVIII в. На карте Ремезова она обозначена в районе р. Сисима как „ясашная Тимска“.

Определение этнического состава яринской земли затруднительно, но все же, кажется, возможно. В этом отношении нам существенную помощь оказывают сообщения путешественников XVIII в. Так, например, И. Георги, описывая кетоязычных аринов, сообщает, что смежно с ними живут, управляемые общим башлыком, три аймака (или волости): Яринский, Буктинский и Кайдынский, которые настолько близки аринам, что Георги считает их „произшедшими от одного с ними племени“. Паллас свидетельствует, что во время его путешествия кайдинцы (*Kaidinzische Stam* или *Kasan-Kaidin-aimak*), тинцы или буктинцы (*Tinskischen Stam* oder *Buk-Tjin aimak*) и аринцы (*Arinzischen Stam*) состояли под главенством общего князя (башлыка). По его словам, все эти три поколения назывались общим именем яринцы (*unter dem Jarinzischen Namen vereinigten Stämmen...*), а официально: Яринский аймак (*Jarin aimak*)¹. Часть этих, объединённых общим наименованием, яринцев с давних времён обитала по рекам Теси и Ербе среди качинцев. Кайдинцы жили тогда преимущественно далеко в горах по Кизиру, одной из рек, составляющих Тубу или Упсу (правый приток Енисея). Любопытно, что эти „яринские татары“ вместе с койбалами имели общую промысловую территорию по рекам Кизиру, Казыру, Амылу и Ое, которую считали исконной своей, где запрещали охотиться другим родам без своего разрешения, даваемого ими лишь на определённых условиях.

Свидетельство Палласа ценно для нас тем, что позволяет уверенно отнести родственных между собой аринцев, тинцев и кайдинцев к кетоязычным племенам. Таким образом, в Яринской земле XVII в. были кетоязычные элементы в составе Тинской и Бахтинской волостей. Между прочим, название „бахтинцы“ сохранилось вплоть до XX в. в наименовании с. Бахта, расположенного на левом берегу Енисея выше Красноярска, а название „тинцы“ в наименовании села и отсюда Тинской волости бывшего Канского округа, находящегося на р. Пойме (приток Бирюсы или Оны), где в XVII в. жили коттовские (т. е. родственные по языку тинцам-буктинцам) улусы: Початский, Таганаков, Именеков или Аршин.²

¹ Пользуемся немецким изданием Палласа. „Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs“ St-Pet. 1776, ч. III, стр. 339, т. к. в русском издании в написании этих терминов имеются искажения.

² Название Бахта сохранилось ещё в наименовании р. Бахты, впадающей в Енисей справа, километров 140 ниже Подкаменной Тунгуски, в пределах кетской этнической территории.

4. ТУБИНСКАЯ И МАТОРСКАЯ ЗЕМЛИЦЫ.

В составе Красноярского уезда Тубинская и Маторская земли появляются по ясачным книгам только с 1638 г., т. е. через десять лет после построения Красноярска. Однако время вступления тубинцев и маторов, составлявших основное население этих земель, в состав Русского государства относится к началу XVII в., когда тубинцы находились в ведении г. Томска, куда и вносили свой ясак. Первое известное нам упоминание об этом содержится в документе 1609 г., где говорится о маторах и тубинцах как данниках калмыцких (западно-монгольских) князей и сообщается, что те и другие приняли русское подданство и согласились внести ясак. В упомянутом документе маторцы и тубинцы названы „новой землёй“, причём с маторцев, возглавляемых князем Коликом, было принято в ясак 35 соболей, а с тубинцев, находящихся под главенством князя Набдая, — 25 соболей. Здесь же мы находим и данные об их численности: „Маторцев де, государь, всех людей человек с 300, да в Тубе де, государь, человек со 100“¹. Однако вскоре же тубинцы, подстрекаемые киргизскими князьями, изменили присяге и „отпали“ от русского государства, о чём в документе 1621 г. томские воеводы жалуются царю: „де тубинские и маторские люди под твоею государёвою царскою высокою рукою быти не хотят и твоего государева ясака не дают, а живут, государь, не в послушании“². В 1625 г. к ним посылали за ясаком из Енисейска, но сборщиков к ним не пропустили арины Тюлькиной земли, мотивируя тем, „что де Тубинские земли князцы и лутчие люди со всеми своими людьми откочевали в Киргизы и ныне де живут все тубинцы в Киргизах“³. В 1627 г. тубинцы и маторы вновь были приняты в русское подданство (и внесли ясак), но уже кузнецкими служилыми людьми. Кузнецкий воевода по этому случаю писал царю: „посылал я, холоп твой, из Кузнецково острогу в новые земли, в Мутарскую землю да в Тубинскую... и те новые земли я, холоп твой, под твою... руку привёл, и ясак с тубинцев и маторцов, со князка Кояна да со князца Колину... взяли... А тех, государь, новых людей, мутарцов и тубинцов, человек с четыреста...“⁴. В этой отписке говорилось, конечно, о тех самых тубинцах и маторцах, которые во главе князцов Набдая и Колика были приняты в русское подданство томскими служилыми людьми в 1609 г. Вместо Набдая князцом у тубинцев стал Коян, а князец Колик или Колия ещё был жив. Характерно, что кузнецкие люди

¹ Документ № 65, Миллер, т. I, стр. 423.

² Документ № 162, Миллер, т. II, стр. 263.

³ Документ № 224, Миллер, т. II, стр. 318.

⁴ Русская Историческая Библиотека, т. 8, стр. 473.

привели ту же численность тубинцев и маторцев, что томские казаки в 1609 г.

После построения Красноярска с тубинцев стали брать ясак уже красноярские казаки, как это видно из сообщения строителя Красноярска Андрея Дубенского, который в отписке Тобольскому воеводе в 1629 г. писал: „В нынешнем во 137-м году посылаю я служилых людей... в Тубенскую и Маторскую земли; и те служилые люди Никитка да Ивашка в Тубе у тубинских князцов ясак взяли 37 соболей. Да тот же Никитка с товарищем пришли в Маторскую землю ко князцу Шижлеку и прощали ясаку, и тот де маторской князец под государеву высокую руку приклонился, ясак с себя дал 1 соболя, а сроку прошал до осени: ныне де я живу от государя в побегах и с людьми своими, а ныне люди на зверовьях, а на осень де дадим ясак со всех с маторских людей“¹. В связи с этим, видимо, киргизские князья жаловались в Томск в 1630 г., что „Краснова Яру служилые люди повоевали у них тубинских да маторских людей, а тубинские де и маторские люди с ними одни люди и род и племя“². Однако, присланные за ясаком в конце 1630 г. русские казаки были убиты тубинским князцом Каяном.³ Надо сказать, что почти в течение всего XVII в. тубинцы фигурируют в русских документах как „немирная земля“. Тубинские князья были настроены по отношению к русскому и ясачному населению довольно агрессивно. Они, как и киргизы, были воинственны и, несмотря на их небольшую численность, владели многими киштымами. В одном из документов на этот счёт говорится: „а киргизы де и тубинцы люди небольшие, только многими землями завладели и многоё дурно чинят“⁴.

Киргизские и джунгарские феодалы, а также Алтын-хан на протяжении всего XVII в. пытались держать эту землю в сфере своего политического влияния и подчинения. Тубинские князцы-феодалы находились в брачном родстве с киргизскими князьями, некоторые из них были, возможно, и по происхождению киргизами. Во всяком случае тубинские князцы обычно выступали в коалиции с киргизскими феодалами.

Тубинская земля была одной из самых непослушных и, по выражению документов, часто „воровала“. Это объясняется, разумеется, активностью её феодальной верхушки, которая, как и киргизские князья, не хотела лишиться своих киштымов (маторов, байкотовцев, коттов, асанов, камасинцев и т. д.), на эксплуатации которых она строила своё благополучие. Тубинские князцы систематически занимались разбоем и грабе-

¹ Документ № 253, Миллер, т. II, стр. 355.

² Документ № 283, Миллер, т. II, стр. 374.

³ Там же.

⁴ Сиб. приказ, стб. № 30, л. 352.

жом мирного русского и особенно ясачного населения. Через их земли шёл путь в Канскую землю, население которой особенно страдало от разорительных набегов тубинских феодалов. Вот почему в Красноярске возник план построения острога на устье р. Тубы или Упсы. Правда, как известно, после разгрома тубинцев Алтын-ханом, тубинские князцы вместе с киргизскими сами просили русские власти поставить острог в их земле на р. Упсе, но осуществить это в то время не удалось.

Выше мы видели, что при получении первого ясака в 1609 г. с маторов и тубинцев, собственно „Тубинских людей“ было около 100 человек, в три раза меньше, чем маторов, а вместе с последними насчитывалось, примерно, 400 человек. Русские послы к Алтын-хану, проезжавшие через Тубинскую землю в 1616 г., насчитали по дороге „по станам человек с 300—400“. Отсюда следует, что население этой земли было значительно больше, чем указано в первом сообщении русских служилых людей, т. к. послы дают цифру лишь того населения, которое они повстречали на своём пути, проходя через Тубинскую землю. При этом послы, конечно, не отличали при подсчёте собственно тубинцев от маторов и других родов и племён, обитавших в Тубинской земле. Дело в том, что Тубинская земля и тубинцы, как этническая группа, не была однородной. При изучении документов XVII в. мы убедились в том, что под именем тубинцев, Тубинской земли, или просто Тубы подразумевался конгломерат разноязычных племён и родов, находившихся под властью тубинских князей, кочевавших и бродивших в степях и лесах бассейна р. Тубы или Упсы, как она называлась прежде. Правда, в этом конгломерате преобладали самодийскоязычные племена и роды, к которым относились также и маторы, в том числе и та их часть, которая стала именоваться койбалами. Последние, в свою очередь, в течение XVII и начала XVIII вв. превратились также в своеобразный конгломерат самодийскоязычных и кетоязычных этнических элементов, в котором полностью победил (в XIX в.) тюркский язык. Что касается географических границ Тубинской земли, то они могут быть установлены довольно определённо, хотя и не были, видимо, постоянными. Постоянным географическим местоположением является только территория по самой р. Тубе. Более подробно границы кочевий населения Тубы неизвестны, да, вероятно, эти границы и не могли быть устойчивыми, так как состав и количество улусов (волостей), входивших в Тубинскую землю, не были постоянными.

Так, например, если в 1658-67 гг. по ясачным книгам в Тубинской земле числилось 12 улусов с общим количеством плательщиков ясака в пределах 200 человек, то по данным ясачных книг Красноярского острога в конце 60-х

годов в Тубинской земле был 31 улус, в которых числилось 227 человек (князцов и улусных людей)¹.

В различных по временам документах XVII в. местоположение Тубинской земли даётся по-разному. Мы полагаем, что это происходило потому, что термин тубинцы или тубинская земля не являлся географическим, обозначавшим определённую местность, а скорее всего был термином этническим, отражавшим довольно распространённый в Саянском нагорье для лесных охотничьих племён этноним „туба“. По крайней мере, так было в первой четверти XVII в., когда русские исторические документы называют тубинцев или тубинскую землю, локализуя их одновременно в различных местах. И только позднее, примерно с 30-х годов XVII в., имя тубинцев и тубинской земли закрепляется за конгломератом населения, обитающего в бассейне р. Упсы или, как её стали именовать русские, Тубы. К такому мнению нас привёл конкретный исторический материал. Напомним, что впервые русские люди встретились с тубинцами и маторами в 1609 г. Поскольку в этом документе речь идёт одновременно о тубинцах и маторах, а местообитание маторов несомненно связано было тогда с бассейном верхнего течения Тубы-Упсы, можно уверенно говорить, что томские воеводы получили ясак в 1609 г. с тех тубинцев, которые обитали вместе с маторами по правобережью Енисея. То же самое можно сказать про отписку томских воевод 1621 г., в которой они сообщают об измене тубинцев, маторцев и качинцев. Далее, из документа 1629 г., составленного строителем Красноярского острога Андреем Дубенским, мы узнаём о получении Дубенским ясака с Тубинской и Маторской земли, что подтверждается и жалобой киргизских князцов в Томск в 1630 г. на то, что „Краснова яру служилые люди повоевали у них тубинских и маторских людей“. В конце 1630 г. стало известно, что тубинский князец Каян, кочевавший по Упсе, убил посланных к тубинцам за ясаком русских служилых людей. Из всех этих документов видно, что речь идёт о тубинцах, живущих вместе с маторами в бассейне Тубы и платящих ясак сначала в Томск, затем в Кузнецк и в Красноярск. Наряду с этим имеются документальные известия тоже о тубинцах или о людях Тубинской земли, но живущих по левобережью Енисея. Вероятно, Тубинская земля в начале XVII в. простиралась значительно шире, чем бассейн Тубы, и роды и племена, входившие в Тубинскую землю и платившие дань тубинским князьям, обитали по обоим берегам Енисея, вплоть до северных отрогов Саян. Вскоре после 1609 г., когда томские казаки побывали у маторов и тубинцев в бассейне р. Тубы, русские послы к Алтын-

¹ Сиб. приказ, стб. 702, л. 83.

хану в 1616 г. прошли через Тубинскую землю, и по их описанию ясно видно, что эта Тубинская земля находилась на левом берегу Енисея в предгорьях Саянского хребта. Вот маршрут этих послов из Томска: „А шли де Киргиз и Томсково города три недели, а были им в дороге поля и горы каменные, а реки все были и до Киргизские земли бродовые, с лошадей вьюков на реках не смывали ... А шли они до их Киргиз на табынскую землю... А шли они до тое Табынские земли от киргиз 8 дён сухим путём на лошадях, вьюки, речки были невеликие, бродовые, имён им не упомянут... А ис Табынские земли оне на Саянскую землю... А из Саянские земли шли оне до матские земли восм дён, а места были ровные, меж гор же, а горы им по сторонам. А реки им были от Саян до Матские земли: первая Кемчага—2 днища от Саян, другая река Частые броды“¹ Уже одно то обстоятельство, что ехавшие верхом с вьюками послы нигде не переправлялись через Енисей (бродов через Енисей не существует) и шли тем же маршрутом, который был так хорошо знаком последующим многочисленным русским посольствам к Алтын-хану вплоть до 60-х и 70-х годов XVII в. (т. е. от киргизов с Белого Июса на Уйбат, затем через Абакан в Саянские горы), свидетельствует о том, что Тубинская земля, через которую они шли, была не той Тубинской землей на правобережье Енисея, где тубинцы жили бок о бок с маторами. С приведённым свидетельством согласуются сведения документа 1664 г., в котором говорится, что „велено Саин-Контайше жить (временно—Л. П.) на государевой Тубинской земле на Абакане реке со всеми своими мунгальскими людьми“². Здесь ясно говорится, что Тубинская земля связана с Абаканом. Между прочим, в 1616 г., когда один из русских послов к Алтын-хану Иван Петров послал из киргизской земли татарина разведать, где в то время находился Алтын-хан, „тот де татарин про Алтына-царя проведал, что он от Киргизские земли в пяти днищах кочует на Бакане реке“³. Таким образом, Тубинская земля в начале XVII в. не являлась, видимо, территориальной единицей, а её наименование отражало прежде всего этнический состав различных племён и родов с этнонимом Туба, которые были подчинены тубинским князьям. Однако, как правило, на протяжении всего XVII в. с Тубинской землей связывается р. Туба, где кочевали тубинские князья, владевшие этой землей, и принадлежащие им киштымы. В документе 1636 г. указано: „ту-

¹ Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. Известия Отделения Русского языка и Словесности Импер. Акад. Наук, т. XVIII, кн. 4—я, СПб., 1914, стр. 272—273.

² Сиб. приказ, л. 118.

³ Известия Отделения Русс. языка и Словесности Ак. Наук, т. XVIII, кн. 4—я, стр. 271.

бинских людей кочевья по той реке Тубе, а киргизы кочуют по другую сторону Енисея¹. Что тубинцы, как и маторы, жили на правой стороне Енисея, причём севернее р. Абакана (Туба впадает в Енисей ниже Абакана), определённо видно и из документа 1639 г., в котором сообщается о проекте постройки нового острога на р. Абакане. Мотивируя преимущества, связанные с построением этого острога, в документе указывается, что в случае постройки его тубинцы и маторы „все будут от того острогу по сю сторону к Красноярскому острогу“². Наконец, в документе 1657 г., в котором сообщается о „бездвестном“ приходе из-за Саян сына Алтын-хана Лоджана, сказано, что Лоджан „стал со всеми своими людьми середь Киргизские Тубинские земли на Ирбе“. Эта речка является правым притоком Тубы и находится действительно „середь“ тубинской земли, которая в этом документе именуется ещё и киргизской землей, ибо тубинские князья в это время занимали подчинённое положение в коалиции с киргизскими. Таким образом, намечается южная граница Тубинской земли для конца 30-х годов. Подтверждение этому находим ещё в одном документе, где сказано: „от Тубинской земли до Саянского камня ходу два дня, а далее того тубинским людям откочевать некуда, разве через Енисею в Киргизы“. Да и на карте Ремезова, составленной по данным XVII в., кочевья тубинцев показаны по р. Упсе (Тубе) — „их угодыя и степь“ между Тубой — Упсой, Оей и Кембомом.

Таким образом, если южной границей Тубинской земли во 2-й половине XVII в. были Саянские горы (по правобережью Енисея), то сама река Енисей являлась западной границей. На север от Тубы находился Красноярск с его подгородными землицами, а на востоке — Канская, смежная по местоположению земля и далее бурятские владения.

По данным Б. О. Долгих, исследовавшего этнический состав и расселение аборигенного сибирского населения в XVII в., в состав Тубинской земли входили следующие улусы: Байкотовский, Барсандаев, Шарандаев, Кольский, Шишеляков, Бугачеев, Ексеев, Карнасхамов, Койбалов, Уштерский, Аласхамов, Тубочаков, Ебыгатов³. Известно также, что улусы Бабаев, Тендараков, Карин, Хайтонов тоже входили в эту землю. К сожалению, в нашем распоряжении пока отсутствует полный список улусов этой земли, которых насчитывалось в общем около 30. Мы не имеем возможности указать и местообитание каждого из них, хотя некоторые материалы для этого имеются. Горные или „каменные“ маторы и байкотовцы,

¹ Сиб. приказ, стб. № 81, л. 66.

² Там же.

³ Племена Средней Сибири в XVII в. Краткие сообщения Института Этнографии АН СССР, т. VIII, 1949, стр. 46.

например, жили в верховьях Упсы, где они занимались преимущественно звероловством. Алахамы (по ясачной книге 1694 г. их числилось 30 взрослых мужчин) обитали в Саянских горах между реками Камсарой и Окой, а Уштерцы в верховьях Кембома.

Выше уже обращалось внимание на некоторое непостоянство в составе улусов Тубы. Часть Тубинских улусов, как проследил Б. О. Долгих, известных по ясачным книгам 1658—1667 г. г., исчезает из этих книг в период 1668—1703 гг., (видимо, они перестали платить ясак). Но затем, после 1702 г., снова вносят ясак, хотя улусы эти уже записаны под другими названиями. Некоторые улусы числятся иногда и по другим землицам. В конце 30-х и начале 40-х годов тубинские улусы Шарандаев (3 чел.) и Илинаков (6 чел.) платили ясак в Канск, но затем снова отъехали в Тубу. Аласхамов улус встречается в списке улусов Саянской землицы, Тубачаков и Ебыгатов—в Яринской и т. д. Улус Бурчана Каянова числился в Качинской землице. В Качинской подгородной землице был Тубинский улус, присоединившийся сюда в составе 6 человек („Карма Каянов с товарищи“). При этом иногда к тубинцам причислялись и их киштымы, т. е. данники тубинских князей. Такое непостоянство состава улусов, его перемешивание было характерно и для некоторых других землиц и в значительной степени зависело от тяжёлой и беспокойной политической обстановки в Красноярском уезде в XVII в., вызванной агрессивными действиями Алтын-ханов, джунгаров, киргизских и тубинских князей, боровшихся между собой и враждовавших с русским государством из-за данников-киштымов. В таких условиях дробились и перемешивались не только землицы, но даже и мелкие улусы.

Большинство перечисленных выше улусов именовалось, преимущественно (во всяком случае в русских ясачных книгах того времени) по именам князцов, стоявших во главе зависимого от них населения. Так, Шишелеков улус называли по имени маторского князца Шишелека, фигурирующего в русских документах конца 20-х и начала 30-х годов XVII в.; улус Бугачиев—по имени тубинского князца Бугачи—сына князца Каяна, имя которого упоминается в документах 50-х годов. Этот улус, кстати сказать, нельзя смешивать с улусом Богоджи или Богочи, относящимся к койбалам. Сошлёмся ещё на улус Койбалов, получивший своё наименование по имени князца „каменных“ (т. е. горных) маторов Койбала¹ и т. д.

Рассмотрим теперь этнический состав Тубинской землицы. Надо сказать, что в этом отношении Тубинская землица отличалась особенной сложностью, что, видимо, следует считать

---

¹ См. об этих князцах: ДАИ, т. III, стр. 382; Миллер, т. II, стр. 355, 367—368.

естественным, принимая во внимание многочисленность, смешанный и непостоянный состав её улусов и ту политическую обстановку, которая была характерна для жизни этой земли на протяжении всего XVII в. Этнический состав её определялся в основном тремя языковыми группами: самодийскоязычной, кетоязычной и тюркоязычной. Преобладающими в ней были, вероятно, самодийскоязычные элементы, к которым относились прежде всего собственно тубинцы, а к ним, как мы полагаем, принадлежали те родоплеменные группы, в самоназвание которых входил этноним туба. Судя по данным XIX в., это были предки современных тувинцев, особенно северо-восточных, карагасов и некоторых родов (сеоков) северных алтайцев. Далее, к самодийскоязычным элементам относились, несомненно, маторы, камасинцы и, видимо, конные кашинцы (улусы Тубочаков и Ебыгатов) и некоторые другие. В связи с освещением вопроса этнического состава Тубинской земли, мы перечислим только те немногие улусы, которые входили в эту землю в 50—60-х годах. Улусы эти: Байкотовский, Шишелёков, Барсандаев, Бугачиев, Ексеев, Карнасхамов, Койбалов, Уштерский, Шарандаев, Тандараков, Улумов и Коль.

Остановимся на материалах, свидетельствующих о самодийскоязычности основного ядра населения Тубинской земли. Прежде всего необходимо опровергнуть проникшее в нашу литературу мнение о принадлежности тубинцев в целом к тюркоязычным киргизам, о том, что тубинцы являлись киргизским племенем. Автором этого неправильного взгляда, пожалуй, нужно считать Н. Н. Козьмина, который опирался главным образом на документ 1683 г., где говорится, что „по другую сторону Енисея и по Упсе реке живут киргизы же, имя им тубинцы“¹ Однако, в этом позднем документе отражено лишь тесное политическое единение киргизских и тубинских князцов, возникшее и существовавшее в течение многих десятилетий в виде коалиции против распространения влияния русского государства в Южной Сибири, так как русское освоение Южной Сибири грозило местным феодалам потерей данников-киштымов. В более ранних русских документах совершенно определённо говорится о киргизах и тубинцах, как различных племенах или землях, и они перечисляются отдельно. В документе 1610 г. говорится про новые волости „десары да Матарцы, да Туба“... „что те волости живут позади киргиз“². В челобитной томских казаков 1616 г. к царю указывается, что „к Томскому городу прилегли: черные и белые колмаки, и киргизские люди, и маты, и братья, и саянцы и тубинцы“³ и т. д. Таким образом, тубинцы в перечне идут отдельно от

¹ ДАИ, т. X, № 80.

² Документ № 71, Миллер, т. I, стр. 430.

³ Документ № 92, Миллер, т. I, стр. 449.

киргизов, как и чёрные калмыки (джунгары), белые калмыки (телеуты), братья (буряты) и т. п. Киргизские князцы говорили в 1629 г. русским казакам: „а велит нам служить, как полным городом татарова служат, и мы де государю прибыль учиним великую, тубинских и моторских и иные земли многие под государеву высокую руку с казаками подведём“¹. Из этого видно, что киргизские князья, ходатайствовавшие о замене уплаты ясака такой же службой, как „служат татарова в Тобольском и в Томском городе“, предлагали помочь присоединить тубинцев и моторов, коих они сами никак не считали в то время киргизами. Нельзя не обратить внимания и на то, что в русских документах различие между киргизами и тубинцами чётко проводится в том, что тубинцев документы называют „татарами“, а киргизов татарами никогда не именуют². В царской грамоте томскому воеводе (1636 год) говорится, что в 1631 и 1632 гг. „приходили под Красноярский острог и на ясачные волости войной киргизы да тубинской татарин Сеитко“³. Здесь в отличие от киргизов тубинский князец Сеит назван татаринном. Когда проектировалась постройка нового острога на устье Упсы, то в числе мотивов между прочим был и такой, что после этого „сходитца киргизом с тубинцы будет негде“⁴. В пользу этнического родства киргизов и тубинцев ссылаются иногда на отписку томских воевод 1630 г., в которой высказывается недовольство киргизских князцов красноярскими служилыми людьми, ибо они „повоевали у них тубинских да моторских людей, а тубинские де и моторские люди с ними одни люди и род и племя“⁵. Однако подобные указания не дают ещё основания утверждать этническое тождество тубинцев и киргизов. Выражение документа, что киргизы с тубинцами „одни люди и род и племя“ указывает только на тесную связь и даже смешение этих этнических групп, но отнюдь не на родственное этническое происхождение. Уже одно то обстоятельство, что киргизские князья говорят здесь об одном „роде и племени“ не только с тубинцами, но и с моторцами, самоедское происхождение которых не вызывает сомнения, показывает, что такое заявление нельзя понимать в буквальном смысле, т. е. в смысле кровного родства по происхождению. Здесь придётся подчеркнуть также и то, что подобное выражение „в роду и племени“ встречается в русских документах того времени и по отношению к другим племенам, но оно, это выражение, имеет ввиду не кровное племенное и этническое родство, а нечто другое. Мы обратили внимание,

¹ Документ № 259, Миллер, т. II, стр. 352.

² Документ №№ 358, 365, 479, Миллер, т. II, стр. 432, 439, 541.

³ Документ № 356, Миллер, т. II, стр. 439.

⁴ Документ № 356, Миллер, т. II, стр. 440.

⁵ Миллер, т. II, стр. 374.

например, на один документ (1652 г.), где говорится то же самое о качинцах, аринах и ястынцах: „они киргизам и тубинцам в роду и племени, и сами у них женятся и дочерей своих за них выдают, и мысль у них с ними одна“¹. Из этого ясно видно, что выражение „в роду и племени“ имеет ввиду лишь смешение перечисленных разноязычных и совершенно различных по своему происхождению этнических групп путём брачных связей. Достоверно известно, что арины были кетоязычными, качинцы и киргизы—тюркоязычными, а значительная, если не большая, часть тубинцев (маторы и др.)—самодийскоязычными. Следовательно, ни о каком „роде и племени“ в смысле кровного родства по происхождению между этими этническими группами не может быть и речи. Таким образом, опираться на два, цитированных выше, документа о тождестве тубинцев и киргизов нельзя. Тубинцы и киргизы не были ни единоплеменниками, ни родственными племенами. Это подтверждается также и другими многочисленными документами первой половины XVII в., в которых население или князья киргизов и тубинцев не только перечисляются отдельно, но и противопоставляются друг другу. В 1625 г. арины сообщали атаману Василию Алексееву: „что де Тубинские земли князцы и лутчие люди со всеми своими людьми откочевали в Киргизы и ныне де живут все тубинцы в Киргизах“². Отсюда видно, что арины, соседи тех и других, не отождествляли тубинцев и киргизов. Между прочим, в 1629 г. киргизские князья не только не говорили об одном „роде и племени“ с тубинцами, но, напротив, когда красноярские казаки стали спрашивать их: „в Кану (р. Кан—Л. П.) живет мужик Соит, а ворует неведомо по вашему учению или своим умыслением“, то они поспешили ответить: „А Соит де князец живет в Кану с своими людьми, а людей у него ста с три, и нам де ему указывать не уметь“, т. е. отрицали даже какую-либо зависимость между ними. Даже в первой четверти XVIII в., когда по Енисею путешествовал Мессершмидт, население, жившее по р. Сыде, помнило о былом самостоятельном существовании тубинцев, и старики рассказывали путешественнику, что тубинцы только в начале второй половины XVII в. после нападения на них Алтын-хана перешли вместе с киргизами, алтырцами и джесарами под власть джунгарского Контайши, после чего, видимо, и произошло дальнейшее сближение этих различных групп, которые стали теперь рассматриваться как части единого целого, а, именно, киргизов, князья которых стали вассалами джунгарского хана.

¹ Дополнение к Актам Историческим, т. III, стр. 384.

² Отписка енисейского воеводы Я. Хрипунова от 1625 г. Миллер, т. II, стр. 318,

Мы уже неоднократно упоминали, что тубинцы, как и маторы, принадлежали к самодийскоязычным родоплеменным группам. Теперь следует привести к этому некоторые доказательства. О принадлежности тубинцев к самодийскоязычной группе народов хорошо было известно учёным XVIII в., располагавшим о тубинцах и маторах не только более обширными документальными историческими данными, но и языковыми и этнографическими материалами XVII в., ещё не изгладившимися из памяти населения. И. Георги пишет, что до появления в Сибири русских они „составляли многолюдное и храброе самоедское колено, жившее на восточной стороне Енисея около реки Тубы, по которой оно и называлось. Но во время войны отчасти истреблено, а отчасти рассеялось не только по другим самоедским, но и по татарским народам.¹ Между качинскими татарами есть и ныне ещё один Тубинский род или аймак, но он малолюден, и хотя наблюдает между собой союз, однако же ни языком, ни житьём, ниже иным чем от качинцев не отменен“². То же самое Георги писал и о маторах, которых „почитают самоедского колена остатком“³. Более поздние исследователи полностью подтвердили это на основании исследования языка камасинцев, койбалов и маторов XIX в., являющихся потомками тубинцев и маторов XVII в. Сошлёмся прежде всего на М. А. Кастрена. Согласно исследованиям Кастрена, маторы являются „отатарившимися самоедами“⁴. Особенно подчёркивает Кастрен самоедское происхождение койбалов, указывая, что „почти все родовые названия койбальских татар чисто самоедские“⁵. Паллас, посетивший в 70-х годах XVIII в. Минусинскую котловину, удостоверил самодийскоязычность карагасов, маторов и особенно подчеркнул это в отношении койбалов. И это вполне закономерно, так как после разгрома тубинцев и ухода с Енисея киргизов, в начале XVIII в. новая земля „Койбальская“ представляла собой не только потомков Койбальского улуса „каменных маторов“ XVII в., но и ближайших потомков других тубинских родов, например, Шараданова, Байкотовского и Коль улусов. Самоедское происхождение этнонима „туба“ исследовал В. В. Радлов⁶.

¹ Георги имеет в виду крупное военное столкновение тубинцев с русскими в 1692 г., когда был совершён поход тубинского князя Шандыка на ясачное население бассейна Кана. В результате этого столкновения тубинцы понесли страшный урон, после которого уже не могли оправиться, тем более, что спустя десять лет, последовал уход киргизов в Джунгарию, когда часть тубинцев, видимо, была уведена с ними.

² Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, СПб., 1799, ч. III, стр. 17.

³ Там же, стр. 16.

⁴ Магазин Землеведения и Путешествий, т. VI, ч. II, Москва, 1860, стр. 411, 417; Его же, Reiseberichte und Briefe. St. Pet. 1856, pp. 322, 342.

⁵ Кастрен. Путешествие, стр. 375.

⁶ W. Radloff. Aus Sibirien, т. I, p. 212—213.

Однако в самом начале XIX в., ещё за 40 лет до исследований Кастрена, изучение маторского и койбальского языков произвёл известный русский учёный, издатель знаменитого „Сибирского Вестника“ Гр. Спасский. Ему удалось в 1806 г. обнаружить помнящих свой древний родной язык маторов и койбалов и произвести от них записи языка, а также установить сходство этих обоих языков с самодийским¹. Общеизвестна самодийскоязычность в прошлом и для камасинцев. О принадлежности тубинцев в прошлом к самодийскоязычной группе народов свидетельствует сам этноним „туба“. Георги, конечно, неправ, полагая, что тубинцы получили своё наименование от названия реки Тубы. Напротив, река эта получила название Тубы от русских именно потому, что по ней жили тубинцы. Известно, что раньше в XVII в. эта река именовалась Упсой. Этноним „туба“ является не случайным, а, напротив, древним этническим термином, который впервые стал известен ещё по китайским летописным хроникам в форме „дубо“ и в V в. в летописи Вейской династии он встречается в качестве названия одного из поколений гаогюйцев-теле². В летописи Танской династии (618—907 гг.) это поколение Дубо отнесено к древним тюркам-тугю, причём к „лыжным тугю“, к лесным обитателям, являвшимся восточными соседями хагясов китайских летописей, которых принято отождествлять с древними енисейскими киргизами. Приведём это место по уточнённому переводу: „Реки все текут на северо-восток. Пройдя это государство, соединяются и на севере входят в море (т. е. озеро Косогол, как и отмечает переводчик Иакинф). На востоке достигают (говорится о путешественнике) трех поколений цзюэ Мума (мума значит буквально: деревянные лошади, т. е. лыжи) или лыжных тугю; называются Дубо, Милегэ и Эчжи. Их старшины все являются Сяц-зинь (Гиегины в транскрипции Иакинфа). Березовую корою покрываются дома. Много хороших лошадей. Обычно ездят на деревянных лошадях (мума), бегая по льду. Досками подпирают (подставляют) ноги; если на кривое дерево (палку) упереть подмышку, то внезапно с силою устремляются на 100 шагов“³. Летопись сохранила краткое, но выразительное описание быта Дубо: „Разделялось на три аймака, из коих каждый управлялся своим начальником. Они не знали годовых времён (не имели календаря): жили в шалашах из травы; ни скотоводства, ни земледелия не имели.

¹ Г. Спасским составлены словари Койбальского и Маторского языков, хранящиеся ныне в рукописном фонде Госуд. Публичной библиотеки в Ленинграде. Некоторый материал из этих словарей нами даётся в последующем изложении.

² И. В. Кюнер. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII-VIII вв. н. э. Записки Хакасского научно-исследов. института языка, литературы и истории, т. II, Абакан, 1951, стр. 14.

³ Там же, стр. 14.

У них много сараны: собирали её корни и приготавливали из них кашу. Ловили рыбу, птиц, зверей и употребляли в пищу. Одевались в соболье и оленьи платья; а бедные делали одежду из птичьих перьев. При свадьбах богатые давали лошадей, а бедные приносили оленьи кожи и саранные корни¹ и т. д. Из этого описания видно, что этноним Дубо относился к таёжным охотничьим племенам, зависимым от тугю, бывшим у них на положении киштымов. Быт древних Дубо до деталей сходен с бытом охотников-звероловов самодийскоязычных племён Саяно-Алтайского нагорья XVII—XIX вв., разводивших и верхового оленя. Характерно, что именно у таких по образу хозяйства и жизни охотничьих племён горной тайги Саяно-Алтайского нагорья сохранился в качестве самоназвания этноним Дубо в форме туба. Напомним, что термином туба называют себя карагасы—охотники-оленеводы и потребители сараны, затем северовосточные тувинцы, среди которых особенно тоджинцы являются охотниками-оленеводами и собирателями сараны и северные алтайцы—„туба кижы“ или „тубалары“—охотники и звероловы, в жизни которых заготовка сараны имела важное значение вплоть до Октябрьской революции. Этническое происхождение всех этих племён связывается с южными самодийскими племенами.

Этноним дубо-туба встречается и в „Сокровенном сказании“ монголов (Юань-чао би-ши, XIII в.), в рассказе о покорении сыном Чингис-хана Джучием (1207) лесных народцев Саяно-Алтайского нагорья, применительно к одному из этих народцев². Этот этноним дожил до наших дней в том же Саяно-Алтайском нагорье.

Кроме самодийскоязычных родов и племён, в составе Тубинской земли в XVII в. были и кетоязычные, к которым Б. О. Долгих относит улусы: Байкотовский, Барсандаев, Шараданов и Кольский. Кетоязычное население занимало низменную часть бассейна Тубы и соседних рек. В конце XVII в. кетоязычный элемент этой земли усиливается за счёт переселения сюда киргизами части населения Яринской земли. Б. О. Долгих обратил наше внимание на то обстоятельство, что с 1680 г. в ясачных книгах исчезают волости Алышская и Илдорская, входившие в Яринскую землю. Население этих волостей, родственное яринцам (аринам), было кетоязычным. Видимо, их увели в Тубинскую землю. После увода киргиз в Джунгарию, русские казаки обнаружили ещё „бахтинцев“, которые, как это документально известно, были также уведены киргизами в Тубу из Яринской земли. Потомки кетоязычно-

¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1, Л – М., 1950, стр. 348. Речь идёт здесь об уплате лошадьми или оленьими кожами калыма за невесту.

² С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 175.

го населения Тубинской земли в XVIII в., как увидим дальше, вошли также в состав вновь образованной (из остатков различных по языку племён и родов) Койбальской земли и сохранили названия улусов XVII в. вплоть до XIX в. После увода киргизов остались кетоязычные улусы: Байкотовский, Аршунов, Урчин, Ингара, Сыский, Коль и Шараданов. Эти улусы говорили по-коттовски ещё в XVIII в. во времена посещения Сибири Миллером.

Вместе с этим в тубинской земле были кетоязычные элементы, проникавшие сюда прежде всего от киргизов путём смешанных браков с последними, а также качинцами, влияние которых особенно сказывалось на этническом составе тубинцев в XVIII и XIX вв. Более того, по данным исследования Б. О. Долгих, в Тубинскую землю в 1665-67 гг. входили и платили ясак несколько киргизских улусов. К ним относились: Бабаев род, Карин род и Бурчиев род (Унгуров улус), в которых насчитывалось около 100 плательщиков ясака. Таким образом можно утверждать, что Тубинская земля представляла собой конгломерат разноязычных племён и родов с преобладанием самодийскоязычных этнических элементов, обитавших не только по р. Тубе, но и вообще по северным склонам Саянов.

По своему занятию жители улусов тубинской и маторской земель были в основном охотниками-звероловами, хотя те из них, которые кочевали по долине Упсы, особенно в её нижнем течении, разводили скот, преимущественно лошадей, и поэтому назывались „конными“. Наиболее раннее и полное описание Тубинской земли датируется 1616 г. и принадлежит русским послам Василию Тюменцу и Ивану Петрову, ходившим к Алтын-хану. В нём говорится: „а шли оне из Киргиз на Табынскую землю; а Табынская земля тое же Киргизские земли, только живут особе, а дань дают в Киргизскую землю и к Алтын царю: хто к ним не приедет, тому и ясак дают. А живут оне по лесам меж гор в ослонех¹, переходят, где кому место полюбится, а шубы носят олени и козы, а кормятся зверем, бьют лоси и олени и козы; мясо едят, а в кожах делают платье. А угодий у них никаких нет, и хлеб не родится, и коров и овец нет, толко одни лошади да олени. А сколько их всех, того сметить было им не можно, потому что ехали мимоездом: а живут они по лесам, а дорогой едучи, видели их по станам человек с 300 и 400“². Позднее, особенно во второй половине XVII в., у тубинцев, видимо, получило большее развитие скотоводство, ибо, когда Алтын-хан совершил на

¹ Т. е. в шалашах из жердей, поставленных в форме конуса.

² Известия Отделения Русского языка и словесности Акад. Наук, 1913, т. XVIII, кн. 4, стр. 272.

них и киргизов походы, то в русских исторических документах нашли отражение жалобы киргизов и тубинцев, что алтынхановы люди „кони и скот отгоняют, и животы их на лобазях грабят и из земли выкапывают“¹.

Маторы в XVII в. были довольно многочисленной группой (по подсчётам Долгих, около 500 душ обоего пола) и по образу жизни делились на коневодов-скотоводов и „каменных“ (горных) маторов-звероловов и рыболовов, обитавших в горах по таёжным рекам. Такое деление не означает, что маторы-коневоды не занимались звероловством, а звероловы совершенно не держали скота. Оно отражает только преобладающий вид их хозяйственных занятий. Охотничье племя маторов обитало в верховьях рек Казыра, Амыла, Ои и местами в бассейне Кана. Они и в XVIII в. продолжали жить в этих районах, где их обнаружил Пестерев (1773 г.). Скотоводческая по образу жизни часть маторов жила в долине Амыла, по Тубе и правобережью Енисея. В XVII в. маторы входили в следующие улусы Тубинской земли: 1) Койбалов, названный по имени князца Койбала, который возглавлял „каменных“ маторов в половине XVII в. Это была, судя по ясачным книгам, самая большая группа маторов². В 90-х годах XVII в. этих маторов возглавляли сыновья Койбала: Серен и Тебюга, а улус их уже именовался Турочаковым (или Тараджаковым) или Мадор; 2) Шышелеков улус, названный по имени князца Шижлека, платившего ясак в Красноярск ещё при первом воеводе Андрее Дубенском; 3) Бугучиев улус, 4) Карнасхамов улус. В период 1658-1667 гг. к маторам же относились, повидимому, улусы: Уштерский, Тондараков и Улумов.

С маторами не следует смешивать, как это делал Г. Миллер и многие другие авторы, землю Маты или „Матцких людей“, о которых будет сказано дальше.

В 1617 г. в состав Русского государства была включена так называемая „Буклинская земля“. Она находилась на Енисее. В челобитной томских казаков царю Михаилу Фёдоровичу по этому поводу сказано: „во 125 году приискали мы холопи твои новую землю на Енисее и били челом тебе, государю, в новую землю на Енисею в Буклинскую волость князьку Базаяку, и твои государевы воеводы нас холопей твоих отпустили в новую землю. И мы, государь, холопи твои государевы, ходили по твоей государев ясак, и ясак твой государев взяли и в

¹ ДАИ, т. III, № 108. Лесные охотничьи народы Саяно-Алтайского нагорья так же, как и современные ханты и манси, селькупы, кеты и др., хранили имущество на лабазах в тайге и близ улусов, устраиваемых на 4-х высоких ножках из жердей.

² „Каменные“ маторы упоминаются в 1685 г. как киштымы киргизские. См. ДАИ, т. II, СПб., 1869, стр. 162.

Томский город принесли"¹. Следующее упоминание об этой земле находим в документе 1622 г., где говорится о посылке служилых людей „в Буклу по ясак“². Затем буклинцы упоминаются в документах второй половины 20-х годов XVII в. как данники—киштымы енисейских киргизов, причём всегда упоминаются вместе и рядом с тубинцами и моторцами, по соседству с которыми, видимо, они жили³. Тубинцы в то время обитали в бассейне р. Тубы (правого притока Енисея, южнее Красноярска), называемой в XVII в. ещё Упсой. Моторцы жили тоже по Тубе, по долине р. Амыла (левый приток Тубы) и в верховьях рек Казыра и Амыла⁴. Следовательно, в бассейне Тубы, т. е. на северных отрогах Западного Саянского хребта, кочевали, вероятно, и буклинцы. Приведём ссылки на документы, в которых буклинцы упоминаются всегда в перечне других родоплеменных групп. В 1626 г. в г. Томск для переговоров с воеводой приезжал киргизский князец Отначка, по выражению документа, „из киргиз, тубинцов, моторцов, буклинцов“⁵. В том же году киргизский посол в Тобольске по имени Алтычак обещал, что енисейские киргизы будут верны присяге о подданстве русскому царю „и ясак попрежнему платить будут и тубинцы, буклинцы, моторцы“⁶. Но, примерно, в это же время поступило известие, что енисейские киргизы хотят на русских идти войной, взяв с собой „тубинцов, моторцов и буклинцов“⁷. В 1627 г. в Киргизскую землю на р. Июс к князьям енисейских киргизов Ишею и Кочебаю приехал из Томска русский представитель П. Собанский, чтобы договориться с ними о взаимных претензиях и установлении мирных отношений. Собанский, чтобы усилить значение этих переговоров, предложил устроить широкое и наиболее представительное собрание и просил послать приглашение ко всем киргизским князьям, а также „к тубинцам и к моторам и к буклинцам“⁸. Это было осуществлено, и буклинцы вместе с тубинцами и моторцами приехали на этот съезд. Вместе с моторцами их было, примерно, 400 человек. Буклинцы были тогда киштымами-данниками киргизов. Киргизские князья заявляли: „А Буклинцы де природные холопы наши, князца Идженея Икзарина“⁹. Известия о буклинцах имеются и в документах 30-х годов XVII в. В 1630 г. в Красноярск приезжал

¹ Документ № 89, Миллер, т. I, стр. 445.

² Документ № 190, Миллер, т. II, стр. 289.

³ Такого же мнения придерживался и Г. Миллер: „буклинцы жили где-то по соседству с тубинцами“, т. II, стр. 55.

⁴ Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952, стр. 85, 87.

⁵ Сиб. приказ, стб. № 886, л. 116.

⁶ Сиб. приказ, стб. № 886, л. 114.

⁷ Там же, л. 48.

⁸ Там же, л. 27, 28.

⁹ Сиб. приказ, стб. № 513, л. 186.

„из Буклинской земли мужик Излек“ с вестью о том, что посланные из Красноярска в Тубу, Саяны и другие земли русские сборщики ясака были убиты тубинским князем Каяном.¹

В 1632 г. русские служилые люди, посланные из Томска к енисейским киргизам за ясаком, привели киргизских князей к очередной „шерти“ (присяге) и получили от них обещание привести в русское подданство ряд „немирных земель“, а именно: „Тоци, саянов, моторцев, буклинцов и иные немирные земли“². Отсюда следует, что буклинцы, как и моторцы и тубинцы, перестали вносить ясак. Это подтверждается и документом 1632-33 гг., из которого узнаём, что Томский воевода И. Татаев сообщил посланцам енисейских киргизов об освобождении их царём от взноса ясака (по их просьбе) и заменой им ясака „службой“, напомнил о необходимости привести „под государеву высокую руку“ тубинцев, моторцев и буклинцев.³ Наконец, в последний раз в известных нам исторических документах буклинцы упоминаются в 1636 г. в числе ряда ясачных земель, которыми снова завладели енисейские киргизы. В царской грамоте томским воеводам написано: „а которые де земли Камашинская, и Кашинская, Буклынская, Алылская, Берюская, Огунская ясак с себя давали, и теми всеми землями завладели Киргизы, да тубинцы“⁴. Дальнейшие специальные изыскания, возможно, позволят открыть ещё новые сведения о буклинцах, однако, уже из того, что здесь цитировано, несомненно, что „Буклинская земля“ или „буклинцы“ представляли собой в начале XVII в. наименование какой-то небольшой родоплеменной группы, соседившей с тубинцами и маторами и, вероятно, родственной им, особенно последним. Это предположение напрашивается потому, что в одном из цитированных выше документов русские служилые люди сообщают общую численность маторов и буклинцев вместе: „а моторцов и буклинцов было человек с 400“ (приехавших по вызову киргизских князей на съезд для переговоров с русскими). Во всяком случае, теперь, когда стал известен материал русских исторических актов первой половины XVII в. о буклинцах, можно довольно уверенно говорить, что эти буклинцы являются далёкими потомками народа Бёклийской степи, упоминаемого в орхонских древнетюркских надписях VIII в. Как говорится в большой надписи воздвигнутого в 732 г. памятника Кюль-Тегина, боклийцы вместе с киргизами, учку-

¹ Отписка томских воевод царю Михаилу Фёдоровичу. Миллер, т. II, стр. 374.

² Сиб. приказ, стб. № 886, л. 281.

³ Там же, л. 290.

⁴ Документ № 365, Миллер, т. II, стр. 439.

рыканами и др. явились на похороны предка Кюль-Тегина¹, одного из первых тюркских каганов (во второй половине VI в.). Нам кажется, сомневаться в этом так же трудно, как и в том, что енисейские киргизы XVII в. являются потомками киргизов времени тюркского каганата, имя которых упоминается в орхонских надписях, как раз в одном перечне с бёклийцами-буклинцами. Со временем буклинцы сделались киштымами енисейских киргизов. Мы не знаем, когда это случилось — в период ли киргизского великодержавья (IX-X вв.) или ещё позднее. Но характерно, что князья енисейских киргизов начала XVII в. считали буклинцев своими „природными холопами“. Возникает вопрос: можно ли предполагать, что буклинцы в VI-VIII вв. обитали, как и енисейские киргизы, в районе верхнего течения Енисея, так как в упомянутой выше древнетюркской надписи говорится, что они пришли оплакивать тюркского кагана из страны „солнечного восхода“, т.е. с востока. Мы не знаем, где происходили похороны первых тюркских каганов, в которых участвовали бёклийцы-буклинцы. Если хоронили каганов в степях Орхона, то, стало быть, бёклийцы-буклинцы не могли жить в бассейне Енисея, ибо про них говорится, что они пришли на похороны с востока. Но если это происходило на Алтае или в Семиречье, то отмеченное затруднение, вытекающее из контекста надписи о приходе буклинцев с востока, не будет противоречить сообщению древнетюркской надписи на памятнике в честь Кюль-Тегина. Дело в том, что первые тюркские каганы, о которых говорится в надписи Кюль-Тегина, были, как известно, алтайского происхождения. Китайские летописные хроники сообщают их имена (правда, не совпадающие с именами орхонской надписи, что трудно было бы и ожидать) и ряд сведений о их жизни и событиях, связанных с их деятельностью. Здесь, на юге Алтая, они вначале жили, здесь они одержали первые победы и через это усилились, разгромив сначала „теле“, а затем расширив свои границы на восток и на запад. Логично предположить, что здесь они где-то и похоронены, ибо мы знаем, что существовала древняя традиция у центрально-азиатских кочевников хоронить своих ханов (умерших даже в походах) на родине. Во всяком случае они не могли быть тогда похоронены на Орхоне, в Кашо-Цайдаме, как не были, вероятно, похоронены на Орхоне и Кюль-Тегин и Тонюкук, в честь которых здесь были воздвигнуты мемориальные каменные стелы с надписями. Если это всё так, то сообщение надписи о прибытии народа Бёклийской стели с востока для участия в похоронах одного из первых тюркских каганов не будет противо-

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 36.

речить действительности, ибо Енисей по отношению к Алтаю находится на востоке. Но имеются ли здесь, особенно на правобережье Южного течения Енисея, степи, где могли бы кочевать скотоводы-степняки? Такие степи есть. Мы имеем в виду так называемое Белогорье, представляющее собой холмистое плоскогорье, откуда берут начало левые притоки Кана и правые—Тубы. Про эту местность у географов говорится, что она „имеет вид холмистого плоскогорья, покрытого нередко самой роскошной травой, чем она отличается от страны, лежащей к востоку от р. Калиты¹, представляющей в виде горной страны“.² Как видно, эта высокогорная степь, пригодная для скотоводства, прилегала к горному хребту. Таким образом, мы не видим препятствий для того, чтобы выдвинуть гипотезу о локализации бёклийцев и бёклийской степи орхонских надписей на Енисее по соседству с киргизами, да и с курыканами (гулигане Китайских летописей), обитание которых довольно определённо связывается с Прибайкальем.³ Не может нас смущать и то обстоятельство, что так долго, т. е. на протяжении более чем тысячелетия (от VI до XVII в.) сохранялась этногенетическая связь буклинцев с их ранними историческими предками—бёклийцами, нашедшая отражение как в сохранении этнонима, так и по месту обитания. Примеров столь длительной исторической преемственности в жизни тех или иных племён и народностей Саяно-Алтайского нагорья не мало. Мы не будем говорить о наличии такой связи между древними алтайскими тюрками и некоторыми современными Саяно-Алтайскими народностями или между „Дубо“ китайских хроник и современными северными алтайцами, тувинцами, карагасами-тофаларами.⁴ Эти связи охватывают тот же самый хронологический период и ту же территорию. Но мы напомним здесь только хорошо известный исторический пример с енисейскими киргизами. Последние жили на Енисее более тысячи лет, вплоть до XVIII в. и сохранили не только этноним, зафиксированный ещё в орхонских надписях, но и целый ряд древних титулов, обычаев и т. д. Об одной из этих традиций хотелось бы сказать. Енисейские киргизы XVII в. сохранили традицию исторических предков VI—VIII вв. ездить на похороны своих владельцев. Если орхонские надписи рассказывают о том, что енисейские киргизы ездили вместе с бёклийцами хоронить тюркского кагана, данниками которого они тогда являлись, то русские исторические

¹ Река Калита является левым притоком Кана.

² „Землеведение Азии“ К. Риттера, с дополнениями. Дополнение П. П. Семёнова и Г. Н. Потанина, т. IV, Алтай-Саянская Горная система, СПб, стр. 637.

³ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, стр. 348, 354; F. Hirth. Nacworte zur Inschrift des Tonjukuk, p. 133.

⁴ См. об этом Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953 стр. 133—162.

акты XVII века свидетельствуют, что енисейские киргизы, как данники монгольского Алтын-хана, ездили (возможно, вместе с буклинцами) хоронить своего владельца и присутствовать при старинной церемонии возведения на престол нового Алтын-хана. В документе 1658 г. повествуется: „И ныне... ис Киргиской земли весть..., что Мугалский Алтын царь умер, а киргиские князья лутчие люди в Мугалской земле оне выбирают в ево Алтынов место мугалского царя“.¹

Таким образом, имеются основания предположить, что далёкие потомки бёклийцев или боклинцев VI—VIII вв. продолжали обитать на Енисее, вплоть до XVIII в., сохранив свой этноним, переданный русскими историческими документами XVII в. в форме „буклинцы“ или „Буклинская земля“. Вероятнее всего, что в XVII в. буклинцы слились с маторами и тубинцами и вместе с ними вошли в этнический состав некоторых современных народностей Саяно-Алтайского нагорья и, прежде всего, в состав хакасов и тувинцев.

5. САЯНСКАЯ ЗЕМЛИЦА

Впервые саянцы упоминаются в челобитной томских служилых казаков в 1616-17 гг., где они названы в перечне народцев и земель, прилегающих к Томску, рядом с матами, братами (бурятами), тубинцами и кучугутами². В 1616 г. через места их обитания проезжали упомянутые выше русские послы Василий Тюменец и Иван Петров. В их донесении говорится: „А ис Тобинские земли шли оне на Саянскую землю, а в ней князек Кара-Сакал с товарищами; живут себе меж гор и лесов по речкам, горы каменны, а леса чёрные, большие; а сколко их всех, того им сметить было нелзе, потому что живут в розни; а слухом оне про них слышали, что их с 5000 человек. А ездят на оленях и на конях, а ясак дают Алтыну царю. А житье их то же, что и в Табынской земле: угодей никаких нет, и хлеб не родится“³. Князёк хорошо принял казаков, сменил им усталых лошадей, снабдил их оленьим мясом и без задержки отпустил в Матцкую землю (т. е. к матам).

Затем о саянах говорится в отписке Томских воевод в 1620 г., где в перечне „орд“, прилегающих к Томскому городу и Кузнецкому острогу, упоминаются „и кучугуты и браты и маты и саяны и аринцы“. Далее саяны фигурируют вместе с кизылами, кучугутами, братами, матами и аринцами в качестве союзников западно-монгольского тайши Карагулы, с ко-

¹ Документ № 281, Миллер, т. III, (рукопись).

² Миллер, т. I, стр. 449.

³ Известия Отделения Русского Языка и Словесности Акад. Наук, 1913, т. XVIII, кн. 4, стр. 272.

торым они собирались напасть на Томск и Кузнецк¹. В 1626 г. отряды саянов находятся у аринов в Тюлькиной землице, где обсуждают вопрос о нападении на Енисейский и Кетский остроги². В 1633 г. через землю саянов проезжал к Алтын-хану посол Василий Старков, который нашёл их, перевалив Саянские горы, в долине Кемчика. Теперь русские казаки были встречены саянами недружелюбно, и их князец, по существу, отказал казакам в продуктах, прислав им „на дорогу овцу мертвую да козла мертвого же пропащей и мы у них тово пропавшева корма не взяли“, как сообщал в своей отписке В. Старков.³ В документе 1636 г., где мотивируется необходимость построения острога на р. Упсе в Тубинской землице, указано: „как де в Тубе острогу поставить, и тубинцы де и киргизы и маторцы и мугалы и точи и саяны и кузнецкие и камасинские и кашинские и бирюские“ и др. люди будут тогда „под нашею царскою высокою рукою“.⁴ В документе же 1651 г. Саянская волость упоминается вместе с точами и мугатами, кочующими по р. Катунь в качестве „новых волостей“, под главенством тархана Самаргана Ирга, находящегося в зависимости от западно-монгольского тайши Чекура, сына тайши Карагулы. При этом тархан просил поставить при слиянии Катунь и Бий острог и за это обещал вносить ясак с названных волостей.⁵ Очевидно, на Алтай саяны, точи, мугаты попали с верхнего Енисея в результате военных действий западных монголов или джунгаров (черных калмыков) с Алтын-ханом, данниками которого саяны, точи и мугаты являлись. Именно к этому периоду относятся интенсивные военные действия джунгаров с Алтын-ханами, закончившиеся разгромом Алтын-ханов в конце 60-х годов и окончательным падением государства Алтын-ханов в 80-х годах. К этому же 1651 г. относится документ, в котором говорится о государевых ослушниках „саянских киштымах“, на которых „велено учинить поход вверх по Мрассе реке“.⁶ Здесь речь идёт опять-таки о саянах, обитающих в окрестностях Телецкого озера. Относительно этих саянов или саянцев, кочевавших в районах, прилегающих к Телецкому озеру, необходимо сказать особо, ибо упоминания о них начинают встречаться в известных нам русских исторических документах с 30-х годов XVII в. Так, например, русские послы, возвращавшиеся во главе с Баженом Карташёвым от Алтын-хана в 1636 г., подверглись нападению в Саянских горах той части саянцев, которые были киштымами

¹ Миллер, т. II, стр. 258, 262.

² Миллер, т. II, стр. 564.

³ ЦГАДА. Фонд, Мунгальские дела 1633 г., сентября, 5-го, л. 23.

⁴ Документ № 365, Миллер, т. II, стр. 440.

⁵ ДАИ, т. III, стр. 319; т. VII, стр. 333.

⁶ А. И. т. IV, стр. 149.

чёрных калмыков (джунгарских Контайши) и приезжали в Саянские горы „для зверовья с Телецкого озера“¹. Пётр Собанский, ходивший в поход на телесов в 1642 г., упоминает саянцев, как соседей телесов.² И Фишер замечает, что этих прителецких саянцев именовали „верхними саянцами“. Это подтверждается данными Кузнецкой воеводской избы, которая в одной из своих справок указывала: „да в 160 году (1652 г.) живущие по Катуне реке Верхние саянцы князь Ерунтей с товарищи платили в казну 7 пластин соболей“³. В русских исторических сочинениях и летописях XVII в. в числе народов, кочующих в окрестностях Телецкого озера, обычно упоминаются и саянцы⁴. На карте Ремезова саянцы помещены около Телецкого озера, рядом с телёсами. Это лишь часть саянцев, причём меньшая, ибо одновременно с известиями о верхних саянцах, кочевавших на Алтае, мы имеем документальные данные о других саянцах, кочевавших в саянских горах. К 50-м годам XVII в. относятся сведения о Саянской земле в ясачных книгах Красноярского уезда. В 1658 г. был получен ясак с улусов Саянской земли: Коетского и Шаджичеева, Караетова, Ухарского, Аласхамова.⁵ Но по данным 1658—1660 гг., представляющим собой документы, связанные с посольством к Алтын-хану Степана Гречанина, видно, что саяны жили по р. Кемчику и князец у них был Иргай, который отказал казакам в продовольствии и проводнике к Алтын-хану, кочевавшему по р. Тёс. По свидетельству послов на Кемчике в то время жили также мунгаты.⁶ Русские послы зафиксировали во время пребывания их в киргизских улусах весьма интересное и важное сообщение. Оно принадлежит сыну киргизского князца Собы Тантыкаева, который, вернувшись из аманатов от Алтын-хана Лоджана, рассказал: „Прежде сего изменили Лозянову (т. е. Лоджанову) отцу Алтыну царю саяны князец Иргай с товарищи, а тех де саянских людей есть с пятьсот, а отъезжали они в черные калмыки и жили они многие лета и ныне де те саянские люди приехали и с черных калмыков в Мугальскую землю и кочуют на дороге на Кемчаке реке; которым местом мне Степану с товарищи итти в Мугалы, а те саянцы вековые

¹ Записки Рус. Географ. О-ва по Отд. Этнографии, т. X, в. 1, 1882 г., стр. 188.

² И. Фишер. Сибирская история, СПб., 1774, стр. 458.

³ Материалы для истории Сибири. Чтения Общества Истории и Древностей Российских, 1866 г., кн. 4-я, стр. 96.

⁴ А. Титов. Сибирь в XVII в. Москва, 1890 г., стр. 50; См. также: Путешествие Н. Спафария через Сибирь в 1675 г. в Записках Русс. Географ. О-ва по Отд. Этнографии, т. X, в. 1, стр. 69 и в других.

⁵ По сведению Б. О. Долгих, Аласхамов улус входил также и в Тубинскую землю.

⁶ Посольство Степана Гречанина, 1658. Фонд 214, стб. 614, лл. 4, 5, 46.

воры и без мугальских послов не сметь мимо тех саянских улусов итти в Мугалы, чтоб над нами не учинили какова дурна".¹ В этом отрывке из статейного списка Степана Гречанина содержатся весьма ценные данные, которые позволяют утверждать, что саяны во главе с князем Иргаем были зависимым, и вероятно киштымами, отца Лоджана Алтын-хана Омбо-Ердени. В начале 50-х годов они откочевали от него к джунгарам на Алтай, что и нашло отражение в реляциях русских казаков, сообщивших в 1654 г.: „есть за Бией рекою вверх по Катуне реке новые волости Саяны, и мугаты и точи, от Керсагальской волости в трёх днищах“, которые, как следует из этого документа, находились под властью „черного калмыка“ Чекура-тайши. Как известно, Омбо-Ердени передал свою власть сыну Лоджану не ранее 1652 г., когда он об этом сообщил киргизам.²

Из этого следует, что под именем саянов в 50-х г. XVII в. русские знали население территории современной Тувы, обитавшее как по Кемчику, так и в восточной части на р. Хамсаре и в истоках Енисея, например, улус Татоков (князец Окианко)³. Имя княздя Иргая, как главы улуса саянов, обитавших в районе Кемчика на пути к улусам Алтын-хана, упоминается и в 1660 г.⁴ Видимо, с этими кемчикскими саянами была тесная связь у алтайских телесов, общавшихся через горные перевалы. Известно, что в 1675 г., например, саяны и телесы входили в ведомство телеутского тайши Матура, который распорядился запретить джунгарам, телеским татарам и саянам нападать на русское и ясачное население.⁵ Такое распоряжение влиятельного тайши, одного из помощников Джунгарского контайши Галдана, было вызвано стремлением джунгарских ханов в 70-х годах установить мирные отношения с Русским государством, так как Галдан был в это время занят войной в Средней Азии, в частности с киргизами.

С конца 50-х годов XVII в. в ясачных книгах Красноярского уезда появляются Саянской земли улусы: Коетов, Шаджигаев, Караетов, Угарский, Татоков, Карчитаев, Хахаев и Эрке-Тархи. Население её жило, видимо, в пределах совре-

---

¹ Сиб. приказ. Фонд 214, ст. 614, л. 18. Кстати сказать, опасения послов относительно нападения на них саянов оправдалось. Когда они шли по дороге к Алтын-хану, то на Кемчике на них „Иргаевы люди саянцы воровски подъезжали и напускали и по нас из луков стреляли и... Федьку Казакова на карауле ранили стрелою ногу левую пробили“ (Посольское дело Степана Гречанина, л. 5).

² ДАИ, т. III, № 108.

³ Б. О. Долгих. Племена Средней Сибири в XVII в., стр. 46. Ср. род Тодут у современных тоджинцев-тувинцев.

⁴ Сборник кн. Хилкова, стр. 270.

⁵ ДАИ, т. VII, стр. 333.

менного Тоджинского района Тувы.¹ Татоков улус во главе с князем Окианко жил по р. Камсаре, улус Эрке-Тархи, видимо, на р. Бий-Хеме. Князь Эрке-Тарха обращался в Красноярск с просьбой поставить острог в верховьях р. Ои для защиты его улуса от монголов. К нему в 1691 г. красноярский воевода посылал служилых людей, которым этот князец „с товарищи“ говорил, чтобы „поставить острог на Киргизской земле выше Абакану реки на Ое реке потому что те Саянские земли к той реке Ое прилегли... а от Абакана реки Ое конём ехать половина дни... и они б саяны платили б ясак по шти соболей с человека, а у них де юрт с 20 и больше и иных земель их саянских улусов много и ясак будет“...² Между прочим, сообщение Эрке-Тархи о многочисленности вообще саянских улусов находит подтверждение в более ранних документах, где говорится: „а в горах, государь, Саянских кочуют мунгальских князцов и саянцов тысячи с 2“.³

Из изложенного выше следует, что под саянцами источники XVII в. подразумевают жителей Саянских гор с разнообразным по хозяйственному занятию населением, часть которого была оленеводами, но разводила частично и лошадей, как это делают и современные тоджинцы-тувинцы, населяющие северо-восточную часть Тувы. Последняя несомненно входила в Саянскую землю и была подчинена Алтын-хану, кочевавшему южнее. Однако кочевья саянцев не ограничивались этим районом, они, особенно коневоды, появлялись на западных Саянах, в верховьях Абакана, где, кстати сказать, природные условия не мешают разведению верхового саянского оленя и в Южном и Восточном Алтае. Следует помнить, что эти части Алтая не были политически или административно ограничены от территории современной Тувы и были населены родственным тюрко-язычным населением, довольно свободно общавшимся между собой. Тесная связь у саянцев была, например, с алтайскими телёсами, обитавшими в восточной части Алтая, в бассейне Телецкого озера. Саянская земля и её отдельные улусы, входившие в состав русского государства в XVII в., вносящие ясак в Красноярский и Удинский остроги, в последующие столетия вошли в состав тувинцев и сохранили свои наименования в названиях племён, родов, хошунов и сумонов тувинцев. Прежде всего наименование Саянской земли или саянов сохранилось в термине „сойон“ (множественное число сойот), которое перешло от монголов в русскую литературу XVIII—XIX в. и синонимом которого стал термин

¹ Татоков улус, видимо, включал предков современных тувинцев рода Тодут, Карчитаев—предков Карагасов и тоджинских тувинцев рода Кара-Чоды.

² Сиб. приказ, стб. № 1054, л. 683—684.

³ Сиб. приказ. стб. № 84, л. 560.

урянтайцы. Затем, в составе Оюнарского хошуна был род Саян (соян), представители которого жили по левому берегу р. Тес (место кочевья Алтын-ханов в XVII в.), по рекам Можалыку и Нарыну. По р. Кемчику, где упоминались кочевья саянов в XVII в., в XIX в. жили представители рода Хертек-соян. До сего времени некоторая часть Терехольского района Тувинской области помнит свою принадлежность к родам: Карасаян и Ак-саян. В хозяйственном отношении Ак и Кара-тыон весьма близки к тоджинцам. Они также оленеводы и охотники. Жилищем им ещё недавно служил конический чум, прикрытый берестой, который можно встретить ещё и теперь. В названиях тоджинских хошунов конца XIX и начала XX вв. можно узнать наименования некоторых улусов Саянской земли XVII в., зафиксированных в ясачных книгах, например: сумон Хойек или Хоин—(улус Коет), сумон Караджоты (улус Карает). Отсюда следует, что в период со второй половины XVII в. и до демаркации русской границы с Китаем в 1727 г. часть тувинцев входила в состав Русского государства. Население этих улусов, по подсчётам Б. О. Долгих, превышало 500 человек. Ясак улусы Саянской земли вносили нерегулярно. После демаркации русско-китайской границы в 1727 г. большинство этих улусов оказалось в подданстве Китая.

В связи с этим целесообразно сказать ещё о точах и мунгатах, обычно упоминаемых в русских исторических документах XVII в. вместе с саянами. Из них особенно близкими к саянам, родственными им по языку, культуре и быту, были „точа“ (иногда именуемые ещё точигасами), потомки которых также входят в состав современных тувинцев-тоджинцев. Точигасы, как и их потомки—современные тоджинцы, являются родственниками карагасов, также оленеводов и охотников. Современные потомки карагасов XVII в. называют себя „туба“ и хорошо сознают своё родство с нынешними тувинцами-тоджинцами. Отсюда следует, что в этническом составе общих исторических предков карагасов и тоджинцев, т. е. карагасов и точигасов XVII в., были самодийскоязычные этнические элементы. Напомним, что самодийскоязычность части карагасов XVIII в. удостоверил ещё Паллас, отметивший в 1772 г.: „Каракасинский род, который только что в двадцати мушинах состоит, однако также как и Койбальской и Моторской удержал свой самоедской язык, хотя немного уже перемешен“.¹

Выше отмечалось, что наименования улусов Саянской земли XVII в. сохранились в наименовании тувинских-тоджинских сумонов XIX и XX вв. Е. Пестерев, посетивший потомков этих групп населения в 1774 г., нашёл их хозяйство пример-

---

¹ Паллас. Путешествие по южным провинциям Российского государства, ч. III, стр. 424.

но в таком же виде, как и В. Тюменец. „Кочующие по рекам Тодату, Камсаре и Сыстыгему Тоджинского рода сойоты, — пишет Пестерев, — рогатого скота, овец, дворовых козлов, лошадей и верблюдов имеют весьма малое число; а хотя и есть довольно число вышеписанных родов скота, но у редких: скотоводство у них хотя и посредственно, но весьма богаты серебром; а у самых в лесах обитающих Тожинского рода сойот наперед сего бывали и домовые олени, но в нынешние годы все вывалились, да и людей весной много вымерло; у всех же кочующих сойот хлеба нет, а питаются одним мясом и разных трав кореньями, а когда родятся кедровые орехи, то и их в пищу употребляют, а когда нет мяса и коренья, то очень много пьют кирпичного чая с солью. При свиданиях я давал наших пшеничных сухарей; то хотя и ядят, но весьма мало, а другие и совсем не ядят“.¹ Коснёмся здесь попутно и вопроса некоторых других родоплеменных групп, упоминаемых в исторических русских документах XVII в. вместе с саянами, тубинцами и др., но не плативших ясака. Мы имеем ввиду мунгатов, кучугутов и мадов. Из них о мунгатах, мугатах или мынгатах сообщают, как правило русские послы к Алтын-хану. Из всех этих сообщений следует, что мунгаты обитали в XVII в. по р. Кемчику. В посольском документе, описывающем путешествие В. Старкова к Алтын-хану, относящемся к 1638 г., говорится, что послы спустились по р. Акколу до Кемчика: „А в том месте на Кемчике кочевали Мингатские люди, а улус тут стоял Коушаков и в том улусе нас поставили“.² В статейном списке посольства Степана Бобарыкина, более чем 20 лет спустя, сказано, что Алтын-хан „велел нас проводить из Мунгальской земли на Кемчик реку до Мынгатских людей“.³ Ещё позднее на карте Ремезова мингаты помещены на верхнем Енисее. В русских документах XVIII в. содержатся показания рядовых кочевников-мингатов, бежавших уже из Джунгарии и задержанных в пограничных крепостях русскими властями. Из этих материалов видно, что мингаты в период наибольшей мощи джунгарских ханов в первой половине XVIII в. находились зависимыми от этих последних и по их повелению кочевали уже в самой Джунгарии, вблизи от ставки джунгарского хана в количестве нескольких тысяч кибиток. В показаниях говорится, что мингаты в это время кочевали по долинам Таласа, Или, Нарыма в ведомстве различных джунгарских зайсанов. После разгрома Джунгарии они стали возвращаться, по их словам, „на прежние свои жилища в Алтай“ или, как говорится еще в дру-

¹ Новые ежемесячные сочинения, 1793 г., январь, ч. XXIX, стр. 55.

² Записки ИРГО, по отделению Этнографии, т. X, в. 1, стр. 188.

³ Сборник князя Хилкова, СПб., 1879, стр. 272.

гом показании, „покочевали в Алтайский камень“¹. Мингатам, частично, удалось пробраться в Саяно-Алтайское нагорье, где они и рассеялись. Во второй половине XIX в. Г. Н. Потанин встречал мингатов как в Туве в районе Терехоля, так в Сев.-Западной Монголии на северном берегу р. Кобдо.² Они вошли в состав тувинцев и монголов.

Известия о кучугатах появляются в 1615 г.: из челобитной томских казаков мы узнаём, что кучугуты вместе с джунгарами (чёрными калмыками), телеутами (белыми калмыками), киргизами наступали на Кузнецкий острог³. Кучугуты в то время были подчинены джунгарскому Тайше Карагуле⁴. Затем о них имеются сообщения в челобитной томских служилых людей 1616 г., в перечне народностей, вместе с саянами и тубинцами, и в других уже цитированных выше, в связи с рассмотрением саянской земли, документах. Кучугуты кочевали, видимо, в Туве, где потомки их живут до сего времени. А. П. Ермолаев насчитывал 186 юрт кучугутов в 1916 г. по р. Алаш, близ озера Каракуль.⁵ Таким образом, на примере саянов, тучей, мунгатов и кучугутов хорошо прослеживается этногенетическая связь современных тувинцев с рядом различных родоплеменных групп XVII в. Эта связь особенно чётко выступает в отношении мадов или матов, которых некоторые путешественники и исследователи путали с маторами, на основании некоторого звукового сходства обоих наименований. В действительности же это были совершенно различные этнические группы и прежде всего по языку. Нет никаких данных считать матов или мадов самодийскоязычными, как это совершенно точно устанавливается в отношении маторов. Мады, видимо, были тюркоязычными. В XVII в. они приняли русское подданство и впервые внесли ясак томским казакам, посланным к ним в 1609 г.⁶ Между прочим, следует иметь в виду и то, что томские казаки были посланы к ним в один и тот же день, что и к маторам и тубинцам, только сюда была направлена другая группа казаков из 3-х человек. Возвратившись от матских людей казаки донесли, что их „мацкие князьки Четей, Олган и Тумей“ приняли подданство, дали ясак в количестве 60 соболей и в подарок царю послали „кутню червчату⁷, а на ней круг золот“. Численность матов казаки определили тогда в 600 людей и сообщили, что „их Алтын-царь воевал, и мно-

¹ Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских, 1866 г., кн. 4-я, стр. 101, 104.

² Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 11 и 653.

³ Миллер, т. I, стр. 442.

⁴ Миллер, т. I, стр. 445.

⁵ В. И. Дулов. Пережитки общинно-родового строя у тувинцев в XIX—начале XX в. Советская Этнография, 1951 г., № 4, стр. 65.

⁶ Миллер, т. I, стр. 422—423.

⁷ Т. е. азиатскую полушёлковую ткань красного цвета.

гих людей их поймал в закладе, и их у себя держит, а иных де государь, побил...“ „А платили ясак прежде сего Алтыну царю, а нынчи, государь, оне от Алтына царя отступили, а хотят служить тебе государю и кочевать с киргисскими людьми вместе, ближе к Томскому городу“¹. Однако в следующем году, в связи с нападением киргизских князей на русское и ясачное население, томские воеводы сообщали, что новые „Матцкая, и Кимская и Алтырская волости, а живут около киргизов близко... тебе государю изменили, сложилися с киргизами заодно“². Относительно же маторов и тубинцев воеводы указали, в отличие от Матской волости, что „те волости живут позади киргиз, а мимо, государь, киргиз в те волости проходу нет, и затем с тех волостей твоего государева ясаку не взято“³. В документе 1620 г. говорится: „браты да маты люди великие, ясаку государю не платят, а сами де они емлют ясак с государевых ясачных людей, которые блиско кочуют: с кызылов, с багазар...“ Приведённые документы ясно говорят, что маторы и маты в XVII в. были различны по своей численности, управлялись различными князцами, жили в различных местах и, видимо, резко отличались по своему этническому составу. Маты или матцы жили за Саянами, на территории современной Тувы. Томские воеводы сообщали царю в 1608 г. на основании сведений, полученных от киргизских князцов Номчи и Кочебая, что „живут матцы от Киргис два дни“ и являются „ясашными“ Алтынхана.⁴ Русские послы к Алтын-хану в 1616 г. В. Тюменец и И. Петров проезжали через землю матцов, дорога к которым лежала вверх по Абакану, далее через Саянский хребет, через кочевья тубинцев и саянцев на р. Кемчик, где находились кочевья матских людей. В описании их пути говорится: „А из Саянской земли шли оне до Матцкие земли восм день, а места были ровные, меж гор же, а горы им по сторонам. А реки им были от Соян до Матцкие земли: первая Кимчага, два днища от Саян, другая река Частые броды, а бежит щелью каменною, от Кимчага река 2 же днища; а речки все каменные не великие, ключевые, вышли из гор. А от Частых брод шли до озера 2 днища, а озеро велико, меж гор каменны, вода в нем солона, а как то озеро словоет, того не упомнят. А от озера шли до Мат 2 же дни сухим путем, меж гор же, рек не было, только были ручейки не велики“. Послы также сообщили: „А в той Матцкой земле живет князек Кундучен и служит во всей землей Алтын царю, и кочевья тое землицы сошлися с кочевья царевы Алтыновы земли“. Здесь ясное указание на то, что Матские земли были расположены по Кем-

¹ Миллер, т. 1, стр. 422—423.

² Миллер, т. 1, стр. 430—431.

³ Миллер, т. 1, стр. 430.

⁴ Русская Историч. библиотека, т. II., стр. 189.

чику и Большому Енисею (Улу-Кему), ибо кочевье Алтын-хана в то время было у озера Упса-Нор, по долине р. Тес. Отметим кстати, что имя князька Матской земли Кундучен, сообщённое послами, является, вероятно, не собственным именем, а чином, ибо „Кунду“ и „чанг“ ещё в XIX в. и начале XX в. у тувинцев означали ранг чиновников. Далее у послов говорится: „А как оне приехали в Матскую землю, и Матцкие земли князек встречал их честью, от своих улусов в полуверсте, с кормом и с питьем, и подводы дал. А корм был: мясо, баран, да молоко коровье и кобылье, да кумыз из молока же кобылья. И проводил их из своей земли до царя Алтына сам, и назад от царя до своей земли их провожал же, и в дорогу корм и подводы им давал“.¹ Здесь нельзя попутно не отметить, что этот обычай встречи гостей перед селением и угощения, описанный послами, существовал у кочевников-скотоводов тувинцев и у южных алтайцев вплоть до первой четверти XX в. и применялся особенно на свадьбах. Но такого обычая не было у лесных звероловческих и оленеводческих племён, к которым нужно отнести маторов.

Из всего сказанного следует, что маты или матцы были типичными скотоводами-кочевниками, в отличие от маторов-звероловов-оленеводов. По языку мады были, видимо, тюркоязычными, о чём говорит их тесное общение с енисейскими киргизами, которым они, кажется, были родственны. Кажется, мады упоминаются в енисейских руничных надписях, обнаруженных в бассейне р. Уюка. Поэтому едва ли можно согласиться с Н. П. Шастиной, которая находит, что под Матской землёй нужно понимать население монгольского племени мингатов.² Дело в том, что маты никуда не исчезали и могут быть прослежены до современности. У современных тувинцев и теперь не исчезла группа населения, именовавшая себя ещё в начале нашего столетия мадами. Тюркоязычность их несомненна, по крайней мере с XVIII в.

6. КАМАСИНСКАЯ И КАШИНСКАЯ ЗЕМЛИЦЫ

Камасинская земля получила название по самодийско-язычным камасинцам, открытым русскими людьми в верхнем течении Кана и по р. Мане в конце 20-х годов XVII в. Их князец Байга в 1629 г. добровольно принял русское подданство и внёс в ясак 40 соболей служилым людям, посланным из

¹ Известия Отделения Русского Языка и Словесности Акад. Наук, 1913 г., т. XVIII, кн. 4, стр. 273.

² Первые отношения Московского государства с Алтын-ханами Западной Монголии. Автореферат кандидатской диссертации. Ленинград, 1950, стр. 11.

Красноярска¹. Рядом с Камасинской находилась Кашинская земля, население которой именовалось кашинцами, в том числе и „кашинцами конными“, известными в конце 50-х годов также и по составу Яринской земли. Поэтому целесообразно рассмотреть исторические материалы о Камасинской и Кашинской землях вместе, тем более, что в дальнейшем Кашинская земля, как отдельная, по документам не прослеживается, а входит в Камасинскую.

Камасинская земля состояла из нескольких улусов, состав которых становится известным с 50-х годов XVII в. По сообщению исследовавшего этот вопрос Б. О. Долгих, камасинцы делились на шесть улусов: 1) Татаров (Модор), 2) Бугачев (Буга, Богоше), 3) Ургунов (Ургуне), 4) Кугин (Сили, Села), 5) Байгин (Байга), 6) Тагин (Ниги, Нег)². В конце XVII в. в Камасинскую землю входила также Тинская волость, ибо в документе 1693 г. упоминается „Камасинской земли Тинской волости ясачный татарин“.³ Общая численность камасинцев в первой половине XVII в., по подсчётам Б. О. Долгих, составляла около 500 чел. По свидетельству Г. Миллера, посетившего Камасинскую землю в 30-х годах XVIII в., все эти шесть улусов говорили одним языком с маторами, который, по словам Миллера, „не отличается от камашинского“. По своему занятию камасинцы, обитавшие в тайге, были охотниками-звероловами и, по крайней мере в XVIII в., разводили верховых оленей. Самодийский язык камасинцы помнили и сохранили частично вплоть до XX века. У них ещё с середины XIX века сохранялись родовые названия, общие с туруханскими самоедами.

Кашинская земля в исторических источниках упоминается всегда рядом с Камасинской, наподобие аринов с качинцами. В отличие от Качинской земли, находящейся под самым Красноярском, Кашинская и Камасинская земли находились в отдалении от него. Они были расположены ближе к землям тубинцев, кочевья которых находились по р. Тубе.

Кашинская земля появляется в дошедших до нас русских исторических документах в начале 30-х годов XVII в. В одном из них упоминаются „кашинцы конные“ вместе с тубинцами и маторами в группе „окольных земель“, появившихся под Красноярском с енисейскими киргизами в 1634 г.⁴ В царской грамоте 1636 г. томскому воеводе, посланной в связи с предполагаемым построением русских острогов в Канской и Тубинской землях, также говорится о кашинцах, которых вместе

¹ Документ № 264, Миллер, т. II, стр. 356.

² В скобках даны камасинские наименования этих улусов и родов, записанные Г. Миллером в 1735 г. См. ЦГАДА, фонд 199, д. 9, портфель 526, ч. II, л. 26.

³ Сиб. приказ, стб. № 1033, л. 21.

⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, 22, л. 213.

с коттами, асанами и камасинцами разгромил Тубинский князь Сеит и часть их увёл с собой в Тубу. Красноярские служилые люди были посланы к Киргизским и Тубинским князьям требовать возмещения убытков при погроме и возвращении уведённых. Но оказалось, что „Кашинские и Камасинские земли ясачных людей“ находились у тубинцев, а к ним киргизы „служилых людей не повели“. В результате неудачных переговоров с киргизами, красноярский воевода вынужден был констатировать: „а которые де земли Камашинская и Кашинская, Буклынская, Алыльская, Берюская, Огунская ясак с себя давали, и теми всеми землями завладели киргизы да тубинцы“¹. Из этого документа видно, что кашинцев конных нельзя отождествлять с „качинцами“. Последние жили под Красноярским острогом по р. Каче и составляли „подгородную волость“. Здесь же речь идёт о кашинцах, как соседях камасинцев и коттов, проживавших в районе территории, контролируемой тубинскими князьями. Что это было так, следует из того же документа, где подчёркивается „а как де в Тубе острогу поставить, и тубинцы де и киргизы и маторцы и мугалы и точи и саяны и кузнецкие и камасинские и кашинские и бирюские и огунские и касайские все тех земель под нашею царскою высокою рукою (будут) в вечном холопстве“. Здесь совершенно чётко говорится, что речь идёт о кашинцах, как об особой земле, а не о красноярских качинцах, уже находившихся давно в русском подданстве, которые, кстати сказать, в цитированном документе тоже упоминаются под своим наименованием. В 50-х годах „конные кашинцы“ становятся более известными по записям ясачных книг в составе ряда улусов, но часть их с 1658 г. (улусы Тубачаков и Ебыйгатов) числится в Яринской земле, а большая часть улусов записана совместно с Камасинской землей. В кашинской земле так же, как и в Камасинской, числилось шесть улусов. По Б. О. Долгих, улусы эти были следующие: 1) Ютубайков, 2) Кургунов или Каргил (Харгин), 3) Мунгатков (Могати), 4) Яргашин (Шалба), 5) Мунтуков (Бугулма), 6) Угумаков (Хингу)². Необходимо сделать оговорку в отношении Мунгаткова улуса, именуемого так в русских документах, а по-кашински улуса „Могати“. Этот улус не следует смешивать с качинским Мунгатковым или Мунгатовым улусом. У качинцев название этого улуса произошло от собственного имени князя Мунгата, упоминаемого впервые в 1634 г. Миллер, описывая события, связанные с качинским князем Мунгатом, заметил: „По его имени

¹ Миллер, т. II, стр. 439.

² В скобках приводятся наименования этих улусов и родов по Г. Миллеру.

до сих пор у качинских татар называется Мунгатков улус.¹ В примечании к книге Миллера сказано: „Мунгатов улус в Качинской земле в 1649 г. состоял из самого Мунгата и двух ясачных людей; позже в нём насчитывалось 10—11 взрослых мужчин“.² В XVIII в. Мунгат аймак у качинцев упоминает Паллас,³ а полустолетием ранее, у степных камасинцев его зафиксировал Миллер. Отсюда следует, что в XVIII в. Мунгатков улус был у качинцев и у кашинцев, причем у последних он самим населением именовался „Могати“, а у качинцев—Изыр (Езер).

Общая численность кашинцев, по мнению Б. О. Долгих, составляла около 200 чел. По роду хозяйственных занятий „конные кашинцы“ были скотоводами, кочевавшими в степях и лесостепях, и занимались, как и арины и качинцы, охотой на ценного пушного зверя. На карте Ремезова, составленной по материалам конца XVII в., обозначены „конные кашинцы немирные“ по рекам Сыде и Коме, правым притокам Енисея. То обстоятельство, что Ремезов поместил на карте конных „немирных кашинцев“ совершенно отдельно, под этим именно названием лишний раз свидетельствует о том, что кашинцев нельзя путать с качинцами, что, кажется, не всегда делал Миллер. „Кашинцы конные“ или „кашинцы немирные“ по своему происхождению, видимо, относились к самодийским племенам. Доказательством служат различные материалы. Прежде всего следует упомянуть о некоторых этнонимах. Один из улусов кашинцев, именно Мунгатков улус, именовался у самих кашинцев „Могати“, что переводится из самодийского языка как „лесной“ (у современных энцев „мугади“). По свидетельству Г. Миллера, на самодийском (камасинском) языке ещё в XVIII в. говорили жители кашинского улуса Яргашина (Шалба), вошедшего после увода енисейских киргизов в Джунгарию в Койбальскую землю Красноярского уезда под названием улуса Ярши или Арши. В начале 20-х годов XIX в., когда происходило новое административное устройство, так называемые „степные камасинцы“ или кашинцы были объединены под названием Угумакова улуса. Последнее обстоятельство говорит за то, что среди потомков кашинцев XVII в., т. е. степных камасинцев, название Угумаков улус ещё бытовало и было принято для нового административного объединения. В связи с решением вопроса о кашинцах особый интерес представляет этноним „каш“, который и был общим этнонимом кашинцев. Этот этноним сохранился до XX в. включительно у карагасов в ряде названий их родов или сеоков, а также некоторых сеоков качинцев. По сообщению Ю. П. Штубендорфа, Карага-

¹ Миллер, т. II, стр. 61.

² Миллер, т. II, стр. 568.

³ Паллас. Путешествие., ч. III, стр. 565.

ский улус называл себя „сарых-каш“ (жёлтые кашинцы), а Кангатский улус карагасов—хаштар (мн. число от „хаш“), т. е. попросту—кашинцы.¹ А. Шифнер в предисловии к исследованиям Кастрена о койбальском и карагаском языках пишет о пяти родах карагасов, в том числе о родах Каш и Сарыг-Каш². Каш, как этноним, содержится и в общем названии карагас, самодийское происхождение которых удостоверено исследователями XVIII в., когда отмечен был род Каракас или Карагасинский род. Таким образом, часть конных кашинцев, вероятно, вошла в состав карагасов. Возможно, этим объясняется тот факт, что современные карагасы, будучи оленеводами, обращаются с оленем совсем как с лошастью, в отличие от других исконных верховых оленеводов, например, тунгусов. Они седлают оленя как лошадь, их седла—это конское седло, приспособленное к оленю. Садятся на оленя они слева, т. е. так же, как садятся кочевники на лошадь. В их шаманстве содержится ряд черт, также свидетельствующих о том, что часть карагасов в прошлом была коневодами. Но карагасы, как известно, говорили на диалектах самодийского языка ещё в XVIII в. Отсюда позволительно предположить, что по-самодийски говорила и та часть „кашинцев“ XVII в., которая после разгрома кашинцев киргизами в 1680 г. (в результате чего было распыление кашинцев) вошла в состав карагасов, этой, в свою очередь, весьма сложной этнической группы.

Выше уже отмечалось, что кашинцы входили и в состав качинцев. Последние сохранили этот этноним, общий с кашинцами и карагасами, до наших дней в названии ряда своих сеюков (родов), причём, как известно, этноним этот не может быть разъяснен из тюркского языка. Каш или кас, как этноним, видимо, самодийского происхождения и встречается ещё в китайской летописной хронике Танской династии (618—907). Как известно, ещё В. Шотт показал существование самодийских языковых элементов в терминологии Китайской летописи Таншу. Более того, В. Шотт пытался даже отождествить древний киргизский язык с самодийским³. Наличие южных самодийских элементов в составе енисейских киргизов Танского времени более чем вероятно, ибо едва ли можно сомневаться в том, что енисейские киргизы тогда представляли в этническом отношении конгломерат. Тем более это может быть отнесено к их киштымам-данникам, как например, Дубо или бёклийцам-буклинцам, о чём уже говорилось при обзоре Тубинской земли. В последних по времени исследованиях взгляды В. Шотта

¹ О карагасах. Вестник Русс. Географ. О-ва, ч. XII, 1854, стр. 229—230.

² M. A. K. Castren. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre St. Pet. 1857, p. VI.

³ W. Schott. Über die ächten Kirgisen. Berlin, 1865. Отдельный оттиск из Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1864.

о связях самоедского и древне-киргизского языков находят новое подтверждение и выясняются также древние связи енисейско-остяцкого или кетского и самодийских языков¹. Исследуются и предлагаются новые этимологии в доказательство этих положений. В частности самодийский термин каш (qas) признаётся словом древнекиргизского языка со значением железо². Быть может в самодийскоязычном этнониме „каш“ сохраняется память о древнесамодийских племенах „кузнецах“, выделывавших железо. Наш известный тюрколог С. Е. Малов недавно высказывал предположение, как филолог, даже о том, что термином „хакас“ китайские источники передали этноним карагас, так как „китайцы под хакасами-карагасами могли понимать киргизское государство с разными подчинёнными ему народами.“ Не вдаваясь в обсуждение филологической догадки С. Е. Малова, мы должны все же отметить, что киргизы и хакасы китайских летописей Танского времени были народом смешанного происхождения, о чём имеется прямое свидетельство китайской хроники, в котором уже тогда могли быть южные самодийские этнические элементы, обитавшие в Саяно-Алтайском нагорье.

7. КАНСКАЯ ЗЕМЛИЦА

Канская земля была присоединена к русскому государству в 1628 г., после построения Красноярска. Вышедшие из Красноярска служилые люди поставили зимовьё на р. Кан близ Араксеевского порога и получили первый ясак от канских людей-коттов через князцов Тымака и Тесеника или Темсеника.⁴ Однако есть основания предполагать, что котты приняли русское подданство и внесли ясак впервые ещё в 1621-22 гг. вместе с асанами и были причислены к Енисейскому острогу. В ясачной книге Енисейского острога за 1622 г. имеется запись, что „с Кутанские земли с князьца Каракуши государева ясаку 24 соболя с пупки и с хвосты взято. Да с князьца Базерековых людей 15 соболей с пупки и с хвосты взято.“⁵ Возможно, что под Кутанской землей подразумеваются котты, так как они именовались, по крайней мере у бурят в XIX веке, котонами (котон). Что в 1622 г. русские уже были в районе Кана, не может вызывать сомнения, ибо в ясачной книге

¹ L. Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription Chinoise. Acta orientalia. Budapest, 1950, стр. 141—188.

² L. Ligeti,

³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 7.

⁴ Документ № 253, Миллер, т. II, стр. 344—346.

⁵ Документ № 175, Миллер, т. II, стр. 274.

Енисейского острога за 1621 г. говорится о получении ясака с новой Васанской земли, под которой нужно подразумевать асанов, живших, по данным ясачных книг, на р. Кан¹. Трудно предположить, чтобы при получении ясака с обитавших на р. Кан асанов „Васанской земли“ родственные им и живущие с ними по соседству котты остались вне сферы внимания сборщиков ясака. Поэтому Кутанскую землю и „кутанов“, упоминающихся в документе 1622 г. вместе с тубинцами и моторцами, видимо, следует считать за коттов.²

Но возвратимся к Канской земле после постройки Красноярска. Канское зимовье находилось примерно в 200 километрах от Красноярска. Канская земля включала население, обитавшее в бассейне р. Кана. В документе 1630 г. говорится: „канские князьцы и улусные люди живут по Кану реке и около Канского озера, а от Канского острожку кочуют те ясашные люди блиско, в полуднище и ближе“³. Несколько позднее в документах эта земля часто называется Котовской, так как основным населением её были родственные аринам кетоязычные котты и асаны.⁴ Вот почему у атамана Остафьева, бравшего первый ясак с коттов и ставившего Канский острожек, переводчиками были аринские татары.

Котты представляли собой южную ветвь кетоязычных племён—киштыморов киргизских, тубинских и западно-монгольских феодалов. В XVII в. котты, как это следует из русских ясачных книг, делились на 12 улусов или волостей, записанных в книги преимущественно по именам возглавлявших их князцов. Улусы коттов и их местообитание представляются после 30-х годов XVII в. в следующем виде. По р. Кану и в бассейне его ниже Араксеевского порога обитали улус Тымаков, названный по имени князца Тымака, принявшего русское подданство. После смерти Тымака этот улус выступает под названием Пантыковского (по имени Пантыка—сына Тымака). Затем—улус Багин, улус Темсеников (по имени князца Темсеника), который носил ещё название Курчекова, и улус Араксеев, близ порога. Далее, по р. Ешкаулу—улусы Торсуков и Шалашкин⁵; по р. Пойме—улусы: Початский, Таганеков, Именекон (иначе Аршин, Яршин или Аяршин). По р. Тумашету кочевала Пеленгутская волость, а по рр. Тагулу и Бирюсе—волости

¹ Документ № 158, Миллер, т. II, стр. 260.

² Документ № 163, Миллер, т. II, стр. 264.

³ Документ № 286, Миллер, т. II, стр. 378.

⁴ Документ № 365, Миллер, т. II, стр. 440.

⁵ Этот улус именовался по имени князца Шалашкина. Сын этого князца был канским ясаулом и при крещении получил русское имя Иван. Он упоминается в документе 1691 г.

Агашская и Инголецкая.¹ Необходимо особо подчеркнуть, что и по р. Бирюсе жили котты. Это подтверждается документами, относящимися к посольству Степана Тупальского к Алтынхану (1678 г.), где говорится: „А по Бирюсе живут Великого государя ясачные люди котовцы“² В дальнейшем изложении мы напомним это свидетельство источников в связи с рассмотрением вопроса о бирюсинцах XVIII—XIX вв., входивших в состав предков современных хакасов.

Иногда котты перекочевывали к Тубинским князьям на р. Упсу или Тубу. Такие данные содержит, например, документ 1659 г.³ По преобладающему занятию котты были звероловами, охотившимися за зверем (копытным и пушным) с луком, стрелами и ловушками. Об этом есть прямые указания в наших документах.⁴ В одном из них говорится: „А по Кану де реке и по сторонним речкам землицы подошли многие, люди по них промыслеяные“.⁵ В их жизни большое значение имело выкапывание корней сараны и других растений при помощи железных лопаток. Они выделывали также различные изделия из железа. Некоторые из них держали лошадей и крупный рогатый скот. О развитии кузнечного дела у канских коттов свидетельствует предложение езерского „кыргызского“ князя Шорло Мергена в 1701 г., чтобы русские брали с коттов ясак зимой соболями, а чтобы им, киргизам, „с канских кыштымов имать после государева ясаку летом дань свою железом и топорами и осипами⁶ и орловым перьем, кроме соболей“⁷.

С построением Красноярска котты были причислены к нему, как к ближайшему острогу, хотя в их земле было поставлено „зимовье“. Однако, и после причисления коттов к Красноярску, енисейский воевода продолжал посылать к ним сборщиков ясака, причём известен случай, когда один из атаманов енисейского воеводы в 1630 г. буквально напал на коттов и взял с них ясак силой.⁸ В том же году котты испытали разгром со стороны тубинского князя Кояна, который взял с них ясак не только на себя, но и на Алтын-хана и на калмыцких князей. В документе, описывающем это событие, говорится: „Он Коян с них брал керками, чем кореня копают и луки и стрелы и лещебные всякие у них снасти побрал и тех госуда-

¹ Эта волость была „приискана“ под названием Инголоницкой земли сыном боярским С. Самсоновым, примерно, в 1641—42 гг. См. Миллер, т. II, стр. 540.

² ЦГАДА. Фонд 214, стб. 709, ч. II, л. 374.

³ ДАИ, т. IV, стр. 179.

⁴ Документ № 277, Миллер, т. II, стр. 307.

⁵ Документ № 440, Миллер, т. II, стр. 440.

⁶ Речь идёт, видимо, об осупах, т. е. корнекопалках, т. к. до сего времени у ряда племён Саяно-Алтайского нагорья корнекопалки назывались осуп, осуп, осух, осук и т. п.

⁷ Памятники Сиб. Истории XVIII ст., т. 1, стр. 183.

⁸ Документ № 286, Миллер, т. II, стр. 378.

ревых ясачных людей пограбил и их до основания разорил¹. Несколько лет спустя, в Канской земле, на левом берегу Кана, на большой дороге, где обычно переправлялись в Братскую (бурятскую) землю, был выстроен Канский острог, в который котты и стали платить ясак. Обычно считается, что Канский острог был построен в 1640 г., как это утверждал Г. Миллер.² Однако имеется документ, свидетельствующий о постройке Канского острога в 1637 г. В отписке Красноярского воеводы Федора Мяколина говорится: „а в котовской, государь, земле в Кану на Братском перевозе посреди земель, которые преж сего тебе государь ясак давали Котовские и Камасинские и Бирюские и Асанские и от Тубинской земли близко острог поставлен во 145 году 5 октября“.³ Построение острога избавило коттов от многоданничества, но тубинские князья продолжали свои набеги на них с целью грабежа дорогой пушнины и иногда даже уводили коттов (частично) в свои кочевья на р. Уксу.⁴ С коттов собирали дань тубинские и киргизские князья не только на себя, но и на Алтын-хана и джунгарских ханов.⁵

Канская земля была довольно многочисленна. По данным Б. О. Долгих, в середине 60-х годов XVII в. коттов было примерно 860 человек. Эти земли отошли с XVIII в. из Красноярского уезда в Канский, но часть коттов, как увидим дальше, вошла в состав хакасов.

Из того факта, что котты в XVII в. жили по Бирюсе, вытекает, что изредка встречающаяся в документах Бирюская земля была по составу своего населения коттовской, стало быть кетоязычной. Отсюда намечается и новое уточнение в решении вопроса об этнической принадлежности так называемых бирюсинцев. Как известно из литературы XVIII в. (Георги), бирюсинцы, под которыми мы можем подразумевать коттов, выселились в горную тайгу Восточного Алтая, в район истоков Абакана, Мрассы и Кондомы. Это событие, по Георги, произошло в начале XVII в., когда эти места оказались включенными в состав Русского государства, вследствие чего бирюсинцы и переселились в истоки Кондомы. Но это сообщение Георги не подтверждается фактами, зафиксированными русскими историческими документами. В последних, например, документах 1636 и 1637 гг., в связи с постройкой Канского острога, о Бирюской земле определённо говорится, как об ясачной земле, вместе с Камасинской, Кашинской и другими.

¹ Отписка Красноярского воеводы от 1630 г. Миллер, т. II, стр. 367.

² Миллер, т. II, стр. 86.

³ Сиб. приказ, стб. 84, л. 137.

⁴ Дополнения к Актам Историческим, т. IV, стр. 179.

⁵ Миллер, т. II, стр. 367, ДАИ, т. II, стр. 160; Памятники Сибирской истории, т. I, стр. 181.

население которых обитало в бассейне рек Кана, Бирюсы и Уды. В документе 1637 г., сообщающем о постройке Канского острога на Братском перевозе на р. Кан, подчёркивается, что острог этот поставлен „посреди земель“, в перечень которых вошли земли: „Котовские и Камасинские и Бирюские и Асанские“. Следовательно имеется ясное свидетельство, что бирюсинцы в конце 30-х годов XVII в. жили на своих местах и после включения их в состав русского государства. Таким образом, если бирюсинцы действительно переселились с берегов Бирюсы в истоки Кондомы, то это могло произойти не ранее начала 40-х годов. Однако и это сомнительно, ибо в это время (и даже гораздо раньше) на Кондоме и Мрассе уже жили именно те роды шорцев, которые появляются под названием бирюсинцы в XVIII в. в сочинениях Палласа и Георги.¹ В литературе XVIII в. среди переселившихся в указанные выше районы горной тайги с Бирюсы поколений или родов бирюсинцев, обычно называются по Палласу, следующие: Кобынское, Каргинское и Каинское („Kobun, Kargin und Kain“)². По этому поводу у него сказано: „Кобынское поколение состоит из 53 луков, Каргинское из 40, и эти вместе, в горах живущими с Каинскими и Шорскими татарами называются общим именем бирюсы“³. Далее Паллас, посетивший эти места в 1772 г., сообщает, что Кобынское поколение жило прежде в горах, добывая средства существования только звероловством, но теперь, живя в долинах Абакана и Тёи, на землях бельтыр, разбогатело скотом⁴. Наконец, по этому поводу Паллас пишет ещё, что „около Таштыпа обитают татары Каинского и Кобынского поколений, из которых первых насчитывается только 25 взрослых человек, но Шорского поколения, которое дальше ниже к Мрассе живет, 50. Поскольку они к земледелию не имеют повода и очень скудны скотом, то всё их основное питание, кроме получаемого от охоты, состоит из диких съедобных корней. Они живут в неприступной глухой местности всё ещё как непотревоженные язычники. К зиме они спускаются со своим многочисленным скотом на Таштып, где снега не глубоки. Вследствие того, что в их местности соболинýй промысел плохой, то, чтобы заплатить ясак, идут они охотиться в глухие места по ту сторону Енисея в Красноярский уезд. Однако, Койбалы, которые по некоему праву присваивают себе

¹ Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs... St. Pet. 1776, p. 253. См. русский перевод „Описание всех обитающих в Российском государстве народов“, СПб., 1799, ч. II, стр. 165. Мы пользуемся преимущественно немецким изданием, чтобы точнее передать транскрипции названий родов или поколений бирюсинцев.

² Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs, Th. III, St. Pet. 1773, p. 362.

³ Паллас, указ. соч., стр. 362.

⁴ Там же.

эти места, им ставить сети не позволяют, но часто отнимают добычу и с убытком отпускают домой"¹. Из приведённых сообщений Палласа особенного внимания заслуживает то место, где говорится, что к бирюсинцам в то время относили также каинских и шорских татар. По данным Георги, бирюсинские татары кочевали раньше по р. Бирюсе, притока Тастевы (т. е. Тасеевой), составляющей левый приток Верхней Тунгуски (которая, во времена Георги, именовалась Нижней Тунгуской). Река Тасеева образуется от слияния рек Чуны (в верховьях она называется Удой) и Оны, (которая в верхнем течении называется Бирюсой). Река эта получила название по имени тунгусского князя Тасея, жившего по этой речке в XVII в. Согласно Георги, бирюсинцы составляли следующие 4 поколения или рода: Кобин, состоящий из 53 луков, Каргин—из 40 луков, Каин—из 25 и Шоскин—из 50 луков². Вероятнее всего, что Шоскин аймак или поколение у Георги соответствует более правильно написанному у Палласа — Шорскому поколению (Schorskische Stam). В представления учёных и путешественников XVIII в. (Паллас, Георги) о появлении бирюсинцев в бассейне верхнего течения Мрассы, Кондомы и Абакана необходимо внести существенные коррективы. Изучая этот вопрос, мы пришли к несколько иным выводам. Роды Кобый, Карга и Шор, относившиеся названными авторами в XVIII в. к бирюсинцам, действительно переселились в упомянутые выше районы горной тайги Алтайского хребта, но не с Бирюсы, а с Мрассы и Кондомы, где они обитали в XVII в. и где расположены их промысловые территории, родовые священные горы и т. д. Все собранные нами предания, затем большой и яркий этнографический материал, а также письменные исторические источники XVII в. единодушно свидетельствуют об этом³. В сообщениях геодезиста Пестерева, посетившего „бирюсинцев“ в 1780 г., также говорится о переселении родов Карга, Кобый, Шор в бассейн Абакана с Мрассы и Кондомы, причём сообщается, что это случилось в первой половине XVIII в., примерно в 40-х годах. Никаких преданий о приходе их с Бирюсы пока не известно. Однако известно документально, что, напротив, в XVII в. отдельные группы шорцев с Мрассы и Кондомы переселялись в бассейн Енисея к киргизам и тубинцам. Кузнецкий воевода, например, писал об этом царю в 1643 г., жалуясь о побеге ясачных шорцев, и сообщал, что он потребовал от киргизских князцов отослать мрасских и кондомских

¹ Там же, стр. 362.

² Наименования приведены по немецкому изданию Георги „Beschreibung aller Nationen... St. Pet, 1776, p. 253. В русском переводе „Шоскин“ передано как „Москиский“ аймак.

³ См. нашу работу „Этнический состав сагайцев“. Сов. Этнография, № 3 за 1947 г.

ясачных людей „на Мрассу и на Кондому, на старые их кочевья“. Однако, воевода получил отрицательный ответ на своё предложение, о чём и сообщал царю: „А киргизские де князцы Талай да Томак тех наших мрасских и кондомских ясачных людей от себя из киргиз не отпустили, а сказали кузнецким служилым людям, что мрасские и кондомские ясачные люди киштымы их киргизские, а пришли де к ним кормиться. Да из тех-де служилых людей Сенька Васильев ходил из киргиз из Талаева улуса для мрасских же и кондомских людей в Тубу“¹ Отсюда видно, что места по Мрассе и Кондоме названы „старыми кочевьями“ различных родов шорцев. Это не оспаривалось киргизскими и тубинскими князьями, которые мотивировали свой отказ возвратить этих шорцев только тем, что „мрасские и кондомские люди киштымы их киргизские, а пришли де к ним кормиться“. Таким образом, в то время как бирюсинская земля упоминается в русских исторических документах обитающей по р. Бирюсе, ряд шорских родов (Карга, Кобый и Шор, которых в XVIII в. называли бирюсинцами) указываются историческими актами того времени уже живущими в бассейне Мрассы и Кондомы. Род Карга упоминается среди ясачных Кузнецких волостей уже в документе 1616—17 гг. Этот род или, как его называли, Каргинская волость определённо указывается на Кондоме.² Род Кобый, или волость Ковы (Кобы), впервые упоминаемый вместе с волостью Карга, связывается обитанием с р. Мрассой³. Шорская волость или род Шор относился к первой половине XVII в., также к Кондомским волостям и упоминается в начале XVII в.⁴ Все эти роды и в XVIII в., и даже в XIX в., также числятся в составе „Кондомских и Мрасских волостей“.⁵ Следовательно, появление тюркоязычных бирюсинцев в указанных выше местах является точно устанавливаемым историческим фактом, но относится не к XVII в., а первой половине XVIII в., переселение же их произошло не с Бирюсы, а из Шории, т. е. из Кузнецкого Алатау. Однако может ли это означать, что в составе этих „бирюсинцев“ не было настоящих „бирюсинцев“, т. е. жителей долины Бирюсы, именно, кетоязычных бирюсинских коттов? Мы полагаем, что какая-то часть коттов-бирюсинцев переселилась в эти места и ассимилировалась в составе тюркоязычных выходцев с Кондомы и Мрассы. Об этом сигнализируют некоторые этнографические материалы. Таков, на-

¹ Исторические Акты XVII столетия. Томск, 1890, стр. 8.

² Сиб. приказ, кн. № 10, лл. 49—52; Миллер, т. 1, стр. 446.

³ Миллер, т. 1, стр. 446; т. II, стр. 410.

⁴ Сиб. приказ, кн. № 10, лл. 49—52; Миллер, т. 1, стр. 446.

⁵ См., например, материалы для Истории Сибири. Чтения О-ва Истории Древностей Российских, 1866, кн. 4-я; Дополнения к III т. Землеведения Азии К. Риттера, составленному П. П. Семеновым и Г. Н. Потаниным. СПб., 1877.

пример, коттовский обычай спать в тайге на охоте „около огня попарно, так что голова лежит одна супротив другой, а ноги одного, под руками другого“.¹ Это сообщение Георги о коттах находит полную аналогию в обычае охотников бассейна Абакана, именовавшихся „бирюсинцами“. Что этот обычай не мог быть принесен сюда переселенцами с Мрассы и Кондомы видно из того, что у современных мрасских и кондомских шорцев-охотников мы такого обычая не обнаружили, хотя зафиксировали его в бассейне р. Тён (левый приток Абакана). Далее, как установил Г. Миллер, известное растение *Erythropium Sibiricum*, корни которого выкапывают, едят и заготавливают впрок многие племена и роды Саяно-Алтайского нагорья, на местных тюрских языках и диалектах называется „бес“ (или „мес“), а по-коттовски „кандык“. Это коттовское название распространено и у „бирюсинцев“ бассейна р. Абакана, тогда как в Шории (по Мрассе и Кондоме) оно звучит как „мес“. Кстати сказать, наименование „кандык“ вошло и в язык русского населения Саяно-Алтая. С другой стороны, коттовское название „кандык“ и способ укладываться спать на промысле в тайге у „бирюсинцев“ на Абакане могли, разумеется, попасть сюда и через койбалов, в состав которых котты вошли уже в начале XVIII в. Если же принять предположение о том, что часть коттов-бирюсинцев переселилась, то остаётся всё же неясным — когда, каким образом и при каких обстоятельствах котты с берегов Бирюсы переселились в верховья Абакана. Правда, дошедшие до нас источники всё же позволяют сказать кое-что в этом отношении. Например, вполне можно утверждать, что причиной выселения коттов с Бирюсы было не появление русских в бассейне этой реки в начале XVII в., как это говорится у Георги. Известно, что ещё в конце 70-х годов XVII в. котты обитали на Бирюсе, где их застал возвращавшийся от Алтын-хана русский посол Степан Тупальский. Отсюда следует, что выселение коттов с Бирюсы произошло, видимо, только в конце XVII в., когда такие поколения, как Кобый, Карга и Шор (относимые в XVIII в. к бирюсинцам), обитали, как и задолго до этого, в долинах Кондомы и Мрассы. Сама причина переселения бирюсинских коттов остаётся неизвестной, но в этом отношении заслуживает внимания сообщение Н. А. Кострова, указывавшего, что бирюсинцы были вытеснены с Бирюсы более сильными в то время камасинцами и карагасами, которые, по его словам, считали тайгу по р. Бирюсе своей собственностью. Н. А. Костров пишет: „На самой Бирюсе мне случилось даже слышать об этом предание от самих карагасов, хотя они не могли припомнить название народа, который они

¹ Георги, ч. III, стр. 27.

² Г. Миллер. Описание сибирских народов, л. 148 об.

когда-то вытеснили из своих мест".¹ Охотничьи уголья в верховье Бирюсы считались собственностью карагасов, в частности, собственностью рода „Хааш“ или „Кааш“, это подтверждает и Б. Э. Петри.² Уместно ещё напомнить, что Георги, сообщая о прежнем обитании бирюсинцев по р. Тасеевой, констатирует, что в его время по этой реке уже жили карагасы. Отсюда, нам кажется, вполне можно предположить, что бирюсинцы были вытеснены с мест своего обитания карагасами. Таким образом, при вытеснении бирюсинских коттов карагасами, они полностью или частично могли перейти Енисей, оказаться в верховьях Абакана, Мрассы и Кондомы, где ассимилировались в составе тюркоязычных, весьма близких им по охотничьему образу жизни, родов шорцев, обитавших в этих местах, и принести сюда название „бирюсинцы“. Возможно, результатом этого смешения и является факт, отмеченный Георги, что бирюсинцы XVIII в. на Абакане „говорят на татарском языке, но весьма испорченным наречием или диалектом“.³

Дальнейшая судьба коттов Канской земли выясняется уже по материалам XVIII и XIX вв., когда Канская земля отошла из Красноярского уезда в Канский. Во времена Георги котты говорили на своём коттском языке, который, по свидетельству Георги, являлся ничем иным, как наречием или диалектом Пумпокольских остяков, т. е. остяков Пумпокольской волости XVII в. или, как мы называли их выше, кетских аринов, хотя этот диалект, по словам путешественника, отличался от диалектов енисейских аринов и асанов⁴. Стало быть, вплоть до 2-й половины XVIII в. котты были кетоязычными.

Что касается той части населения Канской земли, которая именовалась асанами, то наиболее ранние упоминания о ней в известных нам русских документах относятся к 1619 г. В состав Русского государства асаны вошли в 1621 г. и тогда же впервые внесли ясак. В ясачной книге 1621 г. они записаны под названием „Васанской земли“ с местонахождением её по р. Кану. В одном из документов (1622-25 гг.), описывающем заслуги енисейского воеводы Я. Хрипунова, говорится, что именно при нём была включена новая земля Васанская, а с ней „князец Сатаганах с товарищи“.⁵ Поэтому енисейские воеводы даже после построения Красноярска спорили и ссорились с красноярскими воеводами, обвиняя взаимно друг друга „в бездельной корысти“, из-за того, кому собирать ясак

¹ См. Записки Сибирского Отдела Русс. Географ. О-ва, кн. VI, Иркутск, 1863, стр. 127—128.

² Охотничьи уголья и расселение карагас. Иркутск, 1927, стр. 21.

³ Beschreibung aller Nationen, pp. 253 и 254.

⁴ Beschreibung aller Nationen, p. 300.

⁵ Оглоблин. Столбцы Сибирского Приказа, ч. III, стр. 234.

с асанов. Аринский князец Татуш собирал с них ясак для Енисейска в 1621 г. В 1629-30 гг. Васанская земля на Кане насчитывала один улус в 21 человек и должна была платить ясак в Красноярск. В 1638-39 гг. в ней числилось 15 человек. В 1640-41 гг. асаны Красноярского уезда делились на Асанскую волость в составе 12 человек и на „тое же Асанские волости Тупораков улус“, состоящий из 13 человек.¹ Миллер, интересовавшийся этническим происхождением асанов, пишет: „Хотя следовало бы аринцев на реке Енисее и котовцев на реке Кане, по их языку, считать одним народом с ассанами, но название „ассаны“ употреблялось только о тех из них, которые жили в верховьях речки Усолки, впадающей в Тасееву, по соседству с котовцами, жившими по р. Кану. Эти-то асаны и стали в это время подчиняться русской власти, а аринцы и, может быть, часть котовцев причислялись к Тюлькиной земле“.² По Страленбергу, асаны представляют собой тунгусское наименование тех же коттов. Произошло это название будто бы от коттовского слова „аса“ (мн. ч. „асан“), что значит злой дух. Это прозвище тунгусы дали той части коттов, которая соседствовала с ними и находилась в недружелюбных отношениях. Васанская земля, судя по записям ясачных книг, после её открытия, стала входить в состав Канской земли, и асаны разделялись на три улуса: Жабардамов (назывался также Барланаковым), Алышпаев (назывался и Асанской волостью) и Тупораков. Жили асаны в это время по рекам Усолке и Чёрному Курышу. В Енисейском уезде они числились в Чадобской волости с местообитанием их по рекам Усолке и Оне.³ Ремезов определяет местожительство „красноярских асанов“ между Енисеем и Оной (на чертеже Енисейского уезда), в окрестностях Надпорожной слободы (на чертеже Красноярского уезда). По сведениям Георги в его времена асанов было „не больше как 10 или 12 семей“, которые жили на местах своих предков при р. Усолке.⁴

Асаны уже в XVIII в. ассимилировались в среде эвенков, русских. Миллер и старший Гмелин, побывавшие у асанов в период 1735-40 гг., смогли найти только 2—3 человека, которые ещё помнили свой асанский язык.

8. УДИНСКАЯ ЗЕМЛИЦА

Эта земля была расположена на р. Уде, по имени которой был назван Удинский острог, основанный в 1648 г. на мес-

¹ Миллер, т. II, стр. 563.

² История Сибири, т. II, стр. 48.

³ Миллер, т. II, стр. 563, со ссылкой—Сиб. приказ, стб. № 1214, л. 584.

⁴ Георги, т. III, стр. 26.

те нынешнего г. Нижне-Удинска. Она именуется чаще „братской“ землицей, поскольку преобладающим населением в ней были буряты. Входившее в эту землицу ясачное население вносило ясак в Удинский острог. Первые попытки включить „братскую“ землицу в состав Русского государства относятся к началу 20-х годов XVII в., когда енисейские служилые люди, например, в 1623 г. отправились с этой целью к братским людям.¹ Результат этого похода нам не известен. В начале 1629 г. братья внесли, кажется, впервые ясак русским служилым людям, посланным из Красноярска, но, видимо, не согласились быть русскими подданными и не сообщили о себе никаких данных.² Такой результат не удовлетворил строителя Красноярска А. Дубенского, и он в феврале того же года послал снова в Братскую землицу служилых людей с предложением бурятам войти в русское подданство и вносить ясак в „новопостроенный острог“—Красноярск. Однако русских не пропустили к бурятам коттовские и тубинские князцы, мотивируя это опасностью передвижения по „братской землице“, ибо „у них де ныне война промеж собой третий год“³. Имеются данные, что попыткам красноярцев включения „братских людей“ в состав Русского государства мешали енисейские воеводы, которые, видимо, рассчитывали осуществить это сами.⁴ Как бы то ни было, но в конце 20-х годов XVII в. русские люди уже спорадически ходили в „братскую землицу“ и знали, например, что по р. Уде жили „брацкие первые киштымы“, вероятно котты и карагасы, ибо последние обитали по Уде и её бассейну также в XVIII и XIX вв. и сохранились там до настоящего времени. Надо полагать, что землица эта вошла в состав русского государства в конце 40-х годов, когда был построен Удинский острог. Достоверно известно, что часть карагасов была включена в состав ясачного населения Удинского острога в 1650 г. красноярцем Севастьяном Самсоновым. Посланный в Братскую землю в Удинский острог, он в этом году собрал ясак „сполна без недобору, да вновь приискал Югденскую землицу, и взял с них 8 соболей, и по сию пору (т. е. до 1654 г.—Л. II.) с той Югденской землицы ясак государев платят“⁵. Что Югденская землица, входившая в бассейн р. Уды, относится к карагасам, явствует из её довольно правильно переданного Самсоновым наименования. Если отбросить из этого названия русский суффикс, мы получаем этноним „югда“, т. е. „чогда“,

¹ Наказная память енисейского воеводы Я. Хрипунова от 11 декабря 1623 г. Миллер, т. II, стр. 307—308.

² Отписка А. Дубенского тобольскому воеводе от 1629 г. Миллер, т. II, стр. 351.

³ Там же, стр. 353.

⁴ Сиб. приказ., стб. 12, лл. 504—507; Миллер, т. II, стр. 566.

⁵ Сказка красноярского сына боярского Севастьяна Самсонова. Миллер, т. II, стр. 541.

ибо в фонетике тюркоязычных племён Саяно-Алтая такое звуковое соответствие и чередование вполне установленная закономерность. Так, например, одни из тюркоязычных племён, относящихся к северо-восточной группе тюркских языков, произносят „чогда“, а другие из них, относящиеся, в частности, к северо-западной группе тюркских языков, произносят это слово „югда“ (jog da)¹. В ясачные книги эта земля попала как улус под названием Еудинского (Юзгунского, Югдинского). Когда (в XIX в.) появилась возможность установить подлинный родовой состав карагасских административных улусов или родов, то выяснилось, что этот улус объединяет сеок (кость) чожду, или „хара-чожду“. Таким образом этноним „югда“ перешел из XVII века в XVIII-XIX вв. и оказался распространённым в XX в. более широко.

Первая из дошедших до нас ясачных книг Удинской или Братской земли относится, как сообщает Б. О. Долгих, к 1658 г., хотя едва ли можно сомневаться в том, что были и более ранние, так как ясак с Удинской земли начал поступать, конечно, раньше и, несомненно, заносился в книги. По этой книге, в земле числилось 16 улусов: Узунов, Иланков, Шарайтский, Туралитский, Мангалиев, Улеготский, Байберинский, Кочемарский, Кармагинский, Каранатский (Харанутский), ийские корчуны (караноты), Манзирский, Карагаский, Кангатский, Еудинский (Юзгунский, Югдинский), Кубалитский. Но, кроме перечисленных улусов, иногда в Удинский острог платили ясак и кайдинцы, фигурирующие также под названием Хайтонова улуса или „хайтонов“. Хайтонов улус обычно встречается в числе ясачных улусов Яринской, Канской и Тубинской земель. Возможно, это было связано с тем, что кайдинцы были таёжными охотниками-звероловами и рыболовами, бродившими по горной тайге и вследствие этого часто менявшие место своего жительства. Имеется известие, что в 1691 г. из Удинского острога брали ясак „с тубинских киштымов-хайтонов“ так же, как и „с каменных моторов Койбалова улуса“².

Из перечисленных выше более или менее постоянных улусов Удинской земли нас будут интересовать те улусы, потомки населения которых вошли позднее в состав карагасов, тувинцев, хакасов и алтайцев. Эти улусы характеризуют весьма разнородный этнический состав. Согласно Б. О. Долгих, улусы Ашехабатский (Узунов, Иланков), а также Шарайтский и Туралитский, были ближайшими историческими предками бурят Нижне-Удинского уезда (которые в XIX в. имели в своём составе роды: Ашехабат, Шарайт, Туралак, Харанут и др.). Улусы Кочемарский, Кармагинский и Харанутский (Каранот-

¹ Ср. чол (дорога), јол, дьол; чилан(змея) јилан, дьилан; чул (ручей) јул и т. д.

² Сиб. приказ. стб. 1052, л. 684.

ский) являются обуряченными тунгусами. Улусы Курчунский (он же Мангалиев), Улегодский, Байберинский, Шуртосский, т. н. ийские корчуны были коттами, впоследствии обуряченными Улусы Карагаский, Кангатский, Манзирский, Едудинский и Кубалитский (Сильпигурский) были предками современных карагасов¹.

К сожалению, Б. О. Долгих не опубликовал соответствующие материалы, являющиеся доказательством его этнических определений.

III. ЯСАЧНЫЕ ВОЛОСТИ XVII в. ТОМСКОГО И КУЗНЕЦКОГО УЕЗДОВ

Для выяснения этнического состава и происхождения хакасской народности, кроме ясачных земель Красноярского уезда, необходимо рассмотреть и исследовать материалы о населении некоторых земель и волостей, входивших в XVII в. в ведомство городов Томска и Кузнецка, ибо потомки этого населения в той или иной степени вошли в состав хакасской народности. Это относится прежде всего к ряду волостей, расположенных в бассейне верхнего течения Чулыма, образуемого слиянием Белого и Чёрного Июсов, носивших в XVII в. нередко обобщенное название „Чулымских“, а также к волостям: сагайским, бельтирской и некоторым другим, входившим в состав Кузнецкого уезда, в отличие от Чулымских, приписанных к ведомству г. Томска. Правда, имеются документальные данные о том, что до построения г. Томска, в 1604 г. Чулымские волости были подчинены в административном отношении сначала Сургутскому острогу (построен в 1593 г.), а затем Кецкому или Кетскому, именовавшемуся ранее сего ещё Кунгапским (построен в 1597 г.). Напомним, что воевода Кетского острога писал первым воеводам и строителям г. Томска в 1604 г. „И вы, господине, делаете не по государеву указу, что в Чюлым и в Киргиссы ясашников посылаете и ясак государев велите имати; а Чюлым и Киргиссы прежде сего ясак давали в Кецкой острог. И в наказе у меня написано: которые волости и горотки прежде сего давали государев ясак в Кецкой острог, и с тех ясашных людей велено имать в Кецком остроге по старому государев ясак мне до государева указу. И в росписи у меня написаны те волости Чюлым и Киргиссы“.² Факт вхождения Чулымских волостей в состав Русского государства ещё до построения г. Томска подтверждается и дру-

¹ Б. О. Долгих. [Некоторые данные к истории образования бурятского народа. „Сов. этнография“, № 1, 1953, стр. 41.

² Отписка кетского воеводы Постника Бельского томским воеводам. Миллер, т. 1, стр. 412.

гой отпиской. В ней кетский воевода более точно указывает какие „горотки и волости“ относятся к его водомству, сообщая: „и в росписи написаны у меня Чюлымские, и Киргисские, и Мелесские горотки и волости к Кунгопскому острогу...“¹. Далее, в одном из отрывков этого документа содержатся некоторые данные о князях Чулымских волостей: „служилые люди ходили в Чюлым, и взяли государев ясак с Чюлымских волостей, которые прежде Томского города к Кецкому острогу, с Чюлымских князьцев с Лаги, да с Сылгака, да с Каргачиных детей, да с Майнаковых и их людей и всего взято государева ясаку с Чюлымских князьцев и их людей с 40 с одного человека да с Мелесских с 4-х человек“². В этих отписках 1604—1605 гг. следует видеть наиболее ранние упоминания о Чулымских волостях и землях, приведённые под обобщёнными или собирательными наименованиями. Другие ранние и детальные сведения, дошедшие до нас, о составе и названии Чулымских волостей содержатся в Ясачной книге Томского уезда за 1628 г.³. Здесь под заголовком „чюлымские земли“ названы восемь волостей: Ячинская, Яболакова, Аргунская, Каргачина, Кизыльдеева и три волости Байгульских. Далее упомянуты две волости Мелесские: Мелесская и Мелесская Туталова, которые указаны отдельно от „чюлымских“ и, наконец, под отдельным же заголовком „Киргисские земли“ перечислены ещё пять волостей: Кызыльская, Басагарская, Кийская, Керексусская, Кимская, население которых, как и обеих Мелесских волостей, жило в бассейне Чулыма. Таким образом, в этом документе раскрыты и расшифрованы те обобщённые наименования, с которыми мы познакомились из сообщения кетского воеводы. Однако, вхождение всех поименованных выше Чулымских волостей в состав Русского государства произошло неодновременно. Если, например, Мелесские обе волости, как и некоторые другие Чулымские и так называемые Киргизские волости, вошли в русское подданство, видимо, ещё в конце XVI в., во всяком случае до построения не только Томска, но и Кетского острога, то Кимская волость признала русское подданство лишь в 1608 г.⁴. Она была открыта русскими служилыми людьми по указанию мелесского князя Исека, который принял русское подданство ещё до построения Кетского острога, но затем изменил, убил несколько ясачных сборщиков и скрывался или, как выражается документ, „бегал

¹ Отписка кетского воеводы Постника Бельского томским воеводам от 1605 г. Миллер, т. 1, стр. 413.

² Там же, стр. 413.

³ Эти данные опубликованы в работе З. Я. Бояршиновой „Население Томского уезда в XVII в.“ Труды Томского Госуд. Университета, т. 112, Томск, 1950.

⁴ Отписки томских воевод в Москву от 28 января 1609 г., Миллер, т. 1, стр. 420.

в Киргизы и на Енисей". Возратившись к себе в Мелесскую волость, Исек жил в ней тайно, пока не был обнаружен при помощи мелесского же князя Хойчака. Признав свою вину и желая её загладить, Исек сообщил о людях Кимской волости, живущих на р. Киме (Кемчуге) „к вершине Енисейской“, которые „ясаку не платят не в который город¹. После этого Кимская волость, во главе с князьями Керекузом ди Багалом, в количестве 20 ясачных людей приняла русское подданство. В 1623 г., по данным ясачной книги, в этой волости числится князец Байгалый „с товарищи“ 7 человек, а позднее эта волость именуется ещё Кимская-Байгалова². На протяжении всего XVII в. в этой волости числилось 4—9 ясачных. В первой четверти XVIII в. эта волость выступает под названием Байгулова-Кемческая, соединив в своём названии имя возглавлявшего её князя Байгалова (или Байгалый), принявшего русское подданство, и наименование реки Кемчуга, правого притока Чулыма³.

Волость Яболакова стала ясачной ранее 1609 г.⁴ Ачинская или Ячинская волость признала русское подданство ранее 1611 г.,⁵ а волости Кызыльская, Багасарская и Керексусская в 1614 г. выступают в некоторых документах уже как государевы изменники,⁶ что позволяет отнести дату принятия ими русского подданства ранее 1614 г. Необходимо отметить, что Чулымские волости до вхождения их в состав Русского государства были киштымами енисейских киргизов. Некоторые из них, как мы видели выше, именовались русскими воеводами „киргиссами“. З. Я. Бояршинова, изучавшая население Томского уезда XVII в. по столбцам Сибирского приказа, сообщает, что это собирательное название для поименованных выше 5 волостей встречается в наших письменных источниках только в период двух первых десятилетий XVII в. З. Я. Бояршинова считает, что название „киргисские земли“ или „киргиссы“ для этих волостей было дано не по этнической принадлежности данного населения, а вследствие того, что оно являлось киргизскими киштымами, как бы принадлежало киргизам. Хотя такое предположение кажется довольно правдоподобным, но против него могут быть сделаны следующие возражения. Ме-

¹ Отписки томских воевод от 1609 г. Миллер, т. 1, стр. 427—428.

² З. Я. Бояршинова, указ. соч., стр. 83—84.

³ Приходные окладные ясачные книги Томского уезда (1706—1718 гг.) Томск, 1893, стр. 8, 19, 24, 57 и др.

⁴ Отписка томских воевод в Москву 1609—10 гг. Миллер, т. 1, стр. 430.

⁵ Отписка томских воевод в Москву. Миллер, т. 1, стр. 434.

⁶ Челобитная томского казака Богдана Терского и Челобитная томских служилых людей. Миллер, т. 1, стр. 444, 447—49. В сентябре 1616 г. Томские служилые люди восстановили подданство кызылов-басагаров и при столкновении взяли у них „три горотка“ и получили ясак. Сиб. приказ. 1667, л. 1.

лесские волости на Чулыме, как и некоторые другие Чулымские волости, также находились в зависимом положении от киргизских феодалов, однако они не получили вследствие этого название „киргиссов“. Нам кажется, что эти пять волостей именовались „киргисские земли“ потому, что они были расположены на землях и кочевьях, которые до русского освоения Сибири считались киргизскими. Особенно это можно сказать о бассейнах Июсов, степной район которых и в более позднее время обычно именуется киргизской землёй. Известно, что в марте 1621 г. некоторые киргизские князья, очевидно враждовавшие с соплеменниками, обратились с просьбой поставить русский острог на р. Чулыме „впереди Киргисской и Мелеской земли“, мотивируя это соображениями безопасности их кочевий в степях Чулыма от набегов, так как к ним „во все годы“ приходят войной „многизы киргисские ж люди“.¹ Отсюда видно, что в степях бассейна Чулыма и прилегающих к нему районах кочевали и господствовали енисейские киргизы, совершавшие набеги не только на своих киштымов и соплеменников, но и друг на друга. Центр их, как говорилось выше, находился на р. Белом Июсе. Напомним, что в начале XVIII в. (1703 г.), когда по сговору с джунгарскими феодалами киргизские князья решили покинуть Минусинскую котловину и увести зависимое от них население в Джунгарию, они собрались для этого и выступили с Белого Июса. Об этом говорит хакасское народное предание. В связи с этим следует сказать о местоположении Чулымских волостей в районе бассейна Чулыма. Этот вопрос затронула и З. Я. Бояршинова, которая справедливо отметила для первой половины XVII в., что ясачные волости, входившие в Томский уезд, не имели чётких территориальных границ, а локализация их по русским историческим документам может быть установлена лишь приблизительно. З. Я. Бояршинова поэтому указывает местоположение этих волостей весьма обобщённо. В отношении интересующих нас волостей она отмечает, что Аргунская, три Байгульских, Чулымская, Каргачина, Кизыльдеева, Ачинская, обе Мелесские, Басагарская и Кизыльская волости находились по берегам Чулыма. Волости Кимская и Керексусская — по притоку Чулыма, — Кемчику. Волости Абалакова (Яболакова и она же Кориювская-Абалакова) вместе с Кийской — по правому берегу Кии (левый приток Чулыма), а волость Ячинская — на р. Яе (левый приток Чулыма).

Прежде чем внести некоторые уточнения в смысле детализации и состава Чулымских волостей, мы считаем необходимым обратить внимание на то, что и здесь в бассейне Чу-

---

¹ Отписка томских воевод в Москву от 26 мая 1621 г. Миллер, т. II, стр. 263—264.

лыма под волостью в наших документах XVII в., в частности в ясачных книгах, подразумевалась не территория, а население, состоящее под главенством того или иного князца и нередко называемое по его имени. Вследствие этого территория той или иной волости не была всегда постоянной. Вот почему в документах этого времени можно встретить такие выражения: волость убежала, волость отложила и изменила и т. д. Правда, во второй половине XVII в. и особенно в XVIII в. в отношении Чулымских волостей это положение изменилось и территориальная локализация волостей вполне определилась, сохранившись в XIX и начале XX вв. Примером может служить Кизыльская волость, потомки населения которой жили в основном в одних и тех же местах до XX в. включительно. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что некоторые Чулымские волости вынуждены были менять места своего обитания под влиянием набегов киргизских феодалов, особенно до построения Мелесского и Ачинского острогов на Чулыме и Красноярского острога на Енисее. Насколько отрицательно влияли грабительские набеги киргизских и прочих феодальных князьков на жизнь населения Чулымских волостей, показывают неоднократные просьбы в 1621 г. (в январе, марте, мае) местного населения. Ясачные Мелесских волостей просили „на Чулыме, где пригодится, острог поставить для того, что по вся годы приходят к ним киргизы и черные колмаки по трижды и по четырежды годом, и с них емлют ясак, и жен их и детей за ясак емлют в полон...“¹ Эту просьбу повторили даже, как мы видели выше, киргизские князцы Кара и Урлейка, жившие в бассейне Чулыма в земле „Киргис“, платившие ясак, мотивируя, что „во все годы приходят к ним войной многижы киргизские ж люди и тубинцы и матарцы и из иных многих земель и их... всегда воюют, жон и детей в полон емлют, а киргизцы... ясак себе с них емлют по трижды на год...“² С этой просьбой несколькими месяцами позднее обратились от имени всех Мелесских и Чулымских волостей князцы Арзабай и Курдымечко.³ В результате этих просьб на северном берегу Чулыма, по дороге из Томска в Енисейск, был поставлен Мелесский острог. Он был выстроен не в 1621 г., как пишет Миллер, а, видимо, в 1622 г., ибо в делах Сибирского Приказа имеются наказные памятки томских воевод строителям этого острога (казачьему голове Лаврову и „татарскому голове“ Осипу Кокореву), датированные 1622 г., о том, что они посылаются „верх Чулыму реки в Мелесские волости и в Басагары и Кизилы“ для постройки острога. Острог был поставлен, следовательно, в 1622 г. в

¹ Отписка томских воевод тобольскому воеводе. Миллер, т. II, стр. 261.

² Отписка 1621 г. томских воевод в Москву. Миллер, т. II, стр. 264.

³ Там же, стр. 264.

„земле милисов.“¹ Однако киргизские князья продолжали бесчинствовать и грабить ясачное население, которое вынуждено было при этом разбегаться „по черным лесам“. В 1635 г. население Чулымских волостей, в частности Кизыльской и Ачинской, снова жаловалось: „нам государева ясаку дать нечево, потому что у нас киргизские люди беспрестанно живут, што не добудем государева ясаку, и то нас ограбят и отымут.“² В 1642 г. „среди Киргизские земли в Ачинской волости на реке на Белом Июсе и на Сызырине озере“ был построен Ачинский острог.³ В 1647 г. он был сожжён киргизами и вновь построен только в 1683 г.

Не вдаваясь в рассмотрение истории каждой волости, мы попытаемся сделать обзор состава Чулымских волостей и их местоположения на конец XVII в., исходя из задачи выяснения этногенеза современных хакасов. Для этой цели нам необходимо фиксировать внимание на следующих Чулымских волостях: Кизыльской, Басагарской, Ачинской, Мелесской, Аргунской, Кийской или Курчиковской, Шуйской и Камларской, ибо все эти наименования волостей сохранились у хакасов и чулымских тюрков вплоть до XX в. Кизыльская волость, как уже говорилось, впервые становится известной, по дошедшим до нас историческим документам, с 1616 г. Население её обычно именуется в документах с XVII в. „кызылами“ и, как правило, упоминается вместе с басагарами или багасарами. По сведениям 1620 г., кызылам и басагарам, кроме ясака в Томск, иногда приходилось платить дань „братам и матам,“ т. е. бурятам и матам⁴ (одним из ближайших предков современных тувинцев.) Но чаще и более всего они давали дань киргизским князьям.

В ясачной книге 1623 г. Кизыльская волость зафиксирована под главенством князца Татылбайко „с товарищи“ 12 человек.⁵ В 1634 г. „кызыльские мужики Илтыбайко с своими людьми“ напали и ограбили двух русских служилых людей, следовавших из Красноярска в Томск, затем в августе этого года „кызыльские мужики“ приходили под Красноярск в качестве „вожей“, т. е. проводников, с отрядами киргизских и „иных землиц“ людей.⁶ Зимой 1634 г., напротив, киргизы совершили опустошительный набег на кызылов. В документе говорится: „в той волости зимой были киргизские люди и их кизильских людей грабили и государев ясак отняли и им де государеву

¹ См. об этом. Оглоблин. Обзорение Столбцов Сибирского приказа, ч. III, стр. 43 (Столбцы № 1257, 1669).

² Отписка Ивана Рыцкого из Мелесского острога томскому воеводе. Миллер, т. II, стр. 423.

³ Грамота в Тюмень о походе Якова Тухачевского, Миллер, т. II, стр. 493.

⁴ Документ № 145, Миллер, т. II, стр. 251.

⁵ З. Я. Бояршинов. Указ. соч., стр. 62, 83.

⁶ Отписка красноярского воеводы. Миллер, т. II, стр. 414-415.

ясаку взять нечего... от тех киргизских людей князец Татылбайко с товарищи з женами и з детьми живут в побегах по лесам.¹ Это не помешало, впрочем, кизылам в следующем году войти в контакт с киргизами и совершить набег на Красноярск и напасть на мирное русское и ясачное население. В результате этого набега, организованного киргизскими князьями, из числа русских крестьян и ясачного населения были убитые и раненые, разграблено имущество. Особенно при этом пострадали аринцы, у которых были отогнаны „стада конные“². В это время у кизылов упоминается Алтыбаков улус. Часть кизылов, однако, в количестве 8 человек, продолжала вносить ясак и в эти годы. Но в 1636 г. эти 8 человек „откочевали в киргизы“³. Ещё в ясачной книге за 1640 г. о них говорится, что „живут в киргизах и на старые свои кочевья не идут“. Но в 1642 г. часть кизылов вместе с некоторыми людьми Басагарской, Керексусской, Кийской и др. волостей „пришли на рубеж“ и внесли ясак. А когда был поставлен в сентябре этого года Ачинский острог, строитель его Я. Тухачевский послал к князю Татылбайко служилых людей, чтобы князец Кизыльской волости явился в новый острог, дал бы присягу на верность и ясак вносил бы в Ачинский острог. Одновременно с таким же требованием Тухачевский послал людей к Ачинскому князю Изерчейко и к Басагарскому князю Колгуру.⁴ О местожительстве кизыльцев имеются следующие данные. В одном из документов начала 40-х годов говорится: „а Кызыльская, государь, волость стоит посреди киргизской земли на реке Июсе“,⁵ в другом же сказано: „а кызыльская, государь, волость сидит по Июсе по Белому у Каменного городка в двух днищах, а сидит, государь, Кызыльская волость к великому угодию крепкая и к озерам, земля пашенная добрая и сенные покосы велики“⁶. В документе 1652 г. рассказывается, что в Кызыльской земле протекала речка Еник, которая находилась неподалёку от Красноярска („в двуднищах“). Фишер высказал предположение, что под этой речкой нужно подразумевать приток Июса Индзул.⁷ Однако А. Ярилов, изучавший кизыльцев в конце XIX в., указал, что такого наименования реки не имеется, а встречается лишь название Емдзул, но это приток не Июса, а Урюпа (левый приток Чулыма).⁸ Возражение Ярилова нельзя признать обоснованным, ибо речка Индзул, Инчул или

¹ З. Я. Бояршинова, указ. соч., стр. 87.

² Отписка красноярского воеводы. Миллер, т. II, стр. 426.

³ Бояршинова, указ. соч., стр. 102.

⁴ Сиб. приказ, стб. № 84, л. 530.

⁵ Сиб. приказ, стб. № 84, л. 367—368.

⁶ Сиб. приказ, стб. № 84, лл. 292 и 302.

⁷ Сибирская История. СПб., 1774, стр. 513.

⁸ А. А. Ярилов. Былое и настоящее сибирских инородцев, в. III. Кызыльцы и их хозяйство. Юрьев, 1899, стр. 3.

Изындчул все-таки имеется, и она впадает в р. Серезж (правый приток Чулыма)¹. На карте Ремезова Кизыльская волость значится на правом берегу Чулыма в районе впадения рек Большого и Малого Сыров. В первой четверти XVIII в., когда Кизыльская волость возглавлялась князем Угучеком, в ней числилось 10 ясачных плательщиков.²

Басагарская волость показана в упомянутом выше документе 1620 г. „в Чулымских вершинах“ вместе с кизыльцами, что даёт основание считать басагарцев обитающими в течении Белого Июса. В ясачной книге 1623 г. говорится, что Басагарскую волость возглавлял князец Урлейко, кочевавший „с товарищи“ 6 чел., после которого князем был Култара или Кулпора. С 1629 по 1642 г. количество платящих ясак в ней колеблется в пределах 7-8 человек, а 1692 г. снова значится 6 человек.³ Более уточненное указание на местонахождение этой волости мы встречаем в документе 1659 г., где говорится, что Басагарская волость расположена по Чулыму близ речки Кангалы.⁴ На карте Ремезова Басагарская волость показана на левобережье Урюпа, близ впадения его в Чулым. В первой четверти XVIII в. количество ясачных плательщиков этой волости увеличилось с 6 до 19 человек, и князем её был Катышок.⁵

Что касается волости Ачинской, то она также относилась к волостям, проживающим в верхнем течении Чулыма, „впереди киргизские земли... на Белом Июсе и на Сызырыме озере“. Первыми князьями этой волости были Куземыш, Маатак, затем Тутубай. Куземыш упоминается в документе 1611 г., когда он явился в Томск от имени всей Ячинской волости с сообщением о том, что „приходили к ним в Горнюю волость киргизские люди, Номчин сын Ишей и их воевали, и твоих, государевых ясачных людей поймали в полон 5 человек да и жены их и дети и живот их весь поймали“. Куземыш просил „их от киргизских людей оборонить“.⁶ Этот князец значится в ясачной книге 1623 г. „с товарищи“ 10 человек. Однако в 1624 г. „князец Куземыш с товарищи семь человек, заплатя государев ясак, отъехали в киргизы, а остались в той волости князец Маатак с товарищи три человека и те три человека платили государев ясак по 135 год (1627 г.), а во 135 году приехал в ту волость из Киргиз человек, который во 132 году

¹ К. Риттер. Землеведение Азии, т. IV (дополнение к тому III), составлен П. П. Семёновым и Г. Н. Потаниным, СПб., 1877, стр. 547.

² Приходные ясачные книги Томского уезда (1706--1718 гг.). Томск, 1893 г., стр. 9, 15, 45, 111 и др.

³ З. Я. Бояршинова, указ. соч., стр. 89.

⁴ Оглоблин, указ. соч., ч. I, стр. 205.

⁵ Приходные ясачные книги Томского уезда, стр. 10, 15, 100 и др.

⁶ Отписка томских воевод в Москву. Миллер, т. I, стр. 434.

(1624 г.) отъехал было в киргизы и со 135 года по 138 (1630) платили государев ясак с той волости 4 человека, а в 138 году платили государева ясаку 3 человека, а четвертого человека убили колмаки.¹ Однако, в 1631 г. князец Маатак остался всего с одним человеком, за которого он внёс ясак, так как остальные двое его людей пошли на зверовый промысел и „на дешне и тех де двух человек убили колмацкие люди“². Но в 1631 г. из киргиз возвратился князец Куземыш „с товарищи 4 человека“. Он признал свою вину и обязался больше не изменять. В 1634 г. на Ачинскую волость напали киргизы: „в осень, после Семенова дни вскоре, приходили к ним в волость киргизские люди войною и их повоевали и взяли к себе их волости ясачных трех человек з женами и з детьми, а три ж человека государёва ясаку добыть не могли, потому что они повоеваны и совсем разорены, а женки их и дети поимали киргизские люди к себе“³. Согласно ясачных книг, в конце XVII в. (1692 г.) в Ачинской (видимо, в Ячинской) волости, как и в Ачинско-Мелесской волости, было 6 ясачных плательщиков.⁴ Любопытно, что в первой четверти XVIII в., по ясачным книгам Томского уезда за 1706—1718 гг, в Ячинской (Верхне-Чулымской) и Ачинской волостях числится также по 6 ясачных платёжных душ⁵. У Ремезова Ачинская волость обозначена на правом берегу Сережа, а Мессершмидт в 1721 г. отметил население этой волости по р. Тай. В XIX в. после административной реформы 1822 г. Ачинская волость вместе с Камларской числится оседлой инородческой волостью и располагалась в селениях по р. Томи между устьями её притоков Глубокой и Уньги. В середине XIX в. был известен Больше-Ачинской улус, как часть бывшей Ачинской волости, который находился на берегах Божьего озера. Сохранялась в это время и Ячинская инородная управа, находившаяся в Томском округе при устье р. Яи (левый приток Чулыма), и Ячинская волость на левом берегу Томи, население которой жило оседло в ряде улусов между устьями рек Стрельной и Уньги, а по правому берегу до улуса Сосновского.

Мелесские волости, население которых в XVII в. именовалось „милисы“, а в XIX в. „мелескими татарами“, известны в местах своего обитания по р. Чулыму с конца XVI в. В ясачной книге 1629 г. записано, что „Мелесские волости две... по Чюлыму“: „волость Мелеская, а в ней лутчий человек кнезец Тутал.“ Отсюда эта волость получила дополнительное наименование „Мелеская-Туталова“. По ясачной книге чис-

¹ Бояршинова, указ. соч., стр. 65, 86.

² Там же, стр. 86.

³ Там же, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 89.

⁵ Приходные окладные ясачные книги Томского уезда. Томск, 1893 г.

лится князец Тутал „с товарищи“ 40 человек. Вторая „волость Мелеская ж, а в ней лутчий человек князец Кошенбайко.“ В этой волости числилось ясачных 50 человек. Обе эти волости по ясачным книгам за период с 1623 по 1692 г. были самыми многочисленными, хотя в 1642 г. в них числилось: в Мелесской-Туталовой—32 чел., а в Мелесской—24, а в 1692 г. соответственно—11 и 18 человек¹. При этом уменьшение ясачных в обеих волостях приходится на 1633—34 гг., вероятно в результате эпидемии оспы, а также на 1643 г., когда в Чулымских волостях был большой голод и, как сообщал воевода, „в воде рыбы нет талой и в лесу зверя мало и ясашные люди з голоду мерли“.² В 1629 г. в ясачных книгах появляются записи об Ачинско-Мелесской волости во главе с князем Еста „с товарищи“ 4 человека. Эта волость числится в книгах до конца XVII в. и почти с одним и тем же количеством ясачных (1642 г.—5 ч., 1692 г.—6 чел.³). В Мелесских волостях имелись, видимо, постоянные селения, называемые „юртами“, хотя некоторые семьи, приписанные к тому или иному князю, проживали отдельно, составляя также „юрты“. Например, в Мелесско-Туталовой волости „жил особо юртом“ от своего князца Курдомечки некий „Уезак с детьми три человека“ или „Бачебайко с детьми три человека“.⁴ Мелесские волости страдали от набегов киргизов и после построения Мелесского острога. В 1634 г. ясачное население Ачинской Верхней Мелесской волости не могло полностью внести ясак, ибо пострадало от набегов киргизов („киргизские люди били и грабили“).⁵ В середине 30-х годов XVII в. неоднократно упоминается Кошенбакова волость, как Верхне-Мелесская волость. Это наименование связано, видимо, с именем князца Кошенбайка, наподобие Туталовой.⁶ В начале XVIII в., по данным ясачных книг (1706—1718 гг.), в обеих Мелесских волостях числилось 29 ясачных, хотя в это время уже были прекращены грабительские набеги киргизских князей.

Аргунская волость становится известной по Ясачной книге 1623 г., в которой эта волость указывается во главе с князем Ишмачко „с товарищи“ 12 человек. В 1642 г. в ней числилось ясачных людей 7, а в 1692—4 человека.⁷ Из князцов в ней в первой половине XVII в. упоминаются ещё Иштанко, затем Кыстаргула.⁸ Волость эта относилась к обитающим по берегам Чулыма.

Эта волость также страдала от набегов киргизов. В 1640 г.

¹ З. Я. Бояршинова, указ. соч., стр. 40, 83, 89.

² Там же, стр. 100.

³ Там же, стр. 84, 89.

⁴ Там же, стр. 61—62.

⁵ Там же, стр. 87.

⁶ Миллер, т. II, стр. 418, 423—424.

⁷ З. Я. Бояршинова, указ. соч., стр. 79.

⁸ Там же, стр. 62.

князец Аргунской волости Косторгула прибежал в Томск со следующей жалобой: „пришли де к ним в ясашные Аргунскую да в Байгульскую волости киргизские два князца Бугачей, да Изен да с ними киргизских улусных людей 4 человека и наших де ясачных людей грабили и жен их и детей поимали и пошли де в наши же ясачные волости верх по Чолыму реке по тому ж наших ясачных людей грабить“.¹

Волость Кийская, именованная дополнительно Курчи́кова, обитала по правобережью Кии. По ясачной книге 1623 г. в ней значится князец Курчейко „с товарищи“ 9 человек². Этот князец упоминается в документах 1620-21 гг. как „киргизско-го рубежа“ князец, что означает, что Кийская волость считалась порубежной с киргизами³. В 1624 г. „Курчейко с товарищи государю изменили, отъехали в Киргизы со своим улусом, з женами и з детьми“. В документе 1629 г. указывается, что Курчейко убил енисейских служилых людей, которые гнали из Томска лошадей⁴. В 1630 г. Курчейко по поручению киргизов сообщает русским властям в Томск, что киргизские князья желают явиться в Томск „бить челом тебе государю о прежних своих винах“⁵. Курчейко при этом послал в Томск соболей и бобров, но „не в оклад“, и на старые свои кочевья не вернулся оставшись в Киргизах⁶. На следующий год по его поручению присягал русским властям его брат Кашик за всю Кийскую волость, а в 1632 г. Курчейко умер, и его брат Кашик стал князцом этой ясачной волости⁷. К 1642 г. количество ясачных плательщиков этой волости было 8 человек, а к 1692 г. уменьшилось до 4 человек⁸. Это количество ясачных плательщиков в Курчи́ковой волости сохранялось и в первой четверти XVIII в., когда в ней князцом был Мизюгеч⁹.

Волости Шуйская и Камларская в первой половине XVII в., видимо, не принадлежали к окладным, поэтому их нет в перечне окладных волостей Томского уезда, однако шусты и камлары встречаются в записях „неокладных волостей“¹⁰. Шуйская волость на Чулыме упоминается, например, в 1637 г., люди этой волости находились в числе „вожей“ (проводников) „воинских киргизских людей“, совершивших набег на Ени-

¹ Документ № 146. Миллер., т. III (рукопись).

² З. Я. Бояршинова, указ. соч., стр. 83.

³ Документы № 156 и 161., Миллер, т. II, стр. 257, 262.

⁴ Документ № 259, Миллер, т. II, стр. 351—352.

⁵ Документ № 28, Миллер, т. II, стр. 373. В ясачных книгах 1628-29 гг.

⁶ Бояршинова, указ. соч., стр. 86.

Кийская волость соответствует Курчейкову улусу (Сиб. приказ, стб. № 19, лл. 922—927. См. Бахрушин. Ясак в Сибири, стр. 102.).

⁷ Миллер, т. II., стр. 568.

⁸ Бояршинова, указ. соч., стр. 89.

⁹ Приходные ясачные книги Томского уезда 1706—1718 гг.

¹⁰ Бояршинова, указ. соч., стр. 40.

сейский уезд¹. Затем шуйцы и камлары упоминаются в документе 1680 г., содержащем описание похода томских служилых людей на киргизского князя Иренака, прославившегося разбойничьими набегами. Придя на Белое озеро, дающее начало р. Серезу (левому притоку Чулыма), служилые люди обнаружили здесь жилища шуйских и камларских ясачных, среди которых оказались сыновья „изменника Урузачки“ („ясачного татарина Камларской волости“) и выяснили, что „на усть двух Июсов, от Белова озера в полуднище“ кочует Иренак². Далее можно сослаться на документ 1696 г., в котором говорится о князде Шуйской волости Мышане Кайлачакове, который указал „на речке Коштаке место, где означилась серебряная руда“³. Эта речушка (протяженность её составляет всего около 40 километров) впадает в небольшую речку Тисульку и относится к бассейну верхнего течения р. Кии. В 1697 г. за рудой был послан сюда „в горные порубежные волости ко князю Мышану да Когодаю“ Степан Туиальский, пытавшийся брать руду на поверхности, а затем грек Александр Левандиан⁴. Тогда же серебряная руда была указана князем Ичачелом „на речке Большом Китате в горе“⁵, т. е. также близ Каштака. Месторождение серебряной руды на Каштаке находилось в районе кочевий шуйцев или шустов, и здесь была налажена добыча серебряной руды, а для охраны рудников от набегов киргизов в самом конце XVII в. был поставлен Каштацкий острог. Острог был поставлен в 1697 г. большим отрядом служилых людей, численностью до 800 человек, который сопровождал сюда рудознатцев и строителей в целях охраны от набегов киргизских князей. Острог строили, по признанию документа, „в спорные порубежные волости“, а по мнению киргизов в их земле. Это месторождение серебряных руд было известно не только киргизам и прочим местным племенам и народностям, но и джунгарам, ибо „по ведомости всяких иноземцев тое руду у Калмыцкого Бушухту-хана плавил и выходило из нее серебро“⁶. Уже сама постройка острога в Шуйской земле сопровождалась военными действиями: так, после прибытия служилых людей на Каштак „пришли неприятельские киргизские люди многолюдством, и чинили на них и на служилых людей воинские напуски по три дня... А после де бою на четвёртый день киргизы с государевыми людьми договорились и шертовали, что им к тому острогу войной не приходить“⁷. Добыча руды и построение острога вызвали рез-

¹ ДАИ, т. VI, стр. 314.

² Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, СПб., 1882, стр. 7.

³ Дополнения к Актам Историческим, т. X, стр. 334.

⁴ Царская грамота томскому воеводе Ржевскому от 6-VII-1698 г. Сиб. Вестник, изд. Гр. Спасский, 1822, кн. 10, стр. 117.

⁵ Там же, стр. 110.

⁶ Дополн. к Актам Историческим, т. X, стр. 334.

⁷ Там же, стр. 340.

кий протест киргизских князей, в дальнейшем подкреплённый рядом агрессивных действий. Киргизские князья считали, что каштацкие рудники и острог находятся на их территории. Они даже ездили с жалобой к джунгарскому контайше „о поставке острогу на Каштаке, для серебряного промысла, а называли своею землею“¹. Однако царское правительство отклонило этот протест, мотивируя тем, что „Каштацкий острог поставлен на государственной земле, а не на киргизской стороне, по сю сторону Июсов, против договору и шерти киргизского князца Ереначка“². К этому можно ещё добавить, что среди киргизских князей в это время, особенно после смерти Еренака, не было единства взглядов и действий в отношении к русскому освоению бассейна верхнего течения Чулыма, что ясно видно на примере Каштацкого острога. Если после многодневного боя у стен воздвигаемого Каштацкого острога киргизы согласились с фактом постройки острога и присягнули, что не будут нападать на него, то нападения эти всё же вскоре повторились. Организаторами их были сыновья Еренака—Корчун и Чагун. Поэтому в конце 1697 г. одному из братьев умершего Еренака (кажется, двоюродному) Итполе Медечину пришлось в Томске осудить агрессивные действия своего родственника якобы от имени всех киргизских князей и согласиться с постройкой этого острога. Однако в 1698 г. тот же Итпола и некоторые другие киргизские князцы заявили в Томск, что Каштак „земля Киргизская“.

Из упомянутых выше претензий киргизских князцов всё же следует, что Шуйская волость входила в территорию кочевий киргизов, однако, поскольку Каштак, как и некоторые другие места обитания шуйцев или шустов, находился „по сю сторону Июсов“, т. е. севернее этих рек (и их слияния в Чулым), то томские воеводы резонно возражали против этого и относили Шуйскую, как и некоторые другие волости, в том числе и Камларскую, к числу „спорных порубежных“, т. е. находящихся близ границы киргизских кочевий. В район обитания „шуйских татар“ входила, видимо, и р. Береж, относящаяся к верхнему бассейну Урюпа, ибо в одном из документов, датированном 1700 г. прямо говорится, что служилые люди „пришли в Шуйскую землю на речку Береж“ и „с той речки ходили в Киргизскую землю на Божье озеро“³, где также обитали шусты, но уже в качестве „изменников“, живших среди киргизов. Что Шуйская волость обитала близ Белого Июса, явствует также из сообщения посла к Алтын-хану Степана Гречанина, который, возвращаясь от Алтын-хана в

¹ Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, СПб., 1882, стр. 7.

² Там же, стр. 71.

³ Памятники Сиб. Истории XVIII в., стр. 53.

1660 г., пройдя Белый Июс, сразу же вошел „в государеву Шусскую волость к князю Табиде с товарищи“¹.

Шуйский князец Мышан после того, как открыл служилым людям месторождение серебряной руды, видимо, вскоре же перешёл на сторону киргизских князей, так как в документе 1700 г. упоминается „Шуйской кнезец, которой пойман в Каштацком остроге и ныне сидит под караулом, Мышьяanko Койлочанов“². Мышан был взят под стражу вместе с другим Шуйским князем Когодачко за измену и участие в разбойных набегах киргизских князей. Правда, князцы Мышан и Когодай утверждали: „ездили они, шусты, в русские деревни в неволю, потому что набежал на них вор, киргизский князец Чагунко Еренаков с своими людьми ночью, и его Мышьяна с товарищи поймал и руки перевязал и с собой водили неволею... угрожал ему смертию убийством и держал у него на шее саблю“.

В русских исторических документах 1700 г. про жителей Шуйской волости неоднократно говорится, что „войной приходят и русским и ясашным людям чинят беспрестанно всякое разорение“³. Исправно вносит ясак эта волость по крайней мере с 1706 г. Однако с этого времени и до 1718 г. включительно в ней князем значится Шешугач с 9 ясачными плательщиками. Волость помещена в ясачных книгах этого времени в разряд окладных волостей. Камларская или, как она иногда именовалась, Киммарская волость обычно упоминается вместе с Шуйской. Их князцы также находились в сговоре с киргизами и следовали их политике. В отписке приказчика Ачинского острога сообщается: „А старинные ясашные люди, Киммарская волость, ясаку с 205 году по 208 год (т. е. с 1697 по 1699 г.) ничего не платят и с Киргизами общились, и под сибирские города и уезды ездят заодно, и русских и ясашных людей побивают до смерти и разоряют“⁴. В 1700 г. служилые люди требовали у киргизских князей, чтобы они „ясашных государских людей горные порубежные волости и Камлорскую волость отдали, попрежнему великому государю в ясак“⁵. Это требование не было выполнено. В 1703 и 1704 гг. русскими военными отрядами было совершено два похода в район Белого озера, Чёрного и Белого Июсов „на киргизских людей и на Шуйских татар“, в результате которых, как и по причине ухода из Минусинской котловины большей части киргизов; агрессия киргизских феодалов была прекращена и в жизни ясачного и русского населения наступил мирный

¹ Столбцы Сибирского Приказа. Фонд 214, ст. 614, л. 10.

² Памятники Сиб. Истории XVIII в., стр. 17.

³ Памятники Сиб. Истории XVIII в., стр. 10 и др.

⁴ Там же, ч. 1, стр. 9, 10, 23.

⁵ Памятники Сиб. Истории XVIII в., ч. 1, стр. 69.

период. Камларская волость была занесена в число окладных волостей Томского уезда и в дошедших до нас ясачных книгах значится исправно платившей ясак, по крайней мере с 1706 г. До 1718 г. включительно по книгам значится две Камларских волости. Одна из них просто Камларская; в ней числилось 5 ясачных плательщиков, возглавляемых сначала князем Канаем, с 1712 г. князем Каштаком.¹ А другая называлась Камларская порубежная во главе с князем Эбалаком с количеством 8 ясачных плательщиков². Мессершмидт в 1721 г. застал ясачных Камларской волости (видимо, порубежной горной) в селении Урюп, где проживали также представители Курчиковой и Аргунской волостей, но в то же время отметил, что сородичи камларов живут и по р. Томи, неподалёку от Кузнецка, где по всей вероятности была просто Камларская волость. На карте же Ремезова помечена только одна Камларская волость близ Чулыма, между его притоками Урюпом и Сережем.

Об этническом составе Чулымских волостей XVII в. подробно судить ещё довольно трудно, ибо для этого нет достаточного фактического материала. Несомненно только, что большинство населения из рассмотренных нами выше волостей в XVII в. было, как и енисейские киргизы, от которых оно зависело, но от которых отличалось по своему этническому происхождению, тюркоязычным. Местные русские люди того времени, постоянно соприкасавшиеся с чулымцами и енисейскими киргизами, отличали первых от вторых и называли чулымцев „татарами“. Этого термина они не применяли в отношении енисейских киргизов. Хотя в вопросе происхождения чулымских татар имеется ещё много неясного, о главных этнических элементах, из которых образовались чулымцы, можно говорить довольно уверенно. Определённо известно, что в составе „чулымских татар“ оказались частично тюркоязычные так называемые „сибирские татары“. При падении Сибирского ханства в конце XVI в. некоторая часть тюркоязычных сибирских татар вынуждена была отступить на восток, вплоть до бассейна Чулыма и Енисея (т. е. до кочевьев енисейских киргизов), так как на западе были русские, на юг путь был закрыт джунгарами-калмыками, а на север они не могли пойти по хозяйственным причинам. Будучи скотоводами-степняками, они не могли там сохранить свои стада, на разведении которых основывалась их хозяйственная жизнь. Доступным был лишь путь на восток, где кочевали тюркоязычные телеуты и енисейские киргизы. Само собой разумеется, что кочевья и пастбища, освоенные телеутами и киргизами, защищались послед-

¹ Приходные ясачные книги Томского уезда, стр. 10, 16, 25, 35, 78, 88, 101 и др.

² Там же, стр. 11, 16, 26 и др.

ними от посягательства посторонних. Однако, размещение некоторой части сибирских татар в кочевьях телеутов (в бассейне Оби) облегчалось тесными и даже брачно-родственными отношениями телеутских князей с членами династии разгромленного хана Кучума. Что касается продвижения групп сибирских татар ещё дальше на восток, то оно оказалось также возможным, ибо здесь было много ещё неосвоенных пространств. Немногочисленные енисейские киргизы и их киштымы занимали относительно небольшую территорию. Таким образом, для оседания части сибирских татар в бассейне Оби и её притока Чулыма были довольно благоприятные условия.

О продвижении групп сибирских татар на восток после распада Сибирского ханства имеются документальные известия, которые содержатся в русских исторических актах XVII в.¹ А по поводу прихода части сибирских татар в бассейн Чулыма у чулымского населения сохранились ясные воспоминания, не изжитые и до сего времени. В ряде преданий чулымских татар, записанных в начале XVIII, конце XIX в. и начале XX в., о приходе на Чулым тюркоязычного населения из Западной Сибири говорится совершенно определённо. Это обстоятельство не может быть игнорировано историками и этнографами, изучающими вопросы этногенеза населения этих районов. Мы не будем повторять изложение подобного материала, записанного у качинцев, об этом уже говорилось выше, но сошлёмся на некоторые предания о приходе с рек Тобола и Ишима, распространённые, например, у кизыльцев, обитающих по р. Чулыму. В записях, произведённых Д. А. Клеменцем в Ачинском округе в 1888 г., говорится: „Сами кизыльцы ещё помнят, что они когда-то жили по Ишиму и Тоболу и у них свой царь Кочжум“.² Позднее Клеменц писал про кизыльцев, что они „мало отличаются от качинцев, но у них свежие в памяти предания о Тобольской родине“.³ Особенно большой интерес в этом отношении представляют сообщения Мессершмидта, относящиеся к 1721 г. „Один сведущий татарин мне сообщил, — пишет путешественник, — что большинство татар, живущих по рекам Чулыму и Кие, происходят от народов хана Кучума и что раньше они составляли с казахской ордой один народ... После того как хана Кучума прогнали от Тобольска, часть их направилась сюда, другая к Томску“.⁴ В другой своей записи Д. Мессершмидт сообщает: „Встретил толкового та-

¹ Акты Исторические, т. II, СПб., 1841, стр. 2.

² Д. А. Клеменц. Предварительные сведения об экскурсии в Ачинский и Канский округа. Известия Восточно-Сиб. Отделения РГО, т. XX, № 1, стр. 45.

³ Д. А. Клеменц. Население Сибири. Сборник „Сибирь, её современное состояние и её нужды“. СПб., 1908, стр. 62.

⁴ Дневник путешествия, стр. 134.

татарина в Урюпе, который мне подтвердил, что Чулымские татары происходят от Кучум-хана. Сначала они осели близ устьев Чулыма и Кии, но, когда киргизы были прогнаны, они распространились до этих мест. Они делятся на 66 волостей или родов" и т. д.¹ В этом предании, сообщённом путешественнику не более 18 лет спустя после ухода с Июсов и Урюпа киргизов, когда в народной памяти несомненно были ещё свежи воспоминания также и о более ранних событиях, отражены реальные исторические факты. Такие предания согласуются не только с русскими историческими документальными известиями о продвижении на восток сибирских татар, но и с некоторыми другими материалами. В связи с этим необходимо обратить внимание на наличие среди кизыльцев группы, именуемой Аргын. Наличие её вполне подтверждает сообщение Мессершмидту татарина с р. Кии, который указал, что чулымские татары раньше „составляли с казацкой ордой один народ“. Дело в том, что „аргыны“ в средние века представляли собой большую тюркоязычную группу, входившую в Кыпчакский племенной союз, т. е. улус Джучия или Золотую Орду. С распадом улуса Джучия (Золотой Орды) аргыны приняли участие в формировании казахской народности. Они вошли также в состав групп кочевых тюркоязычных племён, продвинувшихся на территорию Средней Азии, где они участвовали в этногенезе узбеков, а, с другой стороны, с распадом Сибирского ханства продвинулись в числе так называемых „тобольских татар“ на восток, до бассейна верхнего течения р. Чулыма, т. е. до области кочевий енисейских киргизов, где в XVII в. они составляли особую „Аргунскую волость“, вносящую ясак в г. Томск.² Эта волость числится, как мы знаем, среди Верхчулымских ясачных волостей, и в ясачных книгах XVIII в. говорится, что аргыны вносили ясак соболями, бобрами, горностаями, лисицами, росомами и даже лосиными кожами.³ Мессершмидт указывает местожительство аргынов в Томском районе по течению р. Тай, затем по Чулыму близ впадения Кии, в районе Божьего озера и в селении Урюпе, в котором они жили смешанно с населением Камларской волости. Эта волость перешла в административный состав хакасов в XIX в. и входила после реформы 1822 г., как Аргунская волость или Мало-Аргунский административный род, в состав Кизыльской Степной думы.

Таким образом, наличие среди чулымцев тюркоязычной группы, сохранившей этноним „аргын“, служит важным свидетельством проникновения сюда некоторых тюркоязычных

¹ Дневник путешествия.

² Дополнения к Актам Историческим, т. V, стр. 42.

³ Приходные окладные ясачные книги Томского уезда 1700—1718 гг., Томск, 1893 г.

элементов с запада. Напомним, что такой видный тюрколог и знаток этногенеза тюркских народностей как акад. В. Радлов считал происхождение чулымцев весьма смешанным, отмечая в их составе наличие тобольских татар, телеутов и енисейских остяков.¹ Исторические факты, изложенные выше, вполне подтверждают взгляд маститого исследователя по вопросу наличия среди чулымцев, в том числе и кизыльцев, западных тюркских этнических элементов в виде так называемых тобольских татар. Всё изложенное выше не позволяет нам согласиться с некоторыми утверждениями А. П. Дульзона, выступившего недавно с работой, посвященной выяснению происхождения чулымских татар.² Стремясь доказать, что чулымские татары аборигенный народ, А. П. Дульзон без достаточных оснований отвергает участие в их этногенезе пришлых с запада тюркских элементов, не считаясь с приведёнными выше фактами. Более того, он в своих окончательных выводах вообще отрицает участие тюркских элементов в этногенезе чулымских татар. Согласно его гипотезе, чулымские татары—это кеты и селькупы, которые, рано попав в зависимость от тюркских кочевников-скотоводов, были тюркизированы, причём начало этого процесса автор относит к XIII—XIV вв., к сожалению, не приводя фактических доказательств.³ А. П. Дульзон лучше чем кто-либо из его предшественников подчеркнул участие в этногенезе чулымских татар, кетов и селькупов, доказал это на большом и разнообразном материале. Однако, он неоправданно обошёл факт участия в формировании чулымских татар тюркоязычных этнических элементов и не только поздних, какими следует считать тобольских татар и телеутов, но и древних тюркских. Древние тюрки обитали в бассейне Чулыма, о чём свидетельствуют обнаруженные здесь памятники их письменности. Точная датировка этих памятников ещё не установлена. Полагают, принимая во внимание более архаический облик их алфавита, что они несколько древнее орхонских надписей, точно датированных 30-ми годами VIII в. Совсем недавно С. Е. Малов, к сожалению, бездоказательно объявил енисейские надписи древних тюрков относящимися к V в. Такое заявление почтенного тюрколога не может не вызвать удивления прежде всего потому, что оно не подкреплено никакими доказательствами, хотя повторяется им неоднократно. Известно, что В. В. Радлов, высказавшийся за датировку этих памятников даже второй половиной VII в., не получил поддержки такого авторитетного востоковеда как акад. В. В. Бартольд. Что касается ещё более ранней датировки, то

¹ Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, т. II, стр. XII.

² Проф. А. П. Дульзон. Чулымские татары и их язык. Учёные записки Томского педагогического Института, т. IX, Томск, 1952.

³ Там же, стр. 124—125.

по этому поводу В. Бартольд заметил: „Еще более сомнительно утверждение С. Е. Малова (в докладе на тюркологическом съезде в Баку 28 февраля 1926 г.), что енисейские памятники датируются даже двумя-тремя столетиями раньше орхон-сенгинских“¹. Мы вынуждены были затронуть этот вопрос с единственной целью предупредить, по возможности, распространение столь решительно высказанной, но научно необоснованной датировки енисейских памятников письменности древних тюрков, ибо вопрос датировки такого важного исторического источника имеет большое значение для историков, этнографов, археологов да и, вероятно, филологов.

Несмотря на отсутствие пока точной датировки древнетюркских надписей в бассейне Чулыма, мы вправе предположить, что они принадлежат древним енисейским киргизам, о существовании письменности которых свидетельствует китайская летопись Танской династии. Время обитания тюркоязычных енисейских киргизов в степях Чулымского бассейна с соблюдением осторожности может быть определено, по крайней мере, началом VIII в., если считать енисейские памятники письменности почти синхронными орхонским. Однако и в этом случае, вопрос о более раннем обитании енисейских киргизов в степях Чулымского бассейна можно решать положительно, ибо киргизские племена могли кочевать здесь и до распространения у них письменности. Об освоении бассейна Чулыма древними тюркоязычными племенами говорит и местная современная топонимика, на что обратил внимание и А. П. Дульзон. Мы хотели бы в этом отношении отметить наличие в названиях рек окончания „юл“ или „чул“. Этот элемент топонимии связан в основном с местом обитания енисейских киргизов. Названия рек с киргизским окончанием на „юл“ или „чул“ восходит к периоду тюркского каганата, так как в памятниках древней тюркской письменности слово „чул“ встречается в значении ручей. Таким образом, пребывание древних тюрков (скорее всего енисейских киргизов) в бассейне Чулыма, судя по распространению рунических надписей и данным топонимии, является историческим фактом. Опираясь на него, можно предположить, во-первых, что процесс тюркизации обитавших здесь кетоязычных и самодийскоязычных родоплеменных групп имеет большую давность, чем это полагает А. П. Дульзон; во-вторых, что в этногенезе чулымских татар непременно участвовали древнетюркские этнические элементы. Трудно допустить, чтобы кетоязычные и самодийскоязычные группы, населяющие бассейн Чулыма, восприняли тюркский язык без совместной исторической жизни, без тесного общения и смешения их с тюркоя-

---

¹ В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 22. Ср. С. Е. Малов. Изучение древних турецких языков. Первый всесоюзный тюркологический съезд. (Стенографический отчет), Баку, 1926, стр. 140.

зычными племенами и родами. Относительно наличия в среде чулымских татар кетоязычных и самодийскоязычных элементов, в частности селькупских, сомнений не возникает. В работе А. П. Дульзона это вполне доказано. Добавим только к этому, что еще Георги отметил, что этноним „шуй“ (шуйцы или шусты русских исторических документов XVII в.) входил в само-название сургутских остяков, часть которых, не далее как в XVI в., обитала в верховьях Томи. Доказательство об обитании кетоязычных родов и племён в верховьях Томи можно видеть, вслед за Радловым, в топонимике этого района, разъясняющейся из кетского языка и в некоторых преданиях енисейских остяков. В ряде преданий говорится о переселении их с юга, о горах, через которые они шли на север. В верованиях енисейских остяков фигурирует женское божество мать-Томь. В этом образе и имени отражена память о почитании реки Томи, в верховьях которой жили их исторические предки.

Из ясачного населения, приписанного к г. Кузнецку, для выяснения вопроса о происхождении и формировании хакасской народности имеют значение данные о сагайцах и бельтырах.

Исторические сведения о сагайцах в русских документах XVII в. весьма скудны. Впервые о них упоминается в 1620 г. в отписке из Кузнецка Ивана Пущина, где сообщается, что из Кузнецка были посланы служилые люди „по государев ясак в Сагаи“, но до сагайцев они не добрались, так как их туда не повели ясачные Етеберской волости, мотивируя это тем, „что де их в Сагаях побьют, а у них де у сагайских людей на том уложено: государева ясаку не давати и ясачников побивать“.¹ Из этого следует, что в 1620 г. сагайцы еще не состояли в русском подданстве, хотя Г. Миллер почему-то считает, что „сагайские татары“ были включены в состав Русского государства кузнецкими служилыми людьми уже за несколько лет до упомянутого сообщения И. Пущина². Однако ни документов, ни ссылок на документальный материал по этому поводу у Миллера не приведено.

Сагайцы были киргизскими киштымами, причём, кажется, довольно верными, что, может быть, объясняется тем, что сагайцы жили в верховьях Июса и Томи, т. е. бок о бок с главными кочевьями енисейских киргизов. В 1642 г., когда из Ачинска выступил в поход на киргизов, тубинцев и маторов (как „на изменников государевых“) Ив. Кобыльский, то против него под руководством киргизского князя Ишея у Белого Июса сражались вместе с другими и сагайцы³. Они оставались киргизскими киштымами и позднее. В 1644 г. кузнецкий вое-

¹ Документ № 157, Миллер, т. II, стр. 259.

² Миллер, История Сибири, т. II, стр. 58.

³ Сиб. приказ, стб. № 84, л. 583.

вода писал царю: „А кыштымы, государь, те сагайские люди—киргиские“.¹

Сагайцы вошли в состав Русского государства, видимо, в период между сороковыми и шестидесятыми годами, ибо в документе 1666 г. сагайцы определённы названы уже „ясачными татарами“. Здесь сказано, что в этом году Иренак Ишеев „пошёл громить государевых красноярских и Улинских, и Енисейских сагайских ясачных татар“.² В семидесятых годах в документах неоднократно упоминаются сагайцы, причем из сообщения видно, что в то время было две сагайские ясачные волости, именуемые либо как первая и вторая, либо по географическому признаку Юс-Сагайская (по р. Июс) и Том-Сагайская (по р. Томи). Сагайцы в это время кочевали в верховьях рек Июса и Томи. Здесь они имели свои посеы. От Томска до первой сагайской волости, где князем был Урузачко, считали ходу 10 дней³. Из Кузнецка же до первой Сагайской волости, расположенной в верховьях Томи, шли шесть дней. Так говорится в одном из документов: „Овдейко сказал: шел де он из Кузнецкого до Сагайские волости до ясачного князца Урузачко шесть дней“⁴. Из Кузнецка в Сагаи был ещё водный путь вверх по Томи. Водой путь по времени был длиннее более чем в два раза. Служилые люди сообщали в документе, что „от Кузнецкого де они шли водяным путем до первые Сагайские волости четырнадцать дней и дошли до ясашного князца Урузачка“⁵. В цитированных донесениях имеется указание и на существование второй, Июс-Сагайской волости. Собирали ясак у сагайцев русские служилые люди из Кузнецка⁶. Однако, сагайцы продолжали все же оставаться кыштымами князей енисейских киргизов вплоть до ухода киргизов в Джунгарию⁷. На карте Ремезова показано местонахождение Юс-сагай по р. Томи, между реками Казыром и Теренсой, против устья Балыксы, на обоих берегах. Несколько позднее, в 1721 г., когда путешествовал Мессершмидт и когда основная часть киргизов уже была уведена в Джунгарию, „юс-сагайцы“ жили по р. Бире, близ Уйбата. Степь по р. Бире путешественник называет Юс-Сагайской степью⁸.

На какие улусы делились „сагайские татары“ в XVII в. остается неизвестным. Мы вернёмся к рассмотрению их этни-

¹ Сиб. приказ, стб. № 136, л. 441 (цитировано по С. А. Токареву. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 47.)

² ДАИ, т. V, стр. 41.

³ ДАИ, т. VII, стр. 333.

⁴ ДАИ, т. VII, стр. 341.

⁵ ДАИ, т. VII, стр. 373.

⁶ Сиб. приказ, стб. № 709, ч. II, л. 200.

⁷ Памятники Сибирской истории, т. I, стр. 94.

⁸ Мессершмидт. Журнал путешествий, рукопись, стр. 254; Ср. Радлов. Сибирские Древности, т. I, СПб., 1888, стр. 16—17.

ческого состава в период XVIII—начале XIX в., когда сформировалась под именем сагайцев смешанная по своему составу этническая группа хакасов, ядро которой составили потомки сагайцев XVII в.

Рассмотрение вопроса о бельтирах придётся также отнести к следующей главе, так как материал XVII в. по бельтирам в изученных нами документах почти отсутствует. Само название это в русских документах XVII в. встречается, но очень редко. В ясачной книге Кузнецкого уезда 1671 г. имеется запись относительно ясачных Кивинской волости, в которой говорится, что пять человек этой волости ушли „в бельтиры и в горы“. Это, пожалуй, наиболее раннее упоминание о бельтирах в историческом материале XVII в. В 1681 г. в ясачной книге отмечено, что один человек Кызыльской волости живёт „в бельтирах“. Судя по записям ясачных книг 1692 г., бельтиры в это время ещё не входили в состав ясачного населения как Кузнецкого, так и Красноярского уездов. Очевидно, они были киштымами киргизских и джунгарских феодалов. Бельтирская волость, как ясачная волость, появляется в 1702 г. в Кузнецком уезде.¹ Название „бельтиры“ представляло собой, по видимому, собирательное географическое наименование, означающее в переводе на русский язык „устыинцы“ (т. е. живущие в устьях рек). Насколько нам известно из позднейшей литературы, своё название бельтиры получили от тувинцев—урянахайцев.² Расселены они были, вероятно, по Абакану и его притокам (реки Таштып, Сос, Тея, Есь). В этих местах жили так называемые „верхние киргизы“—алтырцы, затем керетцы и прочие мелкие киштымы киргизов и джунгар.

В русских документах XVII в. „керетцы“ упоминаются обычно по соседству с алтырцами. О них говорится в описаниях похода И. Кобыльского в перечне земель, которые выступили против Кобыльского под начальством киргизского князя Ищея.³ Алтын-хан считал их своими киштымами. Во время посещения его красноярским казаком Родионом Кольцовым в 1657 г. он заявил: „а кыргызы де и тубинцы и алтырцы и керетцы с киштымами вечные наши киштымы, а не вашего государя“⁴. По сообщению русского посла к Алтын-хану Степана Гречанина, керетцы в начале 60-х годов жили в устье Абакана, а алтырцы по соседству—на р. Уйбате.⁵ Их потомки, как увидим, входили в состав Кузнецкого уезда, где они в XVIII—XIX вв. составляли особую волость.

¹ Все эти данные о бельтирах извлечены Б. О. Долгих в ЦГАДА, ф. 214, кн. 713, л. 469 об.; кн. 716, лл. 1120 об—1125; кн. 1363, лл. 58, 59; кн. 1593, л. 52 об. и любезно им переданы нам для включения в настоящую книгу.

² Н. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племён, т. IX, стр. 59.

³ Сиб. приказ, стб. № 84, л. 583.

⁴ Там же, стб. № 513, л. 42.

⁵ Там же, стб. № 614, л. 18.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ХАКАССКОЙ НАРОДНОСТИ В XVIII—XIX ВВ.

1. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КИРГИЗОВ В ДЖУНГАРИЮ

Об уводе енисейских киргизов джунгарами свидетельствует ряд русских исторических документов как начала, так и двадцатых, сороковых и даже пятидесятых годов XVIII столетия. В наиболее ранних из них говорится, что в октябре 1703 г. в Верхний караульный острог на р. Енисее явился ясачный кизылец и сообщил „приехали де 2500 калмыков в Киргизскую землю и киргиз де к себе загнали всех и ныне де в Киргизской земле киргиз никого нет“.¹ В январе 1704 г. к киргизам были отправлены представители Красноярского воеводы, в сообщении которых факт ухода киргизов подтвердился: „Мы, красноярские дети боярские, Иван Злобин с товарищи“, говорилось в этом сообщении, „из Красноярска в Киргизскую землю ездили и киргизских князцов никого не изъехали, а изъехали прежде осталцов Тубинцев семи человек“.² Однако, Злобину удалось найти „киргизских и тубинских розных киштымов“, которые „были в бегах“, чтобы избежать переселения в Джунгарию. С них И. Злобин собрал ясак соболями, бобрами, лисицами на сумму „8 сороков 26 соболей“. При этом он произвёл роспись улусам этих киштымов, в которой упоминаются следующие: 1) Мало-Байкотовский, 2) Кон, 3) Шараданов, 4) Татаров, 5) Аршупов, 6) Большой-Байкотовский, 7) Урчин, 8) Сыйский, 9) Акса, 10) Кайдынов, 11) Бугачев, 12) Шип, 13) Ургунов и отдельно „осталцы тубинцы“.

Более поздние исторические документы не только подтверждают факт увода енисейских киргизов, но и уточняют его в некоторых важных подробностях.³ Из них выясняется, что

¹ Памятники Сибирской Истории XVIII в., кн. 1, стр. 232.

² Там же, стр. 234.

³ Высказанное в дореволюционной литературе предположение (особенно И. Кузнецовым-Красноярским) о том, что енисейские киргизы никуда никем не уводились, глубоко ошибочно.

это было сделано по повелению джунгарского или ойратского хан-тайши Цэван Араптана или Цэван Рабтана.

Посланец Цэван Рабтана—Борокурган при встрече с русским государственным канцлером Г. И. Головкиным в Государственной Коллегии Иностранных дел в 1721 г. не только подтвердил, но и дипломатически мотивировал этот увод енисейских киргизов в Джунгарию тем, что русские „при границах обретающиеся начальники и прочие управители чинили многие обиды его подданным киргизским улусам, о чем на обидающих посылали посланцев просить на них управления, и посланных его контайши до Великого государя не допускали и назад возвращали, не показав никакого надлежащего удовольствия, отчего он принужден был из тех мест, где его подданные киргизы кочевали, перевести в свои ближние улусы, не желая дать притчины всяким ссорам с обеих сторон“¹. Годом позднее, во время известного посольства русского капитана Ивана Унковского, посланного Петром I к джунгарскому хану Цэван Рабтану, последний говорил русскому послу, что „наши люди киргизы, которые жили по Оби реке, ныне оттуда выгнаны и обижены от Кузнецких и Красноярских и многие де к нам пеши пришли“.² Джунгарский хан также не отрицал факта переселения к нему енисейских киргизов, но, в отличие от своего более откровенного посла, дал этому факту искажённое освещение, стремясь завуалировать агрессивный характер своей акции по отношению к енисейским киргизам. В действительности же дело обстояло далеко не так. Подлинной причиной этого переселения был, конечно, сговор джунгарского хана и киргизских князей об уводе киргизов в Джунгарию. Киргизские князья, после многолетней борьбы за монопольную эксплуатацию своих соплеменников и киштымов-данников, убедились в бесплодности своих усилий. Прочность русского освоения южной Сибири, рост и укрепление влияния русского народа на весь жизненный уклад населения, подчиненного киргизским князьям, делали положение последних в этом крае довольно бесперспективным. Возникла реальная угроза лишиться власти и возможности эксплуатации не только своих бывших киштымов, в большинстве уже добровольно принявших русское подданство, но и соплеменников и сородичей. Киргизские князья не могли не сознавать своего бессилия остановить этот процесс. Этот вывод им должен был подсказать и опыт военной борьбы с русскими. Киргизским князьям, видимо, казалось выгоднее переселиться со всем зависимым от них населением в Джунгарию под покровительство

¹ Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану Ив. Унковского. Записки Русск. Географ. О-ва по Отделению Этнографии, т. X, в. 2. СПб., 1887, стр. XIII.

² Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи, стр. 123.

тогда ещё сильного джунгарского хана, с которым они были связаны не только вассальными отношениями. Вспомним как ещё в 60-х годах XVII в. Иренак обсуждал с киргизскими князьями план „развоевав Красноярский и Енисейский уезды, отъехать в Калмаки со всеми своими улусы, и на киргизской земле не жити“. Таким образом, переселение енисейских киргизов в кочевье джунгарского контайши не могло быть неожиданным для феодальной верхушки енисейских киргизов. В свою очередь, джунгарский хан, подчинивший енисейских киргизов после разгрома государства Алтын-хана, с большими затруднениями обеспечивал получение дани с енисейских киргизов и их киштымов ввиду большой территориальной отдалённости Минусинской котловины от Джунгарии. Джунгарский хан, конечно, не мог обеспечить реальную защиту своих корыстных интересов в столь территориально далёких от него местах. Ему было выгоднее и удобнее переселить киргизов в Джунгарию, где можно было безнаказанно эксплуатировать и обирать рядовых кочевников-киргизов, изолировав их в то же время от русского влияния. Удерживать же из Джунгарии территорию Минусинской котловины в своих руках джунгарскому хану было не только невозможно, но даже нецелесообразно как потому, что она никогда не принадлежала монголам, так и потому, что это требовало распыления его сил. Вообще надо сказать, что недостатка в пастбищных территориях (даже лучшего качества) у джунгарского хана не было. Его в этом конкретном случае больше интересовало зависимое население, чем территория. Приведённые соображения о сговоре джунгарского хана с князьями киргизов можно подкрепить ссылкой на то, что в числе ушедших в Джунгарию оказались прежде всего сами киргизские князья. Среди ушедших был и алтырский князь Тангут Батур Тайчжи¹, ставка которого находилась на р. Нине, правом притоке Уйбата, где находилась и резиденция представителя джунгарского хана, руководившего и контролировавшего деятельность киргизских князей. Ушли в Джунгарию езерский князь Шорло Мергень, алтысарские тайши Агалак Кашка, Голичи, князь Корчун со своим улусом того же наименования и т. д. Сын алтырского князя Тангут Батура по имени Чайлыш упоминается в документах 40-х годов XVIII в. состоящим при ставке джунгарского хана Галдан-Чирина². Увод же в Джунгарию рядового киргизского населения был осуществлён насильно. Прямые указания на это содержатся в более поздних исторических документах.

¹ *Материалы по Истории Сибири. Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 1866 г., кн. 4-я, стр. 80.

² *Материалы по Истории Сибири. Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 1866 г., кн. 4-я, стр. 127.

В 40-х годах XVIII в. в пограничные русские крепости, расположенные в западном Алтае, стали прикочёвывать так называемые „киргиз-калмыки“. Так себя именовали бывшие енисейские киргизы, переселённые в 1703 г. к калмыкам или джунгарам. Вот они-то, бежавшие от джунгарского хана, в памяти которых были свежи воспоминания об уходе их с Енисея, и рассказали об этом событии важные подробности, подтверждающие показание „кизыльского ясачного татарина“ в Верхнем караульном остроге на Енисее в 1703 г. Из рапорта полковника Зорина генералу Киндерману от 5 октября 1746 г., основанного на показании киргиз-калмыка Хотона, бежавшего от джунгарского нойона Зенго Бутуя в урочище Шарабе по р. Или¹, следует, что, как рассказал секунд-майору Усть-Каменогорской крепости Беклемишеву упомянутый Хотон, он „жительство имел с прочими киргиз-калмыками землею во владении хана Тангын-Батыря-Датжи, (т. е. Тангут Батыря—Л. П.) в здешнем Сибирском крае, между Томским и Енисейским городами, против города Красноярска, в степи, на речке, называемой Белом Уюсе (т. е. Белом Ююсе—Л. П.), от которого, де, их жилища до помянутого Красноярского города расстоянием тихой ездой дня с три, а платили ясак в казну ея императорского величества зверями с прочими калмыками, а ныне слышно, де, им, что из их родственников и прочих киргиз-калмык тамо в том же ясаке ея императорского величества состоят. И тому назад лет с пятьдесят, или более, а подлинно, де, объявить они не помнят, приходили, де, к ним из земли Контайши три зайсана, Духар, Сандык, Чинбиль, в 3500 человеках, а стояли, де, они особливим кочевьем, всего мужеска и женска полу тысячи с три дымов; и захватили, де, оные зайсаны войском своим внезапно, увезли в зенгорскую землю сильно, токмо без бою. И жили там в Зенгорской земле в Большой Урге, и платили, де, они Галдан-Чирину алман“². В рапорте полковника Павлуцкого от июня 1747 г. дано показание детей киргиз-калмыка Хотона, задержанных на р. Чарыше, в котором сказано: „Природы они Киргиз-Калмыцкой, ныне владения Зенгорского Владельца, а в прошлых давних летах отцы их кочевали на Сагайской степи, между Кузнецкого и Красноярского городов, а тогда, де, ясак платили их императорским величествам, а Владельцу Зенгорскому платили или нет, того не знают. А ныне в помянутой Сагайской волости кочуют их два дяди родные, и находятся, в подданстве, и ясак платят её императорскому величеству. А когда отец их сошел в Зенгорскую землю, не знают; и жили они в том владении вниз по реке Иле на урочище Ша-

¹ Чтения... 1866 г., кн. 4-я, стр. 62.

² Чтения... 1866 г., кн. 4-я, стр. 128.

рабе, у нойона Зенго Бутуя в холопстве. В 1746 году отец их Хотон (который сюда, едучи, умер в Алейской станице), видя себе от оногo нойона Бутуя многие обиды, пошел, вместе с ними, в зимнее время явиться в Российские места, дабы приняты были по прежнему в подданство ея императорского величества. Воевали (зимовали?—Л. П.) они близ крайних Зенгорских улусов в горах, а летом явились в Устькаменогорской крепости секунд-майору Беклемишеву, где и содержаны были 8 месяцев под караулом и потом отпущены в степь. И по отпуску жили они втроем по реке Ульбе в горах два месяца, и паки приезжали в Устькаменогорскую крепость и просились, дабы их принять кочевать близ той крепости; токмо сказано им было, чтоб обратно шли в степь. И после того месяца два жили они паки по реке Ульбе, и оттоль пошли степью, чтоб перейти к Кузнецку, или Красноярску, кочевать с прочими иноверцами; но между крепостями Бикатунского и Колыванским заводом отец их умер, жили тут с неделю, и русские, наехав, их поймали¹.

В достоверности этих сведений, особенно сообщённых енисейским киргизом Хотоном, сомневаться не приходится, т. к. они находят подтверждения в различном другом документальном материале. Хотон показал, что жил на Белом Июсе и принадлежал к улусу киргизского князя. Такой князь действительно существовал в начале XVIII в., и его имя—Тангут-Батур-Тайши нам уже встречалось в списке киргизских князей, участвовавших в переговорах с русскими послами в Алтырском улусе на речке Нине в 1701 г. Относительно того, что этот киргизский князь, как и все остальные, ушёл к контайше и находился при его ставке, мы уже говорили выше. Что событие это произошло „лет пятьдесят“ тому назад весьма близко к истине, т. к. это было в 1703 г. Наконец, из перечисленных Хотоном имён джунгарских зайсанов, осуществивших операцию увода енисейских киргизов, имя зайсана Духара, например, действительно встречается в русских исторических документах начала XVIII в. и стало быть не является легендарным. Известно, например, что в 1710 г. зайсан Духар снова появился в южной Сибири. На этот раз он совершил нападение на г. Кузнецк и сжёг 8 русских подгородных деревень, угнал много скота и пленных². О нём, как „верном зайсане“ джунгарского контайши, говорил Головкину посланец Цэван Рабтана в 1721 г. Таким образом, увод енисейских киргизов к джунгарскому хану, осуществлённый по отношению к рядовым киргизам внезапно и насильно, совершённый под конвоем джунгарских вооружённых отрядов, не может подле-

¹ Чтения... 1866, кн. 4-я, стр. 62—63.

² ААН, ф. 21, оп. 5, № 152, лл. 283—290.

жать сомнению. Вполне естественно, что это выдающееся событие нашло отражение также в устном народном творчестве современных хакасов, в составе ближайших исторических предков которых находятся и енисейские киргизы. Примером может служить былина Суну Маттыр, опубликованная В. Радловым.¹ Гораздо определеннее и точнее об этом говорится в хакасской былине „Сыба паза Сыгда“. В ней рассказывается о том, как в прежние времена по эту сторону Белого Июса (Ах-Юус) в травянистой степи жили люди. Монгольский хан (Моол-хан), узнав об этом, послал своего Сайзана (зайсана) пригнать этот народ к себе. Сайзан, придя в земли Белого Июса, забрал народ со всем его имуществом и погнал к монгольскому хану. Они шли через многие реки и через высокие горы. Дорога к Моол-хану шла верхом реки Абакана. Когда дошли до этого места Сайзан дал угнанному народу отдых с ночёвкой. Чтобы пересчитать народ, он велел собрать белые камни, потом каждому дал по одному камешку и столько же камней оставил у себя и т. д.² В преданиях, записанных Н. Ф. Катановым в долине Абакана, близ реки Есь, говорится, что в древнее время „на этой земле жил народ Кыргыз. Племя Сарыглар имело отдельное от этого народа кочевье“³. В другом предании говорится, что „Народ Кыргыз в древнее время жил на этой земле. Наш христианский царь воевал с ними и, воевавши, заставил переселиться в другую землю“⁴. Предания о переселении киргиз сохранились даже у шорцев. „Прежде киргизы, — говорится в одном из преданий, — жили вниз по р. Аскыс. В самом начале, когда земля сотворилась, когда деревья только что начали вырастать (выходя из земли), киргизы, испугавшись тех деревьев, в другую землю убежали“⁵. В варианте этого предания говорится, что киргизы жили на р. Аскызе и устья р. Тёё (Тёя). Одна девица напугала их, сказав, что скоро из земли рога вырастут и уничтожат Вас со скотом вместе, перекочуйте в другую землю. Многие из них так и сделали.“⁶

Необходимо обратить внимание и на то, что цитированные выше документы не только рисуют картину увода енисейских киргизов джунгарскими зайсанами, но и содержат сведения о тяжёлых условиях жизни трудящихся киргизов в Джунгарии. Оказавшись на новом месте, рядовые кочевники-киргизы должны были платить контайше обременительный алман и многие из них были розданы в „холопство“ различным джунгарским

¹ Образцы народной литературы тюркских племён, ч. II, СПб., 1868.

² Былина „Сыба паза Сыгда“ на хакасском языке. Хакасский фольклор, № 1, 1941 г., стр. 157—163.

³ Образцы народной литературы тюркских племён, ч. IX. Перевод, СПб., 1907, стр. 332.

⁴ Там же, стр. 333.

⁵ Шорский фольклор, М—Л., 1940, стр. 303.

⁶ Там же, стр. 305.

нойонам, зайсанам и прочим феодалам. Это означало, помимо того, что трудящиеся енисейские киргизы оказались крепостными джунгарских феодалов, их распыление и насильственную денационализацию, ибо их раздавали семьям различных джунгарских владельцев, где они оказывались в иноязычной, точнее в монгольской среде. Условия жизни рядовых скотоводов енисейских киргизов в Джунгарии были таковы, что они бежали из Джунгарии к русской границе, являлись добровольно к русскому пограничному начальству, ища облегчения своей участи и защиты. Что трудящиеся енисейские киргизы бежали обратно на Енисей, подтверждается документальными сообщениями и конца 50-х годов XVIII в. Так, например, после разгрома Джунгарии к русской границе стали выходить мингаты. Из их показаний следует, что и в середине 50-х годов совместно с ними и телеутами киргизы продолжали возвращаться на свою родину в Южную Сибирь, воспользовавшись поражением Джунгарии¹. Трудно предположить, чтобы все возвращавшиеся на Енисей киргизы достигли цели. Известно, что часть их таким путём оказалась на Алтае, отдельные группы несомненно попали в число тех калмыков, которых после разгрома Джунгарии русское царское правительство отправило на Волгу.

Но и сказанным выше не исчерпывается значение цитированных нами документов XVIII века. В них содержится ещё важное указание на то, что не все киргизы покинули енисейские степи в 1703 г. под принуждением джунгарских зайсанов. Часть их осталась жить в своих древних кочевьях. Отсюда в приведённых показаниях и ссылка, что „в Сагайской волости кочуют их два дяди родные“. Осталась кочевать в Красноярском уезде, видимо, часть киргизских семейств, принадлежавших к различным племенным и родовым группировкам, потомки которых сохранили в памяти название (вплоть до XX в.) Кыргыз. И эта часть показаний енисейских киргиз-калмык вполне подтверждается документальными данными начала XVIII в. Уже после того, как было получено известие об уводе енисейских киргиз в Джунгарию в 1703 г., русские военные отряды ещё кое-где встречали киргизов. Это относится прежде всего к походу Михаила Лаврова, который имел столкновение с енисейскими киргизами на речке Базыре (правый приток Урюпа), где нанёс им поражение и взял пленных. Кроме того, в марте 1709 г. томские служилые люди совершили поход на киргизов под начальством Осипа Качанова и Савы Цыцурина². Это были, вероятно, те группы енисейских киргизов, которые в момент внезапного увода их соплеменников в

¹ Чтения... 1866 г., кн. 4-я, стр. 101, 104.

² Памятники Сибирской Истории XVIII века, кн. 1, стр. 238—239.

находились вдали от Белого Июса и таким образом избежали насилия. К сказанному можно ещё добавить ссылку на хакасский фольклор. В предании, опубликованном Радловым, содержится воспоминание также о том, что не все киргизы были угнаны к контайше. В нем указывается: „Когда киргизов всех угнали, на этой земле остались, спрятавшись, от киргизов два брата, еще один человек от (рода) Иргит, от Сагая—три брата, а от (рода) Чода только один человек остался“¹. Народная память сохранила из множества родоплеменных названий несколько определённых наименований, к которым принадлежали оставшиеся в степях Минусинской котловины киргизы и их киштымы.

II. ЧУЛЫМСКИЕ ЯСАЧНЫЕ ВОЛОСТИ И ИХ НАСЕЛЕНИЕ

После увода енисейских киргизов в Джунгарию в 1703 г. обширные пространства Минусинской котловины, особенно степи, тянущиеся от верховьев Чулыма до Абакана, оказались свободными. Создались благоприятные условия для мирного освоения этой территории как для русского, так и для ясачного населения, в том числе и для бывших киргизских киштымов, которым удалось избежать судьбы, предназначенной им сговором киргизских и джунгарских феодалов. Насильственная акция джунгарских феодалов коснулась только основной части енисейских киргизов. Описанные же в предшествующей главе различные мелкие и разноязычные родоплеменные группы, зависимые раньше от киргизов, остались, но в расселении их теперь происходят существенные изменения. Прежде чем рассмотреть этот вопрос, напомним, что маленькие группы енисейских киргизов также остались кое-где в Минусинской котловине, о чём, как указывалось выше, имеются ясные свидетельства русских исторических документов. В XVIII в. оставшиеся енисейские киргизы уже не составляли особой этнической группы. Они смешались и растворились преимущественно в среде качинцев и сагайцев, о чём говорит наличие у качинцев таких родов или сеоков как Кыргыз, Пурут, Изыр.

Мы рассмотрим кратко вопросы расселения и административного деления предков хакасов в XVIII и начале XIX вв., в период, предшествовавший административной реформе 1822 года, когда произошли новое разделение Сибирских губерний и реформа управления ясачным населением. Начнём наш обзор с „Чулымских татар“. У них в XVIII и начале XIX в. сохранялось прежнее деление на ясачные волости, причём волости оставались под теми же наименованиями, что и в XVII в.

---

¹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племён, ч. II, СПб., 1868.

В опубликованных ясачных книгах Томского уезда за период с 1706 по 1718 г. значатся все эти волости, названия которых и расселение мы показали выше на основании исторических документов XVII в. Среди них мы находим волости: Кызыльскую, Багагарскую, Ачинскую, Мелесскую, Аргунскую, Курчикову (Кийскую), Шуйскую, Камларскую, Керексунскую, Кимскую, Байгулову Кемческую, несколько Байгульских, Корчагину, Кызыльдееву. Все эти волости по-прежнему находились в бассейне Чулыма, включая Белый и Черный Июсы, но население этих волостей стало жить более раздробленно и смешанно. Это особенно хорошо видно из дневника Д. Мессершмидта, проехавшего через этот район в 1721—22 гг. Этот путешественник сообщает, что от устья р. Томи и выше живут татары, а остяков уже не было, и называет пять волостей (Султанак, Сургула, Тодгулина, Большая и Малая Пробские), в которых, как он пишет, живут те же татары, что поселились и на р. Чулыме¹. Оказавшись на Чулыме, Д. Мессершмидт продолжает заносить в дневник различные сведения, в которых отмечает и расселение волостей по пути своего маршрута. Он записал слов старшины Кийской (Курчиковой) волости, что соседи называют чулымцев различными именами, причём „те из них, которые делятся на орды, называют их урянхаты или урянхай, что означает люди живущие в лесу. Они издавна жили там неподеленные на роды“, но старшина не мог сказать „как они в те времена сами себя называли, а с тех пор как они из-за сбора повинностей поделались на роды и волости называются теперь по этим волостям“. Близ устья Кии Мессершмидт встретил старшину Кызыльдеевской волости. Представителей Аргунской волости путешественник нашёл по Чулыму недалеко от устья р. Кии и далее по р. Тай вместе с жителями Ячинской волости, затем аргунов он обнаружил и в районе Божьего озера, в селении Урюпе. Селение Урюп, находящееся по р. Урюпу, протекающей в районе бывших главных киргизских кочевьев, во время путешествия Мессершмидта состояло из жителей, относящихся к различным волостям. Здесь были представители Курчиковой, Аргунской и Камларской волостей, сородичей которых путешественник встречал в среднем и нижнем течении р. Чулыма, а также в бассейне р. Томи, например, жителей Камларской волости. По Миллеру, в Томском уезде (1734 г.) были следующие 20 Чулымских ясачных волостей²: 1) Кумыкская, в Сосновском округе, жители которой в количестве 21 человека, платящих ясак, обитали смешанно с русскими; 2) Ячинская (39 ясачных), выше по р. Яе, в 40 или более верстах от находящегося на той же реке села Спасского; 3) Корюкова

¹ Мессершмидт. Дневник путешествия (рукопись), стр. 103.

² Рукопись Г. Миллера на немецком языке „Описание Томского уезда“, 1734. ЦГАДА. Портфели Миллера № 526, ч. II, д. № 6.

(46 ясачных) на р. Кие, в 30 верстах от ее впадения в Чулым; 3) Корчукова (43 ясачных) по р. Кие, в 60 верстах выше предыдущей волости и дальше вверх, также кое-где по р. Береш, впадающей в Урюп; 5) Шустская (20 ясачных), выше по рр. Урюп и Береш; 6) Камлярская-Обская (19 ясачных), потому что ясачные татары этой волости раньше жили на Оби, а теперь на р. Береш; 7) Кизыльская (40 ясачных) по р. Июсу на 30 верст выше впадения Сереша, вытекающего из Белого озера (Ак-коль); 8) Ачинская (41 ясачных) по р. Июсу, ниже устья Сереша; 9) Басагарская (42 ясачных) по р. Июсу, ниже предыдущей волости; 10) Камлярская-Ачинская (12 ясачных) отличны от Камлярской-Обской; 11) Игинская (80 ясачных) по Чулыму, выше и ниже Ачинского острога, до того места, где сливаются Июс и Урюп; прежде она составляла одно целое с Мелесской волостью и отделилась от неё только в 1728 г.; 12) Кемчукская (10 ясачных) по ручью Кемчук, впадающему в Чулым; 13) Керексунская (5 ясачных) по ручью Кемчук, немного выше предыдущей волости; 14) Мелесская (154 ясачных), выше и ниже Мелесского острога на р. Чулым; 15) Тутальская (104 ясачных), ниже предыдущей волости по р. Чулыму; 16) Кызылдеева (97 ясачных) по р. Чулыму, ниже предыдущей волости в районе впадения р. Кин и немного вверх по Кие; 17) Аргунская (62 ясачных) по р. Чулыму вверх, недалеко от впадения р. Яи и по ручью Тусюл, впадающему в р. Чердь (приток Кии); 18) Каргатчина (116 ясачных) по р. Чулыму, преимущественно ниже впадения р. Яи, а отчасти между Кызылдеевской и Тутальской волостями, последние называются Пышкинскими татарами; 19) Большая Байгульская (83 ясачных) находится по р. Чулыму вперемешку с ясачными Каргатчиной волости; 20) Малая Байгульская (16 ясачных) по р. Чулыму, ниже Большой Байгульской, между ручьями Чичкеюл и Улуюл, впадающими в Чулым. Обе последние волости называются Татарскими Байгульскими, чтобы отличить их от одноимённых двух остяцких волостей.

В 1739 г. в бассейне верхнего Чулыма побывал участник Большой академической экспедиции Гмелин, который заехал сюда со стороны Красноярска и „по ту сторону Белого Июса“ встречал чулымских татар, приписанных к Томской области. „У них, — по его словам, — не было овцеводства, в противоположность качинцам, переселившимся в район Белого Июса из-под Красноярска и разводившим овец в большом количестве“¹.

В 1741 г. по Чулыму, от низовьев до верхнего течения, проехал другой участник Большой академической экспедиции

---

¹ Gmelin. Reise durch Sibirien, II, стр. 277.

Примечание: дальше всюду в ссылках на немецкий текст указывается „стр.“ вместо „pp“.

И. Фишер¹. В это время граница между территорией, входящей в ведомство г. Томска и г. Красноярска, находилась по р. Июсу. Необходимо пояснить, что тогда наименование Чулым река носила только от устья и вверх по течению от впадения в нее слева реки Сережа, вытекающей из Белого озера. От этого места вверх по течению река называлась Июс до слияния Белого и Черного Июса, образующих Чулым. На правом берегу Июса во время путешествия Фишера находился первый почтовый станок, относящийся к ведомству Красноярска. Путешественник называет его Уюским. В маршрутных заметках Фишера упоминаются сначала татары, обитающие по р. Кие. „Татары в этой местности, — пишет Фишер, — сеют хлеб — ячмень, ярицу, овес и рожь, но последняя удаётся не каждый год. Промысел у них плохой и кроме горноста и белки нет почти ничего, да и этих они ловят вблизи. При этом белок они стреляют, а горноста ловят черканами и плашками. Они держат лошадей и коров, живут в зимних и летних юртах, а некоторые, наподобие русских, в черных избах. Окна у них из свиного или бычьего пузыря, иногда закрыты мехом молодого теленка; многие вставляют снаружи чистый прозрачный кусок льда, который предохраняет их от холода и пропускает свет. Живущие на дороге подводчики им за каждую подволу платят летом 1 копейку, а зимой 1 деньги²“.. „Они платят ясак по 3 соболя каждый, но так как у них нет соболиного промысла, то у них берут шкурки бобров, лосей, белок и горностаев, именно: 25 белок, или 5 горностаев или 1 хорошая лосиная шкура приравнивается к одному соболю. За то один очень хороший бобер берется за 3 соболя“³. Чулымские татары района р. Кие, по свидетельству Фишера, были православными. „Они все насильственно окрещены Филофеем в годы 1716—1717. Церемония происходила зимой. В реке вырубалась большая прорубь, кандидат стоял по брюхо в воде, а поп брал их за голову и трижды окунал в воду. После этого им навешивался крест, за который они, однако, платили, смотря по металлу. Теперь среди них установлены погосты, но они недовольны христианством вообще, а своими попами в особенности“⁴. Подымаясь выше по течению Чулыма,

¹ Его путевые записки хранятся в рукописи (на немецком языке) в архиве АН СССР в Ленинграде, ф. № 21, опись 5, № 52 под заглавием *Geographica et historica descriptio itineris et regionum Tomas inter et Ircutum oppida interiacentium*. Указанием на эту рукопись я обязан А. И. Андрееву.

² Фишер, стр. 5.

³ Там же, стр. 3.

⁴ Там же, стр. 5. В другом месте своих записок Фишер сообщает, что кийские татары „до настоящего времени этим очень недовольны и говорят между прочим, что еще прежде они что-то понимали в своей старой вере, а теперь не знают ничего. Они так озлоблены, что после крещения хотели перерезать себе горло, но это сделали лишь немногие, потому что страх смерти был все же сильнее их недовольства“. (стр. 5).

Фишер проехал близ бывшего Каштацкого острога на реке Каштак, впадающей в р. Тусюл (русск. Тисулька). Острог и рудники уже были заброшены. Он замечает, описывая бассейн р. Серть, что киргизы „жили повсюду в этой местности“, но потом, когда „этот край подпал под русское владычество, хан-тайши увел народ“. На реке Серес (иначе Шереш) Фишер видел на ее правой стороне несколько юрт татар Ачинской волости. Близ Мелецкого острога путешественник встретил мелецких татар, которые разводили коров и лошадей и ходили на промысел. На р. Урюпе Фишер обратил внимание на примитивность жилища чулымских татар, в которых они жили даже зимой. Он так описывает юрту: „это связанные по кругу жерди, окруженные бортом, совсем вроде корзины для ловли рыбы. Посредине горит огонь, вокруг которого укладываются старый и малый“¹. Вместе с этим путешественник отмечает, что „у всех татар имеются печи (чуал), рядом с ними маленькая низкая печурка „кемега“, в которые вмазаны железные или медные котлы. Глину они скрепляют не известью, а конским навозом“². Наконец, несколько выше станка Уюского, Фишер встретил „другое племя татар, которые называются кисильские из-за рыжих волос, которые будто бы были у их предков; ибо это среди татар большая редкость. В настоящее время,—продолжает Фишер,—их немного более 50 человек. Они крещены и принадлежат к ведомству г. Томска“³

В ответах на вопросы о жизни, быте и расселении народов, посланных на запрос-анкету В. Н. Татищева и относящихся к концу 30-х годов XVIII в., о Чулымских татарах говорится следующее: „Татары объявляют некоторые 13 колен, а другие о родах не знают... Писем не имеют, токмо объявляют по отгнании русскими людьми кыргыссов пришли на р. Июс, Чулым тож, а, что по р. Июсу и по включении в нее до реки Кии слышно де было от старых людей, что оставлены мазки (камни могильные — Л. П.) мунгальцами и они тут обитали“⁴. Стало быть, и в этом источнике факт некоторой передвижки населения после ухода киргизов также констатируется. По воспоминаниям о проживании в этих местах монгольских племен можно заметить, что это вполне согласуется с показанием русских исторических документов начала XVII в., о которых говорилось выше. Однако не менее интересным является и другое сообщение неопубликованного источника, в котором говорится о проживании в бассейне Чулыма группы „белых калмык“ или телеутов, ибо, как поясняется в одном из ответов, „белых калмык именуют телеутами по их роду“. Волость „белых калмык“ обитала „по речке Тус-юлу, впадающей в

¹ Фишер, стр. 7.

² Там же.

³ Там же, стр. 10.

⁴ ААН, ф. 21, оп. 5, № 150, лл. 1—52.

речку Сердь¹. Это, конечно, речка, именуемая по-русски Тисуль или Тисулька, вблизи которой был поставлен в конце XVII в. Каштацкий острог. Телеуты сохранялись в среде чулымских татар, в частности кизыльцев, вплоть до XX в. под названием рода „Калмах“. Это название отразило хорошо известный исторический факт пребывания телеутов в XVI и начале XVII в. под владычеством калмыков-ойратов, т. е. западных монгол, которых именовали в XVII в. „черными калмыками“.

Более полные сведения о Чулымских татарах опубликованы у Георги и относятся к концу XVII в. Георги сообщает количество волостей и ясачных плательщиков, обитающих по Чулыму, по Белому и Черному Июсам. По его данным здесь числилось 14 волостей, которые вносили ясак за 2549 луков². Кроме того, Георги полагал, что почти такое же количество ясачных плательщиков наберётся по волостям, расположенным „по побочным речкам“ вроде Ачинской, Китыльской и др. В отношении этих цифр, пожалуй, можно усомниться в том смысле, что они грешат преувеличением. Если обратиться к Томским ясачным книгам первой четверти XVIII в. (1706—1718 гг.), то окажется, что всего волостей ясачных Томского уезда числилось 34, из которых 24 волости обозначены „чулымскими“. Во всех этих волостях насчитывается, примерно, 260 ясачных плательщиков, а непосредственно в Чулымских волостях около 200 человек. Если даже принять во внимание, что во 2-й половине XVIII в. учёт ясачного населения Чулымских волостей был поставлен лучше, и население (примерно за два поколения), несомненно, увеличилось, так как изменились к лучшему условия жизни, то цифру, названную Георги, всё же следует признать слишком высокой. Согласно Георги, среди чулымцев „ведутся еще дворянские и княжеские семейства или поколения, из коих волости избирают себе начальников, но которые при всем том в рассуждении жилищ, одеяния и проч. столь же бедны, как и самые последние в сем народе люди“. Различные группы чулымцев с того времени, как они завладели местами по Чулыму, постепенно перешли на оседлость, но имели „зимние деревни и подвижные летние юрты. Чем ближе деревни их к российским селениям,—пишет Георги,—тем больше уподобляются они в рассуждении жилищ и жития россианам. Большая половина мужчин разумеют также и по-русски“. Зимнее жилище строили из тонкого леса с покатыми стенами, которые для тепла снаружи заваливали землёй, с отверстием в потолке и с сенями. Георги находит их подобными зимнему жилищу барабинских татар. Точно также он сравнивает с барабинскими и летние шалаши чулымцев: конические из жердей, покрытые берестой. Большая

¹ Там же, ответ на вопрос № 107.

² Георги. Описание народов, ч. II, стр. 144.

часть чулымцев занималась в XVIII в. земледелием, сеяла рожь, пшеницу, ячмень, овёс и коноплю. Скотоводство у них было небольшое, держали немного лошадей, коров и завели „русских овец“. В бóльшей степени занимались охотничьим промыслом и рыболовством. Ясак платили пушниной или лосиными кожами из расчёта 3 соболя с ясачного плательщика, словом, так, как об этом сказано выше в записях Фишера. Мужчины уже одевались по-русски, а женщины ещё частично сохраняли особенности своего костюма. Они, например, носили штаны и сапоги из рыбьей (налимьей) кожи и подол платья отделявали опушкой. Девушки заплетали волосы в множество косичек. Как женщины, так и девушки носили „татарские фаты“.

В питании, больше чем хлеб, имели значение рыба и различные дикорастущие, в том числе сарана, корни пиона, стебли борщевника и др. В способах приготовления и употребления в пищу рыбы сказывалась традиция самодийско-остяцких народностей Обского и Енисейского севера. Из напитков делали квас, брагу, пиво и вино. В пренебрежении к мясу свиньи отражались, видимо, привычки, принесённые в среду чулымского населения группами сибирских татар с запада, где распространялся ислам. В свадебном обряде чулымцев Георги отметил обычай уплачивать за невесту калым и устройство свадебного жилища рядом с юртой тестя. В первую свадебную ночь жених и невеста ложатся в это новое жилище, между которым и юртой тестя раскладывается огонь. Отметив, что чулымцы в большей части крещёны около 1720 г. тобольским архиепископом Филофеем, Георги говорит об общности „идолослужения“ у чулымцев с бурятами и якутами. Надо напомнить, что этот учёный решительно высказывался за тесное родство чулымцев с якутами, принимая их „за отцепившееся от якутов колено“. В этой связи уместно напомнить сообщение Мессершмидта, что чулымцев называли „урянхай“, это название сохранилось и у якутов.

В изложенном описании культуры и быта чулымцев следует обратить внимание на дальнейшее развитие культурно-экономических связей чулымцев с русским народом и влияние на чулымцев крестьянской народной культуры, что заметил в 1741 г. ещё Фишер. Представляет интерес также сообщение Георги о том, что в начале XVIII в. у чулымцев „поселились было между ними россиане: но как они стали приносить на то жалобы, то в 1730 г. все российские деревни оттуда переведены. Однако, они почувствовали от сего столь великой в благосостоянии своем ущерб, что просили паки о заведении между ими российских деревень, которые, как только дано российским поселянам на то дозволения, вскоре и начали строиться“.¹

¹ И. Георги. Описание народов, ч. II, глава „Чулымские татары“, стр. 144—148.

III. ЯСАЧНЫЕ ЗЕМЛИЦЫ КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДА XVIII В. И ИХ ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ

По сообщению Г. Миллера, относящемуся к 1735 г., „языческие народы Красноярского уезда разделены в канцелярских списках, согласно которым с них взимается ежегодный ясак, на шесть главных подразделений, которые в канцелярских делах называются землицами“. Миллер перечисляет эти шесть землиц в следующем порядке: Качинская, Яринская, Камашинская, Койбальская, Канская и Удинская. Из них три первых были подчинены непосредственно Красноярской городской канцелярии, остальные острогам: Абаканскому—Койбальская, Канскому—Канская землицы и Удинскому—Удинская землица. Все эти ясачные землицы, как говорилось выше, входили под тем же названием в Красноярский уезд и в XVII в.¹ Нам предстоит рассмотреть административный, этнический состав и расселение этих землиц в отдельности за период XVIII и начала XIX вв. и дать краткую характеристику культуры и быта ясачного населения.

1. КАЧИНСКАЯ ЗЕМЛИЦА

Для населения Качинской землицы было характерно, более чем для какой-либо другой, новое расселение по сравнению с XVII в. Переселение качинцев из-под Красноярска, начавшееся ещё в XVII в., продолжалось и в последующем столетии. Качинцы вместе с аринами и ястынцами продвинулись на освободившиеся после ухода киргизов степные места в 1720 г. В одном из документов говорится, что в этом году „в разных месяцах и числах“ уехали „Из Красноярска без отпуску Коченские и Аренские и Ястынские служилые и ясашные татары со своих урочищ с женами и с детьми и со скотом вверх Енисея реки и живут в разных местах, где прежде сего жили киргизы“². Это сообщение подтверждается показаниями путешественников XVIII в. Д. Мессершмидт в 1721 г. по своему маршруту впервые увидел юрты качинцев Красноярского ведомства в бассейне Белого Юуса на его притоке р. Шатиле. Затем он нашёл стойбище качинцев в районе речушки Рынка, против которой уже на берегу Енисея, как и выше по Енисею,

¹ Г. Спасский для периода конца XVIII и начала XIX вв. даёт такое пояснение: „Несколько юрт составляют улус... из улусов состоит волость, а некоторое количество волостей составляют землицу или аймак, подведомственный башлыку, избираемому обществом из своих единоплеменников, которого власть равняется с волостным головою“. Сибирский Вестник, 1818 г., часть вторая. „Народы кочующие в верху реки Енисея“, стр. 55.

² Памятники Сибирской Истории XVIII в., кн. II, стр. 282.

жили качинцы¹. Видимо, это была часть тех качинцев, о которых говорится в приведённом выше документе, как уехавших из-под Красноярска в 1720 г. Гмелин в 1739 г. встретил юрты качинцев не только на Белом Июсе, но и южнее, по левой стороне Енисея, вплоть до р. Уйбата—притока Абакана.² Спустя два года после Гмелина сделал записи Фишер; в этих записях говорится: „Как на Белом, так и на Черном Июсе живут татары, которых зовут Качинские от реки Кача, она впадает ниже Красноярска в Енисей. В древние времена здесь жили киргизы, но после того, как их прогнали русские, они (качинцы—Л. П.) заняли свободное место и сохранили свое старое название. Они относятся к Красноярской области и исповедуют древнюю сибирскую веру...“³. В другом месте своих заметок Фишер отмечает: „Качинские татары когда-то жили на р. Каче, теперь они живут в верхнем течении Июса, а некоторые и на Енисее. Все они язычники“⁴. Паллас в 1771 г. также пишет о качинском улусе на р. Белом Июсе, у озера Биле, но кроме того и по рекам Коксе и Уйбату. Паллас указывает, что р. Уйбат является границей между качинцами Красноярского ведомства, кочующими по левобережью этой реки, и сагайцами, приписанными к г. Кузнецку, занимающими места от правобережья Уйбата на юг⁵. Несколько лет спустя после Палласа о качинцах сделал заметки Е. Пестерев, который зафиксировал новые районы их расселения, именно распространение их вверх по р. Камыште и в степях по левобережью Абакана, где в XVII в. кочевали также киргизы, а в XVIII в. жили сагайцы и бельтиры⁶. Такова, в общих чертах, картина расселения качинцев в Минусинской котловине в течение XVIII в.

О составе улусов Качинской земли можно судить прежде всего по следующим записям Миллера, произведённым в Красноярске в 1735 г.

Русское название улусов:	Татарское название:	Количество ясачных
1. Силошин	Хашкалар аймак	122
2. Кубанов	Сохулар аймак	39
3. Татаров	Бюрт аймак	50
4. Мунгатков	Изир аймак	21
5. Тубинской	Тубалар аймак	18
6. Татушев	Сохулар аймак	3
7. Тютюгин	Аралар	3

¹ Мессершмидт. Журнал путешествия (рукопись), стр. 140—141.

² Reise durch Sibirien, III, стр. 276—279.

³ Фишер, указ. соч., стр. 9.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ Паллас, Путешествие, ч. III, стр. 479.

⁶ Е. Пестерев, указ. соч.

8. Аринская Весловская волость	Аралар	2
9. Абалтаев	Аралар	10
10. Яринско-Ястинская волость	Джариннар-Джастынтар	26

Судя по составу улусов, Качинская земля стала ещё более смешанной, чем в XVII в. Теперь она включила в себя ряд улусов Аринской земли, а именно: Татушев, Тютюгин, Абалтаев (Абатаев?), Весловскую волость и Ярино-Ястынскую волость. Ядром земли были те же наиболее многочисленные пять улусов, из которых она состояла в XVII в. Изменились частично только их названия. Базарыков улус, первоначально получивший свое название, видимо, от имени князя, возглавлявшего его, стал называться теперь Силочиным или Силошиным улусом и объединял в себе, как видно из „татарского“ названия, родоплеменные группы, именовавшиеся „Кашка“. Тайларов улус, получивший это название по имени князя, превратился в Кубанов улус (по-качински же „соки или сохи“). Улус Кужероков стал называться Татаровым, но в среде местного населения его называли „пюрют“ или „бюрт“. Население этого улуса, как и улус Мунгаткова (по местному „Изыр“), следует считать в составе качинцев потомками енисейских киргиз, участвовавших в формировании качинцев ещё в XVII в. Необходимо обратить внимание на примечания Миллера, сделанные им в отношении некоторых улусов. К улусу Тубинскому он добавляет: „Тубалар, делятся на различные аймаки“. К улусам Тютюгину, Аринско-Весловской волости и Абалтаеву он делает общее примечание: „аралар, делятся на различные аймаки“. К Ярино-Ястинской волости в примечании также даётся местное название (во множественном числе) „джариннар и джастынтар“ и добавлено „особые аймаки“. Затем Миллер отмечает, что население Кубанова и Татушева улусов одинаково именуется по-татарски (т. е. по-тюркски) „сохулар аймак“. Из этого можно заключить, что население этих улусов было родственным и принадлежало к тюркоязычному племени или роду, называвшим себя „соку“, точнее, „соки“. Этот сеок до сего времени известен у качинцев. Тубинский улус, согласно примечанию Миллера, состоял из различных аймаков, вернее, остатков различных родов или племён, объединённых общим названием „тубалар“, как это было и с северными алтайцами—тубаларами, состоявшими (по крайней мере в XIX в) из различных родов.

Миллер указывает, что перечисленные в его списке „10 улусов живут очень смешанно между собой и так часто меняют свое местопребывание, что им собственно нельзя приписать постоянного местожительства в определённых местностях. Можно однако сказать вообще, что большинство их живёт на западной (т. е. на левой—Л. П.) стороне р. Енисея, начиная

от ручья Ерба, впадающего в Енисей с запада в 25 верстах ниже Абаканска, и до местности Есауловой, где большую часть занимает р. Кача. Многие из них живут также в верховьях рек Июса, начиная от слияния Белого и Черного Июсов и до того места, где река достигает Томской области. Некоторые живут также на восточном берегу Енисея на речках Березовке и Есауловой и на речке Барге, впадающей с юга в реку Кан". Смешанный этнический состав Качинской земли не ускользнул от внимания Г. Миллера, и он отмечает: „К Качинской земле, кроме качинских татар, от которых она и получила название, относятся также ястынские татары и особый народ, носящий имя аринцев". „В отношении аринцев,—продолжает Миллер,—замечательно то, что, составляя особый народ со своим собственным первоначальным языком, они в настоящее время вымерли в такой мере, что у них осталось всего десять человек, платящих подати. Эти десять человек живут в четырёх улусах: Татушевом, Тютюгином, Аринско-Весловской волости и Абалтаевом. Четверо из них живут в настоящее время на р. Июсе, двое на р. Каче, трое на речке Барге, один на ручье, впадающем в Бузиму. Старый язык аринцев хранят лишь два старика, которые могут им владеть, и со смертью которых он вероятно вымрет, ибо все у них говорят по-татарски, поскольку живут вместе с татарами и за много лет постоянно с ними смешиваются посредством браков"¹.

Рассуждения Миллера о вымирании аринцев требуют пояснения. Речь идёт, конечно, не о физическом вымирании, а об ассимиляции аринцев в среде качинцев и полной утрате аринского языка. Относительно термина ара или арины у Миллера говорится: „Красноярские татары по р. Каче, которых русские называли качинцами, сначала называли аринцев—ара, после чего последние и сами приняли это имя. О том же, как называли себя до этого, они теперь не могут вспомнить".

По Палласу, Качинская земля состояла будто бы только из 6 волостей или аймаков. Каждая из них возглавлялась князем, утверждённым Красноярской воеводской канцелярией. Паллас называет следующие волости: Шулошь (т. е. Силошин улус), Татар, Кубан, Мунгат, Ястын, в которых числилось 1185 ясачных.²

¹ Миллер. Описание Красноярского уезда. В книге „История Сибири" Миллер пишет: „В Красноярске я встретил одного старого человека, который происходил из аринцев. Он жил при речке Бузуме, впадающей в Енисей. Он говорил на языке аринцев..." „По его словам,—продолжает Миллер,—аринцы с незапамятных времён жили по Енисею и занимали его западную часть от устья р. Качи, где стоит город Красноярск, до порога, который отделяет Красноярский уезд от Енисейского" (т. II, стр. 186). Миллер причислял аринцев, коттовцев, пумпокольских и инбацких остяков к ассамам. (т. II, стр. 47).

² Pallas, указ. соч., т. III, стр. 404.

Список улусов Качинской земли у Палласа, конечно, неполный. Это видно как из сравнения его со списком Миллера, так и со списком, полученным в 1794 г. в результате 5-й ревизии. По сравнению с Миллером, Паллас не упоминает мелкие по численности ясачного населения аринские улусы: Тютюгин, Абалтаев, Весловскую волость. Нет у него и Татушева улуса, в то время как 20 лет спустя после путешествия Палласа, этот улус, как и Абалтаев, числится в списке улусов Качинской земли. По материалам 5-й ревизии перечисляются следующие 8 улусов Качинской земли: Шилошин (178 ч.), Кубанов (318 г.), Татаров (446 ч.), Мунгатов (176 ч.), Тубинский (539 ч.), Татушев (110 ч.), Яринский (113 ч.), Абалтаев (123 ч)¹. Таким образом, к этому времени перестали числиться самостоятельными улусами: Тютюгин и Аринская Весловская волость. Вместо Яринско-Ястинской волости появился Яринский улус, который существовал в Качинской земле одновременно с особой Яринской землей. Это видно из того, что Яринская земля (со своими улусами, например, Кандыковым или Кайдинским) упоминается в официальных документах в конце 90-х годов XVIII в., т. е. уже после 5-й ревизии².

Из изложенного видно, что состав улусов Качинской земли в XVIII и начале XIX вв. был довольно устойчивым. Относительно этнического состава Качинской земли можно сказать, что он характеризовался на протяжении всего XVIII в. разнородными этническими элементами, в которых основную роль играли тюркоязычные группы. Но и тюркоязычные группы, составлявшие основную массу населения Качинской земли, не были по своему происхождению однородными. В их число входили частично потомки тех групп „сибирских татар“, которые после падения Сибирского ханства в конце XVI в. пришли в район Красноярска с р. Тобола, о чем говорилось при рассмотрении этнического состава Качинской земли XVII в. Затем среди них были и потомки тюркоязычных енисейских киргизов, в частности, езерцы (Мунгатов улус), с которыми смешивались качинцы в XVII в. Оставшаяся от увода в Джунгарию часть енисейских киргизов несомненно слилась с качинцами; свидетельством этого является наличие у качинцев сеока Кыргыз. Этнический состав качинцев в XVIII в. усложнился за счёт различных кетоязычных групп (аринцы, ястинцы, яринцы, тинцы, кайдинцы) и самодийскоязычного населения, входившего в XVII в. в особую Тубинскую землю, а в XVIII в. составлявшего Тубинский улус в Качинской земле. В конце XVIII в. этот Тубинский улус в составе Качинской

¹ Сиб. Вестник Гр. Спасского, 1819 г., ч. V., стр. 57 и 64.

² Кузнецов-Красноярский. Архив Аскыской Степной думы. Томск, 1892, стр. 9,12.

землицы был малолюдным и, по свидетельству Георги, „ни языком, ни житьем, ниже иным чем от качинцев не отменен“¹.

Таким образом, в Качинской земле в XVIII в. жило население, смешанное по своему этническому происхождению. Преобладающим у него был тюркский язык, получивший название качинского, так как всё население, входившее в состав этой земли, стало называться качинцами. Кетоязычные в прошлом аринцы, ястынцы, яринцы, тинцы, кайдинцы настолько слились с тюркоязычными качинцами, что постепенно перестали отличаться от них как по языку, так и по культуре и быту. Только в родоплеменных наименованиях качинцев ещё сохранялись прежние названия улусов или земель этих кетоязычных в XVIII в. групп (например, Джастых, Ара, Тиин и т. д.). Слились с качинцами и самодийскоязычные по своему происхождению группы тубинцев. Качинский тюркский язык победил не только различные кетоязычные диалекты, но и самодийскоязычные.

О культуре и быте населения Качинской земли имеется возможность судить прежде всего по материалам, относящимся к концу 30-х годов XVIII века. В описании, составленном в Красноярске в 1737 г. служилыми людьми, сообщаются ценные и интересные сведения об аринах и качинцах. В отношении первых имеется „Сказка Красноярского сына боярского Ивана Нашивошникова с товарищи“,² в которой говорится об аринах, живущих по р. Бузиму, перекочевавших сюда (как видно из цитированного выше документа) в 1665 г. из-под Красноярска. Эта небольшая часть аринов ещё не успела слиться полностью с качинцами и считалась жителями „Аринской земли“, хотя в административном составе ясачного населения Красноярского уезда XVIII в. Аринской земли уже не было и аринцы входили в Качинскую землю. В сказке И. Нашивошникова сказано: „Оной Аринской земли имеетя ныне природных 20 человек, ростом средние, волосом черные. Платье носят зимой козлиные и овчьи тулупы полевых коз зборами, и сверх оных тулупов носят однорядки из сермяжного сукна, а летом носят такое же платье. А на ногах носят пимы козлиные ж и штаны из оных же козлин а летом голые. Зимой носят рукавицы из оных же козлин с

¹ Георги. Указ. соч, т. III, стр. 131.

² Красноярский служилый человек, сын боярский, Иван Нашивошников был, видимо, весьма любознательным и знающим краеведом. Свои обширные познания о природе и населении Минусинской котловины, а также верхнего Енисея, он получил во время поездок в эти районы с различными поручениями из Красноярска. Это он, например, нашёл Тангутские рукописи в пещере на речке Чаакуле и передал их затем Мессершмидту. Его знали и использовали в помощь себе учёные-путешественники первой половины XVIII в. Д. Мессершмидт у него жил в Красноярске. Пользовался его услугами и Миллер и т. д.

шерстью и на руках. А на головах носят малахай овчинные, а женский полк носит такое же. На теле рубахи: мужск полк мужские, а женск полк женские, холщевые и китайчаные. А более оного платья у себя не имеют. А живут оные татары в берестяных круглых юртах, зимою и летом в одних. И кладут в середине огонь. И спят оные татары на войлоках, которые войлоки обшивают по одному краю разных цветов сукнами для красы. Изголовье имеют из оных же войлоков и раздвечивают знатными же сукнами с одной же стороны, и одеваются козлиными тулупами и одеялами козлиными же. И спят они подобно, как и русские. И пропитание имеют себе: сеют хлеб ядрицу и ячмень. И имеют у себя скот: кони и коровы и овцы—тем и питаются, и едят кониное и коровье, и овечье и козлиное мясо битое и пропастиное. Так же копают коренья сарану белую и желтую, и сушат, сушеную варят с водою и едят же. Тако ж и звериное мясо едят медвежье, и сохатиное, протчих зверей, кроме волчье и лисье мясо. И платят оные татары ясак в казну ее императорского величества собольми, и лисицами, и волками, и сохатинными, и деньгами за соболи, по рублю за соболя по 5 и по 3 и по 2 и по одному соболю с человека на год. И живут оные татары по речке Бузиму и кочуют с места на место по оному Бузиму. А веру имеют: они почитают на небе бога и кланяются небу и солнцу и месяцу. И кто у них заболит, и многие ставят свечи спасителю образу и Николаю Чудотворцу. А другие призывают из разных землиц шаманщиков и над больным шаманят: бьют в бубен и призывают дьявола, чтоб оный больной тем исцелился. И как у них рождаются младенцы, и дают имена мнением своим, как вздумают. И как оных младенцев родят матери имеют болезнь, как русские. И берут за себя жен по одной и по две от 15 лет и старше и от родства берут оных жен от отцовской стороны от третьего колена, а от матери двоюродных сестер и прочих. И калыму дают за одних жен по пожиткам их скотом: за девок от 10 до 20 скотин, а за бабу по 7 скотин, и отдают за калым корову стельную за две, а кобылу бережую за две ж головы. И на тех свадьбах бывають у них пиры: из кобыльего и коровьего молока делают вино без хмеля и оное вино пьют, и бьют коней и коров, и баранов, и варят оное мясо и едят, и подчивают гостей: а венчанье по их вере никакого не бывает. И детей своих обучают как мужской, так и женский полк ездить на конях с младенчества, и как придут в возраст, то мужской полк обучают из луков и из пищалей, а женский полк шить и пимы, и штаны и малахай и рукавицы. И как оные татары умирают, и тех мертвых оболочут в то платье, в чем он ходил и копают на высоком месте в ямы и засыпают землей, а на верх земли закладывают каменьям. И над теми мертвыми чинят поминовение: пьют вышеописанное вино и бьют коня и то

мясо над тем мертвым сварят и съедят, а голову и гриву, и хвост повесят над тем мертвым для знака и разъедутся по домам своим¹.

Сведения о качинцах содержатся в описании, составленном „служилым атаманом Мугунчаковым с товарищи“,² в котором говорится: „Оной народ состоит в вере своей: ни поста, ни молитв никаких не знают, а наипаче что навькают шайтаном, и веруют в него и шаманят по их закону. Надевает оный шаманщик особое платье, шитое из кейтайки белой, а по плечам нашивают красное сукно и кисти шелковые, а по подолу обшито красной китайкой: и оный шаманщик скачет кверху на полчетверти и выше и бьют в бубен лопаткой, которая с одной стороны обшита волчьей лапой, и оную лопатку, кто сидит в юрте и бросают к ним на колени, и ту лопатку кому бросят на колени и оной подает ту лопатку оному шаманщику и тот шаманщик кричит весьма необычайно, а что кричит и говорит и оный сам не знает, а выбегает шаманщик из юрты и после того входит в ту юрту и сказывает им, что им наперед узнать и за то шаманство оному шаманщику дают дары по коню или какое платье и называют оных коней язых³. А оной народ ростом средний, лицом смугловат, глаза серые и черные, волосом черные ж. И носят на голове косы родного волоса, а вокруг косы бреют. А платье носят: мужики сарги тучук... тулупы козлиные и бараньи, и заметывают левую полу направо, и опушивают те тулупы бобрами и овчинами черными, а сверх тех тулупов надевают однорядки из цветного сукна и из сермяжного. А на голове носят малахай лисьи, и рысьи, и волчьи, и овчинные с челами шелковыми и бумажными и нитенными, кроме медвежьих. А на руках носят рукавицы овчинные и козлиные, а на ногах пимы, подобны сапогам без каблуков. А женский полк носят зимою тулупы, а летом носят жайлоки по их вере и сверх того носят чигилек (чигидек—Л. П.), подобен басроку⁴. А на головах девки плетут кос по 15 и больше и меньше из родимых волосьев, а бабы по две косы наплетают долгие, а в ушах носят серьги большие, кольца и камни кладут хруш... шуру и потом к той шуре навешивают бисер и жемчуг китайский, а на головах носят малахай такие же против мужских с челами. Да на ногах носят штаны ровдужные и холщевые. А юрты у себя имеют летом берестеные круглые, а зимою у них бывают и войлошные и делают иные избы. Имеют у себя

¹ А. И. Андреев. Труды и материалы В. О. Татищева о Сибири. Советская Этнография за 1936 г., № 6.

² Опубликовано впервые А. И. Андреевым в Советской Этнографии за 1936 г., № 6.

³ Видимо „язых“ или „язык“, т. е. посвященная лошадь.

⁴ Басрак—безрукавая одежда.

богатство: деньги и скот, кони и коровы, и овцы, и тем себе пропитание имеют. И ясак платят в казну ее императорского величества соболями, и лисицами и волками, и рысьями, и росомахами и белкою с сохатинными и деньгами по рублю за соболя, от пяти до одного соболя, смотря по пожиткам. И как у них родятся младенцы, то имя дают такое, что им на память придет. И оные родительницы очищения себе никакого не имеют, кроме того, что просто водой обмоется. И оные же татары имеют веру ж: как станут есть, то перво(й) кусок в огонь бросают... И как у них бывают свадьбы, и на тех свадьбах бьют по коню и по быку, смотря по пожитку. И то мясо варят и едят и пьют вино, которое делают из кобыльего и коровьего молока. И как съедят мясо и выпьют вино, то мужики сядут на коней и возьмут скотинью грудинку и оную грудинку, на конях сидя, едят и бегают, то у них называется вместо потехи и потом уедут по домам. И берут жен из родства: с отцову сторону не берут, а с материнской стороны берут сестру двоюродную и отец умершего сына невестку и меньшей брат большую невестку, и берут жен по три и по две, и по одной, и дают за оных жен калыму, а по русски плату скотом от 3 и до 7 скотин. А иных торгов у себя никаких не имеют. А оной народ, как умирает, то кладут в землю и землю не закапывают, только кладут сверх мертвого деревянный потолок и сверх того потолку закладывают камень-ем; и поминовение чинят над мертвыми против того, как показано в Аринской землице". Напомним, что у аринцев это делалось следующим образом: „И над теми мертвыми чинят поминовение: пьют вышеописанное вино и бьют коня и то мясо над тем мертвым сварят и съедят, а голову и гриву, и хвост повесят над тем мертвым для знака и разъедутся по домам своим“.¹

Ценные и разнообразные этнографические сведения о качинцах содержатся также в ещё не публиковавшихся записях Миллера. Качинских татар вместе с аринцами Миллер называет в своих заметках обычно обобщённо „Красноярскими татарами“, хотя иногда пишет только „качинские татары“. Аринцы к этому времени вообще уже слились с качинцами не только в смысле языка, но и в отношении быта.

В XVIII в. качинцы оставались в основном скотоводами. Но, согласно полевым материалам Г. Миллера: „Качинские татары в Красноярском округе много занимаются земледелием, кроме живущих на р. Июс. Они сеют, кроме обыкновенных хлебов, также кырлык или дикую гречиху, которая будучи однажды посеяна, сама собой растёт много лет подряд, если только не

¹ А. И. Андреев. Труды и материалы В. О. Татищева о Сибири. Советская Этнография, 1936, № 6.

наступают ранние холода, при которых зерно вымерзает; тогда весной его приходится сеять заново. Если же семена не вымерзают, то поле весной слегка перекапывается и не боронится, вот и вся работа. Самый лучший **кырлык** растет вокруг новосельских лесов". Качинцы, выселившиеся на Июс, были по своему занятию кочевниками-скотоводами, перекочевывавшими 3—4 раза в год. Они разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот, но так же, как их сородичи в приенисейских степях, верблюдов не держали, чем отличались от кочевавших здесь в XVII в. енисейских киргизов. В их хозяйственной жизни видную роль играла и охота. Они охотились как на пушных зверей, шкурками которых уплачивали ясак, так и особенно на различных копытных животных. Миллер свидетельствует, что у них почти каждый имел ружьё, хотя лук и стрелы были в широком употреблении. Лук и стрелы качинцы получали от камасинцев и коттов, но предпочитали им всё-таки бурятские и монгольские, которые им раньше удавалось выменивать у сойотов. Миллер отмечает разнообразие видов стрел в зависимости от материала, из которого они изготовлены и от назначения: боевые стрелы (чебе) с узким и длинным острым железным наконечником, затем так называемые „аргиши“, по-качински „ак чаглык“, железный наконечник которых напоминает по форме трезубец—для охоты на уток; „чаглык“—стрела с железным широким наконечником ромбической формы; стрела с железным наконечником долотообразной формы—„киик ок“ (судя по названию, стрела для охоты на козулю); стрела с деревянным утолщённым наконечником—„согун“ для охоты на мелкого и ценного пушного зверька; стрела—„хундус хатчан ок“—с железным наконечником для охоты на бобра, у этой стрелы наконечник похож на наконечник боевой стрелы и отличается от него наличием жальца; стрела „сихда“—снабжена костяным (из кости лося) наконечником длинным и узким для охоты на крупных зверей и птиц. Чтобы закончить описание стрел по Миллеру, назовём ещё один тип стрелы, по-русски „свистунка“, а по-качински „сырлык-ок“. Наконечник этой стрелы железный, широкий и ромбической формы, а под ним надет полый костяной шарик с двумя отверстиями, вследствие чего стрела при полёте издаёт свист. „Лоси, олени и козули останавливаются от этого свиста и внимательно прислушиваются, пока стрела не вонзится им в тело“. Этот тип стрелы был широко употребителен у древних тюрков Саяно-Алтайского нагорья, о чём имеются сведения в китайских летописях и что подтверждено многократно археологическими раскопками в Саяно-Алтайском нагорье могил, относящихся к периоду тюркского каганата. Он сохранился у северных алтайцев до конца XIX в. Стрелы имели хвостовое оперение, придающее верность полёту стрелы. Для этого употребляли предпочтительно перья орла или беркута. Добывание

перьев орла было довольно сложным делом. „Красноярские татары, — пишет Миллер, — найдя орлиное гнездо, берут его под наблюдение, и при этом один не смеет мешать другому. Они привязывают птенцов к гнезду, чтобы их до полного роста выкармливали старые птицы, и им самим не приходилось бы тратить на них корм. Когда птенец достаточно вырастет, его убивают, очищают тут же в гнезде и поедают на месте. Домой они его не могут нести, так как женщины недостойны касаться этого мяса или варить его. Женщины не смеют также есть орлиное мясо. В особенности берегут мелкие ощипанные пёрышки и хранят их в дуплах или коре деревьев, чтобы их не нашли собаки. В этом причина и того, что они не ощипывают их дома, именно, чтобы на них не наступили женщины. Старых орлов они бьют неохотно. говорят, что это грешно, а ещё больший грех дать промах. Оперение на стрелах делается чаще всего из орлиных крыльев, а за отсутствием их берут крылья гусей, глухарей и рябчиков. Вклеиваются они тремя рядами в три соответствующих надреза на стреле, длиною в $\frac{1}{4}$ аршина. Орлиные и гусиные перья считаются лучшими, так как не скоро намокают в воде. Перья глухарей, тетеревов, рябчиков, лебедей и т. д., напротив, быстро намокают, и стрела от этого тяжелеет... Если кто-нибудь овладел орлиным гнездом, то он уже не даёт отнять у себя право на него, из-за этого часто возникают ссоры и драки, если один захватывает птенцов у другого.¹ К принадлежностям лука относятся колчан для стрел и чехол. У качинцев колчан называли „садак“ и его носили с правой стороны; чехол для лука (курлюк) они носили с левой стороны. Но когда шёл дождь, на лук, для предохранения от сырости, надевали глухой чехол — „чабаш“, сшитый из шкуры². Миллер не описывает ружья качинцев, но из некоторых его замечаний видно, что оно было фитильным. Охота с ружьём была особенно распространена на лосей у солонцов.

Большой интерес, как новый этнографический материал, представляет описание Миллером облавной охоты у качинцев, сагайцев и бельтир. „У татар в Красноярском уезде, — пишет он, — на Июсе и Абакане и у сагайских и бельтирских татар это делается так. Они собираются по 300—400 человек, среди них так же женщины и дети, все верхом. Сначала они образуют линию, в которой один человек находится от другого на расстоянии 100 сажень. Затем оба крыла постепенно сближаются, а так как вся линия всадников непрерывно движется вперед, то получается круг. Старшина охоты, избираемый всей охотящейся группой, едет вперед посредине. Ему подчинены еще два старших охотника, которые командуют (правым и

¹ Миллер. Указ. соч, ч. II, л. 9.

² Ср. у современных алтайцев „іабаш“ — чехол для ружья, сшитый из шкуры барсука, шерстью наружу.

левым) крыльями. У него имеется еще несколько подручных, которых он рассылает туда и сюда, если замечает какой-либо беспорядок. Как только оба крыла сомкнутся, со всех сторон поднимается громкий охотничий крик, тогда дичь начинает сбегаться, но со всех сторон возвращается назад и наконец сильно утомляется. Старшина охоты, с несколькими хорошими стрелками, находится в середине круга, и они все время бьют дичь. Если же какое-либо животное пытается прорваться, то оно наталкивается опять на вооруженных людей, и его тут же убивают, ибо люди расставлены друг от друга на небольшом расстоянии, но достаточном для полета стрелы, чтобы поразить зверя. Если же зверь попадает в такое место, где стоят женщины и дети, то ему обычно удается ускользнуть, ибо они не вооружены и нужны лишь для того, чтобы круг был шире, а крик громче. Бывает однако и так, что животное уходит из круга, но за ним гонится какой-либо хороший стрелок, догоняет его и убивает, так как от непрерывной беготни в круге животное очень устает. Иногда удается убить в одном таком круге до 100 штук дичи, ибо олени и козули ходят стадами, по 50 и больше животных. Но иногда охотники и ничего не добывают. Тогда они сразу же идут дальше в другое место. Иногда они делают два круга в один день, иногда только один. При одном круге они идут вперед до 10 верст, прежде чем круг сомкнется. Вся убитая дичь сносится в одно место и делится поровну между всеми. Это иногда продолжается непрерывно 3—4 недели“.

Таковы полевые записи Миллера относительно занятий красноярских татар-качинцев. Между прочим в одном месте он замечает, что у качинцев отсутствовало в то время кузнечество, как и рыболовство. Миллер утверждает, что Красноярские татары, а „также сагайские татары и бельтирские татары в Кузнецком уезде“ не любят рыбы. „Употреблять в пищу рыбу они считают чем-то низким. Они почитают себя счастливыми, что их богатое скотоводство дает им вдоволь пищи, так что они могут обойтись без такого кушанья“. Собираение в пищу диких растений у качинцев практиковалось. Особенно они старались запасти впрок корни кандыка, называемого у них „бес“, который они выкапывали весной и затем сушили, нанизав на нитки.

Большое количество ценных сведений о качинцах, наблюдавшихся Миллером, мы находим в его записях в отношении домашнего быта. Эти данные имеют значение как для выяснения истории культуры хакасов, так и для сопоставления их с соответствующими материалами более позднего времени. Миллер пишет о трёх основных типах жилища Красноярских татар. Для скотоводов-кочевников была характерна круглая разборная юрта, остов которой состоит из лёгкой деревянной решётки, устанавливаемой по кругу, состоящей из отдельных раздвигающихся звеньев, скреплённых между собой. Эта ре-

шётка и служит основанием для такого жилища. Верхняя часть каркаса такой юрты состоит из тонких палок, привязанных к верхней части решётки и вставленных вверху в особый деревянный круг (состоящий из двух складывающихся половинок), в котором сделаны гнезда для вставления этих палок. Деревянный круг служит одновременно дымовым отверстием и пропускает дневной свет в юрту, покрытую полотнищами из войлока, а иногда из бересты. Большой интерес представляет терминология частей этого жилища. Миллер приводит название для такой юрты „терме-еп“, причём слово „еп“ означало „у Красноярских татар“ жилище вообще, стало быть войлочная юрта называлась „терме“, т. е. так же, как у тюменских татар, барабинцев, башкир. Палки или шесты, образующие куполообразную верхнюю часть каркаса юрты, назывались „хуче“ (*chutsche*), а по-русски „бадашки“, дымовой деревянный круг—харач (*charatsch*). При перекочёвке такое жилище быстро разбирали и складывали в виде вьюка на спину лошади. При расширении состава семьи в юрте увеличивали число звеньев решётки, наибольшее количество которых достигало пяти, и тогда, по свидетельству Миллера, диаметр кочевого жилища бывает 3 сажени, а окружность его доходит до 8 сажен.

Второй тип жилища, распространённый не только в Красноярском, но также в Томском и Кузнецком округах и в Барабинской степи, описан как „маленькие домики“, состоящие „из досок, которые поставлены вертикально по четырехугольнику; верх покрывается дранкой или древесной корой“. Стены этого жилища и его верхнее покрытие (крыша) забрасываются для тепла землёй. Жилища эти преимущественно зимние и специального названия для них Миллер не приводит. Он отмечает ещё, что „все они так низки, что человек высокого роста не может стоять там выпрямившись. Стены несколько наклонены внутрь. В середине находится очаг без камина, а вверху посреди хижины дымовое отверстие“.

Третий тип жилища—это конусообразный шалаш из поставленных по кругу жердей, покрытый берестой. Его называли „Алачик-еп“ (*Alaschik*) или просто „Алачик“, что, как поясняет Миллер, значит „острый“, т. е. остроконечное жильё. „Алачик“ тогда у скотоводческих народов был довольно редким, а у „лесных народов“—это было основным видом жилища. Скромная утварь жилища изготовлялась главным образом из дерева и кожи. Из железа были только котлы для варки пищи и железные треножки, на которые ставились эти котлы над костром. Котлы и таганы покупали в готовом виде у русских, а в более раннее время, видимо, у шорцев. Во времена поездки Миллера качинцы изготовляли кумыс; путешественник сообщает о способе выделки кожи „для сосудов, в которых держат кумыс и масло“. По его описанию, „они берут“

бычачью сырую кожу, соскабливают с неё шерсть, в следующую зиму её замораживают и разрезают в таком виде для изготовления сосудов. Нарезанные куски этой кожи оттаивают и шьют из неё сосуды, которые затем дымят под куполом юрты в течение всей зимы. Если за это время они не успевают прокоптиться, то весной их продолжают коптить в ямах, над которыми сооружают легкие шалашики, в которых и развешивают сосуды. Сосуды для кумыса (когур или когор) представляли собой мешки ёмкостью в 6—10 ведер. В такого рода сосудах сбивали масло. Меньшие по объёму мешки из кожи назывались „торсук“ и в них хранили уже готовый кумыс. Из бересты делали различные сосуды цилиндрической формы по русскому образцу. В мешках, сшитых из шкуры козули (мехом наружу), именуемых по-татарски „тумбурчак“, хранились дикая гречиха-кырлык, мука, крупы, сушёная сарана и т. д. Для перегонки кислого молока в водку у „красноярских и кузнецких татар“ существовал аппарат, весьма похожий на тот, который сохранился местами у хакасов до сего времени. Он представлял собой обыкновенный чугунный котёл, поставленный на железную треногу. На него сверху надевалась деревянная крышка, почти плоская, но состоящая из двух половин. В крышке имелось два отверстия, в одно из которых вставлялась деревянная трубка, составленная из двух выдолбленных желобков, стянутых лыком и обернутых берестой. Через эту трубку стекает в деревянный сосуд выкуриваемая водка. Второе отверстие служит для того, чтобы наблюдать за тем, когда закипит в котле налитое туда для перегонки кислое молоко или кумыс. Как только молоко закипало, это отверстие закрывали специально подогнанной деревянной втулкой и обмазывали его, как и место соединения половинок крышки, смесью, приготовленной из земли и сухого конского навоза.

Относительно пищи Миллер сообщает, что любимым и наиболее питательным мясом считается конина. Мясо всех домашних животных идёт в пищу, и его едят в варёном виде. Кровь убитого животного собирают, сливают в кишки и также варят. Иногда кровь сливают в котёл, прибавляют в неё немного масла или топлёного жира и едят как особое кушанье. „Красноярские татары, по словам Миллера, едят всех зверей, кроме горностаев. Больше всего они едят мясо козули... едят и хлеб, когда у них он есть, вообще же живут без хлеба“. Из растительной пищи, кроме кырлыка, Миллер упоминает кандык, называемый по-татарски „бес“ (*bes*), сарану и кедровые орехи. „Все татары,—отмечает Миллер,—собирают большие запасы орехов на зиму, и это дает им питание. Они сушат и коптят их над очагом на решетке, которая крепляется на 4 столбиках вверху юрты, затем их лущат с большим усердием. Они кладут десять или более орехов на доску

и бьют по ним гладкой деревянной лопаткой, так что скорлупа отлетает. Кто неопытен в этой работе, тот нередко ударяет себе по пальцам, так как это делается очень быстро. Затем они очищают орехи полностью от всякой кожицы и хранят цельные орехи отдельно, их они дарят своим друзьям, а разбитые ядра оставляют для собственного употребления. Когда они хотят есть, то толкут их в кашу в деревянной ступке и едят в таком виде. Русские, которые часто пробовали и ели у них орехи, говорят, что они имеют приятный вкус, однако после нескольких ложек приедаются и съесть их много нельзя. Татары же к ним привыкли и едят их хорошими порциями. Они едят особенно много этой каши, когда возвращаются с охоты, изголодавшиеся, и тогда она служит им прекрасным питанием. Бывает иногда, даже нередко, что татарин приходит домой с охоты на соболя таким исхудавшим от голода, что от него остаются только кожа и кости. Однако за 6—8 дней ореховая каша возвращает его к нормальному состоянию. Такие люди должны не спать первые 2 или 3 ночи и только заниматься этим питательным кушаньем, иначе, по их мнению, они могут сильно заболеть или умереть“.

Особый интерес представляют сведения Миллера о молочной пище качинцев и аринцев, так как он приводит нередко терминологию этих блюд. Он пишет: „татары пьют и едят молоко сырым, кипяченым и прокисшим. Для приготовления масла они не снимают сливки, а выливают все молоко в „когур“, сколько им нужно, и перемешивают палочкой с колесиком внизу до тех пор, пока масло не поднимется наверх. Его снимают, моют и хранят в несоляном и нетопленном виде для употребления. Масло по-татарски „*chajak*“ (хаяк). Сыр „*Büzilör*“ делается из молока, оставшегося после изготовления водки, как и у бурят. Барда „*bodsche*“ — оставшаяся сыворотка употребляется для питья. С кумыса масло не снимается. Они также изготавливают водку из коровьего молока, сняв масло, но она хуже, и от нее болит голова. Делают также сыр из коровьего молока, оставшегося после того, как снято масло“. Прежде чем сообщить об одежде „красноярских татар“, путешественник отмечает, что мужчины у них, как и у кузнецких татар, „переняли от соседних калмыков и монголов обычай оставлять на макушке маленький пучок волос, который заплетается в косу, свисает сзади с наголо обритой головы“. Миллер замечает, что этот обычай получил широкое распространение. Живущие в верховьях Енисея и степях Абакана „красноярские татары“ также придерживались этого обычая, как и „кузнецкие татары“. Но в описываемое время у татар, живущих под самым городом Красноярском (т. е. качинцев и аринцев), этот обычай уже исчезал, и они „по большей части остригают голову наголо“. Косичка эта называлась тогда, как и у современных телеутов и алтайцев, „*Kedschege*“. Женщи-

ны замужние причёсывали волосы в две косы, которые спускались с боков головы, а девушки заплетали волосы в большее количество косичек, иногда в 10—15. Здесь ещё существовал тогда обычай у мужчин носить серьгу в одном ухе, хорошо известный у древних и средневековых кочевников тюрков и монгол. Миллер указывает, что и „шапки кузнецких и красноярских татар, вследствие соседства, сходны с шапками калмык и монгол, именно, они совсем круглые, едва доходят до ушей и имеют кругом опушку из лисьего или другого меха. У некоторых можно видеть вверху на шапках кисти“, обычно из красных ниток. Замужние женщины поверх обычной шубы надевали безрукавую одежду *Schidedek* (ср. хакас. „сигидек“ и алт. „чегедек“), который шили из ровдуги или хлопчатобумажной материи „китайки“. Женщины не должны были показываться без „шигедка“ свёкру и деверю. Они не могли входить без этой одежды в юрту свекра и деверя, даже если последних уже не было в живых, ибо боялись духов умерших. Что касается обычной шубы, то Миллер пишет, что она делалась большей частью из шкур козуль, мехом внутрь. У неё были длинные узкие рукава и запахивались они „с левой стороны до правой подмышки“. Длина шубы достигала икр или даже пяток. Внизу, на высоте колен, делали несколько складок, без разреза. Окаймляли полы и рукава бобром, выдрой и чёрной мерлушкой. Наверху опушка была шириною в ладонь, а внизу кругом шириною в палец. Женская шуба делалась длиннее, и в ее верхней части имелось „несколько складок вокруг шеи“. В остальном, как и в покрое, мужские и женские шубы не отличались друг от друга. Обувь зимняя делалась из шкурок, снятых с ног лося или козули („маймак“), которые носили с чулками из козьего меха. Летняя обувь (одук) шилась из кожи, а подошвы из камуса (с ног коровы или лошади) и носили её без чулок, но обертывали ноги сушёной травой.

Закончим извлечения из этнографических материалов, собранных Миллером, кратким описанием семейного быта „красноярских татар“.

Брак заключался при посредстве сватовства и уплаты калыма за невесту. Но были браки и без калыма. В этом случае, если муж был недоволен своей женой, он должен был беспрепятственно отпустить её к родным с возвращением приданного, но детей оставлял у себя. „Наивысший калым,—пишет Миллер,—состоит из 30 голов скота, половину лошадьми, половину рогатым скотом. Из 10 голов лошадей одна должна быть полноценной лошадью, остальные могут быть жеребцами, кобылами, меринами, жеребятами любого достоинства и возраста. Беременная кобыла считается за двух лошадей. Иногда дают и овец, а именно две за голову рогатого скота. Приданое невесты (енчи) иногда составляет половину калыма, иногда

меньше или больше, смотря по тому, насколько человек богат, сколько имеет детей и сильно ли любит дочь". Миллер пишет и о существовании многожёнства, доступного только лицам материально хорошо обеспеченным или богачам. В последнем случае каждая из жён живёт в отдельной юрте, имеет своё хозяйство, скот и прислугу. Напротив, муж не имеет собственного жилища. Он ездит от одной жены к другой и „сохраняет над всем верховный надзор". Если в одной юрте проживают 2 или 3 жены, то у каждой из них имеется отдельная постель. Если две жены, то постели их стоят по обеим сторонам юрты. Если три жены, то одна постель стоит напротив входа у задней стены юрты, а две другие—по обеим сторонам юрты. Касаясь интимных отношений супругов, исследователь отмечает у качинцев обычай очищения женщин после месячных перешагиванием через костёр, в который бросается предварительно трава „ирбен-от" (*Thymus serpyllum*). Таким же образом у них поступал мужчина после полового сношения. Последний обычай выделяет качинцев от окружающих их племён и народностей и сближает с западно-сибирскими татарами—„мусельманами", в среде которых принято так называемое „очищение" мужчин.

„При родах у женщины из качинских татар,—замечает Миллер,—не могут присутствовать не только мужчины, но и девушки. Женщины же могут быть все, сколько их есть по соседству. До второго очищения роженица и повивальная бабка едят отдельно и из отдельной посуды¹... После второго очищения женщина опять считается чистою. Роженицу и ребенка одаряют подарками. Для родов у них нет отдельной юрты. Имена даются детям после второго очищения, когда отпускают повивальную бабку, и обычно это поручается ей. Если же здесь присутствует кто-либо чужой, то он и даёт ребенку имя, или же повивальная бабка даёт ребенку имя этого чужого человека. Нередко они дают и русские имена. Платье, которое роженица имеет на себе во время родов, она носит и впоследствии. Пуповину повивальная бабка чаще перевязывает русской ниткой, так как ее можно завязать крепче, чем употребляемые у них нитки из сухожилий".

Изложенные ценные сведения по этнографии качинцев, принадлежащие атаману Мугунчакову и Г. Миллеру, показывают, что качинцы являлись типичными скотоводами-кочевниками, в быте которых в то время было довольно много черт общих с монголами-калмыками, а также с бытом тюркоязычных кочевых племён, входивших в состав так называемой Белой орды

¹ Первое очищение происходило в юрте на 3-й день после родов, а второе очищение—через 8 дней. В обоих случаях женщина перешагивала через огонь.

и отделившейся от неё части, ставшей известной под названием Сибирского ханства.

Монгольские элементы быта выступают в названиях некоторых частей переносной войлочной юрты (терме, харач), кожаной посуды (когур), терминологии молочной пищи (ббзö и др.). Они проявлялись и в типе одежды (шапка, безрукавая женская одежда — чигидек), в причёске мужчин (ношение косички). Даже приветствовали качинцы друг друга, как сообщает Миллер, по-монгольски — „минду“! Проникновение в быт качинцев монгольских черт шло, вероятно, двумя путями. С одной стороны, это явилось результатом непосредственного общения их с монголами или джунгарами, называвшимися ещё „чёрными калмыками“, с которыми в XVII в. они нередко объединялись для совместных выступлений, о чём говорят русские исторические документы. С другой стороны, эти связи уходят в более ранние времена, например, в период Улуса Джучия (XIII в.), когда особенно интенсивно шёл процесс смешивания монгольских племён с тюркскими кыпчакскими племенами, о чём имеются прямые свидетельства арабских историков.¹ Предки качинцев в той части, которая пришла на Енисей из районов Тобола, несомненно были связаны по происхождению с кыпчакскими племенами так же, как и телеуты, казахи, часть узбеков, башкиры, ногайцы и др. Вследствие этого в их культуре и быте монгольские элементы могли быть довольно древнего происхождения. У качинцев, таким образом, могли сохраниться черты общности культуры и быта и с кыпчакскими племенами, вошедшими в состав казахов, узбеков, телеутов и т. д. Наконец, можно указать ещё на один путь проникновения к качинцам монгольского влияния — это через телеутов, с которыми качинцы не только общались, но и смешивались. Телеуты, как известно, в XV-XVI вв. входили в состав государства западных монголов, составляя в нём численность в 4000 кибиток. В течение совместной жизни с чёрными калмыками или джунгарами телеуты впитали в себя много монгольских элементов. Смешиваясь с различными племенами и родами, телеуты несли с собой монгольские элементы культуры и быта.²

В связи со сказанным следует обратить внимание на обычай ношения качинцами-мужчинами косички, как это до недавнего времени делали южные алтайцы и западные тувинцы. Этот обычай монгольского происхождения. Китайские династийные хроники сообщают, что древние тюрки носили волосы распущенными, а сяньбийские племена, в составе которых были

¹ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, СПб., 1884, стр. 235 (русского перевода).

² Так было с проникновением монгольских элементов в среду шорцев. См. нашу рецензию на книгу „Шорский фольклор“, опубликованную в журнале „Советская Этнография“ за 1948 г., № 3.

и монголы, заплетали волосы в косу. Обычай этот проник в тюркоязычную среду, видимо, уже в кыпчакское время, так как на тюркских каменных изваяниях этого времени, представляющих собой изображение мужчины, иногда обозначена коса. Имеются основания предполагать, что монгольские черты культуры и быта наслоились на тюркскую основу. Это хорошо прослеживается на таком факте, как терминология жилища. Выше мы ссылались на свидетельство Миллера, что красноярские татары, в том числе и качинцы, называли жилище вообще термином „еп“. Круглую войлочную юрту они называли „терме-еп“, т. е. к тюркскому слову „еп“ — жилище — прибавляли монгольское название войлочной юрты „терме“, распространённое у сибирских (тюменских) татар, барабинцев, башкир. Таким образом, пришедшие из районов Тобола тюркоязычные кочевники принесли в Минусинскую котловину монгольское название войлочной юрты, которое слилось здесь с древним тюркским словом „еп“, означающим вообще всякое жилище. В этом сложном термине отразился смешанный состав тюркских элементов в среде ясачного населения Минусинской котловины. Термин „терме“ говорит о наличии западных тюркских, поздних, связанных с кыпчаками, этнических элементах. Название же жилища — „еп“ как раз указывает на древнетюркский элемент культуры. Если выше мы отмечали отражение древнетюркской терминологии в топонимике (название реки — чул-юл), религиозных воззрениях и др., то к этому добавим ещё термин „еп“. Этот термин известен в значении — дом, домохозяйство по памятникам древнетюркской письменности и встречается как в орхонских, так и енисейских надписях¹. Е. Д. Поливанов в своё время доказал древность этого термина (еп-еб; ип-иб). У населения Минусинской котловины он сохранился со времён древних тюрков, как сохранился ещё у османских турок².

Из приведённых выше описаний культуры и быта „качинских татар“ заслуживает быть отмеченным особо и развлечение качинцев на свадьбах, о котором сообщил атаман Мугунчаков. Мы имеем ввиду игру всадников с грудинкой домашнего животного. В этом обычае нельзя не узнать распространённой вплоть до начала нашего столетия игры всадников у казахов, киргиз, туркмен, кочевых узбеков и других азиатских кочевников, представлявшей собой борьбу её участников за обладание тушей козла. Этот факт, конечно, свидетельствует о былой общности быта качинцев с бытом кыпчакских кочевых племён Улуса Джучия, о чём говорилось выше.

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 362. Его же. Енисейская письменность тюрков, стр. 102.

² Е. Д. Поливанов. К этимологии турецкого уј, ој — дом, юрта. Сборник научных трудов Узбекского научно-исследовательского института культурного строительства, т. 1, в. 2 (Труды лингвистического сектора), Ташкент, 1934 г.

Таким образом, благодаря дошедшим до нас ценным наблюдениям о быте качинцев, относящимся к 30-м годам XVIII в., имеются важные данные для истории их культуры. Упомянутые материалы свидетельствуют о наличии у качинцев элементов древне-монгольского и древнетюркского кочевого быта. Позднее, особенно в XIX в., качинцы, как мы увидим дальше, утратили эти особенности, но обогатили свою культуру заимствованиями из русского народного быта.

Сопоставим теперь черты культуры и быта качинцев, описанные в 30-х годах XVIII в., с более поздними описаниями. Путешественники П. Паллас и Е. Пестерев сообщают такие данные для последней четверти XVIII в. Главным занятием качинцев оставалось кочевое скотоводство. Они разводили более всего лошадей и овец. Но и крупного рогатого скота у них было также достаточно, и некоторые из качинцев, по свидетельству Е. Пестерева, могли продавать ежегодно по 50—100 быков. Содержание скота было преимущественно пастбищным, но теперь качинцы уже заготавливали сено на островах Енисея и Абакана для подкормки скота в наиболее трудные для пастбищного скотоводства зимние месяцы. Заготовку сена они усвоили от русских крестьян. Зимой скот пасли в малоснежных степях, из которых лучшей считалась Уйбатская степь. Она была захвачена в основном богачами. Качинцы частично занимались и охотой на пушного зверя (особенно на соболей), шкурками которого они уплачивали ясак. Земледелие у них по-прежнему не было развито. Лишь отдельные хозяйства производили небольшие посевы ячменя и дикой гречихи, чтобы обеспечить себя крупой, из которой они варили похлёбку или кашу. Дикую гречиху они чаще не сеяли, а жали на полях русских крестьян, где она обильно произрастала, засоряя хлеба.

Наряду с указанными отраслями сельского хозяйства и охотой, у качинцев существовали некоторые виды домашнего ремесла. Из них наибольшее распространение и значение имели: выделка войлока и кожи (домашних и диких животных) и обработка дерева. Войлок шёл на покрытие жилища, постели, потников для заседывания лошадей и т. д. По сообщению Палласа, качинские женщины умели ткать грубый холст из волокон кендыря, который шёл на шитьё одежды у рядовых качинцев¹. Из кожи шили обувь, посуду, сбрую, одежду. Из дерева делали домашнюю утварь, изготавливали сёдла.

На основе владения скотом среди качинцев существовало весьма заметное социально-экономическое неравенство. Качинцы-богачи имели одних только лошадей по 30—40 табунов, не считая многочисленных стад овец и крупного рогатого скота.

---

¹ Г. Спасский, посетивший Минусинскую котловину в 1806 г., указал, что из кендыря теперь делали только верёвки, а холст уже не ткали.

По свидетельству Пестерева, качинские богачи продавали лошадей русскому населению по довольно дешёвой цене и даже в рассрочку¹. Богачи вели своё хозяйство при помощи работников, эксплуатируя труд своих соплеменников, живущих между ними разорённых маторов или обедневших „сагайцев“, т. е. жителей смежной с качинцами Сагайской волости.

Жилищем качинцам служила описанная выше переносная юрта, которую в летнее время покрывали берестой, вываренной для эластичности в воде. Бедняки жили в берестяной юрте и зимой. Срубные избы появились в результате влияния русской народной культуры. Одежду шили из самотканного толстого сукна или крапивного холста (богачи из покупного сукна и шёлка), а также из овчин (шубы) и выделанной кожи домашнего скота и диких зверей. Овчинные шубы мужчины надевали на голое тело. рубахи носили далеко не все мужчины, шили их из холста. Покрой верхней западной одежды был сходен с покроем одежды бурят и западных монголов. Но женская одежда и обувь обильно украшалась вышивкой из шёлковых ниток, что может служить дополнительным указанием на связь качинского быта с бытом западно-сибирских татар, у которых вышивка распространена, в то время как у монголов она отсутствует. В летнее время носили войлочные шляпы, а зимой меховые шапки. Женщины носили и заплетали волосы в две косы, перекидывая на грудь, а девушки заплетали 9 и более косичек. Мужчины, особенно молодые, носили длинные волосы, которые всё ещё заплетали на затылке в косу, спереди же носили волосы распущенными. В ушах мужчины продолжали носить серьги из медной проволоки. Преобладала мясная и молочная пища, особенно кислое молоко, но бедняки в большом количестве ели корни и стебли дикорастущих съедобных растений. Кислое молоко перегоняли на молочное вино. Из оставшейся творожной массы (аче) делали и сушили впрок колобки (битре). Иногда в оставшейся после перегонки сыворотке с творогом варили мелко крошенное мясо. Почти все поголовно курили китайский табак (шар) из маленьких трубок, завозимых торговцами из Монголии.

Семейные отношения характеризовались распространением многожёнства, преимущественно у богатых. Браки были экзогамными и заключались через сватовство с уплатой выкупа или калыма за невесту ее родителям в течение 3—5 лет и после этого вступали в брак. Сватовство длилось несколько лет и начиналось, когда брачующиеся еще были подростками. Калым в конце XVIII в. практиковался, хотя не был обязательным. Однако приданое требовалось. Если жена оставляла мужа по собственной воле, приданое ей не возвращалось, напротив,

¹ Пестерев. Указ. соч., стр. 164.

если инициатором развода был муж, приданое возвращалось, а дети, рождённые от этого брака, оставались в доме отца. Оставался у него и приплод скота, полученного в приданое. Мужчина мог жениться на сестре своей покойной жены и на сестре своей матери, ибо качинцы вели счет родства в сеоке по отцовской линии, вследствие чего супруги при вышеуказанных браках принадлежали к различным сеокам. Между свёкром и невесткой существовал обычай избегания. Первый свадебный пир происходил в доме родителей невесты, второй у родителей жениха, когда молодым была поставлена новая юрта. Свадебные пиры сопровождались увеселениями: скачками, плясками, пением песен, игрой на музыкальных инструментах—чатхане (в виде продолговатого ящика с 6-ю струнами из конского волоса) и хомысе (двуструнная балалайка), рассказыванием былин низким речитативом, под аккомпанемент инструмента. По сообщению Е. Пестерева, среди качинцев была распространена русская грамота, и среди них было немало таких, которые читали и писали по-русски¹.

Шаманизм был господствующей формой религиозных воззрений. Отдельные качинцы, преимущественно те, которые начинали оседать и заниматься земледелием, уже принимали христианство. Весной, как только начинали доиться кобылицы, устраивался праздник „тун“, во время которого происходило общественное моление на горе. На этом молении либо посвящали новую, либо окропляли молоком и окуривали травой „ирбен“ (*Ghimus serpillum*.) уже ранее посвященную лошадь (мерина), называемую „изых“. Моление производил шаман, испрашивая благополучие на скот. После моления изыху привязывали в гриву и хвост красные и белые ленты из материи и выпускали в табун. На этой лошади никто не мог ездить, даже хозяин. Когда изых становился старым, вместо него посвящали другого, а этого можно было продать. При болезнях и каких-либо невзгодах молились домашним идолам „тӧс“, принося им большие жертвы—угощения. Умерших хоронили в землю, в одежде, без гроба, но между досками и с ними погребали различную утварь и пищу. При похоронах богача на могиле покойника обязательно закалывали лошадь, на которой он сдид.

Качинцы в это время охотно усваивали многие элементы русской народной культуры. По свидетельству Пестерева, „они очень дружески настроены по отношению к русским. Прежде они им продавали много скота в рассрочку, не требуя часто никаких письменных документов. Однако, их научили большей осторожности. Но если случится несчастье у кого-нибудь из их соотечественников или у русского, которого они счи-

---

¹ Пестерев. Указ. соч., стр. 164.

тают за порядочного человека, они спешат оказывать ему услугу".¹

Краткий обзор культуры и быта качинцев по материалам XVIII в. показывает, что в этот период у населения Качинской земли, столь разнородного по своему этническому происхождению, стала складываться общность языка, культуры и быта. Таким образом, на территории Минусинской котловины начала формироваться качинская культура на основе кочевого скотоводства в соединении с примитивным земледелием и охотой. Процесс этот протекал в условиях мирной обстановки, постепенного развития экономики и роста культуры под влиянием крепнущих культурно-экономических связей населения Качинской земли с русским трудовым крестьянством. Качинский тюркский язык вышел победителем, а кетоязычные и самодийскоязычные диалекты, на которых говорила значительная часть населения этой земли, ещё в XVII в. были забыты. Арины и яринцы, буктинцы и тубинцы и некоторые другие мелкие родоплеменные группы, в прошлом кетоязычные или самодийскоязычные, полностью усвоили тюркский язык, смешались с качинцами в отношении расселения и слились с ними также в отношении культуры и быта.

2. КОЙБАЛЬСКАЯ ЗЕМЛИЦА

В известных нам документах XVIII в. Койбальская земля впервые упоминается в 1711 г. В этом году красноярский конный казак Григорий Бегунов был послан „для сыску беглых Красноярского присудства Абаканского острога ясашных иноземцев, которые бежали из Койбальской земли в Мунгальскую землю“.² По ясачным книгам 1718 г., в Койбальской земле было 16 улусов, в которых насчитывалось 292 чел.³ Нет никакого сомнения в том, что Койбальская земля была чисто административным образованием начала XVIII в. В неё были зачислены все те 16 улусов, бывших киргизских и тубинских киштымов, которые после увода енисейских киргизов в Джунгарию были обнаружены в 1704 г. Иваном Злобиным, посланным из Красноярска к енисейским киргизам за ясаком⁴. Так как Иван Злобин „с товарищи... Киргизских князцов никого не изъехали, а изъехали прежде остальцов тубинцов семи человек...“, то они „приискали радением своим в платеж великого государя ясаку киргизских и тубинских разных улусов киштымов“. В цитируемом документе перечислены эти

¹ Е. Пестерев, указ. соч., стр. 164.

² В. Радлов. Сибирские древности, т. 1, в. III, СПб., 1894, стр. 78.

³ Архив Акад. Наук СССР. ф. 21, оп. 4, № 20, л. 236.

⁴ Памятники Сибирской Истории, т. 1, стр. 233—236. Мессершмидт в 1721 г. встретил жилища тубинцев на р. Сыде.

„розные улусы“. Вот их перечень: 1) Мало-Байкотовский, 2) Кон, 3) Шараданов, 4) Татаров, 5) Аршупов, 6) Большой Байкотовский, 7) Урчин, 8) Сыйский, 9) Акса, 10) Кайдынов, 11) Ингара, 12) Кайдынов, 13) Бугачев, 14) Шип, 15) Ургунов, 16) Остальцы тубинцы¹. Что именно эти 16 улусов и составили Койбальскую землю XVIII в., видно из сопоставления перечисленных улусов списка И. Злобина со сведениями Г. Миллера, полученными им в Красноярске в 1735 г.² По записям Миллера, „Койбальская земля в верховьях Енисея между Абаканским и Саянским острогами состоит из следующих Койбальских улусов: 1) Малой Байкотовский, 22 ч., 2) Большой Байкотовский, 36 ч., 3) Тарачаков, 24 ч., 4) Аршупов, 10 ч., 5) Урчин, 5 ч., 6) Ингара, 11 ч., 7) Карнацкой, 11 ч., 8) Коль, 7 ч., 9) Сыской, 8 ч., 10) Аска, 3 ч., 11) Ярдчи (Ердчи) или Джерчи, 10 ч., 12) Ургунов, 15 ч., 13) Бугачев, 11 ч., 14) Остальные тубинцы (у Злобина „остальцы-тубинцы“), 6 ч.“³.

Таким образом, имеется налицо доказательство, что Койбальская земля была образована административным путем, посредством объединения оставшихся от увода бывших киргизских и тубинских киштымов. На сведениях Миллера об улусах Койбальской земли следует остановиться подробнее, так как он не только перечисляет названия улусов, но и сообщает также ценные данные об их расселении и языке. Первые восемь улусов списка Миллера, т. е. Малый Байкотовский, Большой Байкотовский, Тарачаков, Аршупов, Урчин, Ингара, Карнацкой и Коль улусы, объединявшие большую часть населения Койбальской земли, обитали по р. Тубе и на севере Тазик-коль,⁴ находящемся на 10 верст к югу от р. Тубы. Сыской улус находился в верховьях р. Сиды, откуда и получил своё наименование, „так как на местном наречии эта река называется Си“. Улусы Аска, Ярдчи, Ургунов и Бугачев жили по р. Ойе или Ое (правый приток Енисея). Остальцы-тубинцы (или Тубинский улус), которые, по мнению Миллера, представляли собой „остатки киргизов“, обитали в долине Абакана. Из записей Г. Миллера и особенно сообщений Мессершмидта и Фишера (о которых будет сказано дальше) следует, что в указанное время койбалы уже жили частично и в так называемой Койбальской степи, расположенной в треугольнике между рр. Абаканом, Енисеем и горной цепью Итем, состав-

¹ Памятники Сибирской Истории, т. I, стр. 235.

² См. рукопись Миллера под названием „Описание Красноярского уезда Енисейской провинции в настоящем его положении в начале 1735 г.“ (на немецком языке), хранящуюся в Центр. Госуд. Архиве Древних Актов в Москве, стр. 199, л. 9, портфель 526, ч. II, лл. 1—32 об.

³ Миллер. Описание Красноярского уезда, л. 27.

⁴ На современных картах это озеро именуется „Кызык-куль“.

ляющей северные предгорья Саянского хребта. Сообщения Миллера о языке койбалов сводятся к следующему. Население Тарачакова улуса, пишет он, говорит „на собственном языке, а не на татарском“ (т. е. не на тюркском) и „называется моторцами и койбалами по имени предков—двух братьев Койбала и Модора“. Население улусов: Малый Байкотовский, Большой Байкотовский, Аршупов, Урчин, Ингара, Сыской, Кольский—на коттовском языке (т. е. были тогда кетоязычными); жители же улусов: Карнацкого, Аска, Джерчи, Ургунова и Бугачева—на камасинском языке (т. е. были самодийскоязычными). Таким образом, вся земля Койбальская, вскоре после её образования, как это теперь точно устанавливается, была разноязычной и говорила на кетоязычных и самодийскоязычных диалектах, но не по-тюркски, за исключением тубинцев-остальцев, говоривших, возможно, по-тюркски, если Миллер принял их за остатки енисейских киргизов. Кетоязычное население, числящееся в перечисленных выше семи улусах, составляло большинство. Поэтому Миллер считал, что койбалы в целом „более близкие котовцам по племени и языку“¹. Это новое для нашей научной литературы свидетельство учёного, занимавшегося специально изучением происхождения, языка, культуры и быта сибирских народностей, имеет весьма важное значение и окончательно решает вопрос о смешанном происхождении койбалов на основе самодийскоязычных и кетоязычных этнических элементов. Позднее опубликовал список улусов Койбальской земли (по данным начала 70-х годов) Паллас. В этом списке те же самые улусы, что и в записях И. Злобина и Г. Миллера, в некоторых случаях записанные лишь в несколько изменённой транскрипции. Общее количество их меньше на один улус, чем у Миллера.¹ Это объясняется тем, что Паллас улус Урген показал вместе с Бугуджи (у Миллера: Ургунов и Бугачев улусы). Количество ясачных плательщиков в Койбальской земле составляло по Палласу уже 239 чел., а общая численность населения 400 чел. Улусы Койбальской земли Паллас даёт в следующем порядке. Между Абаканом и Енисеем жили улусы: Тарагак, состоящий из 32 чел.; Большой Байготол (36 чел.); Карнат (32 чел.); Урген совместно с Бугуджи аймаком или улусом (около 30 чел.); Аршупов (23 ч.). На восточной стороне Енисея к Койбальской земле относились улусы: Сысков (15 ч.); Аскасов (8 ч.); Кольский (16 ч.); Ангаров (31 ч.); Тубинцы, между которыми были включены и моторы, (29 чел.); Аbugачев (16 чел.);

¹ Миллер. Описание Красноярского уезда, л. 13 об.

² P. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reiches, III, ST-P., 1766, стр. 376.

Арчинской (25 чел.); Малый Байготол (42 чел.).¹ Кроме того, в этом районе жило 65 чел., относящихся к улусу Большой Байготол². У Миллера и Палласа отсутствуют из перечисленных И. Злобиным только четыре улуса (в том числе Татаров улус). Из них улус Кайдынов оказался в составе Яринской земли³. Но у Миллера и Палласа упомянуты два улуса, которых нет в списке И. Злобина, именно улусы Тарагак и Карнатской. Первый из них представлял собой потомков каменных маторов XVII в., входивших в улус Турочаков или Тароджаков, возглавляемый сыновьями Койбала, второй же — потомков части Карнатского улуса, входившего в XVII в. в Удинскую землю, Красноярского уезда.

Приведённые выше материалы, и прежде всего собранные Миллером, ставят на твердую научную почву определение этнического состава Койбальской земли в XVIII в. Так как почти все эти улусы входили в состав различных земель XVII в., то эти материалы имеют важное значение и для выяснения этнического состава некоторых улусов ясачного населения XVII в. Койбальский этнический конгломерат, именуемый Койбальской землей, состоял, следовательно, из остатков племён и родов, входивших в XVII в. в соответствующие улусы Тубинской, Кашинской, Камасинской и Удинской земель XVII в. Улус Тарагак представлял собой потомков Турочакова улуса Тубинской земли XVII в., возглавлявшегося сыновьями маторского князя Койбала. Кроме того, маторы в XVII в. входили также в Камасинскую землю (улус Татаров или Модор). Население улусов Коль, Большой и Малый Байкотовский и Акса было потомками населения улусов, входивших под этими же названиями в ту же Тубинскую землю XVII в. Улусы Урген и Бугачев мы находим в составе Камасинской земли XVII в.⁴ Улус Арчи — это потомки Яргашина или Шалба улуса XVII в. Кашинской земли. Улус Карнацкой в XVII в. входил в Удинскую землю.

Население Койбальской земли в XVIII в. испытывало сильное влияние тюркоязычных качинцев, сагайцев и бельтиров и смешивалось с ними. В течение XVIII в. качинский тюркский язык одержал здесь победу, и койбальские улусы уже к началу XIX в. стали тюркоязычными, хотя следы или остатки

¹ Гмелин упоминает о Байкотонском (Байкотовский) улусе Койбальской земли, представители которого обитали к северу от Луказского завода. *Reise durch Sibirien*, т. III. Göttingen, 1751, стр. 325.

² Pallas. Указ. соч., ч. III, стр. 376.

³ Татаров улус был в XVII—XVIII вв. в Камасинской земле в верховьях р. Кана. Возможно, обнаруженные И. Злобиным ясачные Татарова улуса не вошли во вновь образованную Койбальскую землю потому, что они уже были приписаны к Камасинской земле.

⁴ Улус Бугачев был известен в XVII в. и в Тубинской земле как улус князя Бугачи — сына князя Кояна, владевшего всей Тубинской землей.

самодийских и кетоязычных диалектов у них сохранились и в XIX в.

О смешении койбалов, как будем мы называть теперь обобщенно население этой земли, с бельтирами и сагайцами в XVIII в. имеется свидетельство Д. Мессершмидта, который относил койбалов к „киштымским татарам“.

В неопубликованном дневнике этого путешественника говорится: „Что касается киштымских татар, то они жили в лесах, и их первый старшина покорился аринцам и одновременно русским. Его, как говорят, звали Койбалом, и поэтому часть этих татар называется „койбал-киштымскими татарами“, они разделяются на различные улусы, волости или роды, из которых некоторые ушли с киргизами, но многие живут здесь и до сего времени. Первым родом у них был Бельтирский род, он живет на р. Уйбат и платит ясак в Кузнецк. К нему присоединился улус Богичи, Модур или Модор, а также КураMAT, Юс-Сагае, Байкотове. Они теперь живут по рр. Уйбат и Абакан, а также по р. Енисею у Усть-Абакана“¹. Из этого интересного сообщения, материал для которого Мессершмидт получил от местного населения расспросным путем, мы узнаем, что часть бельтиров в начале XVIII в. жила на р. Уйбате, что маторы входили в состав койбалов и в самом начале XVIII в. что маторский князь Койбал дал наименование (как это отметил и Миллер) улусу, а затем всей земле, и это было известно местному населению. В связи с этим, хотелось бышний раз подчеркнуть, насколько важны и достоверны бывают местные исторические предания, ибо происхождение этнонима койбал от собственного имени князя не вызывает сомнения, и мы показали это выше на документальном материале.

Победа тюркского языка во всех улусах Койбальской земли над самодийскими и кетоязычными диалектами в течение указанного выше времени произошла постепенно, и полное господство тюркского языка в этой земле относится лишь к XIX в. Ещё П. Паллас удостоверил, что в начале 70-х годов XVIII в., во время его путешествия, койбалы и маторы, как и карагасы и камасинцы, не утратили полностью самодийского языка. Он писал: „Койбальцы, с которыми я в эту езду познакомился, от всех доселева описанных языческих татар, народ совсем особый, оне не столько нынешним родом жития и платьем, сколько видом, разговором и следовательно урожением отличны. Их лица большей частью сходствуют с тунгусскими, круглы и плоски, но при том довольно бородасты. Разговор их весьма походит на самоедской, и хотя много примешано в нем и татарских наречий, однако легко еще распознать

---

¹ Д. Мессершмидт. Журнал путешествия из Тобольска, столицы Сибири, через Тару, Томск и дальше по Сибирскому царству, стр. 145.

можно останки самоедского видимого и в Койбальской орде, и в карагасах, каймашах и моторах, в восточной стороне Енисея живущих сойотах в горах за Российской границей кочующих, так что весьма вероятно, что все они отродья суть остатки одного врозь разбитого и из своих в древности здесь настоящих жилищ до северных самоедских ныне мест выгнанного народа. В доказательство сходствия их языков довольно будет привести сих наречий, коих взять сличить только одне маторские, как сходственнейшие с незнакомыми мне сойотскими, что однако сами моторы и койбалы на промыслах на границе с сойотами встречающиеся единогласно подтверждают¹. Георги, находивший, что койбалы похожи лицом более на самоедов, чем на татар, также заявлял: „Язык их есть также смешанное со многими татарскими словами самоедское наречие“². Гр. Спасский, посетивший койбалов в самом начале XIX в., подтвердил, что и для этого времени койбалы „отличаются языком и видом от соседственных народов, сходствуя в том с жителями отдаленной Сибири, каковы самоеды и остяки. Хотя в языке их немало находится татарских слов, но легко можно заметить, что сии слова некоренные их, а принятые или потому, что выражаемые через них вещи до знакомства с татарами не были известны койбалам, или по причине легкости в произношении. Койбалы Кольского улуса имеют некоторый особый язык несходный ни с койбальским, ни с татарским“³. Как известно, Гр. Спасский во время своей поездки составил словари койбальского и маторского языков. Они обнаружены нами в рукописном фонде Публичной библиотеки в Ленинграде. Словари прекрасно подтверждают утверждения Палласа, самого Спасского и др. о смене у койбалов самодийских диалектов тюркским языком.

Различие в происхождении и разнородность этнического состава койбалов отражались в их культуре и быте. Паллас обратил внимание на некоторые черты быта койбалов, сходные с бытом самодийскоязычных камасинцев: „Они сходствовали прежде особливо действием и платьем их волхвов (шаманов—Л. П.) более с каймашами, нежели с соседственными им татарами“⁴. Это относилось как к шаманскому костюму с нагрудником, многочисленными железными подвесками и шапкой, оканчивающейся железными оленьими рогами, так и к шаманскому бубну. Религиозные традиции наиболее

¹ Паллас. Путешествие (русский перевод), т. III, стр. 523—524. Паллас приводит в доказательство своего определения сравнительный лексический материал самоедских, койбальских, маторских и карагасских слов на стр. 524—526.

² Георги. Описание народов, ч. III, стр. 13.

³ Сибирский Вестник, 1819 г., ч. V, стр. 58.

⁴ Паллас. Путешествие, т. III, стр. 523.

устойчивы и консервативны. Они продолжали сохраняться у койбалов, свидетельствуя о их бывшей общности культуры и быта с камасинцами. В сказке Красноярского сына боярского Кирилла Худоногова „О состоянии Койбальской земли“, составленной в 1737 г., в отношении культуры и быта койбалов сказано: „Онй народ против Канской земли“. Это означает, что койбалы не отличались по образу жизни и быту от коттов, которые описываются в подобном и одновременно составленном документе как таёжные охотники. С другой стороны, среди койбалов были скотоводы и земледельцы, так как койбалы обитали не только в горно-таёжных, но и степных пространствах. По сообщению Фишера, „Койбалы живут на реках Абакана и Туба, также в тайге“¹. Из этого можно заключить, что часть населения, приписанная к Койбальской земле, жила в степных местах. Это известие вполне подтверждается отрывочными замечаниями Миллера относительно некоторых сторон хозяйства и быта койбалов. Он замечает, что у койбалов можно видеть жилища не только из бересты, но и из войлока, потому что среди них встречаются такие, которые усиленно занимаются скотоводством. В другом месте Миллер сравнивает скотоводство „койбал Саянской степи“ по составу скота с барабинскими татарами, отмечая преимущественное разведение ими лошадей и крупного рогатого скота и незначительные размеры овцеводства². Это довольно обстоятельно засвидетельствовал Е. Пестерев, у которого сказано: „Койбалы кочуют на правом берегу Абакана и вдоль Бея, Дабату и Уту. Прежде у этих кочевников был хороший скот, многие из них были богатыми, но оспа была причиной большой смертности среди них, а отсутствие сена вызвало падеж скота. Их лошади не очень большие, но очень выносливые. Эти кочевники занимаются немного земледелием, однако, самый деятельный земледelec обрабатывает не более полудесятины земли; они запасают сено только для корма баранов. Что же касается лошадей и быков, они в течение всей зимы пасутся в степях, ибо здесь выпадает немного снега. Койбалы охотятся вдоль по течению трех Кебешей, Ое, Амылу, Кандату и Шадату и их притоков, которые все протекают по правому берегу Енисея. Соболи у них не бывают хорошими. Все койбалы христиане“³. Паллас также пишет о койбалах-скотоводах, земледельцах и охотниках. Приведём отдельные места из его описания занятий и быта койбалов, сделанного им по собственным наблюдениям. По его словам, койбалы „скотом не

¹ См. Рукопись И. Фишера на немецком языке. Архив А. Н., ф. 21, оп. 5, № 52, стр. 1—49. Указанием на эту рукопись я обязан А. И. Андрееву.

² Миллер. Портфели, хранящиеся в ЦГАДА, № 763/1386, ч. 1, л. 93 об., л. 117.

³ Е. Пестерев. Записки, стр. 163—164.

очень богаты, однако по выгодным у них промыслам и по рачительному, как видно, хлебопашеству, они живут довольны, и есть, кои у себя до сотни лошадей имеют. Пашут они российской сохою, которую называют по своему сабан, сеют хлеба больше нежели сколько им потребно, и по тому излишний продают соседственным татарам. Откуда, да и из всех их поступок, ясно видно, что они совсем противного татарскому свойства... Многие из них имеют деревянные на зиму дома, да и из тех, кои живут в юртах, некоторые содержат кур¹. Паллас сообщает, что они собирали и жали дикую гречиху, росшую большими полями в местах их обитания по правобережью Енисея. Семена поджаривали в чугунных чашах и (в деревянной ступе) превращали в крупу. Из крупы варили кашу на молоке. В большом количестве собирали дикий лён и крапиву, из которых делали верёвки. Жили койбалы оседло. Летом переходили из деревянного дома в юрту. Часть койбалов жила в юртах и зимой. Юрты были качинского типа. Одежда койбалов представляла смесь качинской и русской. Многие мужчины (некрещённые) носили косу. Некоторые носили головные уборы монгольского типа. Георги характеризует койбалов как скотоводов и отмечает у них наличие не только овец, но и верблюдов. Вместе с этим он подчеркивает пристрастие койбалов и к звериному промыслу.

Как указывалось выше, в Койбальской земле XVIII в. оказались частично и маторы, потомки маторов XVII в. В этом столетии они были раздроблены на несколько групп. Одна из них обитала в верховьях р. Кана и составляла Татаров улус Камасинской земли, в котором числилось 12 ясачных. Миллер, упомянув этот улус в составе Камасинской земли, заметил: „из них большинство модоры, по-камасински—модорсанг, по-татарски—модорлар...“² Кроме того Миллер отметил, что жители Тагинского улуса Канской земли (по-камасински—нигисанг, а по-татарски—такалар), обитавшие в верховьях Кана, „имеют общий язык с модорами, отличный от языка камашинцев“³. Вторая группа маторов входила в состав Койбальской земли. Миллер в 1735 г. сообщал, что население Тарачакова улуса Койбальской земли называет себя маторами и говорит на своем языке, а не на татарском (т. е. не на тюркском). Вместе с некоторыми другими улусами Койбальской земли население Тарачакова улуса обитало в это время по р. Тубе. Эти маторы были, конечно, потомками Тарачакова улуса Тубинской земли XVII в. В низовьях Тубы маторы оказались, вероятно, в связи с переселением их из гор, нахо-

¹ Паллас. Путешествие, т. III, стр. 527. Слово „сабан“ говорит за то, что название сохи койбалы заимствовали именно от качинцев.

² ЦГАДА, фонд 199, дело № 9, портфель 526, ч. II, л. 26.

³ Там же, л. 26.

дящихся за Саянским острогом, вследствие того, что при намечавшемся проведении границы между Россией и Китаем местные русские власти пожелали отвести ясачное население подалее намечавшейся границы, чтобы они платили ясак России. Правда, когда эта граница была проведена в 1727 г., большая часть маторов все-таки оказалась китайскими подданными и вошла в состав сойотов — предков современных восточных тувинцев. Но в Койбальской землице была еще одна маленькая группа населения, которая называла себя „моторами“. Она жила в горах близ Шедатского форпоста по речке Каратуз, впадающей в Амыл (одна из рек образующих Тубу). К какому улусу была приписана эта группа маторов в 1735 г., когда в Красноярском уезде был Миллер, остается пока неизвестным. Скорее всего они относились к улусу Тарачакову, ибо про население именно этого улуса Койбальской землицы Миллер писал, что оно само себя называет моторами. Однако, во время Палласа рисуется иная картина. Теперь, спустя 37 лет после поездки Миллера, Тарачаков улус обитал вместе с некоторыми другими улусами уже между Абаканом и Енисеем (т. е. на западной стороне Енисея). Однако, часть этого улуса, вероятно, оставалась по-прежнему в бассейне Тубы—Амыла и продолжала называть себя моторами, о которых у Палласа сказано: *Sie nennen ihren Aimak selbst Mator*¹. Но, судя по Палласу, моторы теперь числились среди Тубинского улуса, ибо у него говорится в перечне улусов Койбальской землицы: *„die Tubinzen, wogunter ist die Motoren mit inbegriffen sind, von 29“*².

В 1760 г. маторов было 30 платёжных душ. Вскоре оспа произвела среди них опустошение. В 1772 г., при посещении Палласа, их насчитывалось только 10 семейств. Они по образу жизни, языку, религиозным верованиям, вместе с той частью их, которая находилась в Туве, считались исследователями XVIII в. „самоядского колена остатком“³. По характеристике Палласа „в поведении и платье они не очень отличны от койбальцев, скудны, скота немного, питаются промыслом и службою у богатых качинских татар, хлебопашества не имеют, собирают сарану, сушат ее и толченую подмешивают во всякую еству. Уже более 30 лет, как они крещены; прежде складывали они своих мертвых меж трех досок на деревья. Юрты свои покрывают берестинами, а зимою для тепла заваливают сеном. Двери принаравливают на восток“⁴. Е. Пестерев, посетивший их в 1773—74 гг. близ Шедатского караула, писал: „Они питаются сараною, кондыком и марьиными кореньями. Хлебопашества не имеют, а немного покупают у русских муки и кру-

¹ Pallas. Reise, III, стр. 378.

² Там же, стр. 376.

³ Георги. Указ. соч., стр. 16.

⁴ Паллас. Указ. соч., стр. 520, 530.

пы. которую берут на промысел. Охотятся по р. Амылу и впадающим в него речкам, поднимаются как и кайдинцы (т. е. кайдинцы—Л. П.) в берестяных лодках. У них мало лошадей и быков, они очень бедны, но не жалуется на их судьбу. Ясак платят деньгами красноярским сборщикам¹. Пестерев отмечает также, что „у матор домьих (домашних—Л. П.) оленей нет“. В 1806 г. маторов посетил Гр. Спасский, который первый собрал словари койбальского и маторского языков. Г. Спасский нашёл двух престарелых матор, которые в точности знали свой язык. „Сии словари,—указывает Г. Спасский,—совершенно удостоверили о сходстве сих языков с самоедским“². „Они кочуют,—пишет он,—в вершине речки Каратуса и близ Шадатского форпоста. Улус их состоит только из 20 беднейших юрт. Небольшое число их обращается в работе у качинцев. Маторы почти оставили свой язык... Рост они имеют невысокий, лицо бледное и сухощавое; но сие может быть происходит от необрятства их и худой пищи“³.

В конце XVIII в. было произведено укрупнение улусов. Койбальская земля состояла уже не из 14—15 улусов, как это было по данным Палласа, а из 6 улусов, население которых составляло теперь не 400 (по Георги 415), а 528 душ: Большой Байкотовский (138 д.), Малый Байкотовский (88 д.), Кольский (138 д.), Таражаков (95 д.), Абулгачев (95 д.) и улус Арши (60 душ). Эти данные относятся уже к 5-й ревизии (1794 г.). Отсюда видно, что койбальские улусы были укрупнены (например, в Кольском улусе стало 138 душ вместо 16). Улусы: Карнат, Урген с Бугуджи, Аршупов, Сысков, Аскасов, Ангаров, Тубинский перестали существовать официально. Они растворились в среде оставшихся улусов, ибо в 1847 г. Кастрен записал их названия в народе как „родовые“ названия (например, Ингара, Ирген, Бегеди, Тьода, Карнат).

3. ЯРИНСКАЯ ЗЕМЛИЦА

Эта земля продолжала существовать и в XVIII в. Состав её улусов, по сравнению с XVII в., заметно сократился. Однако все основные улусы остались. По данным 1735 г., в неё входило четыре улуса и волости: Абалаков улус (31 ч.), Тинская волость (15 ч.), Кайдинов улус (17 ч.), Бахтинская волость (19 ч.⁴). Миллер называет жителей этой земли—яринцев, кайдинов и бахтинцев—татарами, исходя из данных языка, так как все они в это время были уже тюркоязычными. По его словам „эти четыре улуса обитают в степях на восточной

¹ Пестерев. Указ. соч., стр. 132.

² Г. Спасский. Указ. соч., стр. 52.

³ Там же, стр. 59—60.

⁴ Миллер. Описание Красноярского уезда, л. 239.

стороне Енисея по речкам Онаш между Абаканским и Караульным острогами, на середине пути между ними, а также по рекам Сиде и Тубе". На двух последних (из перечисленных) речках жили в то время преимущественно кайдинцы. Это подтверждает и Фишер (1741 г.), называющий их „хайдинами“. Фишер пишет, что они жили „между двумя острогами Саянским и Абаканским, в лесах на реках Тубе и Сыде, впадающих в Енисей“.¹

Относительно яринцев имеется сообщение Д. Мессершмидта (1721 г.), который видел жилища их по Енисею, выше впадения Ербы². Кроме того он приводит рассказ одного „татарина“ о том, что яринцы, жившие по р. Сыде, переселились сюда с р. Ои, а часть их была уведена с енисейскими киргизами в Джунгарию³. Гмелин в 1739 г. нашёл яринцев также по р. Сыде, где и описал их шамана.⁴ По этим же речкам жили, как следует из приведённых выше записей Миллера, и некоторые улусы Койбальской земли, в частности в верховьях Сыды—Сыской улус.

По сообщению Палласа, Яринская земля в начале 70-х годов XVIII в. состояла только из трёх улусов и возглавлялась князем, жившим на р. Уйбате. Паллас называет улусы: Собственно Яринский, Бухтинский (или Тинский) и Кайдинский⁵. Абалакова улуса Паллас не упоминает. Однако это вовсе не означает, что этот улус исчез, ибо позднее, в результате реформы 1822 г. Абалаков улус снова появляется под своим названием, но уже в составе Качинской Степной думы, так как арины, яринцы, тинцы и др. мелкие земли жили смешанно с качинцами и слились совершенно с ними в отношении языка, культуры и быта. Поэтому, возможно, Паллас и не назвал этого улуса, как, например, не назвал Татушева и Абалтаева улуса при перечислении улусов Качинской земли. Но не исключено и другое, пожалуй, более вероятное, предположение. Абалаков улус, в котором, по данным Миллера, числилось ясачных 31 ч., у Палласа назван Собственно Яринским улусом, насчитывавшим 30 луков, по имени которого называлась вся эта земля. Выше говорилось, что Абалаков улус был основным улусом в Яринской земле в XVII в. Вполне понятно, что у Палласа он назван „Собственно Яринским“. Некоторая часть яринцев совместно с ястынцами составляла во время поездки Миллера Ярино-Ястинскую волость

¹ Фишер, цитированная рукопись, л. 20.

² Мессершмидт. *Дневник путешествия*, стр. 165.

³ Там же, стр. 146.

⁴ Gmelin, *Reise durch Sibirien*, стр. 325.

⁵ В другом месте своего дневника Паллас, как отмечалось выше, „Собственно Яринский аймак“ называет „аринцами“ (Arinzischen stam). Pallas, *Указ. соч.*, стр. 339.

в Качинской землице. Однако основная часть яринцев была в это время именно в улусе Абалаковом Яринской землицы, объединявшей, кроме того, как и в XVII в., еще Кайдынов или Хайтонов улус, а также Тинскую и Бухтинскую волости. У Палласа же собственно Яринский улус появляется вместо Абалакова, числящегося в списке Миллера, а все остальные улусы, названные им, совершенно совпадают с улусами, упомянутыми в списке Яринской землицы Миллером. Кроме того, наше предположение о тождестве Абалакова улуса с собственно Яринским улусом подкрепляется еще и тем, что, говоря о расселении ясачных Абалакова улуса и Тинской волости, Миллер называет реки Онаш и Кому на восточной стороне Енисея. И, по словам Палласа, яринцы проживали как на западной стороне Енисея среди качинцев, так и на восточной, в частности по р. Кома, где жил князец Бухтинской волости.

В списке улусов Яринской землицы, зафиксированном Палласом, Тинский и Бухтинский улусы выступают вместе. Очевидно их объединили ввиду малочисленности. Во времена Миллера в обоих этих улусах числилось 34 ясачных плательщика, а при Палласе, когда их объединили, считалось 29 луков. В Кайдинском аймаке или улусе Яринской землицы числилось 16 луков¹. Паллас отмечает, что все три улуса Яринской землицы были родственны между собой, а также с кето-язычными аринами. Касаясь расселения, Паллас пишет, что тинцы и яринцы обитали с давних времён по рр. Теси и Ерге (левые притоки Енисея) среди качинцев (видимо с 1720 г., когда они вместе с качинцами уехали из-под Красноярска), кайдинцы жили по р. Кизиру, составляющей один из истоков р. Тубы. Напомним, что для XVIII в. наиболее раннее упоминание о Кайдинском улусе содержится в документе 1704 г., представляющем собой донесение Ив. Злобина об исчезновении енисейских киргизов с мест их обычных кочевий и нахождении им бывших киргизских и тубинских киштымов. В документах 70-х-90-х годов XVIII в. его обычно именуют „Яренской землицы Кандыков улус“². Однако в документах того времени его называют иногда и Кайдынской землицей. Что речь в данном случае идет об одном и том же административном подразделении, видно из того, что документы эти адресованы одному и тому же князю Казанке или Казанкину, независимо от того, назван ли „Яренской землицы Кандыков улус“ или написано просто „Кайдынская землица“³. В одном из указов 70-х годов написано: „Кайдынской землицы князю Казанку с товарищи, о небытии в ведомстве абаканской

¹ Pallas. Указ. соч., т. III, стр. 339.

² Кузнецов. Красноярский Архив Аскыской Степной думы. Томск, 1892, стр. 7, 9, 12.

³ Архив Аскыской Степной думы, стр. 1, 2, 7, 9, 12.

управительской конторы, а быть единственно под ведением Красноярской воеводской канцелярии¹.

О культуре и быте населения яринской земли XVIII в. материал весьма скудный. Частично он содержится в заметках Е. Пестерева, относящихся только к кайдинцам. По описанию Е. Пестерева (1773 г.), у кайдинцев не было ещё домов. Летом они жили в берестяных юртах, а зимой в войлочных. „Прежде их страна,—пишет Е. Пестерев,—считалась богатейшей в Красноярском уезде; в настоящее время ее очень обезлюдела оспа. Два раза в год они идут на охоту, вверх по течению Кезира и Шимды в берестяных лодках, тогда они возвращаются пешком и часто приносят соболей весьма посредственного качества. Второе путешествие совершается в феврале—тогда для переходов пользуются лыжами и возвращаются в мае на лодках, оставленных ими в местности, расположенной вверх. С этой второй охоты они приносят шкуры лосей и оленей, а также соболей. В Кезире, а также других реках они ловят такое количество рыбы, что она является долгое время их главной пищей. Некоторые из них земледельцы, но лучшие из них не в состоянии обработать более десятины. Самые богатые имеют редко более десяти лошадей и столько же быков. Сборщики приходят к ним за ясаком из Красноярска и принимают его деньгами². У И. Георги мы находим краткое описание быта и культуры. Он указывает, что все аринцы и соединённые с ними в Яринской волости или земле яринцы и буктинцы „живут во всем одинаково с качинцами. Жилища, пища, хозяйство и одеяние у них точно такое же. Но аринцы и яринцы гораздо беднее и кроме нескольких лошадей, не имеют никакого скота почему и питаются по большей части звериной ловлею и дикими кореньями. Подушный оклад очищают также мягкой рухлядью³“.

Таким образом, в состав улусов Яринской земли XVIII в. вошли улусы Яринской ясачной земли XVII в., кетоязычное население которых в течение XVIII в. по языку, культуре и быту слилось с качинцами, что и было удостоверено учёными—участниками академических экспедиций того времени.

4. КАНСКАЯ ЗЕМЛИЦА

Канская земля сохранила своё наименование и в XVIII в. Она объединяла в себе, как и в предшествующем столетии, ясачное население районов, прилегающих к Канскому острогу.

¹ Архив Аскыской Степной думы, стр. 1.

² Е. Пестерев. Указ. соч., стр. 131.

³ Георги. Указ. соч., т. III, стр. 25.

О ней у Миллера говорится: „Канская земляца, в области рек Кан, Усольская, Поям и Бирюса, состоит из котовских улусов“. Г. Миллер называет 13 улусов Канской землица, причём приводит не только русские названия их, но и местные коттовские. Вот этот список, в котором коттовские названия улусов даются в транскрипции Миллера:

Русское название	Коттовское название	Количество ясачных
1. Пантыков улус	Pentik ajmak (Пентик)	22
2. Багин „	Kamartagat „ (Камартагат)	8
3. Алашпаев „	Halapsyrkat „ (Халапсыркат)	2
4. Тупараков „	Penanankat „ (Пенананкат)	6
5. Шалашкин „	Teschirkat „ (Теширкат)	10
6. Торсуков „	Torschuk „ (Торшук)	7
7. Ассанская волость	Tschubremkat „ (Чубремкат)	7
8. Шибарданов улус	Schibardam „ (Шибардам)	28
9. Таганаков „	Tinnagan „ (Тиннаган)	4
10. Именеков „	Immenek „ (Иммек)	14
11. Пеленгутская волость	Pelengut „ (Пеленгут)	14
12. Агашская „	Aigasch „ (Айгаш)	19
13. Инголоцкой улус	Jingolarkat „ (Инголаркат)	12
		Всего 150 ясачных.

Расселение этих улусов показано Миллером в следующем виде. Улусы Пантыков, Багин, Алашпаев и Тупараков по рекам, впадающим в Кан ниже Канского острога: Малая Куришь, Черная Куришь, Барга. Улусы Шалашкин и Торсуков по реке Кан, немного выше острога и по речке Ешкаул, впадающей в Кан. Асанская волость на озере, расположенном между речкой Чёрная Куришь и Усольская. В верховьях реки Усольской находился улус Шибарданов, а Таганаков и Именеков улусы по реке Поям (Пойма) и впадающей в неё речке Тебишет; Пеленгутская волость была на реке Туманчед, притоку Бирюсы. Что касается Агашской волости и Инголоцкого улуса, то население их обитало по Бирюсе и её притоку — речке Тагулу. Общее количество ясачных плательщиков в Канской землице исчислялось в сто пятьдесят человек.

Если сопоставить улусы Канской землица XVIII в. с составом улусов этой землица XVII в., то нетрудно убедиться в том, что в Канскую землицу, во время поездки Миллера, входили те же самые улусы. Из них ясачное население Асанской волости, а также Тупаракова, Алашпаева и Шибарданова улусов, относилось к асанам, а остальное к коттам. Асаны и котты обитали в тех же местах, по тем же речкам, что и в

предшествующем столетии. Основываясь на материалах Миллера, мы имеем возможность точно установить этнический состав этой земли. Нет никакого сомнения в том, что Канская земля и теперь состояла в основном из мелких кетоязычных групп, потомков коттов и асанов XVII в. Ещё до поездки в Сибирь Миллера, Стралленберг, оставивший свои записи по народам Сибири, относящиеся к началу 20-х годов XVIII в., совершенно ясно заявлял: „Канские татары... никакого с татарами сравнения не имеют, но сущие самоеды или остяки, с которыми в языке, хотя по близости татарским испорчен, но много согласуют, и сами сказывают о себе, что они одного народа были и вместе жили. Сие имя дали им русские от реки Кан... Сами они себя зовут кхетовчи, а тунгусы их зовут аза. Они немногочисленны и едва от 400 до 500 человек соберется“¹. Д. Мессершмидт сообщил в 1722 г. о канских татарах, что они „живут у истоков р. Маны и называются кистимцами, говорят на своем особом языке, называемом котовским“.² Культура и быт „канских татар“ — коттов, кратко, но выразительно, описана красноярскими казаками. Приведем этот документ.

В 1737 году красноярские дети боярские Прокопий Многогрешной, Семён Аксаков, Иван Саламатов в Красноярской канцелярии сказали о состоянии народа Канской земли:

„Оной народ состоит ростом средним; лицом смуглые, глаза узкие, черные и карие, волосом черные и русые. Платья носят зимою козлиные, тулупы шерстью вниз, а летом носят кафтаны козлиные голые, а рубашек на себе не имеют, кроме оных кожанов. А на ногах носят зимою козлиные пимы, по подобию сапогов бес каблуков, из осенних козлин, а летом из летних козлин. И штаны носят из оных же козлин голых, как летом, также и зимой. А такое платье носят и женский полк. А на головах носят малахай лисьи, и рысьи, и росомачьи, и волчьи, и беличьи и протчих зверей. А на руках рукавиц не носят, и вместо рукавиц имеют у тулупов длинные рукава, и тем согревают руки. А живут (л. 491) оные канские татары зимою и летом в берестеных юртах вострых, которые называютца хателы, а по-русски называютца алачеги. И в середине кладут огонь, и спят зимою в морозное время гузнами вместе, а головами розно, бес штанов, для теплоты, также и мужики в дорогах спят по тому ж;³ и постели имеют у себя из козьих головок и ис травы, и одеваютца оными же козлиными тулупами и одеялами козлиными ж; а в летнее время спят, как и

¹ С. Strehlenberg. Das nord und östlichen Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

² Мессершмидт. Дневник путешествия (рукопись), стр. 170.

³ Ср.: Георги, сообщившего, что котты спят на охоте „около огня попарно, так что голова лежит одна супротив другой, а ноги одного под руками у другого“.

русские. А оные татары пропитание имеют себе зимою всякое звериное мясо, кроме волчья и лисья мяса, также и пропустинное мясо ядят, кроме ж оных волчья и лисья мяса. И сараню питаютца белою и желтою, и из оной сараны делают тобу кислую и сушеную, и как им понадобится есть, то оне оную тобу варят в воде и едят; а сухую сарану едят вместо сухой рыбы и мяса (л. 491 об.). А оные ж канские татары промышляют зверей: летом лосей, а по их званию аганчи, и изюбрей, по их угум, и коз диких, а по их эг, а осенью и зимою и весною соболей, лисиц черных, и бурых, и красных и рысей, и росомах, и выдр, и волков, и белку тако же и сохатых, и коз, и изюбрей. И оными зверьми платят в казну ее императорского величества ясак по шти, и по 5, и по 4, и по 3, и по 2, и по одному соболю в год; а у которых оных зверей не имеетца, и те платят ясак деньгами по рублю за соболя, которые деньги вырабывают у русских людей в летнее и в зимнее время. И живут оные татары по своим урочищам по Кану реке и в разных местах и кочуют с места на место по разным речкам как летом, так и зимой. И промышляют оных зверей осенью до снегу на конях и пешие. А лыжи у них имеютца деревянные (л. 492), подклеены камасами канинными и сохатинными. И стреляют оных зверей ис пищалей винотовальных и из луков кремневых стрелами. А стрелы имеют копейца железные и костеные, которые луки и стрелы делают они сами. И оные татары, как родятца у них мужеска или женска полу, то у них имена дают им по своему мнению, как им на ум найдет: на что глядят, по тому и имя даст. Да у оных же татар вера имеетца, и приносят жертву, бросают в огонь ядь куски свои, и потом бросают же шайтанам, которые весят на батагах у себя в юртах: голые соболи, и колонки, и горностаи, и белки, и привязывают же всякие лоскутья, и из птиц привязывают орлов и лунев, и тем называют шайтанов и¹... в них веруют. А ныне из оных татар многие пришли более половины во крещение в христианскую веру, и стоят близ Канского острогу, и повсегодно исповедываютца (л. 492 об.), и имеют у себя в юртах святые иконы и друг от друга обучаютца христианской вере. А некрещенные татары имеют у себя попрежнему шаманщиков, и бьют в бубны по ночам, а днем не шаманят, и веруют в шайтана; и собираетца на оное шаманство где их сколько имеетца мужеску и женску полу, и оных шаманщиков они называют вместо попов и дают оным шаманщикам плату скотом и прочими зверями и платьем. И оные же татара детей своих обучают с ызмладенчества мужеска полу стрелять из лука и ис пищали, и ходить на лыжах и ездить

---

¹ В рукописи далее: алкем.

на конях, и промыслять всяких зверей, чем бы ему пропитание иметь. А женский пол обучают шить тулупы, и пимы, и штаны, и малахай, и сарану копать (л. 493). И оный народ имеет у себя жен по одной, по две и по три. И берут оных жен от десяти лет и до старости. И сватаютца оные татары: ежели имеютца у двух мужиков жены беременны и еще не родили, то сватанье бывает у которого родитца сын, а у другого дочь, то с тех пор имеетца сватанье до возраста; и дают за невесту плату, а по их калыму; а как у обеих родятца по дочери или по сыну, и то сватанье покидают, а калым берут назад. И из родства берут отец невестку и брат невестку ж, кроме родных, без разбору, и в то у них возбранения не имеют. И дают же за оных невест калыму скотом от 5-ти и до 15-ти скотин; а у кого скота не имеетца, то битыми сохатыми зверьми, козами и сохатыми. И исчисляют сохатова за скотину, а 10 коз за скотину ж, и квашеною сараною по 4 или по 5 пуд за скотину ж. И на тех свадьбах¹ бывают у них вместо пиров, бьют по скотине и по две и варят, и покаместа съедят мяса то все (л. 493 об.), по юртам своим разъедутца. Да на тех же свадьбах бывает пляска: скачут кверху, и бьют в ладони, и поют по своему песни, и тем себя увеселяют. А торгов у оных татар никаких не имеетца, и живут весьма нужны. И как оные татары умирают, то они в том же платье и кладут, в чем он ходил живой, и сверх того обвяжут ево берестом; и отвозят их на высокие горы, и на тех горах поставят четыре столба, вышиною в печатную сажень, и наверху зделают мост, и на оный мост одного мертвого положат и сверх того покрывают берестом же и обвязывают прутьями; и те столбы у них называютца лабазами; и оной мертвой лежит на тех столбах, пока не згниют столбы и не упадут на землю; а других мертвых закапывают в землю, где хто прилучитца, и обертывают по тому же берестом².

К этому же времени относятся и этнографические заметки Г. Миллера о канских коттах или, как он их называет, „котовцах“. Относительно их жилищ он замечает, что они, как и камасинцы, „строят хижины, состоящие из длинных шестов, которые внизу располагаются по кругу, а вверху соединены вместе. Эти шесты они покрывают летом березовой корой, зимой, если кто имеет средства, замшевой лосиной кожей. Я говорю, кто имеет средства, потому что есть много бедняков, которые летом и зимою живут только под березовой корою“. Об одежде коттов Миллер пишет: „носят татарскую одежду, но их платье халаты и шубы короче и редко бывают ниже колен, ибо большая часть камашинцев и котовцев постоянно

¹ В рукописи: свободах.

² Опубликовано впервые А. И. Андреевым в статье „Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири“. Советская Этнография, 1936, № 6, стр. 99—101.

находятся на ногах. Сапоги делаются у них из шкуры козуль, убитых летом, ибо на них волосы не так толсты и длинны, и их поэтому легче сушить, если они намокли. Они обматывают ноги зимой и летом травой или сеном. Штаны делаются из любого козульевого меха, у которого волосы уже сносились. Они заходят до половых частей или до колен, и нигде не имеют разреза, их приходится затягивать и завязывать вокруг тела как мешок...“

В жилищах не было разделения на мужскую и женскую половину, как у качинцев, не было у коттовцев и обычая „избегания свекра и невестки“. Некоторые из коттов, по свидетельству учёного, держали понемногу лошадей. Основным занятием их была охота на зверя с луком и стрелами. В небольших степях и не слишком густых лесах они зимой по глубокому снегу устраивали облавы на лыжах на лосей, оленей и козуль.

Из обычаев коттов Миллер обращает внимание на то, что „самой страшной клятвой у них служит — съесть лоскуток сырой медвежьей кожи...“¹ Несколько позднее Миллера сделал путевые заметки о Канской землице И. Фишер. „Канские или коттовцы, — сказано у него, — живут также на р. Кане, ниже по течению, вблизи острога. Они крещены“. В другом месте этих заметок говорится: „Коттовцы живут на пространстве между речкой Балан и рекою Бирюсою. Они ничего не знают ни о боге, ни о черте, но у них все же есть имена для них — бог называется еш, а черт — ака. Они верят, что после смерти их останки принадлежат по праву черту. Жена у них — ахт, собака — алшиб. Они не имеют понятия о мытье, а только охлаждают себя. Они едят любое мясо, даже падаль, и ни к чему не питают отвращения. Обглоданные кости они не выбрасывают, а тщательно собирают, заворачивают их в бересту и вешают на дерево. Иначе, говорят они, им не было бы счастья на охоте“².

Позднее, в 70-х годах, о коттах упомянул в своих записях Е. Пестерев. „Канская землица, — пишет он, — располагается около Канского острога, и вверх по Кану реке, из обитателей оные часто имеют изрядное хлебопашество, и живут по русскому обыкновению и довольствуются не малым количеством разного скота, а остальные вверх по Кану реке и по другим речкам имеют кочевные стойбы, и сверх скотоводства довольствуются разных зверей промыслами, по впадающим в Кан реку речкам; зверей же они ловят сохатых, маралов, диких коз и бобров, выдр и посредственной доброты соболей; ясак отдают присылаемым из Красноярска зборщикам“³.

Обобщённые данные о коттах, относящиеся к концу XVIII в.,

¹ Все цитаты взяты из рукописи Г. Миллера „Описание Сибирских народов“

² И. Фишер. Указ. рукопись, стр. 28.

³ Новые ежемесячные сочинения. Январь, 1793, ч. XXIX, стр. 69-70.

приводятся И. Георги. Они рисуют картину сближения культуры и быта коттов с качинцами, хотя язык свой котты в это время ещё не утратили. Георги пишет: „Юрты их совершенно сходны с качинскими“, т. е. круглые, с решетчатым остовом, крытым летом берестой, а зимой—войлоком. „В рассуждении одеяния, пищи, жития и всего устройства походят также на качинцов, токмо гораздо их скуднее..., строго наблюдают обряды качинцов“¹. Вместе с этим наблюдался и другой процесс—быстрое усвоение коттами русской народной культуры и русского языка. Ко времени разделения сибирских губерний и организаций инородческих Степных дум в 1822 г. котты в большей своей части слились с русскими крестьянами и поэтому были зачислены в разряд „оседлых инородцев“ под названием „канских татар“. В середине XIX в. Кастрен нашёл потомков коттов в бассейне р. Кана по р. Агулу среди так называемых камасинцев Агульского улуса. В прошлом Агульский улус, по словам Кастрена, составлял два административных рода: Пантыковский (на р. Агуле и Малой Кане) и Шалашинский (на р. Кунгузе). Оба эти рода, как мы видели выше, в XVII в. были коттовскими улусами. Эти „камасинцы“, по Кастрену, говорили на коттовском языке, т. е. на кетоязычном диалекте и именовали себя „котту“. Кроме того Кастрену удалось обнаружить обрусевших коттов около Канска в деревнях Анзаре, Барнауле и Еланске, которые являлись потомками Багинского или Багина улуса XVII в., некогда находившегося на р. Пойме, притоке Аны (или Бирюсы). Засим, Кастрен обнаружил потомков коттов в лице бурятских котонов, переселившихся по приказу местной администрации на р. Уду, где они образовали деревню Барадановку, в 30 верстах ниже Нижнеудинска.² Возможно, что это были потомки родственников коттам асанов, входивших в XVII в. в Барданаков или, как он позднее именовался, Шибарданов улус. Свой язык эти котты утратили и усвоили бурятский, ещё живя в верховьях Аны или Бирюсы, с которой они выселились на р. Уду, где перемешались не только с бурятами, но и с русским населением, что и дало повод Кастрену назвать этих потомков коттов полурусскими и полумонголами. Заслуживает внимания также сообщение Кастрена о том, что карагасы называют обурятившихся коттов термином „кодеглар“, т. е. так же, как тюркоязычные племена Красноярского уезда именовали канских коттов.³ Отсюда следует, что часть коттов ассимилировалась среди тувинцев, ибо Н. Катанов обнаружил группу „Кодуглар“ в составе Ойнарского сумона тувинцев. Часть коттов слилась с

¹ Георги, ч. III, стр. 27.

² Название „котоны“ встречается в документах XVII в. как наименование „Кутанской земли“, о чем говорилось выше. См. Миллер, т. II, стр. 274.

³ См. Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX, стр. 17.

качинцами, от которых усвоила не только образ жизни, на что обратил внимание ещё Георги, но и тюркский язык. Таким образом, в составе качинцев также имеется коттский этнический элемент. Из изложенного следует, что большая часть коттов вовсе не вымерла в течение XVIII-XIX вв., как на этом настаивали некоторые дореволюционные авторы, а уменьшалась в численности за счёт ассимиляции в различных группах будущих хакасов, особенно за счёт слияния с русским населением и перехода на оседлость, т. е. за счёт перехода из категории кочевых или бродячих инородцев в категорию „оседлых инородцев“ или просто в категорию крестьян. Это видно даже по данным переписи 1897 г., которая зарегистрировала, кроме камасинских и прочих „татар“, ещё 567 душ обоего пола „канских татар“. В этих „канских татарах“ нельзя не видеть потомков коттов XVII в., перешедших на оседлый быт по русскому крестьянскому образцу. Процесс этот, как говорилось выше, подметил ещё Е. Пестерев в 1780 г.

5. КАМАСИНСКАЯ ЗЕМЛИЦА

Единственным материалом для суждения о составе улусов Камасинской земли XVIII в. являются неопубликованные записи Миллера¹. Он пишет, что „Камашинская земля, к которой относится особая народность камашинцы, живущие в лесах по рекам Кан и Мана, состоит из одиннадцати улусов“. Названия этих улусов Миллер дает по-камасински, по-татарски (т. е. по-тюркски) и по-русски в следующем порядке:

Камасинское	Татарское	Русское	Число ясачных людей
1. Татарсанг	Татарлар	Татаров	12 ч.
2. Бугасанг	Бугалар	Бугачеев	13 ч.
3. Ургунэсанг	Ургунер	Ургунская волость	5 ч.
4. Силисанг	Койгалар	Кугин	15 ч.
5. Нигисанг	Такалар	Тагинский	11 ч.
6. Байгасанг	Байгалар	Багин	12 ч.
7. Харгильсанг	Каргилар	Ургунов или Кургунов	4 ч.
8. Гиндусанг (Hindushang)	Угулер	Угумаков	7 ч.
9. Могатисанг	Могатлар	Мунгатков	7 ч.
10. Шалбасанг	Шалбалар	Аргашин	19 ч.
11. Бугулмасанг	Бугулмалар	Мунтуков	21 ч.

Всего: 126 ч.

¹ ЦГАДА, ф. 199, д. 9, Портфель 526, ч. II, л. 26.

Важное значение имеют примечания Миллера, сделанные им в отношении отдельных улусов Канской земли. По поводу населения Татарова улуса он замечает, что „из них большинство модоры, по-камасински Модор-санг, по-татарски Модорлар“. Следовательно, в отличие от Татарова улуса Качинской земли, в который входила тюркоязычная родоплеменная группа „Пурут“, большинство населения Татарова улуса Камасинской земли относилось к самодийскоязычным мотора́м. К Тагинскому улусу Миллер сделал такое ценное примечание: „имеют общий язык с модорами, отличный от языка камашинцев“. Это примечание даёт возможность полагать, что самодийскоязычные родоплеменные группы, обитающие на восточной стороне Енисея, ещё в XVIII в. говорили на различных диалектах.

Относительно расселения улусов Камасинской земли, в которых числилось 126 ясачных плательщиков, Миллер указывает: „Из этих камашинских улусов шесть первых живут в верховьях р. Кана, седьмой и восьмой улусы по р. Мане, а три последних на ручье Рыбном, впадающем с юга в р. Кан“. Таким образом, засвидетельствовано, что улусы Татаров, Бугачеев, Ургунская волость, Кугин, Тагинский и Багин жили в верхнем течении р. Кана по соседству, а может быть и попеременно с коттами, а улусы Ургунов или Кургунов и Угумаков—по р. Мане. Улусы Мунгатков, Аргашин, Мунтуков обитали по речушке Рыбной, притоку Кана.

И. Фишер, побывавший в Канском округе, также отметил в своих записях 1741 г., что „Камазинцы живут в истоках р. Кана¹“.

Все улусы Камасинской земли XVIII в., помещённые в списке Миллера, существовали и в XVII в., но только не в одной, а в различных землях: Камасинской, Кашинской, частично в Канской и Тубинской. Напомним, что первые шесть улусов, указанных в списке Миллера, входили в Камасинскую землю. Улусы Мунгатков, Аргашин, Мунтуков—в Кашинскую землю. Багин улус был и в Канской и в Камасинской землях, а маторы входили в XVII в. в Тубинскую и Камасинскую земли.

По материалам Г. Миллера и Е. Пестерева можно составить представление об образе жизни, о культуре и быте камасинцев XVIII в.² Основным занятием большинства из них была охота на зверя, которого они промышляли пешими (зимой на лыжах). „У камасинцев,—пишет Миллер,—20-30 лет назад было

---

¹ Фишер. Указ. соч, стр. 21. Здесь же он пишет: „В 1719 г. в Канский острог был послан Тобольским архиереем Филофеем, Алексей Афанасьев, чтобы окрестить живущих в его окрестностях татар и заложить в остроге церковь, что он и сделал и окрестил до 400 татар“.

² Миллер именует камасинцев „камашинцами“ или „камашинцами“.

по одной лошади и понемногу рогатого скота, теперь же у них нет ничего. Волки принесли им много урона, иногда же выпадал глубокий снег или же снег смерзался так, что скот погибал от голода, ибо сена они не косят". Охотились на пушного и на мясного зверя камасинцы при помощи лука и стрел. Луки делали из берёзы и ели, склеивая заготовленные из этих деревьев куски между собой. Иногда для лука склеивали соответствующие куски берёзы и рога. Берёзовое дерево всегда проходило наружу. Поверх этого они ещё обклеивали внешнюю сторону лука сухожилиями лося, разделёнными на волокна, которые приклеивали вдоль рядом друг с другом, для повышения прочности и упругости лука. Затем лук обклеивали ещё кожицей бересты, отчего он становился гладким. Тетиву делали из лосиной сыромятной кожи, вырезая для этого ремень соответствующего размера. Такими луками камасинцы, как и котты, снабжали качинцев. Охотились камасинцы обычно боевыми стрелами, о которых мы упоминали выше, при описании быта качинцев под названием „кибир“ и „аргиши“. Долотообразных стрел, по словам Миллера, они не употребляли. Наконечники стрел делали тонкими, из костей (ног) лося, длиною до 4-х вершков и трехугольной формы. Камасинцы охотились на зверя только при помощи лука и стрел, — утверждает Миллер, — и не знали ловушек. В их промысле большую роль играла охотничья собака. В охоте на зверей камасинцы применяли и облавы, точно такие же, как и у коттов, о чем уже упоминалось выше. Подсобное значение в хозяйстве камасинцев имело рыболовство. Из орудий лова они применяли невод, сеть, морды и остроги, и больше ничего. Как и прочие „лесные народы около Красноярска“, замечает Миллер, камасинцы занимались кузнечеством и сами ковали себе стрелы и ножи и т. п. и умели ставить заплатки на железные котлы. Жили они в шалашах, покрытых берестой. Миллер даёт довольно подробное описание покрытия камасинского жилища, которое имеет смысл здесь привести, так как оно никогда не публиковалось. „Камасинцы, — пишет он, — покрывают свои зимние, так и летние юрты березовой корой. Кору снимают с дерева на пола ршина ширины, свертывают 3--4 таких куска вместе и варят в котле с водой полдня. Кора стоит вертикально и во время варки не раз переворачивается верхним концом вниз, потому что котлы не настолько велики, чтобы кора была сразу покрыта водой. Затем эти куски коры сшиваются попарно в ширину, а в длину их берется столько, чтобы получился кусок около 1½ сажени. Сшивают кору сухожилиями козули (лучшие жилы берут из ног, но употребляют также из спины). Вот этими, сшитыми вместе кусками бересты они и покрывают свои юрты, привязывая кору к шестам, причем один кусок выступает немного над другим, чтобы дождь стекал и не мог проникать внутрь. Двери обязательно выходят на вос-

ток, в этом они сообразуются с условиями местности. Если бывает ветрено, то они исключают только ту сторону, откуда дует ветер, и не делают дверь с этой стороны. Дверь состоит из двойного слоя бересты ради прочности и завешиваются".

Постели камасинцы делали из шкур (с голов и лап) козули, сшитых вместе. „Таковы же,—пишет Миллер,—и подстилки, на которые они усаживают гостей". Одежда камасинцев не отличалась от одежды коттов, описание которой было дано выше. Укажем только, что в качестве украшения камасинцы носили кольцо в носу. Относительно пищи камасинцев читаем, что они „едят в случае необходимости всех животных, даже горностаев. Но если у них довольно еды, то этих последних они не едят. Из птиц они не едят только воронов, ворон, сорок и галок, остальных всех едят, даже большого орла, гагар, чаек, сов. Среди рыб нет ни одной, которой бы они не ели. Они едят все не сырым, а варят или жарят, если не считать того, что у свежей рыбы они отрывают головы и едят ее сырой. У них нет соли, хлеб и мука редки. Вместо них желтая и белая сарана, никаких других кореньев. О „бес" или кандыке и „чина" (т. е. „шейне" или пионе—Л. П.) им ничего неизвестно. Сосновой коры (заболони—Л. П.) не едят. От березы едят весной нижнюю кожицу, которая находится под корой. „Мешке", по-татарски губка, которая растет на берегах, камасинцы едят ее и называют тем же именем". Для выделки шкур камасинцы употребляли печень козули, как это делали до недавнего времени многие таёжные жители Саяно-Алтайского нагорья и затем держали над дымом. Передвигались камасинцы большей частью пешком. Зимой они шли на лыжах и тянули за собой „маленькие санки, на которых и перевозят свои юрты, собак же не запрягают". „Лыжи у камасинцев,—по описанию Миллера,—как и у остальных народов, внизу подложены сохатиными камусами. Длина лыж для взрослых от косточки до косточки двух вытянутых рук, для детей от локтя до локтя. При ходьбе на лыжах в руках держат палку, которой упираются в снег. На ней внизу имеется кружок, в виде колеса, чтобы палка не уходила глубоко в снег". „Эти палки по-татарски тајак, по-камасински—шуту". Из летних средств передвижения у камасинцев Миллер описывает берестяную лодку, распространённую в то время также у маторов, карагас и койбалов. Лодки эти, по свидетельству Миллера, „имеют в длину 4—5 сажений, ширину в середине около аршина, внизу они плоские. Наибольшая их длина пять с половиной размахов рук взрослого человека (ручные сажени). Береста сшивается вместе и по швам промазывается еловой смолой. Эта береста нашивается на обручи из черемухи, связанные по форме лодки, и там, где она прошита, также промазывается смолой. Этим обручам бывает сначала три по длине, 6 или 8 по ширине, так что эти последние отстоят

друг от друга больше чем на полсажени. Затем ещё сверху два обруча на обоих краях. На их веслах имеется только одна лопасть“.

В следующих выписках характеризуется семейный и общественный быт камасинцев. По поводу брака говорится, что „вследствие их бедности не бывает более одной жены. Ранее у них было больше. Отец или ближайший родственник жениха начинает сватовство. Если он не получит отрицательного ответа с первого же раза, а ему говорят, что еще подумают, или же его обнадеживают, то он идёт туда вторично, берет с собой немного мяса, сараны, табаку или еще чего-нибудь, что у него есть, преподносит это отцу невесты или тому, кто его заменяет. Если тот примет эти подарки или что-либо из них, или наполненную табаком и зажженную трубку, поест мяса или покурит табаку, то это равносильно согласию, и тогда они только договариваются еще о калыме. Калым состоит по большей части из убитых диких животных: лосей, оленей, козуль, медведей и т. п. со шкурой и мясом. При свадьбе не бывает никаких обрядов. Только при встрече с невестой опять делают подарки ее отцу. С невестой разрешается спать до свадьбы, как только состоялось соглашение и уплачена часть калыма. Но если она забеременела, то со свадьбой спешат. Считается позором, если невеста родит в юрте отца. Свадебный подарок состоит из одежды, бересты для покрытия юрты, котлов и прочей домашней утвари“. Из брачных запретов Миллер отмечает запрет жениться на мачехе и сестре матери. Не допускались браки двух братьев на двух сёстрах. Однако можно было жениться на жене умершего старшего брата.

При рождении ребёнка повивальная бабка и роженица очищались трехкратным перешагиванием через огонь и для еды употребляли отдельную посуду. Во время родов в юрте из мужчин мог находиться только муж роженицы, а из женщин только повивальная бабка, другим же запрещалось быть при этом. Имя младенцу давал кто-нибудь из почтенных старых людей и не раньше чем через день после очищения роженицы огнём. Запрещалось давать имя умершего человека. Иногда ребёнка называли именем животного, которого удавалось убить в первые дни рождения ребёнка.

Относительно общественного быта камасинцев имеется только краткое замечание, что камасинцы, как котты и другие живущие в лесах народы Красноярского уезда, имеют в каждом роду начальников, но они существуют лишь для сбора и сдачи ясака, как помощники сборщиков. Они не несут никаких судебных обязанностей, их выполняет сборщик, когда приезжает к ним для сбора ясака. Из этого видно, что общественная жизнь и общественные отношения у камасинцев, как и у других народов Красноярского уезда, остались для Миллера по существу неизвестными.

Е. Пестерев сообщил о своих наблюдениях (1773 г.) следующее: „От реки Большого Кана до вершины речки Шимды обитают таежные ясашные Камасинской земли, которые у себя никакого скота, кроме езжалых оленей, не имеют, и точно такую же ведут жизнь и промыслы, как Удинские таежные, или в горах и лесах обитающие ясашные: числом их не более в ясаке состоящих двадцати человек, но соболи в их урочищах бывают добротны“¹. Пестерев подчёркивает, что главная Камасинская земля расположена по речке Рыбной и Малому Кану. Видимо, в неё входили (согласно записей Миллера о расселении камасинцев) улусы Мунгатков, Аргашин, Мунтуков и др. Однако в годы путешествия Пестерева здесь произошли значительные изменения, о которых можно узнать из следующего места его заметок: „Главная Камасинская земля расположение свое имеет по речке Рыбной, и по реке Малому Кану, которая напредь сего была многолюдная земля, а ныне в прошедшие годы сделалась выморочной и остальные Камасинские земли люди называются степные камасинцы, у которых имеется весьма малое скотоводство; из них же часть жительствоует по-русски, питаются как от звериных промыслов, так и от хлебопашества; ясак отдают присылаемым из Красноярска сборщикам, платят деньгами и соболями“².

После реформы 1822 г. Камасинская земля перестала существовать как самостоятельная единица. Вместо этого в Канском округе Енисейской губернии числилось пять отдельных улусов: 1) Угумаковский, 2) Абалаковский, 3) Багин, 4) Пантыков, 5) Шалошин³. Однако уже в 40-х годах XIX в., во время поездки Кастрена, камасинцы, разделявшиеся, по определению местных жителей, на „степных“ и на „лесных“, составляли всего три улуса: Угумаков, Абалаков и Агульский. Последний был образован из Пантыковского и Шалошина или Шалошкина улусов. Как удалось установить М. А. Кастрену, в улусе Угумаковом были объединены степные камасинцы, в среде которых оказались частично тюркоязычные качинцы, переселившиеся в Канский округ из-под Красноярска по собственному желанию при учреждении Енисейской губернии (1822 г.). Однако, судя по всему, что нам известно из этнографической литературы о жителях этого улуса, следует полагать, что в нём были также потомки самодийскоязычных кашинцев XVII в., на что указывает также и само название улуса. Напомним, что в Кашинской земле XVII в. был Угумаков улус. В Абалаковском улусе⁴, в котором были объединены „лесные

¹ Пестерев. Указ. соч., стр. 68—69.

² Пестерев. Указ. соч., стр. 69.

³ Степанов. Енисейская Губерния, ч. II, СПб., 1835, стр. 49.

⁴ Гр. Спасский называет этот улус камасинцев Абалтаковым.

камасинцы“, Кастрен засвидетельствовал сохранение самодийского языка, что подтвердили позднее исследователи начала XX в. У этих камасинцев Кастрен нашёл роды или поколения: Ниег, Мадор, Бёгёше, Байга, Села, в которых мы узнаём, конечно, улусы: Ниги, Модор или Ургуне, Буга, Байга, Сили, зафиксированные в Камасинской земле XVIII в. ещё Г. Миллером. Из них поколения Модор, Байга, Бёгёше частично вошли в состав койбалов. Кроме того в Агульском улусе на р. Агуле Кастрен обнаружил остатки коттов Пантыкова, Багина и Шалашкина улусов, входивших в Канскую землю ещё в XVII в., которые все ещё называли себя термином „котту“ и говорили наречием кетского языка.

Изложенный материал говорит о том, что в XVIII и начале XIX в.в. Камасинская земля по этническому составу была смешанной. Она состояла преимущественно из самодийскоязычных, а также из кетоязычных элементов, часть которых входила в XVIII в. в состав Койбальской, Канской Удинской земель. Эти же различные самодийскоязычные группы в XVII в. входили в состав населения Качинской, Яринской, Кашинской, Камасинской, Канской, Тубинской и Удинской земель. Будучи по своему происхождению потомками самодийско-кетоязычного населения перечисленных земель XVII в., камасинцы, и в первую очередь, „степные“, в течение XVIII и XIX вв. восприняли тюркский качинский язык. Однако они местами сохранили в памяти и свой родной язык до половины XIX в. Так называемые „лесные“ камасинцы помнили свой самодийский язык вплоть до 20-х годов XX в. Большая часть населения Канской земли в конце XVIII и начале XIX вв. слилась с местным русским крестьянским населением, от которого и усвоила русский язык. В силу того, что эта часть населения полностью восприняла оседлость и русский народный быт, она была причислена после 1822 г. сначала к „оседлым инородцам“, а затем и просто к крестьянам, хотя ещё некоторое время (до конца XIX в.) удерживала официально наименование „канских татар“.

После разделения Сибирской губернии в 1822 г. и образования на территории Ачинского и Минусинского округов Енисейской губернии Степных инородческих дум, ясачное население Канского округа оказалось совершенно изолированным от тех групп ясачного населения Минусинского и Ачинского округов, которые сформировались в хакасскую народность.

6. УДИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

„Удинская земля, — пишет Миллер, — находящаяся в области рек Уды, Ии и Оки, состоит из следующих бурятских улусов: 1) Корчунской улус или Корчун аймак (в XVII в. Мангалиев улус — Л. П.) по р. Уде, непосредственно выше и ниже Удинского острога — жителей 42 человека, 2) Байбиринской

улус на речке Мара, которая в 20 верстах ниже острога впадает с западной стороны в р. Уду—10 чел., 3) Мансурской улус на реке Румакин, (р. Рубахина—Л. П.), впадающей в Уду с западной стороны выше острога—9 ч., 4) Туралицкой улус, на р. Уде, в половине дня пути верхом выше острога—13 чел., 5) Шураицкой, на р. Уде, в одном дне пути выше предыдущего улуса—11 чел., 6) Карагатцкой улус—21 чел., 7) Кангатской улус—21 чел., 8) Сильпигурский улус—15 чел. (в XVII в. он именовался ещё Кубалитским—Л. П.). Все три улуса у истоков Уды и Бирюсы, недалеко отстоящих друг от друга лесах. 9) Улегацкой улус на реке Топорок, лежащей в двух днях пути ниже столбовой дороги из Удинска в Красноярск, впадающей в Бирюсу с востока—8 чел., 10) Шуртовской улус, у истока речки Када, впадающей в Уду в 50 верстах ниже острога с восточной стороны и р. Ике, впадающей выше в Ию—22 чел., 11) Качемарский улус, на реке Тангуй, которая впадает в Уду с восточной стороны в 50 верстах ниже р. Кады—50 чел., 12) Караноцкой улус на рр. Оке и Симе, последняя впадает в первую с западной стороны,—14 чел., 13) Искикорчунской улус на р. Ие—25 чел., из этого числа есть также несколько русских, которые исстари платят ясак вместе с другими по 1 соболу с человека и живут в деревне Симинской при устье р. Симы¹, 14) Кармалинский улус на р. Ие, в трех днях пути ниже столбовой дороги, между Удинским и Балахонским острогами—13 чел., 15) Шехабадской улус на р. Оке между относящимися к Илимску местами—Барлуцкой погост и Симинская деревня—91 чел., 16) Сеудинский улус у истоков Оки и Ии—26 чел. Из них 3 человека из Кайсоцкого улуса, отошедшего по последнему мирному договору к Китаю, до этого они добровольно платили ясак¹ по 1 соболу с человека“.

Если сопоставить список Миллера со списком Удинской земли XVII в., то окажется, что из шестнадцати названий обоих списков не сходятся только два. У Миллера отсутствуют названия улусов: Узунов, Иланков. Но у Миллера вместо этих появляются Шуртовский и Шехабадский улусы, причём оба этих улуса мы находим также в записях Фишера и Пестерева с указанием, что они бурятские улусы. В записях Фишера вообще названы лишь некоторые улусы Удинской земли с указанием их местообитания. Записи Фишера никогда не публиковались и поэтому их следует привести: „Еудинцы живут у истоков р. Уды в лесах“, а „шахшабадские—есть братские (т. е. буряты—Л. П.) на реке Оке“. Кроме того он сообщает, что „кангаты живут у истоков р. Уды в темных

¹ К этому улусу Миллер приписал: „Они исстари писались ийские корчуны, т. е. корчуны, живущие на р. Ии, так как они составляют один род с корчунами в соседстве от Удинска, на р. Уде“.

лесах“, что „корчуны живут на Уде вокруг Удинского острога“, а „Удинские братские на р. Уде в окрестностях Удинского острога“. У Пестерева Шуртовский улус отнесён к подострожным ясашным бурятам. Список улусов, приведённый Миллером, является единственным полным списком Удинской земли XVIII в., причём содержит ценные указания на расселение этих улусов. К сожалению, Миллер не сообщает в нём никаких сведений о языке населения отдельных улусов и безоговорочно относит всю землю к бурятам. С этим нельзя согласиться, ибо по этому вопросу имеются материалы 70-х годов XVIII в., свидетельствующие о другом. Из дневника Палласа, например, следует, что не все улусы говорили по-бурятски. По его записям в ведомстве Удинского острога числилось также: „Шестнадцать поколений языческих, кои вместе составляют 553 взрослых мужиков. Из них иные из татар, а большая часть из бурятов произошли. Над ними последними правительствует князец, которой однако присматривает и за другими“¹. Паллас не даёт перечня всех шестнадцати „языческих поколений“ и называет лишь отдельные „татарские“ поколения. Так, например, у него имеются упоминания о таёжных татарах-оленеводах „из Караказского и Кангатского рода“, а также из рода „Каш“², которые в русском переводе дневника путешественника названы „кашкинцами“³. Внимание Палласа особенно привлёк „Каракасский род, который только что в двадцати двух мущинах состоит, однакож также как и Койбальский и Моторский удержал свой самоедский язык, хотя немного уже перемешан“⁴. Представляет интерес и та часть сообщения Палласа, где он говорит, что большая часть поколений Удинской земли происходит из бурят. Всё это вполне согласуется с тем, что нами было сказано об Удинской земле XVII в., в которой также числилось 16 улусов, преимущественно бурятского, а частично и самоедского происхождения, в том числе и названные Миллером и Палласом Кангатский и Карагасский улусы. Таким образом, этнический и административный состав улусов этой земли в XVIII в. был тем же, что и в предшествующем столетии. Оставляя в стороне бурятские, мы хотели бы обратить внимание на самоедскоязычные улусы земли, впоследствии тюркизированные, особенно Карагасский улус, ибо, как удостоверил Паллас, население этого улуса в его время сохранило „свой самоедский язык“, родственной койбальскому и моторскому. Исходя из достоверного факта относительно самоедскоязычности карагасов в последней четверти XVIII в., необходимо выяснить

¹ Паллас. Путешествие..., ч. III, стр. 423.

² См. немецкий текст работы, стр. 305.

³ Паллас. Путешествие, ч. III, стр. 425.

⁴ Там же, стр. 424.

родственные карагасам улусы, чтобы определить самодийскоязычные этнические элементы Удинской земли. Это вполне удастся, если обратиться к родовому составу карагасов XIX в., которые сохраняли в то время названия административных улусов XVIII в. Из опубликованных материалов известно, что Карагасский административный род совладал с этнографическим родом или сеоком, носившим название „Сарыг-каш“, а Кангатский род—с сеоком „Каш“. Карагасы Эудинского административного рода (он же Удинский, Юзгунский, Югдинский) принадлежали к „кости“ или сеоку Хара-Чогду, а Сельпигурского рода—сеоку Чогду. Наконец, карагасы сеока Чептей числились по административному делению Манжирским (по Миллеру—Мансурским) улусом. Таким образом, карагасы XIX в. были потомками населения, числящегося в улусах Карагасском, Кангатском, Эудинском или Югдинском (как он именовался в XVII в.), Сельпигурском (Кубалитский улус в XVII в.) и в Манжирском или Манзурском. Следовательно, карагасы XIX в. являются потомками одноимённых самодийскоязычных карагасских родов Удинской земли XVIII в., в том числе родов, в самоназвание которых входил термин „Каш“ и которые были в XVII в. в составе Кашинской, а затем Камасинской земли. Этническая расшифровка административных родов XVII и XVIII вв. Удинской земли вполне подтверждает выводы М. Кастрена о происхождении карагасов. Как известно, Кастрен также подчёркивал самодийское происхождение карагасов, основываясь на этнографических особенностях (формы хозяйственного занятия, тип летнего и зимнего жилища и т. п.) и особенно на данных языка. Кроме того, он показал на сопоставлении различных родовых наименований общность этнических элементов у карагас, койбалов, частично тувинцев и камасинцев¹. Эти предположения Кастрена подтверждаются и нашими исследованиями. На основании тех материалов, которые мы привели выше, нетрудно установить ряд общих и родственных этнических элементов в составе населения современных хакасов, карагасов, тувинцев, северных алтайцев. Ярким показателем этого является, например, наличие общих сеоков у перечисленных народностей, именуемых Чогда или Чода (Чогда или Чогду у карагасов, Чжода или Чода у тувинцев-тоджинцев, Тьода или Тјода у хакасов, Дьоты у кумандинцев) и др. Совершенно ясно, что часть потомков Удинской земли XVII и XVIII вв., именно сеок Чогда, входивший в состав некоторых административных самодийскоязычных родов этой земли, вошёл в XVIII—XIX вв. в родовой состав койбалов, а самодийскоязычные сеоки с этнонимом „каш“ вошли гораздо раньше в состав качинцев.

¹ М. Кастрен. Путешествие, стр. 429.

Обратимся теперь к характеристике культуры и быта карагасских улусов Удинской земли по материалам Палласа и Пестерева. Паллас следующим образом описывает быт карагасов. Главным занятием их была охота на зверя. Скота они не разводили и держали только понемногу оленей, на которых кочевали по горной тайге. Карагасы жили в юртах-шалашах, покрытых звериными шкурами, вероятно, выделанными лосинами. Одежду шили себе также из шкур зверей. Женщины у них летом носили шляпы широкие и круглые, сплетённые из ситнику, который Паллас сравнивает с корейскими. Ноги обёртывали в кожицу жимолости (*Lonicera rugosa*).

Они беспрерывно передвигались по тайге. „На одном месте редко они простаивают два или три дня“, — пишет Паллас. — „Летом таскаются с места на место вдоль по рекам для сараны, которая составляет их главнейшее пропитание“. Кроме сараны, они в большом количестве заготавливали питательнейший кедровый орех. Два мешка сушёной сараны, весом около трёх с половиной пудов, и столько же кедрового ореха приравнивали по стоимости к одному оленю. Формально карагасы считались православными, но фактически оставались „язычниками“. По утверждению Палласа, у них не было шаманов, не было понятия о боге. Они поклонялись небу и солнцу, почитали горы и реки. Когда убивали медведя или какого-либо другого зверя, то его голову и сердце подносили на бересте небу, испрашивая удачной охоты. Они приносили жертвы разбрасыванием кусочков пищи горам и рекам, а при переезде через горные перевалы оказывали почтение горе тем, что втыкали на вершине ветку или бросали щепотку табаку. Мёртвых хоронили в балаганах из плетня, либо на деревьях, головой к востоку, либо оставляли на земле и закладывали покойника прутьями. Кроме того, как пишет Паллас, „родных же своих, коих любили, обыкновенно сожигали“. Обратимся к заметкам о карагасах, сделанным Е. Пестеревым: „Удинского острога таежные, то есть в лесах и каменных горах обитающие ясашные разделяются на четыре рода, на Силпигурский и Удинский, на Карагасской и Кангацкой, которых ныне в ясаке состоит не с большим сто человек, ибо в прошедшие годы был на них мор. Первые два рода кочевные и промышленные жительства имеют по самым высоким горам и густым лесам, лежащим промеж Удою и Кан реками. Последние два рода кочевьями и промыслами располагаются от Уды до реки Большого Кана, и все те четыре рода, первое по не привычке, а другое и по неспособности мест, никакого скотоводства не имеют, а имеют издревле домовых оленей: самцы служат им в промыслах за лошадей, а самки питают их семейства молоком: у самого ж лутчаго таежного жителя не более ста бы-

вало оленей, а в нынешние годы все почти вывалились¹. Далее мы читаем у Пестерева ещё о пяти родах. „Удинского же острога братские (буряты—Л. П.) ясашные, называемые под-острожные, разделяются на 5 родов: Корчунской, Туралицкой, Шуртовской, Байберинской и Каранацкой, из которых часто точно жизнь свою ведут так, как русские крестьяне, а многие поженились на русских, и изрядное имеют хлебопашество и сенные покосы; а остальные около Удинского острога по речкам имеют кочевные стойбы, но у всех у них, как лошадей, рогатого скота, и овец, не весьма довольно: первые пропитание имеют от хлебопашества, а последние от звериных промыслов, и немного таких, которые имеют посредственный достаток, а по большей части совсем бедные: ясак платят деньгами“².

В XIX в. стало известно общее самоназвание карагасов как тубалары (в настоящее время их называют тофалары), что также может служить указанием на их самодийскоязычное происхождение, ибо термин туба, как было показано выше, связан с этнонимом самодийскоязычных племён Саяно-Алтайского нагорья.

Но в XIX в. карагасы-тубалары были тюркоязычными, причём язык их был совершенно сходен с языком северо-восточных тувинцев-тоджинцев, с которыми они считали себя кровными родственниками. Наличие общих сеоков, общность культуры и быта тоджинцев и карагасов лишь подтверждает это. Таким образом, карагасы восприняли тюркский язык не от качинцев, как, например, койбалы или камасинцы, а от тувинцев. Несмотря на то, что в одной из наиболее принятых и более поздних классификаций тюркских языков, основанной главным образом на фонетических признаках, качинцы, сагайцы, койбалы, камасинцы и др. принадлежат вместе с карагасами к одной большой группе тюркских языков (северо-восточной или уйгурской), в действительности они находятся в разных подгруппах. При этом карагасский язык находится в одной подгруппе с тувинцами (сойотами)³. Нам кажется это вполне естественным, ибо карагасы общались с тюркоязычным населением, конечно, через Туву, так как это диктовалось территориальными условиями. В Туву шли их экономические и культурные связи, и именно оттуда шёл процесс тюркизации карагасского языка, на котором говорили малочисленные по количеству населения карагасские сеоки.

¹ Е. Пестерев. Указ. соч., ч. LXXIX, стр. 65.

² Пестерев. Указ. соч., стр. 68.

³ А. Я. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроград, 1922; его же „Приложение к списку сибирских турок“. См. С. К. Патканов, Список народностей Сибири. Петроград, 1923. стр. 13.

IV. САГАЙСКИЕ И БЕЛЬТИРСКАЯ ВОЛОСТИ КУЗНЕЦКОГО УЕЗДА

В бассейне левобережья Енисея, в частности левобережья Абакана, в XVIII в. и первой четверти XIX в. находились Сагайская и Бельтирская ясачные волости. Они были приписаны и платили ясак в г. Кузнецк потому, что жили ближе к нему, чем к Красноярску. Миллер в описании Кузнецкого уезда сообщает, что Сагайская волость „находится недалеко от истоков Томи, по речке Аскис, впадающей с севера в Абакан, и в истоках р. Июс, который, после слияния с р. Урюпом в Томском уезде, принимает название Чулым. Обитатели первой местности называют себя, от соседства с р. Томью, — Томь-Сагай, а второй — Июс-Сагай. В обеих насчитывается 53 человека, платящих ясак“.

„Бельтирская волость, по описанию Миллера, — в степях по р. Абакану, впадающему в Енисей, и по речке Таштып, впадающей с севера в Абакан. В ней платят подати 45 человек“¹. Кроме приведённых сообщений Миллера, нам удалось обнаружить список ясачных волостей Кузнецкого уезда, относящийся к началу 40-х годов XVIII в.². Ввиду большого интереса приведём этот список полностью:

По Кондоме реке

По Мрассе реке

татарские волости приписаны к городу Кузнецку а именно:

Волость Бежбояков улус
Волость Итиберская
Волость Итиберская ж.
Волость Елейская
Волость Карачерская
Волость Каргинская
Волость Кумандинская
Волость Кузенская
Волость Шелкальская
Волость Кергашская
Волость Юская
Волость Борсоаяцкая

Волость Бежбояков улус
Волость Едеева
Волость Тогоякова
Волость Елейская
Волость Ближняя Карга
Волость Кузешева Карга
Волость Кызыл Карга
Волость Кивинская
Волость Ковинская
Волость Изушерская
Волость Бельтирская.

¹ ЦГАДА. Ф. 199, дело № 1, л. 22.

² Архив Акад. Наук СССР, фонд 21, оп. 5, № 152. Рукопись, представляющая ответы на анкету В. Н. Татищева, „Города Кузнецка суплемент, сочиненный в Кузнецкой канцелярии по силе указов ее императорского величества из Сибирской губернии канцелярии и географическим описаниям“, лл. 252—281 об.

По Томе реке

Волость Богораков улус
Волость Мойнаков улус
Волость Выезжих белых калмыков
Волость Керецкая
Волость Тюлюберская
Волость Боянская
Волость Тогульская
Волость Кыштымская
Волость Тагапская
Волость Сагайская и Юс Сагайская.

Из списка видно, что сагайцы и бельтиры входили в число ясачных волостей Кузнецка, состоящих из тюркоязычных шорцев, челканцев, кумандинцев, телеутов, тубаларов, относящихся к северным алтайцам.

То обстоятельство, что в приведённом списке обе Сагайские волости, с названиями которых мы познакомились ещё по документам XVII в., отнесены к числу волостей по р. Томи, а Бельтирская волость—по р. Мрассе, вовсе не означает, что население этих волостей жило по рекам Томи и Мрассе. Все три группировки ясачных волостей Кузнецкого уезда, по трём перечисленным рекам, намечают лишь приблизительное районирование этих волостей. Например, доподлинно известно по данным, относящимся также к 40-м годам XVIII в., что Кумандинская волость, как и Юская, находилась не на Кондоме, а на р. Бие, хотя и неподалеку от Кондомы. Точно так же за Кондомой, в бассейне р. Бии, точнее её правого притока Лебеди, обитало население Шелкальской волости. В приведённом же выше списке Кумандинская и Шелкальская волости значатся по Кондоме реке. Обе Сагайские волости были таким же образом отнесены к „Томе реке“, ибо они находились близ верховьев Томи за водоразделом, а Бельтирская волость была недалеко от Мрассы, также за водоразделом, отделяющим Мрассу от бассейна левобережья Абакана. Как известно, путь в Сагайские волости шёл черёз верховья Томи, а к Бельтирам можно было попасть через верхнее течение Мрассы.

Относительно местообитания населения ясачных Сагайских волостей в нашем распоряжении имеются достоверные сообщения путешественников и исследователей XVIII века. Д. Мессершмидт в 1721 г. обнаружил юрты юс-сагайцев по р. Бире, южнее Уйбата¹. Гмелин в 1739 г., переехав на правый берег Уйбата, нашёл сагайцев как по р. Уйбату, так и по южным притокам её: Бее и Нине. Гмелин пишет, что они сами себя

¹ Журнал Путешествия..., стр. 259.

называют сагайцами и приписаны к г. Кузнецку. В описании Кузнецкого уезда, составленном в 1742-43 гг. геодезистом И. Шишковым, сказано, что ясачные, живущие „на речках, впадающих в реку Абакан называются сагайцы“¹. Г. Миллер указывает, что сагайцы в XVII в. обитали на западе от киргиз, около верховьев Юса и Абакана, по уходе же киргиз перешли в юго-западную часть их степей². Паллас сообщает о расселении сагайцев в начале 70-х годов. Он пишет: „река Уйбат впадает в Абакан. Сия немалая река разграничивает почти места Кашинским татарам, под Красноярском состоящим, принадлежащие, с Сагайскими, в Кузнецк ясак свой приносящими... Сагайцы сидят на правой стороне реки и по впадающим в Уйбат рекам, Кашинцы же на левой“³. Е. Пестерев указал, что сагайцы кочуют по левому берегу Аскыса по рр. Базе, Сырам и Нине, а охотятся, преимущественно, в верховьях Томи.

Степные пространства по левобережью Енисея, занятые сагайцами еще в XVIII в., получили название Сагайской степи. В одном из документов 40-х годов XVIII в. мы нашли следующее объяснение тому, как возникло название Сагайская степь: „по известию во время описания, некоторым местам находят особливые звания по родам живущих инородцев, а именно по реке Абакану Сагайская степь“⁴. Отсюда следует заключить, что ещё в первой половине XVIII в., после переселения енисейских киргиз, сагайцы освоили их бывшие кочевья по Абакану, и эта степь получила у русских наименование Сагайской. Сагайская степь и Сагайская волость упоминаются, как мы видели выше, киргизами—беглецами из Джунгарии, пытавшимися пробраться в эти места (как на свою прежнюю родину) в середине XVIII в.

Окончательно сагайцы перешли в русское подданство лишь в начале XVIII в. после переселения енисейских киргиз в Джунгарию. Ещё в документе 1700 года они именуются „киштымами киргизскими“. Однако, после ухода киргиз, с них постоянно стремились собирать „алман“ джунгарские ханы. Так, например, в 1713 г. телеутский князь Манзу Бойдаев с отрядом телеутов и джунгар „сбирал на контайшу алман с ясачных его императорского величества волостей“... „и посылал в Сагайскую волость калмыков, и взял с них сагайцов на контайшу алман, да насилством отняли сверх алману себе белой зипун, 2 котла железных, 8 лошадей и велел им Сагайцам платить его императорскому величеству ясак по соболю,

¹ См. Архив Акад. Наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. № 150, ответ на 108-й вопрос В. Н. Татищева.

² Ежемесячные сочинения об ученых делах, 1764 г., 1-е полугодие, стр. 308.

³ Паллас. Путешествие..., ч. III, стр. 479.

⁴ ААН, ф. 21, оп. 5, № 150, л. 1.

а на контайшу велел впредь по вся годы готовить алман по 5 соболей с человека¹. Русские власти оберегали сагайцев от такого рода поборов, разыскивали и возвращали им скот, угнанный джунгарами², но, конечно, это не всегда им удавалось и временами сагайцы, как и некоторые другие ясачные, оказывались даже в XVIII в. на положении двоеданцев, что, конечно, тяжело отражалось на их экономическом положении.

О культуре и быте сагайцев сохранились свидетельства, относящиеся к XVIII в. Ещё Миллер писал в середине 30-х годов, что сагайцы и бельтиры в истоках Томи усиленно занимаются скотоводством, вследствие чего они имеют войлочные юрты. Миллер утверждал, что сагайские лошади считались в то время лучшими во всей Сибири³. Наряду с этим, они занимались и охотой на зверя. По словам Миллера, охотятся на зверей облавами, точно так же, как и качинцы. Описание облавной охоты у качинцев мы дали выше и поэтому нет смысла повторять его. Отметим только, что, согласно Миллеру, сагайцы и бельтиры охотились на маралов в период течки у этих животных, при помощи дёшевиной охотничьей трубы, служащей для подражания крику самцов⁴. Гмелин также характеризует сагайцев как скотоводов и отмечает, что в отличие от виденных им ранее качинцев, сагайцы разводят, кроме лошадей и овец, ещё и коз. Позднее Гмелина о сагайцах писал Паллас: „во всем народе нет больше полутора ста мужчин, кои ясак платят.“ Паллас описывает сагайцев скотоводами, совершающими перекочёвки с летних пастбищ (по рр. Аскысу, Базе, обоим Сырам, Нине и Уйбату) на зимние (вниз по Абакану). Богачи у них держали в то время по 80—100 лошадей, столько же рогатого скота и несколько сот баранов. Бедные редко имели 10—20 голов крупного рогатого скота. Пестерев обращает внимание на прекрасных лошадей и крупных быков, разводимых сагайцами. В это время среди сагайцев уже выделилась верхушка богачей, которая вела торговлю скотом с русским населением, продавая лошадей-иноходцев по 30—50 руб. Кроме скотоводства, сагайцы частично занимались звероловством, охотясь у верховьев Томи, а по правому берегу верхнего течения Абакана ещё и хлебопашеством (по Палласу— „для своих нужд“). Они собирали также различные съедобные дикорастущие растения. Большинство из них было формально крещёными, но фактически придерживалось шаманского культа. Обращение их в православие началось в первой четверти XVIII в.

¹ Памятники Сиб. Истории XVIII в., кн. II. стр. 321—322.

² Там же, стр. 322—323.

³ Миллер. Описание сибирских народов.

⁴ Этот способ сохранился у них, как и у других народов Саяно-Алтайского нагорья (тувинцев, тубаларов, шорцев, алтайцев и т. п.).

1771 г. среди них (и на их средства) была построена деревянная церковь в с. Аскысе. Селение это было расположено при впадении р. Аскыса в Абакан и состояло в 1772 г. из дома священника и башлыка (князца) сагайцев по имени Амзора.

Георги сообщает о них под именем „Заянских (саянских) татар“. Повторяя почти буквально то, что о них сказано у Палласа, он констатирует: „Заянцы также как и Бирюссы соблюдали татарский свой вид, нрав и язык. Они вообще Бирюссам и Бельтирам во всем так подобны, что должно все сии три народа почитать единоплеменными коленами или их остатки“. Георги неоднократно подчёркивает общность их быта с качинцами: „В житии наиболее уподобляются качинцам“ или „Мужское и женское одеяние сходно также с Качинским“. Относительно религиозных и свадебных обрядов он замечает: „священнослужители их (Кам) носят такое же платье как и качинские и употребляют равномерно барабан. Свадебных обрядов, отменных от качинских, у них нет“¹ и т. п. Эти свидетельства Георги об общности культуры и быта сагайцев и бельтир с качинцами заслуживают внимания, как и более ранние сообщения Миллера, также обратившего внимание на общность быта качинцев и сагайцев при описании жилища, охоты и т. д.

В первой половине XVIII в. в бассейне левобережья Абакана (реки Таштып, Есь, Тёя) среди сагайцев и бельтир, как упоминалось выше, поселилась часть шорских сеоков: Кобый, Карга, Кый, Шор, вышедшая из системы Мрассы, Кондомы и верхней Томи. Здесь, кроме обычного для них промыслового хозяйства (охотились они в верховьях Абакана), переселенцы занялись разведением скота и земледелием. В 70-х годах XVIII в. они (особенно каргинцы) развели большое количество скота, и среди них образовалась богатая эксплуататорская верхушка. Она вела своё хозяйство трудом обедневших сородичей, обращаясь с ними, по словам Пестерева, „гордо“ и содержа „подло“. Богачи кормили своих попавших в кабалу сородичей мясом сдохших от болезни животных, а шкуры этих животных шли на одежду работников. Богатые скотоводы ежегодно продавали по 5—10 быков. Для подкормки скота на зиму заготавливали сено. Некоторая часть выселенцев сеяла хлеб, обрабатывая пашню мотыгой, но обычно в небольшом количестве, поэтому важное значение в их хозяйстве имели запасы дикорастущих, преимущественно сараны и кандыка. Жилищем им служил берестяной шалаш, покрытый берестой или корой лиственницы, а у зажиточных скотоводов — войлочная юрта. К концу XVIII в. они уже носили одежду качинского образца.

¹ Георги. Описание народов, ч. II, стр. 166—167.

Обращённых в православие среди этой группы выселенцев из Шории было очень мало. Исследователи конца XVIII в. сообщают о них в отношении языка, что „они говорят татарским языком, но по весьма испорченному наречию; да и писать, не имея у себя школ, не умеют“ (Георги). Следовательно, их наречие в то время ещё весьма отличалось от соседних качинцев и сагайцев. Культурные связи сагайцев и приселившихся к ним шорцев с русским народом уже успели наложить отпечаток на их хозяйство и быт.

В начале XIX в. сагайцев посетил Гр. Спасский. В его краткой характеристике говорится об общности их с качинцами: „Хотя они и одного происхождения с качинцами, но в лицеобразовании своем более, нежели те имеют сходство с татарами. Наречие сагайское отличается от качинского одним только произношением некоторых слов, где качинцы выговаривают дж, сагайцы вместо того ч, где же первые прикладывают частицы дым и тым, там последние употребляют чадер. Некоторые из сагайцев приняли закон христианской и упражняются в земледелии, но многие еще преданы шаманству и все вообще ведут кочевую жизнь. Улусы их находятся по Аскысу и другим речкам впадающим в Абакан, при вступлении его из горных ущелий в степные места. Всех сагайцев до 200 душ¹. Заметим, между прочим, что судя по численности сагайцев, Гр. Спасский, как и его предшественники Паллас и Георги имеет в виду только тех сагайцев, которые входили в эти две ясачные волости, и не причисляют к ним ряд различных родов, именовавшихся в то время общим собирательным названием „бирюсинцы“, живших вместе с сагайцами, как это стали делать после 1822 г. Таким образом, до административной реформы 1822 г. Сагайская родоплеменная группа была, видимо, сравнительно однородной и представляла собой в основе тюркоязычных потомков сагайцев или „сагайких татар“ XVII в., являвшихся киштымами енисейских киргизов.

Рассмотрим теперь население, входившее в XVIII в. в Бельтирскую волость Кузнецкого уезда, входившую в группу ясачных волостей, тяготеющих географически к реке Мрассе. Выше уже говорилось о том, что в XVII в. бельтиры ещё не входили в состав ясачных волостей Кузнецкого уезда, хотя имя их в русских исторических документах того периода встречается. Первое упоминание о бельтирах, как ясачной волости Кузнецкого уезда, относится к 1702 г. В это время в ней насчитывалось 35 ясачных людей, а в сагайских волостях тогда числилось 40 ясачных плательщиков. В 1715 г. в Бельтирской ясачной волости было 36 ясачных². Жили они в бассейне леволережья

¹ Гр. Спасский. Народы кочующие вверху реки Енисея. Сиб. Вестник, 1819 г., ч. V, стр. 65—66.

² ЦГАДА, ф. 214. Сиб. приказ, стб. № 1363, лл. 58, 59; стб. № 1593, л. 52 об. Сообщено Б. О. Долгих,

Абакана. Уже из путешествия Мессершмидта мы узнаем, что бельтиры жили на р. Есь, левом притоке Абакана¹. Но Миллер указывает на их кочевья вместе с сагайцами в верховьях Томи. Гмелин обнаружил кочевья бельтир за Аскызом и Есью у р. Тёи. Он отметил, что бельтиры являются данниками джунгарских калмык, причём единственными из всех ясачных татар Кузнецкого уезда, которым приходилось платить алман железом и кожами выделанными². Геодезист В. Шишков сообщал, что название бельтир произошло „по устью, ибо кочуют близ устьев речек“³. С этим можно вполне согласиться, ибо с тюркского языка бельтир переводится именно как „устынцы“. Таким образом, наше предположение, что название „бельтир“ является собирательным, со значением „устынцы“ или „низовские жители“, находит подтверждение⁴. Согласно дошедшим до нас преданиям бельтир, они жили при енисейских киргизах по р. Матуру, впадающей в Абакан слева, занимались звероловством и приучались разводить лошадей. К ним сюда приселялись выходцы из Тувы, спускавшиеся с верховьев Абакана на берестяных лодках. После переселения енисейских киргиз в Джунгарию, бельтиры спустились по Матуру и расселились по Абакану вплоть до устья р. Камышты. Когда в XVIII в. здесь появились качинцы, бельтиры сосредоточились по левобережью Абакана выше Аскыза, заняв места (близ устьев) по рр. Тёе, Еси, Таштыпу. Паллас определённо указывал, что, начиная с правого берега Аскыза, по рр. Тёе, Таштыпу, как и по левобережью Абакана (в этих пределах), земли принадлежали бельтирам. В предании о шорском сеоке Таяс говорится, что три брата из этого рода пришли к начальнику бельтир Эптису, стали просить у него себе землю. Эптис поселил их в верховьях Монока. Предание это не только отразило факт прихода некоторых шорских сеоков на земли, занятые бельтирами, но и сохранило имя начальника бельтир Эптиса. Во времена Палласа он жил в 8 верстах к югу от Усть-Аскыза. Имя Эптиса Аюжакова как есаула или начальника бельтир встречается, как увидим дальше, в исторических документах середины XVIII в.

В русских исторических документах середины XVIII в. содержатся некоторые сведения о бельтирах. В одном из них, датированном июнем 1745 г., сказано: „по объяснению вышепоказанных бельтирских татар от башлыка Маюгаша Маслокова и от есаула Иптыша Аюжакова, також де и от прочих бельтирских татар, по показанию явилось: с прошлых, де, лет

¹ Мессершмидт. Журнал путешествия, стр. 392 („Есбельтирских татар я отпустил домой“).

² Gmelin, Reise durch Sibirien, III, стр. 279.

³ ААН, ф. 21, оп. 5, № 150. Ответ на вопрос 108.

⁴ См. „Краткие очерки истории и этнографии хакасов“, стр. 130.

платят они калмыцкому владельцу Галдан Чирину, по соболу с человека ежегодно, за которым, де, ясаком приезжали сборщики... А с прошлого 742 г. присылаются ясашные сборщики от вышешоказанного Галдан Чирина, а именно Кутук Катакулов сверх ясаку на себя собрал сильно 16 соболей, которых, де, и взял; да взял, де, с собой в подводы 8 лошадей и не возвратил, а подводчиков отпустил пеших, також де и многих бельтир мучил всякими нападками и вязал иных к юрте с пикой назад и к кому, де, арканом, и брал по соболу и коньми. А в 743 и 744 годах приезжал другой сборщик Мамат Котакулов и взял же с оных татар во два года 22 коня, которых, де, угонил с собой, да сверх ясаку взял с них 20 соболей, да також де и кроме того своими нападками брал по коню и мучил всякими муками також де и прочими зверями брал. Кутук Катакулов с есаула Иптыша взял коня и с брата его Иптыша коня же, також и другой сборщик Мамот у Тахмочи кобылу, да шубу камчатную, да зипун синий суконный, да 2 соболя, да у Табурчина соболя да выдру, от башлыка Маслокова соболя, у Колженеева кожу красную да выдру, с жены Иптыша Аюжакова соболя да выдру, у Чапгорока угонил 8 лошадей да взял 4 выдры от чего, де, пришли во всеконечное разорение и от их ясаку ни оного Галдан Чирина, что, де, оные иноземцы показали и в конец, де, его императорскому величеству ясак, де, платят с великою нуждою от их разорения зверьми¹.

Из другого документа мы узнаём о количестве ясачных бельтиров и ясака, вносимого ими: „ясашных 48 человек, и оные в казну его императорского величества платят ясаку по 4 сорока 11 соболей, также они и Галдан-Чирину алман дают“. Здесь же говорится: „А в означенную Бельтирскую волость зенгорские сборщики приезжают прямой дорогой, а Телецкое озеро они едучи оставляют влево“².

Из исторических документов следует также, что бельтиры жили на р. Есь. Красноярская канцелярия мотивировала этим необходимость учредить пограничный караул для защиты их от джунгарских сборщиков алмана на устье р. Есь. „И понеже оные бельтирские татары ведомства Кузнецкого, а не Красноярского,—писали из Красноярской канцелярии,—то дабы благоволила оная Кузнецкая воеводская канцелярия на показанный караул на Исю (Есь—Л. П.) реку из кузнецких служилых людей определить“³. Летом 1752 г. с бельтир собирал алман джунгарский сборщик Тархан Чюхай Часманов⁴.

¹ Премория из Красноярской канцелярии в Кузнецкую. Чтения... 1864 г., кн. 4-я, стр. 69—70.

² Рапорт Кузнецкого воеводы, Октябрь 1745 г., Чтения... 1866, кн. 4-я, стр. 78.

³ Премория из Красноярской канцелярии в Кузнецкую, там же, стр. 70.

⁴ Рапорт подполковника Самойлова. Чтения... 1866 г., кн. 48, стр. 67.

О жизни и быте бельтир имеются наблюдения ряда учёных и путешественников XVIII в. Значительное внимание им уделил П. Паллас. Он писал: „Бельтирцов теперь считается до 150 человек ясашных, кои все вместе платят три ста рублей; они находятся под Кузнецким, так как и сагайцы, и с ними и лицом и телом, испорченным татарском языком весьма сходствуют. Многие между ними богаты крупным скотом и овцами, но большие имеют у себя несколько пашни, которую засевают и собирают сами; и так сколько им потребно муки и круп, имеют собственные“¹. Бельтиры умели выкуривать из молока водку, как монголы и качинцы, и делать кумыс. Далее Паллас замечает, что часть бельтир обрабатывает поле мотыгой (абыл), но плужное земледелие среди них уже распространялось. Однако, в отличие от койбал и качинцев, бельтиры называли соху термином „салда“, как телеуты и алтайцы. Жилищем им служили войлочные и берестяные юрты. Паллас описывает способ захоронения покойников у бельтир. Гроб с крышкой складывали из обрубленных досок и связывали верёвкой. В таком виде ставили на сучья старых лиственниц и привязывали к дереву. Покойника клали в обычной одежде, снабжали его пищей (крупы, мясо, жир). С женщиной погребали корнекопалку, нож, топор (типа тесла). Неподалёку от покойника на ближнем дереве вывешивали шкуру (с хвостом и копытами) убитой при похоронах лошади. Голова лошади с уздой и удилами во рту висела тут же на отдельном суку. С мужчиной, кроме одежды и продуктов, клали ещё лук и переломленные стрелы, а также музыкальный инструмент, если при жизни он любил музыку и играл на этом инструменте (трёхструнную бандурку и еттаган). Наряду с этим бельтиры хоронили покойников в земле и закладывали камнями².

Из приведённых Палласом фактов заслуживает внимания обычай погребать с покойным коня, что связывает часть бельтир по линии обычаев с монголами, тувинцами и алтайцами-кочевниками, у которых этот обычай был широко распространён. В этом факте можно видеть указание на то, что бельтиры (или часть бельтир) были истари кочевниками-коневодами и, вероятно, пришли в верховья Абакана действительно из Тувы, как говорят об этом бельтирские предания. Надо сказать, что обычай погребать коня в то время был известен и у качинцев, и у аринцев, о чём сообщалось выше. Но этот обычай сохранялся и среди некоторых тувинских племён вплоть до начала XX в.

¹ Паллас, Путешествие, ч. III, стр. 497.

² Там же, стр. 499—500.

Весьма ценны сведения о бельтирах, принадлежащие Е. Пестереву. „Кузнецкого уезда Бельтирской волости ясашные, — пишет он, — разводят много лошадей, быков и баранов. Летом они кочуют в степях на левом берегу Абакана, выше и ниже Таштыпа, Еси, Теи и до с. Аскыского, а часто они доходят до берегов Соса, Кендерлыка и Дабата. Зимой живут на островах р. Абакана, где делают запасы сена. Они обрабатывают поля по соседству с пограничными казаками вдоль Саражуля, Арбата, Монока и Соса“. Е. Пестерев устанавливает дату возникновения у бельтир земледелия. „Пашни пахать и сена ставить бельтиры начали назад тому не более пятнадцати лет, чем и начали направлять свое состояние, а наперед сего в пищу употребляли сарану и кандык; ныне же хотя сарану и кандык промышляют, но употребляют их вместо конфетов“¹. Уже в этот период у бельтир появились богачи, пользующиеся трудом своих сородичей. Пестерев обратил внимание на суровое и высокомерное их обращение со своими работниками.

Благодаря наблюдениям Пестерева устанавливается, что бельтиры развели большое количество скота, научились заготавливать сено и от мотыжного земледелия перешли к плужному только во 2-й половине XVIII в., заимствовав всё это от русских крестьян. К концу XVIII в. среди них появились богатые скотоводы, которые вели хозяйство при помощи труда обедневших и закабалённых сородичей. В начале XIX в. Гр. Спасский уже называет бельтиров хорошими земледельцами и отмечает у них обилие крупного рогатого скота. Сопоставляя бельтир с качинцами, он замечает, что они „по виду, языку и одежде ближе к монгольским народам самих качинцев“². Это может служить доказательством того, что бельтиры вышли из Тувы, население которой находилось в тесных культурных связях с монголами.

Этнический состав и происхождение бельтир выяснить довольно трудно, вследствие отсутствия необходимого фактического материала. В XVIII в. они представляли собой тюркоязычную группу, довольно смешанную в этническом отношении. Так как русские исторические документы XVII в. почти не содержат никаких данных о бельтирах, судить об их этническом составе приходится только на основании дошедших до нас преданий бельтир и названий их сеоков, зафиксированных уже в XIX в. По преданиям, распространённым не только у бельтир, но и сагайцев, бельтиры образовались преимущественно из выходцев из Тувы. Нам лично случалось неоднократно слышать от стариков-сагайцев в верховьях р. Теи:

¹ Е. Пестерев. Указ. соч., стр. 8.

² Сибирский Вестник, 1819 г., ч. V, стр. 66.

„бельтирский народ—это сойотский (т. е. тувинский) народ“. Даже современные старики-бельтиры считают себя родственниками тувинцев. Того же мнения о бельтирах держатся и современные тувинцы. Стоит только бельтиру приехать в Туву и назваться „бельтир адаш“, как ему устраивают радушный приём, словно сородичу. Это подтверждается до некоторой степени тем, что в лексике бельтирского и тувинского языков содержатся общие слова, неизвестные ни сагайцам, ни качинцам¹. Тувинцы термин „бельтир“ до революции употребляли, между прочим, в собирательном значении для обозначения всего населения Абакана.

Среди немногочисленных 6—7 сеоков, считающихся бельтирскими, сеок Сарыг является общим с таким же тувинским, а сеок Кечин—с одноимённым сеоком шорцев. Относительно Сарыг (мн. ч. Сарыглар) нужно сказать, что этот сеок входил также в состав сагайцев². Как следует из предания, записанного Катановым у бельтир в 1889 г. и приведённого выше, Сарыг жили вместе с киргизами на Абакане. Киргизы прогнали их на юг, т. е. через Саянский хребет. Представители этой родоплеменной группы до сего времени живут в различных районах Тувы³. Возможно, что сеоки Ак-чыс и Кара-чыс, обобщённо называемые „чыстар“, являются родственными тубаларскому сеоку чус или чустар (или јус, јустар). Во всяком случае, если судить по названиям сеоков, бельтиры действительно были смешанной этнической группой.

V. АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА 1822 г. И СТЕПНЫЕ ДУМЫ.

В 1822 г. в Сибири была совершена административная реформа по проекту, составленному М. М. Сперанским—известным государственным деятелем царствования Александра I. Реформа была проведена законодательным актом и вошла в законодательство России под названием „Устава об управлении инородцев“, который был опубликован в 1822 г. Упомянутый Устав почти в течение века, со времени его обнародования, был основным официальным законодательным положением, определяющим положение „инородцев“ в составе Российской империи. Не вдаваясь в характеристику классовой сущности данного закона, в описание и анализ причин,

¹ Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири и Восточного Туркестана, СПб, 1893, стр. 25.

² Там же, стр. 24.

³ В. И. Дулов. Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев, стр. 58—61; Н. Катанов. Письма, стр. 15, 24 и др.

породивших его¹, мы отметим только, что этот Устав, несмотря на его либеральный характер, явился законодательным оформлением колониальной, по своему существу, политики русского царизма по отношению к нерусским народностям Сибири. В нём нашло отражение традиционное стремление царского правительства опираться на местную эксплуататорскую верхушку из „инородцев“, создать для неё привилегированные условия, превратить её в послушное орудие своей классовой политики. У нерусских народов Сибири создавалось своё местное „родовое“ управление под контролем полицейской власти. Органы „инородческого управления“ одновременно являлись и судебными органами. В зависимости от введённого Уставом разделения народностей Сибири по образу жизни на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих, у них устанавливалась та или иная форма управления. Для населения Минусинской котловины, как и для бурят, было учреждено Степное управление, т. е. Степные думы или Степные инородческие управы. Для целей настоящей работы нет необходимости рассматривать структуру, права и обязанности, порядок управления Степных дум, тем более, что этого вопроса мы уже касались в другой нашей книге². Поэтому мы продолжим изложение исследуемых нами вопросов в рамках новых административных образований у ясачного населения Ачинского и Минусинского округов Енисейской губернии, как стала она теперь именоваться после разделения Сибирской губернии в 1822 г.

1. КИЗИЛЬСКАЯ СТЕПНАЯ ДУМА

В результате административной реформы 1822 г. значительная часть чулымских татар, отошедшая к Енисейской губернии, была объединена в так называемое Кизильское степное управление. В связи с новым разделением сибирских губерний в 1822 г., Минусинская котловина оказалась в составе Енисейской губернии, состоящей из пяти округов: Ачинского, Минусинского, Енисейского, Канского и Красноярского. Кизильское степное управление, обычно называемое Степной думой, находилось в Ачинском уезде и состояло из 12 административных родов или управ. Название Кизильской думы произошло от имени кизильцев, входивших в неё в качестве одного из административных родов. По имени же думы постепенно стали называть кизильцами и всё приписанное к ней население независимо от того, к какому административному подразделению принадлежали ясачные. Исключение составляли только два Мелецких рода, которых называли „мелецкими

¹ См. об этом нашу работу „Краткие очерки по истории и этнографии хакасов“, стр. 134–135.

² Там же, гл. III.

татарами“. Видимо это произошло потому, что оба административных рода вскоре были выделены в особую Мелецкую управу.

Рассмотрение состава административных родов Кизильской думы и их расселения целесообразно провести в сопоставлении с ясачными волостями чулымских татар XVII—XVIII вв.

Кизильская Степная дума была учреждена в 1824 г. Первоначальный состав её был представлен следующими родами или улусами¹.

Родовые управы или улусы	Количество душ		Ясак деньгами в рублях
	Скотоводцев и промышленников	Кочующих земледельцев	
1. Кизильский	253	35	200
2. Шуйский	235	87	216
3. Мелецкий 1-й половины	193	—	200
4. Мелецкий 2-й половины	31	232	175
5. Малоачинский	194	8	325
6. Большеачинский	332		
7. Малоаргунский	103	—	68
8. Курчиковский	155	—	49
9. Басагарский 1-й и 2-й половины	168	—	110
10. Басагарский от 2-й половины отделённый	141		
11. Игинский	397	—	165
12. Камларский	279	12	215
Итого	2481	374	1723
	2855		

Отсюда видно, что в состав Кизильской думы вошли потомки населения, известного по документам XVII в. под названиями кизылов, шустов, милисов, ачей, басагаров, камларов, или под названием волостей Аргунской, Курчиковой и др. Административные роды Кизильской думы полностью сохранили преемственность в своих названиях с наименованиями ясачных волостей чулымских татар XVII в. Между прочим, этногенетическая связь населения Кизильской думы с этими своими ближайшими историческими предками нашла выражение ещё в одном интересном явлении, наблюдаённом А. А. Яриловым. Среди кизильцев XIX в. сохранялись фамилии, происходящие от имён некоторых чулымских князцов XVII—XVIII вв. Так, например, у шустов, составляющих Шуйский род, встречается фамилия Мышановы, в которой нельзя не узнать основателя этой

¹ Иностранцы Енисейской губернии в первые годы её существования.. Сибирский Архив, № 9 за 1914 г., стр. 380.

фамилии княздя Шуйской ясачной волости Мышана, жившего в конце XVII в., при помощи которого было открыто месторождение серебряной руды на р. Каштаке. В начале XVIII в. в Басагарской волости был князец Катышак. Эта фамилия стала распространённой у жителей Басагарского рода Кизильской думы. Князец Агучек Кизильской волости стал родоначальником фамилии Угучековых, распространённой в XIX в. у жителей Курчикова рода. Нужно иметь в виду, конечно, что состав ясачных волостей XVII в. и ясачных родов Кизильской Степной думы XIX в. не мог полностью совпадать по фамилиям, ибо смешение населения в волостях наблюдалось уже в XVII в. и оно продолжалось в большей степени в XVIII и XIX вв. Поэтому получилось, что фамилия Майрыковых, например, оказалась у жителей Игинского рода, хотя Майрык, основатель этой фамилии, был княздем в начале XVIII в. в Ачинской волости. Следует отметить, что появление фамилий у „чулымских татар“ относится к началу XVIII в., когда они были формально обращены в христианство, чем и объясняется, видимо, сохранение фамилий, восходящих к лицам, жившим в конце XVII и начале XVIII вв.

Расселение жителей административных родов Кизильской думы было уже более смешанным, чем в ясачных волостях XVII—XVIII вв., и по имеющимся данным представлялось в следующем виде. Кизильский род (по материалам 1829 г.) жил преимущественно в бассейне Урюпа и района Белого озера в с. Шарыповском, в улусах Усть-Терехтинском, Верх-Ужурском, Солгонском, а в 1859 г.—в улусе Талкинском (р. Урюп) и деревне Темринской (в системе р. Енисея). В 1859 г. население этого рода составляло 347 душ обоего пола. Шуйский род или шусты жили в большинстве в 1829 г. по притокам Урюпа в улусах: Божьеозёрском, Малоозёрском, Косоложенском, Косогонском, Староурюпском и др. По данным 1859 г. их числилось 511 душ обоего пола и они жили в это время на тех же местах, кроме того и в улусе Усть-Пещинском, где находился центр Кизильской Степной думы.

Малоачинский род в 1824 г. при образовании думы жил смежно с Басагарским на границе степи и тайги близ озёр Ошкольского и Чёрного и по р. Чёрному Июсу (улусы Ошкольский, Кызылгашский, Усть-Сектинский, Подкаменский, Кабанский, Чалонгульский). В 1859 г. насчитывалось 515 жителей этого рода. Большеачинский род в это время насчитывал 1447 душ обоего пола и обитал по р. Береш (улус Можарский, д. Берешинская), а также по притоку Береш-Парне (улус Усть-Парнинский) и в д. Ключинской. Малоаргунский род, получивший у местного населения название „Калмах“, состоял из потомков аргынов, как указывалось выше, принимавших участие в формировании казахской народности и входивших также в родоплеменной состав телеутов. В 1859 г. в этом роде

насчитывалось всего лишь 89 душ обоого пола, и его жители обитали по р. Катат (в д. Кадатской и с. Шарыпово). Курчиковский род, по данным 1829 г., жил около Божьего озера и по р. Печище, но к 1859 г., когда он насчитывал 424 души обоого пола, переселился на Чёрный Июс (улусы Оскольский, Подкаменский и др.). Однако часть этого рода по-прежнему составляла Курчиковскую ясачную волость (но входившую в Томскую губернию) и обитала в основном в системе р. Кия. Басагарский род (потомки басагаров XVII в.) жил в 1824 г. около озёр Белого и Уракского и по речке Ужуру, а в 1859 г., когда в нём числилось 235 душ обоого пола, в ряде улусов, расположенных по Чёрному и Белому Июсам. Один из улусов, именно Итеменевский, сохранял ещё название Пугалар-аалы, т. е. селение рода Пуга или Буга. Игинский род в период учреждения думы жил по рр. Терехте, Серезу, Изык-чулу, Ужуру и др., а в 1859 г., когда, согласно переписи, в нём насчитывалось 942 души обоого пола,—по Чулыму в улусах Оракском, Адашинском и д. Шушенской. Наконец, Камларский род, в котором по данным 1859 г. насчитывалось 666 душ обоого пола, рассеялся в деревнях Баитской, Изындаевой и Парнинской.

По сравнению с ясачными волостями Чулымских татар XVII в., ясачные роды Кизильской степной думы жили ещё менее компактно. В этом отношении хотелось бы обратить внимание на два момента. Во-первых, при административных разделах Сибири на губернии и уезды в XIX в. отдельные ясачные волости, существовавшие в XVII в., оказывались нередко разорванными и находящимися в разных уездах. Во-вторых, под влиянием развития экономической жизни и в процессе освоения территории, покинутой енисейскими киргизами, население ясачных чулымских волостей стало жить ещё более смешанно. Эти два вывода можно подкрепить дополнительно следующим фактическим материалом. При образовании родов Кизильской думы, входящей в границы Ачинского уезда Енисейской губернии, продолжали существовать одноимённые ясачные волости в пределах Томской губернии, и не только по р. Чулыму и его притокам, но и в бассейнах некоторых притоков Оби. К таким волостям относились, например, Шуйская волость, жители которой обитали по среднему течению правого притока Оби—р. Ини, ниже устья р. Таремыг, смешанно с русскими крестьянами и телеутами, а также Камларская волость по р. Стрельной (левый приток Томи), жители которой рассеялись в ряде деревень смешанно с русскими крестьянами и представителями Ячинской, Камларской и других волостей. Оседлые жители Камларской волости обитали по р. Томи на участке между впадений в неё рек Глубокой и Уньги. К юго-западу от них между р. Томью и Салаирским горным кряжем находились селения жителей Шуйской и Кумышской волостей и управ, расположенные по соседству с ясачными Кизильской ду-

мы, находившимися по другую сторону гор в Ачинском уезде на расстоянии 150 верст. По р. Чулыму в Томской губ. продолжали жить ясачные Курчиковой, Кызылдеевой и других волостей. Относительно смешанного характера расселения родов Кизильской думы известно также по исследованию А. А. Ярилова, в работе которого приведён фактический материал по данным 1829 г. на основании архивных материалов Кизильской степной думы.

Та часть „чулымских татар“, которая расселилась по бывшим кочевьям енисейских киргизов, оказалась соседящей и частично живущей смешанно также с качинцами, выселившимися в эти места из-под Красноярска.

Если обратиться к родовому составу ясачного населения Кизильской думы, например, по записям В. Радлова¹, то и этот материал свидетельствует о преемственности жителей Кизильской думы с ясачными волостями чулымских татар XVII и XVIII вв. Радлов приводит следующий список родов кизильцев: 1) Кызыл, 2) Большой Агын, 3) Малый Агын, 4) Акы (игинский род), 5) Басагар, 6) Камлар, 7) Аргын, 8) Калмак, 9) Курчык, 10) Шу. Все эти так называемые родовые названия представляют собой, конечно, не что иное, как названия соответствующих волостей чулымских татар XVII и XVIII вв. Исключение составляет лишь род „калмак“. Как передают современные жители-кизильцы, это была группа телеутов, вошедшая в состав Кизильской думы. Выше уже говорилось то же самое об этой группе в составе чулымских татар XVIII в. на основании документальных данных, которая, между прочим, осталась неизвестной Кастрену, считавшему этот род „калмыцкого происхождения“².

Мелецкая управа выделена в самостоятельную административную единицу в 1835 г. Население её именовалось обычно „мелецкими татарами“. Оно было оседлым, делилось на два административных рода и проявило склонность к полному заимствованию образа жизни русских крестьян. К концу XIX в. мелецкие татары уже все говорили только по-русски, жили в основном русским крестьянским бытом и сильно перемешались с русским местным населением. Их насчитывалось 1272 души обою пола³.

Культура и быт кизильцев, т. е. смешанного населения Кизильской думы, почти слились с культурой и бытом русских крестьян. Сохранялись только язык, обнаруживавший близкое сходство с качинцами, и различные религиозные представления.

¹ Радлов. *Ans Sibirieu*, т.1, стр. 210.

² Кастрен. Путешествие, стр. 375. Так же неправильно характеризован в смысле происхождения этот род и в нашей книге „Краткие очерки истории и этнографии хакасов“, стр. 191.

³ Ярилов. Мелецкие инородцы. Юрьев, 1899, стр. 23.

Однако и в этой области народной жизни наблюдалось слияние с качинцами. Д. А. Клеменц это подметил ещё в 80-х годах XIX в. „Большинство камлает,—писал он о кизильцах,—без бубнов, на палочках и в случаях серьёзных кизильцы не доверяют своим камам, а выписывают из степи качинцев... Поклонение идолам (по-татарски—тёс) распространено повсеместно, но, благодаря влиянию соседей-качинцев, многие свои тёси забыли и заменили качинскими“¹.

2. КАЧИНСКАЯ ИЛИ АБАКАНСКАЯ ДУМА.

В результате реформы 1822 г. Качинская земля была реорганизована в Качинское Степное Управление, получившее в обыденной жизни, а затем и в ведомственной переписке, название Качинской Степной думы, административный центр которой находился на левом берегу Абакана, близ его устья. В состав Качинской думы вошли первоначально одиннадцать улусов².

Родовые управы или улусы	Количество душ		Ясак деньгами в рублях
	скотоводцев и промышленников	кочующих земледельцев	
1. Абалаковский	148	—	199
2. Шалошинский 1 половины	464	—	1324
3. Шалошинский 2 половины	541	—	
4. Ярино-Ястынский	128	—	168
5. Мунгатовский	224	—	348
6. Абалтаевский	172	—	241
7. Татаровский	607	—	697
8. Тинский	104	—	42
9. Кубановский	449	—	506
10. Тубинский	841	—	873
11. Таташевский	1431 ³	—	185
Итого	3821	—	4583

Состав улусов ясно показывает, что Качинская дума включила в себя те же улусы, которые входили в неё в XVIII и начале XIX вв., до реформы, с небольшими изменениями, а именно: Силошин улус был разделён на две половины и стал именоваться Шалошиным. Появился Абалаков улус, который

¹ Предварительные сведения об экскурсии Д. А. Клеменца в Ачинский и Канский округ. Известия Восточно-Сибирского Отделения Русского Географического Общества, 1889, т. 20, № 1, стр. 46.

² Иногородцы Енисейской губернии в первые годы её существования. Сибирский архив, 1914, № 9, Минусинск, стр. 381.

³ Здесь явная опечатка в сторону сильного преувеличения. Судя по итогу, в Татышевском улусе должно быть 143 ч.

входил до реформы в Яринскую землю, а также улус Тинский, составлявший в Яринской земле Тинскую волость. Но зато исчезли такие малочисленные улусы как Тютюгин и Аринско-весловская волость, в которых было всего 5 человек ясачных плательщиков. Таким образом, Качинская Степная дума после реформы в этническом отношении состояла из тех же элементов, что и в XVIII и начале XIX вв., но с включением ещё населения Яринской земли. Следовательно, этнический состав качинцев прослеживается совершенно чётко с XVII в. и характеризуется смешением тюркоязычных, кетоязычных и самодийскоязычных элементов, что уже было показано выше. В дальнейшем, в течение XIX в., состав улусов Качинской думы несколько изменился. Эта дума объединяла управление качинцами, живущими на обширной территории от Абакана до р. Июса. Большая удалённость друг от друга Июсских, Красноярских и Абаканских качинцев и частые трения и конфликты между ними при выборе общеродовой администрации привели к тому, что в 1855 г. Качинская дума была разделена на две инородные управы: Абаканскую и Юсскую (Июсскую). Абаканская состояла из административных родов или улусов Шалошинных (обоих половин), Тубинского¹, Татышева и Тинского, а Юсская управа включала роды-улусы: Кубанов, Мугатов, Салбино-Койбальский, Татышев, Абалаков, Ястынский. Абаканская управа имела резиденцию при устье р. Абакана, а Юсская — на правом берегу протока, соединяющего р. Июс с озером Фыркало. Каждая управа выбирала своего родоначальника. По „Статистическому описанию Минусинского округа“, составленному в 1855 г. исправником Нечаевым, к Абаканской управе было отнесено 65 улусов, в которых насчитывалось 1373 юрты с 5788 душами обоёго пола, а к Юсской управе принадлежало 45 улусов, в которых числилось 652 юрты и 3852 души обоёго пола². Однако в 1864 г. обе эти управы снова были соединены в Абаканскую Инородную управу, в которую входило уже 8 административных родов, образованных по территориальному принципу: 1) Шалошин 1-й половины, 2) Шалошин 2-й половины, 3) Тубинский, 4) Бирский, 5) Старо-Июсский, 6) Бело-Июсский, 7) Тинский и 8) Салбино-Койбальский. Новые административные роды Бирский, Старо-

¹ И. Пестов, касаясь вопроса о тубинцах, замечает, что в период появления русских на Енисее в XVII в. они „составляли многолюдное и храброе самоедское колено, обитающее ныне около реки Тубы, которые и поныне сим именем называются и коих считается до 900 душ мужеска пола, платящих ясак“. Указав, что Тубинский род находится „между качинскими татарами“, И. Пестов заявляет: „Хотя оный наблюдает между собой союз, но ни языком, ни житьем, ниже иным чем от качинцев нимало не отличается“. Записки об Енисейской губ., СПб., 1833, стр. 85.

² Труды Сибирской экспедиции Руск. Географич. О-ва, СПб., 1864, стр. 128.

Июсский и Бело-Июсский состояли из смешанно живущего населения, принадлежащего, по более старому делению, к обоим Шалошиным родам, Кубанову, Мунгатову, Татарову, Татышеву, Тубинскому, Ястынскому, Абалакову, Тинскому, т. е. ко всем прежде существовавшим административным родам, жившим разбросанно, но в административном отношении подчинявшимся, по принципу личного подчинения, князям упомянутых родов. Салбино-Койбальский род был образован в связи с упразднением Койбальской думы, просуществовавшей до 1858 г. Койбалов, живущих по рекам Салбе и Тубе, соединили в один Салбино-Койбальский род и приписали его к качинцам. Таким путём произошло дальнейшее усложнение этнического состава качинцев.

К началу нашего столетия качинцы по-прежнему обитали в основном на тех же местах, которые они освоили в XVIII в. Район их обитания был ограничен с юга нижним течением Абакана (до впадения в него р. Камышты), на западе—р. Белым Июсом и отрогами Кузнецкого Алатау, на севере—верхним течением р. Чулыма, и на востоке—р. Енисеем. Часть качинцев в XIX в. жила ещё под г. Красноярском (преимущественно по р. Каче) в деревнях Установой (Зальдеевской волости), Песчанской и Шиверской (Чистоостровской вол.), Маганской, Киндековой и с. Шало (Вознесенской вол.) и в с. Юкеевском (Ельевской вол.). По сведениям Качинской Инородной управы, относящимся к 1879 г., эти качинцы относились к улусам Абалдаеву, Татарскому, Татышеву, Шалошину и Тубинскому. Из этого видно, что они представляли собой потомков не только „красноярских“ качинцев, но также аринцев и тубинцев. Они жили совершенно оседло, русским крестьянским бытом, говорили по-русски и занимались хлебопашеством, сенокосением, сплавом и продажей леса, извозом, рыболовством и охотой¹. Некоторая часть качинцев, выселившаяся из-под Красноярска ещё в XVII в. в долину р. Кана, жившая так же оседло, в XIX в. неправильно именовалась у местного русского населения камасинцами (Угумаков улус).

Наряду с официальным административным делением, качинцы сохраняли более древнее деление на роды или сеоки. Исследователями XIX и начала XX в. зарегистрированы следующие качинские сеоки: Каска (с подразделениями Тайджан, Паратан, Ойрат-Каска), Кыргыз, Пюрют, Ызыр, Саха (Соккы), Частых, Туба, Ара, Тиин, Сарыг, Дьярым, Чильдек, Ойрат. Наименования этих сеоков отражают более широкие общности населения, чем род (например, Кыргыз, Туба, Ара, Ойрат и др.), и не могут быть признаны за кровнородственный род, так как представляют собой остатки племён или даже союзов племён. Эти

¹ Красноярский архив, ф. 296, св. 4, дело 98.

деления на сеоки почти не имели реального значения в жизни качинцев (как и многих других групп хакасов), ибо принадлежность к одному и тому же сеоку не влекла за собой запрета на брак (экзогамию), не характеризовалась общностью владения земельными угодьями или общностью родового культа. Главную роль уже играли территориальные и административные связи. Словом, в качинских сеоках нельзя установить социально-экономического содержания, характерного для кровнородственного рода, как формы первобытно-общинной организации. Правда, в работах ранних исследователей хакасов встречаются отрывочные глухие указания, которые дают основания предполагать, что экзогамия была известна населению, из которого формировались качинцы. Но эти традиции исчезли, видимо, ещё в XVIII в., а может быть и раньше, если принять во внимание ту сложную внешнюю обстановку, в которой жили племена и роды Минусинской котловины в XVII в., когда непрерывно шёл процесс смешения и дробления различных родоплеменных групп. Даже в области культа, этого наиболее отсталого и консервативного элемента культуры, мы с трудом находим материал, говорящий о родовом характере культа. Только сеок Пюрют имел изображение духа покровителя, характерное для членов этого сеока, состоящее из головы убитого зайца. При молении этому родовому покровителю (тӧс ю) шаман надевал старинную богатую женскую шапку, которая до последнего времени ещё сохранилась у хакасов в качестве „свадебной“ или „шапки свахи“. Видимо, эта шапка была раньше характерным головным убором у енисейских киргизов, так как сеок Пюрют у современных хакасов, как и некоторые другие сеоки, представлял потомков енисейских киргизов. Качинские сеоки представляли собой роды только по форме. В них можно видеть лишь сохранение традиции (характерной для первобытно-общинного строя), отражающей в прошлом родо-племенное устройство этнических групп, вошедших в состав качинцев.

Однако, приведённые выше родовые названия имеют существенное значение для выяснения этнического состава качинцев, и они подтверждают те данные и выводы, которые мы сделали в этом отношении в предыдущих главах. Сеок Каска (Хашка или Кашка) признаётся современными стариками, потомками тех качинцев, которые в XVII и начале XVIII вв. жили на р. Каче. Сеок этот входил в Шалошин административный род. Сеоки Пюрют, Ызыр, Кыргыз считаются потомками киргизов, оставшихся от увода в Джунгарию¹. При этом

---

¹ Ср. предание, записанное В. Радловым у сагайцев, где говорится, что после увода киргизов остались в Минусинской котловине сеоки Киргиз, Сагай, Чода. Образцы народной литературы тюркских племён, ч. I, стр. 375—379.

сеоки Пюрют, Ызыр и Саха (или Соккы) считаются также пришедшими в Минусинскую котловину из-под Красноярска.

В названиях сеоков качинцев отразилась ассимиляция ими кетоязычных аринцев, яринцев, тинцев и ястинцев (сеоки Ара Дьярым, Тиин, Частых) и самоедоязычных тубинцев (сеок Туба, куда входили и маторы). Процесс этот, как уже говорилось, нашёл отражение также в названиях административных улусов и родов.

В названии качинского сеока Ойрат, видимо, кроется указание на участие в этногенезе качинцев западных монголов¹. Это тем более вероятно, ибо в XVII в. в Минусинской котловине часто кочевали небольшие группы калмыков-ойратов, которые смешивались с местным населением. Потомки этих групп могли сохранить свой этноним и таким путём внести его в среду качинцев. Кроме того, это название могли принести с собой телеуты, которых соседи иногда также именовали „ойрат“ за то, что они длительное время входили в состав ойрат-джунгар. В названии сеока Сарыг можно видеть общность некоторых этнических элементов с тувинцами, в среде которых также имеется сеок Сарыг. Наименование сеока Саха, Сака или Соккы указывает на общность хакасов с якутами, далёкие предки которых жили в Саяно-Алтайском нагорье и отсюда продвинулись на Лену. Напомним, что Мессершмидт у чулымских татар зафиксировал в качестве этнического названия термин урянхай, сохранившийся до нашего времени и у якутов. Следует обратить внимание на возросшую численность качинцев в XVIII и XIX вв. По данным Миллера, в Качинской земле в 1735 г. числилось 295 ясачных, по сведениям Палласа, относящимся к началу 70-х годов, — 1185 ясачных. По материалам 5-й ревизии учтено в 8 улусах Качинской земли 2643 чел., а после образования Качинской Степной думы в 1823 г. — 3821 чел. В 1909 г. население этой думы выросло до 12764 душ об. п. Если даже учесть, что в состав Качинской думы влилось население Яринской земли, общее количество которого по сведениям Палласа исчислялось в 75 луков (т. е. только мужчин, способных промыслять зверя), то всё равно значительный прирост населения качинцев не подлежит сомнению. В условиях мирной жизни, особенно в связи с ростом экономики под влиянием тесного общения с русским крестьянством, численность качинцев прогрессивно увеличивалась на протяжении XVIII и XIX столетий. Этот рост населения можно видеть и на отдельных группах качинцев. Если сопоставить, например, цифровые данные ревизских сказок 1765 г., когда качинцев, живших под Красноярском,

---

¹ Образцы народной литературы тюркских племён, ч. IX, СПб., 1907, стр. 533—534.

числилось всего лишь 19 душ, приписанных к Татарову улусу южных своих сородичей, то по сообщению Н. Кострова в середине XIX в. их насчитывалось уже „241 д. м. и 231 д. ж. пола“. При этом все они жили оседло в деревнях Торгашиной, Базаихе, Бугачевой и некоторых других¹.

В течение XIX в. культура и быт качинцев получили дальнейшее развитие, оказали ещё большее влияние на культуру и быт сагайцев и койбал в смысле закреплённости общности между ними и в свою очередь испытали ещё большее влияние культуры и быта местного русского крестьянства.

3. КОЙБАЛЬСКАЯ СТЕПНАЯ ДУМА В XIX В.

Возникшее после реформы Койбальское Степное управление состояло из 7 улусов. Кроме тех укрупнённых улусов, о которых говорилось выше (по материалам 5-й ревизии), в Койбальскую думу был добавлен Кандыковский улус, находившийся до реформы в Яринской землице. Таким образом, состав улусов Койбальской Степной думы при ее организации принял следующий вид:

Родовые управы или улусы	Количество душ		Ясак деньгами в рублях
	Скотоводцев и промышленников	Кочующих земледельцев	
1. Таражаковский	142	—	103
2. Кольский	52	—	101
3. Абугачаевский	85	—	155
4. Мало-Байкотовский	89	—	184
5. Больше-Байкотовский	129	—	213
6. Кандыковский	52	—	81
7. Арша	45	—	142
Итого	594		979

Административным центром Койбальской думы стало селение Уты, на левом берегу Енисея.

При новом административном делении маторы, жившие близ Шедатского форпоста, были приписаны к Качинской Степной думе, административный центр которой находился близ устья Абакана у подножья горы Изых². Такое изменение было вызвано тем, что „шедатские маторы“ жили значительно ближе (около 100 км.) от центра Качинской думы, чем Койбальской.

¹ Н. Костров. Качинские татары. Казань, 1852, стр. 12.

² А. П. Степанов. Енисейская губерния, СПб, 1835, ч. II, стр. 50.

В какой улус Качинской думы вошла эта группа маторов, пока не установлено. Известно, что с развитием золотопромышленности в бассейне Амыла в начале 30-х годов XIX в. на месте Шедатского форпоста образовалось с. Каратуз, ставшее административным центром упомянутого золотопромышленного района. Вследствие этого маторы поселились в том же Каратузском районе, на речке Кундулук, где с 1832 г. основали селение, получившее название „Моторское“, и постепенно обрусели. Вот почему, проезжавший в 1847 г. по Каратузу и Амылу, М. А. Кастрен уже не обнаружил маторов у Шедатского форпоста.

По данным 1827 г. всё население Койбальской думы состояло из 1292 душ обоего пола, абсолютное большинство которых официально числилось христианами (шаманистов было около 200 душ обоего пола). В это время большая часть населения летом жила в юртах, которых в думе насчитывалось 256. Основным занятием населения были скотоводство и охота на зверя. В 7 улусах думы числилось скота: лошадей— 701, коров—1122, овец—3553¹. В первых официальных статистических сведениях, которыми мы здесь пользуемся (как и в Качинской и Сагайской думах), земледельческие хозяйства не выделены, хотя земледелие у койбалов уже было. Границы территории Койбальской думы определены были следующим образом: „По левую сторону Енисея, начиная Шушенской волостью от деревни Означенной вниз по течению до впадения притока, вытекающего из таковой же, Абакана, как ровно на правую сторону реки Абакана от устья... и до впадения протоки, вытекающей из Абакана в таковую же Енисей, лежащие покосные места принадлежат во владение койбальским инородцам“².

Таким образом устанавливается, что Койбальская Степная дума сохранила прежний состав административных родов или улусов, этническое происхождение которых было выяснено нами выше. Следует добавить, что изучение родового состава койбалов учеными-путешественниками в XIX в. вполне подтверждает наши выводы, сделанные на основании исторических и этнографических материалов. Известный путешественник-филолог и этнограф М. А. Кастрен³, посетивший койбалов, как и ряд других различных групп населения Минусинской котловины в середине XIX в., с целью этнографического и лингвистического изучения, установил следующее. Койбалы считают себя древнейшими обитателями страны. У них Кастрен

¹ Абаканский Архив. Фонд 2, дело № 49 за 1827 г.

² Абаканский Архив. Фонд 2, дело № 115, л. 35.

³ Castren, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren, 1845—1849, 1856 г., стр. 322 и др. Его же. Путешествие в Сибирь. Магазин земледения и путешествий, т. VI, Москва, 1860, стр. 375, 392, 397.

зафиксировал ряд родов, которые он принял за кровнородственные, а их названия за родовые самоназвания, возникшие в среде этих кровнородственных родов. В записях Кастрена мы находим следующие роды: Большой и Малый Байгадо (Бай), Канг, Тараджак, Тьода, Мадор, Кель, Ингара, Бёгёды, Ирген, Аршы, Кейек и Кайденг. Однако, нетрудно видеть, что Кастрен записал, как подлинные родовые названия, лишь наименования улусов XVII и XVIII вв., из которых была образована Койбальская земля, а затем и Койбальская Степная дума. Конечно, в этих довольно старых и устойчивых названиях улусов могли сохраниться родовые, а может быть и племенные названия, как, например, мадор или матор, тьода или чота, байгодо, богоджи. Однако, как мы показали выше, русские наименования ясачных улусов, занесённые в официальные документы, прежде всего в ясачные книги, далеко не всегда совпадали с подлинными самоназваниями тех или иных родоплеменных групп. В данном случае, например, название рода Канг может служить просто наименованием Канской земли, к которой были причислены предки этого рода в XVII в. Название кайденг, видимо, однозначно термину кайдын, который происходит от имени коттовского князца Хайтына или Хайтона, и т. д.

Кастрен решительно заявил, что большинство родов, исследованных им койбалов, судя по данным языка, родовым наименованиям и существующим у них преданиям, являются по происхождению самоедскими или, как называем теперь мы, самодийскими. Кроме того, Кастрен пришёл к выводу, что некоторые роды, в частности роды Байгода и Кайденг, одного происхождения с енисейскими остяками. Между прочим, Кастрен показал на основе этнографических и лингвистических материалов общность происхождения и тесное этническое родство койбалов с карагасами и северо-восточными сойотами-тувинцами, а также и то, что все эти группы в этническом отношении самодийского происхождения¹. Этот вывод Кастрена справедлив только в общей форме. При более детальном изучении койбалов, карагасов и северо-восточных тоджинцев-тувинцев выясняется более сложное их происхождение, что отнюдь не противоречит тому, что самодийскоязычные этнические элементы в их смешанном составе явились основными компонентами.

Образование Койбальской Степной думы в том же составе улусов, который в течение столетия был характерен и для Койбальской земли, весьма способствовало формированию и развитию территориальной общности и общности языка и культуры. Основы этой общности были заложены у койбалов ещё

---

¹ Кастрен. Путешествие, стр. 375, 429 и др.

в XVIII в. под влиянием перехода к оседлости, общего административного управления, смешения и совместной жизни населения, относящегося к различным по своему происхождению улусам. Уже тогда определилась территория расселения койбалов, выросла их численность, возникли и разрослись населённые пункты, наметились общие черты хозяйственного, общественного и домашнего быта. Тогда же в основном одержал победу и тюркский язык, постепенно заменивший самодийские и кетоязычные диалекты. В XIX в., особенно после реформы 1822 г., процесс консолидации койбалов усилился. Но в XIX в. койбалы были втянуты в другой и более общий процесс консолидации населения Минусинской котловины. У них создавалась общность языка, культуры и быта с качинцами, бельтирами, сагайцами. Этот процесс зародился также в XVIII в. Именно тогда у койбалов бытовала качинская войлочная юрта, что удостоверяли Г. Миллер, П. Паллас, а их одежда, по словам Палласа, представляла смесь качинской и русской. Как и у качинцев, некоторые мужчины носили косичку, монгольские головные уборы. В течение же XIX в. развитие культуры и быта койбалов шло в двух направлениях. Охотнее всего в области хозяйства и домашнего быта койбалы усваивали русские народные черты, заимствованные от русского крестьянства, живущего вместе с койбалами или вблизи от них. Но всё, что в этом отношении было у койбалов отличным, то это, как правило, было таким же, как у качинцев, бельтир и сагайцев.

Созданию общности языка, культуры и быта койбалов с качинцами и сагайцами весьма способствовало и то обстоятельство, что Койбальская Степная дума в 1858 г. была упразднена¹. Административные роды или улусы её были разделены между Сагайской или, как она официально называлась, Думой Соединённых и разнородных племён и Качинской Степной думой. Пять административных родов: Таражаков, Больше-Байкотовский, Абугачиев, Кольский и Арши соединили в один Койбальский род и приписали его к думе Соединённых разнородных племён (Сагайской), а роды Кандыков и Мало-Байкотовский, территориально удалённые от остальных (они были расселены по рекам Тубе и Салбе), соединили в один Салбино-Койбальский род, который приписали к Качинской думе, территориально более близкой.

В свете исторических фактов, изложенных выше, мы имеем основание утверждать, что койбалы не являлись племенем. Это был небольшой по численности этнический конгломерат,

---

¹ Эта Дума была упразднена по настоянию Минусинского окружного начальника Стадлера против желания койбалов. Административный центр Думы находился в деревне Уты на притоке р. Абакана того же названия, в 7 верстах от с. Бей.

созданный административным путём из разнородных по происхождению и языку элементов. Но в результате перехода к оседлости и совместной жизни, этот конгломерат постепенно обрёл общий язык, культуру и быт, причём вначале под сильным влиянием качинцев, а затем и сагайцев. В дальнейшем (особенно в XIX в) койбалы были втянуты в общий процесс консолидации хакасской народности, формировавшейся из весьма различных по языку и происхождению этнических элементов, на основе качинского тюркского языка.

4. САГАЙСКАЯ СТЕПНАЯ ДУМА

Под этим именем была известна называемая в официальных бумагах „Степная дума соединённых и разнородных племён“, управление которой находилось в с. Аскысе, вследствие чего она именовалась также и Аскыской. По рассказам стариков (1946 г.), ясачное население называло себя сагайцами только по принадлежности к Сагайской думе и, как правило, лишь при разговорах с официальными лицами или во время поездок за пределы своей думы. Но соседнее население Качинской и Койбальской степных дум обычно называло жителей этой думы сагайцами. Среди местного населения существует предание, объясняющее происхождение названия думы Сагайской. Царские чиновники решили заменить длинное и трудное наименование, которое было дано думе при её учреждении, а именно „Степная дума соединённых и разнородных племён“. Для этого они вызвали в г. Минусинск всех родовых князцов, чтобы вместе с ними обсудить этот вопрос. Первым по вызову в Минусинск явился князец рода Сагай и поэтому думу назвали Сагайской¹. Но это, возможно, только народное объяснение. На деле же поводом для такого названия могло служить то обстоятельство, что административный Сагайский род в думе был самым большим по численности. К названию „сагайцы“ русская администрация, да и само население, привыкли ещё до учреждения Степной думы, ибо так назывались две ясачные волости, известные ещё по ясачным книгам XVII в. Наконец, этому не могло не способствовать и то, что часть населения действительно называла себя и считала сагайцами.

В момент учреждения дума состояла из десяти нижеследующих административных улусов или родов, центр управления которыми находился сначала в 25 верстах от Аскыса на левом берегу Абакана, близ впадения в него р. Есь². В 1834 г. прибавляется Изушерский род, в 1858 г.—Койбальский, и Сагайская дума стала состоять с 1858 г. из 12 административных

¹ Ср. Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири и Восточного Туркестана, стр. 112.

² Степанов. Енисейская губерния, ч. 1, СПб., 1831, стр. 136.

родов. Выше говорилось, что Койбальский род был причислен к Сагайской думе в результате ликвидации Койбальской думы. Изушерский род был перечислен из Кузнецкого уезда в Минусинский, в ведомство Сагайской думы, потому, что население этого рода обитало значительно ближе к центру Сагайской думы, чем к г. Кузнецку, куда оно вносило ясак.

Родовые управы или улусы ¹ .	Количество душ		Ясак деньгами в рублях
	Скотоводцев и промышленников	Кочующих земледельцев	
1. Бельтирский	840	—	435
2. Кизильско-Каргинский	106	—	59
3. Кийско-Ковинский	103	—	112
4. Ближне-Каргинский	615	—	585
5. Дальне-Каргинский	260	—	123
г. Кивинско-Кубинский	381	—	253
7. Казановский второй половины	159	—	123
8. Сагайский первой половины	885	—	668
9. Сагайский второй половины			
10. Карачаровский	305	—	230
Итого	3654	—	—

Таким образом, сагайцами постепенно стали именовать обобщённо всё население этой думы, которое само себя, за некоторым исключением, сагайцами не называло (например, койбалы, бельтиры и др.).

Сагайцев принято считать особым племенем со времени уже ранних публикаций В. В. Радлова. Последний ещё в 60-х гг. прошлого столетия включал сагайцев в список племён, которым он дал общее наименование „абаканских татар“². Радлов представлял себе абаканских татар как „смесь самых разнообразных и разнородных племён, но долголетним обращением между собой слившихся в отношении языка и обычаев почти в одно целое“³. Достоинно внимания и то обстоятельство, что такие ранние авторы, писавшие о населении Минусинской котловины, как И. Пестов и известный Степанов, не упоминают сагайцев среди племён бассейна Абакана. Первый из них сообщает только, что „на сагайской степи множество улусов

¹ Сибирский Архив, 1914, № 9, стр. 381.

² В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племён, ч. II. СПб., 1868. Предисловие, стр. IX—X; его же, Ethnographische Übersicht der Türken—Stämme Sibiriens und der Mongolei, Leipzig, 1883; Aus Sibirien. Bd. I, Leipzig, 1884, стр. 206.

³ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племён, ч. II, СПб., 1868, стр. X.

и юрт татар кочующих¹. Второй называет их „соединёнными
разнородными племенами татар“². Впрочем, Гр. Спасский вы-
делил сагайцев, отделив от каргинцев и бирюсинцев в отдель-
ный народ, но отнёс его к народам „смешанным“³. Кастрен
относит сагайцев, как и бельтиров, к числу значительнейших
сеоков, входящих в состав Сагайского управления „*Die Vor-
nehmsten von den Geschlechtern, die zum Sagaischen Gerichte
gehören*“⁴. И только у Радлова сагайцы, наряду с качинцами,
койбалами и кизыльцами, названы большим племенем, которое
образовалось с течением времени из многих мелких племён⁵.
Однако более поздний исследователь „Минусинских татар“
Н. Ф. Катанов, происходивший сам из сеока Сагай, находил
нужным оговариваться, что под именем „сагайских татар“ он
разумеет „тюркские племена, состоящие в ведении „Степной
думы соединённых и разнородных племён“, находящейся в
с. Аскысском... Эти татары в административном отношении
составляют 12 родов, из которых наиболее многочисленным
считается Бельтирский; дума же, управляющая этими 12 рода-
ми, называется обыкновенно Сагайской степной думой“⁶. Ка-
танов, возвращаясь к этому вопросу в поздних своих работах,
указывает: „татары Аскысской инородной управы... в офици-
альных актах делятся на 12 родов... Все роды (кроме койбал
и бельтир) в официальных актах носят общее имя Сагай“⁷.
Наконец, Е. К. Яковлев, обративший внимание на то, что
„прошлое сагайцев ещё более темно, чем у качинцев и дру-
гих“, подойдя в своём кратком описании населения долины
южного Енисея к сагайцам, вынужден был отметить: „В на-
стоящее время сагайцами называют народ, живущий в системе
р. Абакана вверх от р. Камышты и особенно по его левым
притокам до р. Маттыра, скучивая в одно целое ряд племён:
бельтиров, койбалов и другие примеси финской, самоедской и
тюркской ветвей, что делает исследование их крайне затруд-
нительным“⁸. Как видно из этого краткого обзора литературы,
термин „сагайцы“ не является термином племенным. И только
в административном смысле этот термин объединял довольно
разнородное в этнографическом отношении население части

¹ И. Пестов. Записки об Енисейской губ. Восточной Сибири, М., 1833, стр. 89.

² Степанов. Енисейская губерния, ч. II, СПб., 1835, стр. 47.

³ „Сибирский Вестник“ за 1818 г., ч. I. Изображение обитателей Сиби-
ри, стр. 1—2.

⁴ Castren, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren, 1845—1849, стр. 320.

⁵ Radloff, Aus Sibirien, Bd. I, стр. 206.

⁶ Н. Ф. Катанов. Сагайские татары Минусинского округа Енисейской
губ., „Живая старина“, т. III, 1893, стр. 559.

⁷ Н. Ф. Катанов. Отчёт о поездке, совершённой в 1896 г. в Минусин-
ский округ Енисейской губ.. Казань, 1897, стр. 4.

⁸ Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения до-
лины южного Енисея... Минусинск, 1900, стр. 10.

бассейна Абакана. На это же указывает и то обстоятельство, что Степная дума, управлявшая этим населением, называлась думой „Соединённых и разнородных племён“. Стало быть, неоднородность этого населения в этнографическом и языковом отношении была ясна и для местной русской администрации. И все-таки нужно признать, что мнение Радлова о сагайцах оказывает влияние до нашего времени. В академических изданиях списков народов, опубликованных уже после Октябрьской революции, сагайцы выделяются как отдельная народность. В „Списке народностей Сибири“, опубликованном С. К. Паткановым с поправками А. Н. Самойловича, сагайцы выступают самостоятельно¹. Они фигурируют как отдельная народность с особым сагайским языком и в широко известном „Списке народностей СССР“, изданном Академией Наук СССР под редакцией И. И. Зарубина². Наконец, в первом издании Большой советской энциклопедии о них говорится как о племени хакасской народности, обитающей в Аскысском районе Хакасии³. Чтобы доказать несостоятельность определения сагайцев племенем и выяснить их этнический состав, необходимо обратиться к рассмотрению административных и фактических (этнографических) родов, объединявшихся этой думой. По официальным данным 1858 г. в неё входили следующие административные роды: 1) Бельтирский—1787 душ обоего пола; 2) Койбальский—1166; 3) Сагайский 1-й половины—1375; 4) Сагайский 2-й половины—1379; 5) Кивинский—1893; 6) Кизильский—204; 7) Ближнекаргинский—1803; 8) Дальнекаргинский—531; 9) Карачорский—603; 10) Кийский—330; 11) Казановский—460; 12) Изушерский—553.

Рассмотрим фактический родовой состав в рамках каждого административного рода, за исключением Бельтирского и Койбальского родов, о которых уже говорилось выше. Таким образом, предстоит выяснить фактический родовой состав 10 административных родов бывшей Сагайской думы. Оставляя пока в стороне 2 Сагайских рода, мы приведём сначала соответствующие данные по остальным 8 родам.

Начнём с наиболее многочисленного Кивинского административного рода. Последний объединял в себе однородное население, относившее себя к сеоку Кобый. В данном случае административный род и сеок совпадали. Сеок Кобый рассеялся по рекам Тее, Таштыпу и его притоку Анжулу. Здесь кобыйцев нашли Паллас и Пестерев во второй половине XVIII в. Первый пишет о них, как о „кобинских татарах“ или

---

¹ С. К. Патканов. Список народностей Сибири. Изд. Росс. Академии Наук, Петроград, 1923, стр. 6, 13.

² Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, № 13, Л., 1927, стр. 36.

³ БСЭ, т. 50, стр. 97. Издание первое.

кобинском поколении, состоящем из 53 луков, а второй—как о кобинской орде. Оба путешественника отмечают, что кобыйцы лет 35—40 тому назад пришли в эти места из Кузнецкого округа с р. Мрассы. Этот сеок шорский. Часть кобыйцев ещё до настоящего времени обитает в Шории по р. Кобырзу, правому притоку Мрассы, где мы посетили их в 1934 г. У Радлова и Адрианова Кобый также фигурирует в числе шорских сеоков.¹ У Катанова со слов населения Аскысского района записано предание о том, что кобыйцы пришли в бассейн Абакана с р. Мрассы, именно с р. Кобырсуга². Нам также удалось записать ряд аналогичных преданий уже в 1946 г., т. е. 50 лет спустя. Старик Кобонг Боргояков, живущий в верховьях Тёи, говорил: „Мы прасские люди (т. е. мрасские—Л. П.). В Сагайской думе нас после бельтиров всех больше было, потом уже каргинцы за нами шли“. Старик Арок Боргояков из селения Усть-Чуль сообщил, что их предок Боргояк вышел из Кузнецкой тайги: „Кидертин сыххан“, как он выразился³. Здесь на р. Тёе у него родился сын Очот. У Очота затем родилось 7 сыновей, которые и дали начало 7 фамилиям абаканских кобыйцев. Со времён Очота, по счету старика Арока, прошло 5 поколений⁴.

По данным архива бывшей Сагайской думы или Думы соединённых разнородных племён, частично сохранившимся и находящимся в г. Абакане, мы обнаружили в делах за 1832 г. упоминание о том, что в это время часть населения Кивинского рода (т. е. сеока Кобый), числящаяся в Сагайской думе, проживала в Шории на р. Кобырсе⁵. Из этих же данных видно, что Кивинский административный род на 1 июля 1832 г. состоял из 175 семейств, включавших в себя 804 души обоего пола.⁶ Любопытно, что из 175 семейств 81 семья продолжала заниматься исключительно звероловством, 67 семейств занимались скотоводством и звероловством, 20 семейств—хлебопашеством и звероловством. Кроме того, 6 семейств находились „в наймах в качинцах“ и одна семья—„в наймах своего рода“.

¹ Radloff. Aus Sibirien. Bd. I, s. 214; А. В. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., Записки ИРГО по общей географии, т. XI, СПб., 1888.

² Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племён, ч. IX, стр. 473.

³ Кобыйцы называют Кузнецкую тайгу „Кидер“ или „Абатура чир“.

⁴ После Очота был Мыкыйта, после Мыкыйты—Акый, дед Арока, после Акыя—Мукулча, отец Арока. Я нашёл в Абаканском архиве (фонд 2, опись 1, дело № 135) свидетельство о том, что Мыкыйта (т. е. Никита) Огчотов действительно жил и умер около 1832 г., а Акыю, деду Арока, в 1832 было 14 лет.

⁵ Абаканский государственный архив, фонд 2, опись 1, дело 135. Именной список инородцев Минусинского округа ведомства Степной думы соединённых разнородных племён Кивинского рода.

⁶ Среди 175 семейств Кивинского рода по официальному списку встречаются большие семьи численностью до 20 и более человек.

Следовательно, кобыйцы, как и прочие сеоки южной Шории, ещё в первой половине XIX в. были по образу жизни охотниками-звероловами.

Разумеется, можно предположить, что сеок Кобый издавна жил в бассейне Абакана, а затем часть его переселилась из этих благоприятных для скотоводства и земледелия мест в суровую и дикую природу бассейна Мрассы, где, кроме охоты, заниматься ничем нельзя. Однако такое предположение едва ли можно признать правильным. Напротив, именно суровость природных условий в бассейне Мрассы, при слабом развитии труда пеших звероловов-кобыйцев, делала исключительно тяжёлым поддержание необходимого уровня материальной жизни для сколь-либо значительного количества населения. Вот это-то и заставило шорские сеоки, в частности кобыйцев, переселяться в лучшие места, где имелась возможность перехода к более обеспечивающим их хозяйственным формам. При этом новые природные условия позволяли им не бросать и старинное коренное занятие—звероловство. Поэтому новые хозяйственные формы скотоводства и земледелия сочетались здесь ещё в XIX в. с привычным звероловством. Всё это хорошо согласуется и с приведёнными выше преданиями о переселении кобыйцев с Мрассы (а не наоборот), где нередко указывается, что причиной этого переселения была возможность освоить места, более благоприятные для разведения скота.

В пользу шорского происхождения сеока Кобый говорят и другие весьма убедительные данные как исторические, так и этнографические.

Кивинский административный род, в XVII в. называвшийся Кивинской волостью, упоминается уже в документе 1634 г. как живущий на р. Мрассе и платящий дань енисейским киргизам.¹ Стало быть в первой половине XVII в. кобыйцы также обитали в Южной Шории. Этнографический материал, свидетельствующий о шорском происхождении кобыйцев, весьма велик и в значительной мере не может быть использован в рамках настоящей работы. Из него приведём здесь только, и то в кратком изложении, данные о родовой охотничьей территории кобыйцев и о культе родовых гор. Как говорилось выше, кобыйцы являются коренными охотниками-звероловами. Следовательно, вопрос о родовых охотничьих угодьях для них является основным, и он поможет правильно решить весь вопрос о „прародине“ сеока Кобый в целом. Родовые охотничьи угодья сеока Кобый находятся в Шории, как мы установили это в 1934 г. Память о них ещё настолько жива у старшего поколения, что они без всякого труда назвали ряд мест, которые

---

¹ Миллер, т. II, стр. 410. Впервые эта Кобиинская волость (Кобы) упоминается в документе 1616—1617 гг. (Там же, т. I, стр. 446.).

считают своими родовыми угодьями. Эти угодья располагались: для ближней охоты—в районе горы Кара-тага и Кольтайги в бассейне р. Мрассы и её водораздела с Таштыпом, а для дальней охоты—в верховьях р. Томи (речки Козугол, Тузаксуг и др.)¹. Родовых охотничьих угодий сеок Кобый в бассейне Абакана или Енисея не имел. Во всяком случае никто из стариков-койбыйцев ни на Мрассе, ни в бассейне р. Тёи, где мы собирали этнографические сведения, не мог об этом сказать и не мог назвать какую-либо речку из этих мест как родовую территорию. Это вполне естественно, так как сеок Кобый в указанных местах своей родовой собственности на охотничьи угодья не имел. Поэтому, когда кобыйцы заходили охотиться, например, в верховья Малого Абакана, их прогоняли оттуда и отбирали у них пушнину челканцы, которые считали эту территорию своей родовой собственностью. Когда же кобыйцы пытались охотиться в верховьях Кемчика, их прогоняли оттуда тувинцы². Так было и во второй половине XVIII в., во времена Палласа³. Такое положение заставляло охотников из сеока Кобый, выселившихся из Шории, ходить на охоту на свои старинные родовые угодья. Так они поступали почти до наших дней. В верховьях р. Тёи (1946 г.) местные кобыйцы ещё 15—20 лет тому назад ходили охотиться в верховьях реки Томи. Таким образом, факт наличия родовых охотничьих угодий у сеока Кобый в Шории в совокупности с тем, что говорилось выше, вполне решает вопрос о шорском происхождении этого сеока. Не менее показательными в этом отношении являются данные, связанные с почитанием родовой горы, столь характерным для племён северного Алтая, к которым принято относить и шорцев. Нам удалось показать в специальной работе, что у северных алтайцев почитаемая сеоком та или иная гора находится на его родовой территории, что культ родовых гор явился только отражением реально существовавшей здесь общинно-родовой собственности на определённую территорию⁴. Родовая собственность на определённую территорию являлась основной экономической связью членов рода, которая настолько сильно пропитывала сознание членов сеока, что сеок своё существование неразрывно связывал с определёнными родовыми горами, отождествляя их с мифическими предками. Отсюда вытекает существенный вывод. Если тот или иной сеок почитает определённую гору, как гору родовую, это является достоверным указанием и на то, что она входила некогда в

¹ Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, Л., 1936, стр. 131—136. Родовые кедровники сеока Кобый были расположены в верховьях Кобырсугу.

² Там же, стр. 131—138.

³ Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. III, стр. 515.

⁴ Л. П. Потапов. Культ гор на Алтае. Советская Этнография, 1946, № 2.

состав его родовой территории. В данной связи уместно привести соответствующий материал, собранный нами в 1946 г. в бассейне р. Тёи.

У сеока Кобый, вплоть до первых лет Великой Октябрьской социалистической революции, устраивалось раз в три года большое летнее общественное моление, посвящённое родовой горе (Таг-Таих). Оно имело целью испросить благополучие молящимся сородичам в отношении рождения детей (получение „кут“ — зародышей на детей), удачи в охоте, благополучия для скота и обилия урожая (пала, ак, мал, тамак). Моление носило ярко выраженный родовой характер. Все расходы, связанные с ним, раскладывались поровну на членов сеока. Кобый и причислялись к подати. На это моление съезжались как его равноправные участники кобийцы, где бы они ни проживали, так и многие посторонние из других сеоков, но уже в качестве гостей. Моление происходило в долине высохшего ручья „Имчек карасу“ у небольших холмов Имчек-таг, расположенных по берегу ручья¹. Моление, как уже говорилось, обращалось к родовой горе. У кобийцев это была гора Кара-таг, находящаяся в Шории, в бассейне р. Мрассы². Поэтому шаманили два шамана поочередно, так как путь их в Шорию к родовой горе был долгим и утомительным, что было не под силу одному шаману.

Не ставя себе задачей описать это моление кобийцев, мы хотели бы показать его общественный родовой характер и подчеркнуть, что родовой горой своей кобийцы считают до сего времени гору Кара-таг, находящуюся в Шории³. Это находит своё подтверждение ещё и в том, что шаманы, происходившие из сеока Кобый, получали шаманское призвание и указание

---

¹ Ручей этот находится близ селения Усть-Чуля. Вследствие того, что это место было постоянным для родового моления кобийцев, ручей этот носил ещё название „Таг Камнатчан Карасу“, т. е. родник, где совершается моление горе.

² По записям Катанова, 1892 г. (Образцы народной литературы... ч. IX, стр. 590), сделанным в улусе Кызласове по р. Малая Есь, населенном сеоком Суг-Карга, кобийцы раз в три года шаманили горе Коль-тайга, находящейся в верховьях Малого Таштыпа, у подножия которой жили предки кобийцев. Камлали на этом молении всего два шамана. Катанов неверно полагает, что моление происходило на этой горе. И в то время, и ещё раньше, кобийцы собирались на родовое моление, как мы уже указали, в местности Имчек-таг. Это моление кобийцев, хотя не полно и искажено, но всё же было описано в 1884 г. священником П. Суховским, который местом этого моления также называл русло высохшего ручья Имчекты (Енис. Епарх. вед., 1884, № 21). Гора Коль-тайга, как и гора Каргыш, которой, по неправильному мнению Суховского, якобы приносили жертву кобийцы, только упоминалась в этом молении наряду с другими. Центральным же моментом всего моления было обращение к родовой горе Кара-тагу.

³ См. об этом подробнее в нашей работе „Этнический состав сагайцев“. Советская Этнография № 3 за 1947 г., стр. 112—114.

о характере и размере бубна именно от Кара-тага. Родовая гора Кара-таг определяла пригодность шамана к служению, назначала ему определённое число бубнов, которое ему предстояло иметь в течение жизни и которым определялась его долговечность. Когда шаман „ставил“ изых, т. е. посвящал духам лошадь в какой-либо семье сеока Кобый, то „кут“ (т. е. душу) этой лошади он вёл в Шорию и показывал родовой горе Кара-тагу, которая определяла пригодность этой лошади в качестве изыха.

Рассмотрим теперь Ближне-Каргинский и Дальне-Каргинский административные роды, которые не совпадали с фактическим родом. Официальное название их даёт повод думать, что здесь мы имеем дело с родственными сеоками. Так и было в действительности. Ближне-Каргинский административный род объединял сеоки: 1) Таг-Карга (горные Карга), 2) Сайын, 3) Себичин или Себиджин. Дальне-Каргинский административный род включал сеоки: 1) Суг-Карга (водные Карга), 2) Туран. Последний сеок входил и в Сагайский 1-й половины административный род. К Дальне-Каргинскому административному роду были причислены, видимо, только те члены этого сеока, которые территориально находились среди населения Дальне-Каргинского рода. Эти сеоки в бассейне р. Абакана были расселены следующим образом: Суг-Карга—по Тее и Большой и Малой Еси; Таг-Карга—по Таштыпу и частично по р. Еси; сеок Сайын—преимущественно по р. Еси (ниже слияния), а сеок Себичин—по р. Аскизу. О кровном родстве двух основных родов: Таг-Карга и Суг-Карга, входивших в указанные административные роды, говорит их экзогамность. Оба эти рода, а также сеок Сайын, раньше были строго экзогамны, память о чём сохранилась ещё и в настоящее время. Все эти сеоки, за исключением „Туран“, относятся к шорским. Каргинская волость упоминается среди ясачных кузнецких волостей вместе с Кобинской в документе 1616—1617 гг¹. Уже с XVII в. Каргинская волость локализуется по р. Кондоме². Паллас и Пестерев фиксируют каргинцев в системе Абакана в конце XVIII в. с указанием, что они переселились сюда из Кузнецкого округа (т. е. из Шории). Катанов записал ряд преданий о переселении этих сеоков из Шории. В одном из них говорится: „Наши водяные каргинцы пришли с речки Мрас, спустившись с Черных гор. Предки их были 2 брата, которые, деля перья орла, рассорились и разошлись; один брат сделался водяным каргинцем, а другой—горным каргинцем. Потомки братьев этих каргинцев и теперь живут по Кёбир-сугу и

¹ Г. Ф. Миллер, т. 1, стр. 446.

² Сиб. приказ, кн. № 10, лл. 49—52, 124; ссылка у С. А. Токарева. Докапиталистические пережитки в Ойротии, Л., 1936, стр. 81; Миллер, т. II, стр. 370.

Мрасу¹. В другом предании сообщается о горных каргинцах: „Против хребта Кõлим, на другой стороне Мраса, есть еще одна гора, называемая Кара-таг. Собственно имя Кара-таг носят две горы, это—горы, у которых жили предки горных Каргинцев. Часть нашего народа осталась у этих гор. Их женщины называют эти горы своим тестем (свекром—Л. П.), а наши, здешние женщины тестем не называют. Наши шаманы во время камлания упоминают эти горы. Говорят, что на этой горе Кара-таг есть каменная колыбель. Эту каменную колыбель видали прежде, а теперь не могут увидеть её. Эта колыбель была колыбелью прежних наших отцов“². В третьем предании подчёркивается: „В ту сторону, на берегу Мраса, есть еще один хребет по имени Кõлим. Водяные каргинцы называют его горою, у которой жили их предки. Они приглашают шаманов камлать на этой горе и приносят жертву. Но женщины не считают этой горы своим тестем (свекром—Л. П.)“³. В предании, записанном нами в Верхней Тее, также говорится, что сеок Карга пришёл на Абакан из Шории, из бассейна р. Томи. Когда каргинцы дошли до хребта Улень-сыны (образует водораздел притоков Томи и Абакана), они разделились на Суг-Карга, которые ушли на Есь, и на Таг-Карга, поселившихся на Тее. Эти предания находят подтверждение в документальном материале. По официальным данным, составленным на 1 июля 1832 г. (для ясачной комиссии), ряд семей Ближне-Каргинского рода Степной думы соединённых разнородных племён ещё проживал по р. Томи, хотя большинство их было сосредоточено по рекам Тее, Аскизу и Еси⁴. По этим же данным, 58 семей Дальне-Каргинского рода кочевало по Мрасе, занимаясь звероловством со скотоводством⁵. Если учесть, что в Дальне-Каргинском административном роде Степной думы соединённых разнородных племён было всего 104 семьи, то нужно признать, что большинство населения этого сеока ещё в 30-х гг. XIX в. проживало в Шории. Сеок Карга находится в списке шорских родов у Радлова, Адрианова. Мы зарегистрировали его по р. Мрасе (выше порога) и по рекам Кондоме и Антропу⁶.

¹ Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. IX, стр. 585.

² Там же, стр. 585.

³ Там же, стр. 589.

⁴ Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 131. Именной список инородцам Минусинского округа ведомства Степной думы соединённых разнородных племен Ближне-Каргинского рода составлен в июле 1832 г.

⁵ Там же, фонд 2, опись 1, дело № 133. Именной список инородцам Минусинского округа ведомства Степной думы соединённых разнородных племен Дальне-Каргинского рода.

⁶ Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 17—18.

Подкрепим наши доказательства этнографическим материалом. Прежде всего укажем, что родовая охотничья территория сеока Карга находится в Шории, в бассейне р. Томи¹. В эти старинные родовые уголья ходили бить зверя и абаканские каргинцы. Охотник Егор Пастаев из селения Маныгас-аал по р. Тее говорил нам: „Алында пис Сор сугсар ангнап чорченг-мис. Анда улуг таскыл полчан Сор таскыл тип адачангнар аны“ (раньше мы ходили охотиться на речку Шорсуг. Там есть большой белок, Шор-таскыл называли его). Речь идёт здесь о речке Шорсуг (левый приток Томи) и о снежной горе Шортайка, где берёт начало одна из вершин Шорсуга, т. е. об области, откуда, по преданию, вышла часть каргинцев в систему р. Абакана. О шорском происхождении сеока Карга убедительно говорит и родовое моление их горе Падын-тагу, находящейся в Шории, на правой стороне Мрассы, близ Каратага, где были места для ближней охоты каргинцев. Моление устраивали раз в три года. Это моление было родовым для сеоков Таг-Карга, Суг-Карга и Сайын. Всё население бассейна р. Тей, принадлежащее к этим сеокам, устраивало моление родовой горе (тöстаг) всегда в одном и том же месте—у подножья горы Тунь-Кая, около 10 км от селения Маныгас-аал вверх по р. Тее. Старший в роде заранее предупреждал о дне моления, устраивавшегося обычно в начале лета. Сородичи готовили вино, брагу—абырткы, различное угощение. Сеок Сайын участвовал в этом наравне с каргинцами. Шаманов обычно было двое, так как дорога к родовой горе считалась дальней и трудной. Шаманы камлали весь день без отдыха, не выходя из одага, настолько трудна была дорога к родовой горе. Они время от времени подкреплялись вином. Когда шаманы достигали Падын-тага, они упрашивали её принять жертву и угощали вином и абырткой². Главную роль в этом молении играл сеок Карга. Люди из сеока Сайын допускались лишь к менее ответственным ролям и главным образом те, которые были женаты на женщинах из сеока Карга. Отсюда следует, что Падын-таг, находящаяся в Шории, была родовой горой каргинцев. Шаманы из сеока Карга, например, называли гору Падын-таг отцом. Когда появлялся новый каргинский шаман, он шёл к Падын-тагу с провожатым шаманом как бы утверждаться в шаманском призвании. При изготовлении бубна и колотушки то и другое шаман показывал Падын-тагу и с её одобрения начинал ими пользоваться. Всё это не оставляет сомнения о том, что родовой почитаемой горой у каргинцев Падын-таг стала во времена, когда сеок Карга обитал только в Шории.

Таким образом, оба основных сеока Ближне-Каргинского и

¹ Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 134.

² Подробнее об этом молении см. „Этнический состав сагайцев“, стр. 116—118.

Дальне-Каргинского административных родов следует считать шорскими¹. Что же касается сеока Сайын, то, как говорилось выше, он считается у каргинцев родственным им, точнее „киринди сеок“, т. е. „сеоком-приёмшем“. В объяснение этого родства существует ряд преданий, рассказывающих о том, как произошло их слияние, записанных Катановым в 1889—1890 гг. и нами в 1946 г. Во всех этих преданиях говорится, что сеок Карга принял в свой состав предков сеока Сайын с предварительным испытанием в меткости стрельбы из лука.² Однако в предании, записанном нами от старика Трофима Тыгдымаева (сеок Сайын), живущего в улусе Маныгас-аал, имеются весьма интересные моменты. Здесь говорится, что каргинцы принимали Сайын в свой состав ещё на р. Томи, где и происходило испытание предка сайынцев в стрельбе из лука, что начальником у каргинцев был в то время Кучум. Следовательно, в предании имеются указания на датировку (конец XVI в.) и место, где произошло это событие. На родство Сайын с шорским сеоком Карга указывает и то обстоятельство, что у них был общий культ родовой горы Падын-тага, находящейся в Шории. При посвящении лошади в изыхи у сеока Сайын шаман вёл её к родовой горе Падын-тагу и угощал её от имени хозяина, ставившего изых. При этом угощали Падын-тага рыбой, кандыком, лепёшками, а скота не кололи, что может служить косвенным указанием на охотничий образ жизни в прошлом у сайынцев, как и у шорских сеоков. Бывало, — говорили нам старики в долине р. Тёи, — что сеок Сайын, обитавший в основном по р. Есь (ниже слияния Большой и Малой Еси), сам устраивал моление родовой горе. Оно происходило в долине Еси близ селения Сайын-аал совместно с каргинцами, жившими в том районе. Но здесь руководящую роль в родовом молении горé уже играли старики из сеока Сайын. Всё это позволяет считать сеок Сайын тоже шорским.

В отношении сеока Себичин, или Сибиджин, представляется также возможным высказаться за его шорское происхождение. Радлов утверждает, что этот сеок входит в состав сеока Таг-карга³. У Катанова приводится предание о том, что предки сибиджинцев жили у подошвы горы Падын-тага, находящейся в Шории. „Сибиджинские женщины считают эту гору своим тестем (свекром — Л. П.), её упоминают в шаманских молитвах“⁴. Нам сообщили на Тёе, что сеок Себичин устраи-

¹ Ближне-Каргинская и Дальне-Каргинская волости официально существовали в Кузнецком округе после 1858 г. в числе мрасских волостей.

² Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племён, ч. IX, стр. 349.

³ Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, s. 208.

⁴ Н. Ф. Катанов, Образцы народной литературы тюркских племён, ч. XI, стр. 589.

вал горное моление ежегодно на горе Читтикыс, по р. Бейке (приток р. Базы, впадающей в Аскиз). Моление совершалось стариками без участия шаманов. Родовую гору, имя которой тейские старики не могли нам назвать, угощали вином, абырткой и кололи для неё семь белых ягнят (кураганов—холощённых барашков). К сожалению, нам не пришлось быть в долине Базы и выяснить этот вопрос непосредственно у себичинцев, но, судя по приведённому выше преданию, записанному Катановым, родовая гора этого сеока, видимо, находится в Шории. Наконец, допустимо сблизить сеок Себичин с шорским сеоком „Себи“, зафиксированным в Шории Радловым, Адриановым и нами на реке Кондоме¹. Здесь этот сеок жил и в первой половине XVIII в., так как в одном из документов 1722 г., говорится о Себийской волости, как Кондомской „ясашной волости“². После X ревизии 1858 г. жители этого сеока в Шории принадлежали к Кондомско-Бежбояковой и Кондомско-Борсояцкой административным волостям Кузнецкого округа.

В результате изложенного, мы приходим к выводу, что все сеоки, входившие в Ближне-Каргинский и Дальне-Каргинский административные роды Сагайской степной думы, являются по своему происхождению и недавнему прошлому шорскими, за исключением сеока „Туран“, для которого пока нет оснований причислять к шорским и о котором придётся сказать несколько дальше.

Следующим административным родом, связанным своим происхождением с Шорией, необходимо считать Карачорский род. Он совпадал с сеоком, настоящее название которого было „Сор“ или „Шор“. Представители этого сеока в системе Абакана жили по рр. Моноку (правый приток Абакана), Абакану, Сее и Большому и Малому Сырам. В XVII в. он назывался в русских официальных документах Карачорской волостью, относящейся к Кондомским волостям³. Чорская волость вместе с Сарычорской упоминается наряду с Каргинской, Кобинской и другими в челобитной томского казака Ив. Теплинского около 1617 г. Этот сеок относится к одному из коренных шорских сеоков, от которых и получили название шорцы и современная Шория. По официальным данным Степной думы соединённых разнородных племён на 1 июля 1831 г., большинство сеока Сор в то время проживало в Шории по системе

¹ Radloff. Aus Sibirien. Bd. I, s. 214, сеок „Себе“; Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г.; Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 17—18.

² Памятники Сибирской истории XVIII в., стр. 319—322.

³ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. № 10, лл. 49—52, 124; цитировано Токаревым в работе „Докапиталистические пережитки в Ойротии“, стр. 80—81.

р. Мрассы¹. Из общего числа 166 хозяйств, числившихся в составе Карачорского административного рода, 112 хозяйств жило по реке Мрассе и 3 хозяйства — на Кондоме. По роду занятий они распределялись следующим образом: исключительно звероловством занималось 113 хозяйств, это были шорцы, живущие на Мрассе и Кондоме; скотоводством и звероловством было занято 42 хозяйства, обитающих в системе р. Абакана.

Сеок Шор или Сор является одним из наиболее распространённых до сего времени в Шории сеоков. Радлов и Адрианов дают в списке шорских родов сеоки Кара-шор и Сары-шор. Нами отмечен ещё сеок „Ўзүт-шор“ и „Кызыл-шор“². Большинство населения этих сеоков до сего времени расселено в бассейне Кондомы, где в XVII в. были Карачорская, Сарычорская (иногда Сачаровская) и просто Чорская волости. Шорская волость была на Кондоме и в XVIII и во 2-й половине XIX вв.³. Охотничьи угодья этих сеоков находились ещё в конце XIX в. в верховьях р. Кондомы⁴. Это относится и к абаканским шорцам, доказательством чего служит их родовое моление почитаемой родовой горе. Сеок Сор устраивал „таг-тайых“ раз в три года осенью. Моление всегда происходило в логу Тиренгкол, близ улуса Ооты, на правом берегу р. Тёи. Моление производил только „сильный шаман“ (көстюг кам), так как родовая гора сеока Сор находится далеко в Шории. Ею является знаменитая в Шории Пустаг или Муштаг с белоснежной вершиной, находящаяся в истоках р. Тельбеса (приток Кондомы).

Кийский административный род совпадал с сеоком Кый. Этот род также должен быть отнесён к числу шорских. Он упоминается в качестве Кийской волости в 1630 г.⁵ В предании, записанном Катановым, говорится, что сеок Кый пришёл в бассейн Абакана с реки Мрассы. На Мрассе кыйцы живут в большом числе и до сего времени. Сеок Кый значится во всех опубликованных списках шорских сеоков. В бассейне Абакана они живут довольно разбросанно по рекам Тёе, Еси,

¹ Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 136. Именной список ино-родцам Минусинского округа ведомства Степной думы соединённых разно-родных племён Карачорского рода, составлен в июле 1832 г.

² Л. П. Потанов. Очерки по истории Шории, стр. 17—18, 132. Людей из сеока Кызыл-Шор я встречал в верховьях р. Мрассы по р. Колзасу. Адрианов зафиксировал кровное родство „Узут-шор“ с сеоком „Кара-Шор“, проявлявшееся в запрещении браков между ними (кыс алышпас).—См. Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 940.

³ Материалы для истории Сибири. Чтения О-ва любителей истории и древностей российских, 1866, кн. 4-я, стр. 61. Дополнения к III т. Землеведения Азии К. Риттера, составленные П. П. Семёновым и Г. Н. Потаниным, СПб., 1877, стр. 482.

⁴ Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., Записки ИРГО по общей географии, т. XI, СПб., 1888, стр. 199.

⁵ Миллер, т. II, стр. 373.

Большому и Малому Сырам, Сее, Матуру и Анчулу. По официальным данным 1832 г., Кыйский административный род состоял из 223 душ обоего пола. Главным занятием их было звероловство и частично скотоводство. Расселялись они тогда в основном по рекам Таштыпу и Мрассе¹. Родовые угодья сеока Кый для ближней охоты были по Кыйзасу (приток Мрассы), для дальней — в верховьях Абакана по речкам Ытылу, Тардашу, Кыйзасу². Адрианов встретил зверопромышленников-кыйцев в 1883 г. на левом берегу Матура и сообщает, что „в эту тайгу заходят ежегодно на охоту только кыйцы — верхне-мрасские инородцы и матырские“³. У Пестерева также имеется указание относительно кыйцев, что они вместе с другими сеоками промыслили зверя в верховьях Абакана, где и были их родовые угодья. К сожалению, мы не можем сказать ни о почитаемой родовой горé, ни о молении ей у кыйцев, так как нам не удалось встретить представителей этого сеока. Мы слышали, что у кыйцев такие моления были. Кыйский род как административная единица находился в составе кочевых волостей Кузнецкого округа во 2-й половине XIX в.⁴

Кызыльский административный род совпадал с сеоком Кызылгай и обитал по долине реки Есь. В отношении этого сеока мы не располагаем историческими материалами и соответствующими преданиями, которые говорили бы об его шорском происхождении. Но имеются иные довольно веские данные, указывающие на его принадлежность к шорским сеокам. До настоящего времени сеок Кызылгай в значительной части обитает по р. Мрассе близ устья Пызаса и Кобырзы, где ещё в прошлом столетии находилась Кызыльская волость. В предании о происхождении этого сеока, записанном нами в 1934 г. от стариков Кызылгай в Шории, говорится, что кызылгаи с давних времён обитали по Мрассе, по соседству с сеоком Кый, с которым они никак не могли поделить земли⁵. Ещё более убедительным свидетельством о давнем обитании их в Шории является нахождение их охотничьих угодий по ряду речек в системе р. Томи⁶. Кызыльский род был ещё во 2-й половине XIX в. в составе административных кочевых волостей Кузнецкого уезда и жил по р. Пызасу, притоку Мрассы.

---

¹ Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 137. Именной список инородцам Минусинского округа Степной думы соединённых разнородных племён Кыйского рода.

² Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 134.

³ Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны 1883 г. Записки Зап. Сиб. отдел. РГО, кн. VIII, вып. II, стр. 112.

⁴ Семёнов и Потанин. Дополнения к III тому К. Риттера, стр. 498.

⁵ Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 165. И в настоящее время кызылгаинцы являются охотниками-звероловами.

⁶ Там же, стр. 134.

Изушерский административный род появился в составе Сагайской степной думы в первой половине 1834 г. в количестве 344 душ обоего пола сначала под названием просто „Кузнецких“, но в том же году он становится Изушерским улусом. По ведомости Думы за период с I/I по I/VII 1834 г. в Изушерском улусе числится 344 души обоего пола, из которых взрослых мужчин 143 чел. Из общего количества населения этого улуса значится: 204 чел. православных и 140 шаманистов. Общее количество скота у них было 730 голов, в том числе 150 лошадей, 130 коров и 450 овец. Жили они все в юртах, которых числится 83, и только одна семья имела дом¹. Этот улус перешёл в ведомство Сагайской степной думы из Мрасско-Изушерской и Мрасско-Елейской волостей Кузнецкого округа. Переход его из указанных волостей Кузнецкого округа в ведомство Сагайской степной думы не означал ликвидации этих волостей в Кузнецком округе. Обе упомянутые волости остались в составе кочевых волостей Кузнецкого округа, так как выделилась из них только часть населения, которой ближе было платить ясак в Сагайскую степную думу. Отсюда естественно, что состав этнографических родов этого вновь образованного административного рода был неоднородным. Он включал в себя три родственных, в прошлом экзогамных сеока: Калар, Четтибер и Тайас². Среди населения левобережья Абакана этот административный род был известен под названием Тайас. Он расселялся здесь преимущественно по рекам Моноку и Сосу³. В исторических документах XVII в. говорится об Итиберской (Четтибер) волости, которая локализуется на Кондоме⁴. Эта волость продолжает существовать на Кондоме на протяжении XVIII и XIX вв., но в документах этого времени на Кондоме же упоминается и Каларская волость⁵. Все эти роды до настоящего времени в своём большинстве сохранились в Шории. По записям А. Адрианова, относящимся к началу 80-х гг. XIX в., сеоки Калар и Четтибер зафиксированы в системе р. Кондомы, причём сеок Четтибер в то время представлял Кондомско-Итиберскую волость, а сеок Тайаш входил в Мрасско-Изушерскую волость, расположенную по р. Пызасу, притоку Мрассы⁶. Если добавить,

¹ Абаканский архив, ф. 2, оп. 1, дело № 161.

² Ср. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I. s. 208: „Таяс образуют три рода: Чедebes, Калар, Таяс (сор)*. Об экзогамности сеоков Калар, Четтибер и Тайас нам сообщили старики в селении Усть-Чуле (р. Тёя) в 1946 г.

³ Катанов. Отчет о поездке в Минусинский округ в 1896 г., стр. 7.

⁴ Русская историческая биб-ка, т. 8, стр. 597, документ от 1629 г.

⁵ Материалы для истории Сибири, Чтения О-ва истории и древностей российских, 1866, кн. 4-я, стр. 69, 72, 88, 89; Потанин. Дополнения к III т. К. Риттера, стр. 482.

⁶ Опубликованы Г. Н. Потаниным, Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 936—941.

что среди населения рассматриваемых сеоков сохранились предания об их приходе в систему Абакана с реки Кондомы, что родовая охотничья территория их находится в Шории, то предположение о шорском происхождении и этих сеоков получает достаточное обоснование¹.

Остаётся сказать ещё об одном административном роде Сагайской степной думы, который мы вместе с другими относим к шорским. Речь пойдет о Казановском административном роде, самоназвание которого было Том или Томнар. Он обитал по речкам Аскизу, Базе, Бее и сохранил предание о приходе на эти места из бассейна р. Томи. Нам рассказывали, что сеок Том или Томнар раньше совершал родовые моления горе. Для этой цели население сеока собиралось близ горы Ары-тага, неподалеку от Казанова улуса, где и были в основном расселены члены этого сеока². Жители сеока Том сами считают себя выходцами из Шории, из бассейна р. Томи, куда они ходят промыслять зверя до сего времени.

Рассмотрев исторические и этнографические материалы по подавляющему большинству административных родов и сеоков, входивших в состав сагайцев, мы имеем возможность сделать ряд существенных заключений. Из 10 административных родов у сагайцев 8 родов, объединяющих 12 сеоков, являлись выходцами из Шории, следовательно, по происхождению шорскими. Остальные 2 административных рода: Сагайский род 1-й половины и Сагайский род 2-й половины — могли считаться сагайскими и то в известной части, как это будет показано несколько дальше. Если вспомнить статистические данные 1858 г., то окажется, что шорские административные роды составляли более половины сагайского населения, так как в них насчитывалось 6042 души обоего пола, а в двух сагайских родах было только 2754 души обоего пола. Мы видели, что этот вывод вытекает из сравнения родовых названий сеоков сагайцев с самоназваниями шорских сеоков и сопоставления их с историческими известиями XVII—XVIII вв. о племенах, родах и волостях Саяно-Алтайского нагорья. Однако этот важный источник не является единственным, как это полагал в свое время В. В. Радлов³.

Предания о выходе этих сеоков из Шории и особенно этнографический материал являются наиболее убедительными. Последний может быть хорошо подкреплён историческими

---

¹ Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племён. ч. IX, стр. 473.

² Мы не смогли выяснить, где находилась и как называлась родовая гора сеока Том.

³ Radloff: „Die Geschlechtsnamen dieser Türken-Stämme sind für uns der einzige Fingerzeig für ihre Abstammung“, — писал он в „Aus Sibirien“. S. 206—207.

документами. Что шорские сеоки пришли в бассейн Абакана на чужие земли, именно на земли бельтиров, говорит, например, один из документов 1745 г., где указывается, что в те времена р. Есь (Ись) входила в Бельтирскую волость¹. Если сопоставить всё это не только с преданиями о приходе сюда рассмотренных сеоков из Шории, но и с тем, что их родовые уголья и родовые почитаемые горы находятся также в Шории, то шорское происхождение этих сеоков нельзя не считать доказанным. Остаётся только выяснить, когда, в какое время появляются шорские сеоки в бассейне Абакана. Для решения этого вопроса имеются документальные свидетельства. Пестерев был в этих местах в 70-х гг. XVIII в. Он сообщил про ряд шорских сеоков (Кобый, Карга, Кый, Шор), что они пришли сюда с берегов Мрассы и других районов Кузнецкого округа около 35 лет тому назад. Следовательно, это произошло, вероятно, в 40-х гг. Вспомним предание о переселении на р. Монок сеока Таяс при бельтирском князе Эптисе, имя которого нередко встречается в документах 40-х гг. Но такое переселение шорских сеоков в бассейн Абакана, возможно, было и в XVII в. Известно, что в 1643 г. шорские сеоки с Мрассы и Кондомы ушли „в кыргызы“².

Можно было бы привлечь ещё этнографические данные о тождестве исследованных сеоков с сеоками и поныне обитающими в Шории, но это весьма увеличило бы размер главы.

Вывод, сделанный на этнографическом и историческом материале, можно подкрепить ещё ссылкой на лингвистические данные. Уже В. Радлов писал, что язык шорцев близок к сагайскому, подразумевая под сагайцами всё население Сагайской думы³. В одной из поздних классификаций тюркских языков сагайский и шорский языки находятся не только в одной группе (уйгурской или северо-восточной), но и в одной подгруппе диалектов⁴. Между прочим, о родстве сагайцев и шорцев в широком смысле слова говорит также исследование их песенного и музыкального творчества⁵.

Если отрицание сагайцев как особого племени или народности правильно, то невозможно отрицать существование не только административного рода, но и сеока Сагай. Этнографическое своеобразие сеоков Сагай выросло на основе кочевого скотоводства и резко отличалось от шорского. О составе

¹ Материалы для истории Сибири, Чтения О-ва любителей истории и древностей российских, кн. 4-я, стр. 70.

² Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири, Томск, 1890, стр. 8 и др.

³ Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, s. 213.

⁴ А. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Петроград, 1922, стр. 8—9.

⁵ А. А. Кенель. Хакасская музыка (рукопись, хранящаяся в Хакасском научно-исследовательском институте).

сеоков Сагайского 1-й половины и Сагайского 2-й половины административных родов мы имеем сведения, сообщённые В. В. Радловым и Н. Ф. Катановым. Радлов указывает, что Сагайский род 1-й половины состоит из сеоков: Сагай, Туран, Сарыг, Иркит, Ичиге, Кый, Аба, Тјода, а Сагайский род 2-й половины—из родов: Кыргыз, Четти-пюрю, Юсь-Сагай, Том-Сагай¹. По полевым материалам Катанова, сагайцы состоят из сеоков Сагай, Туран, Кыргыз, Сарыг, Пюрют². В перечне сеоков, входивших, по Радлову, в состав сагайских административных родов, нужно отделить ряд таких сеоков, представители которых встречаются в других административных делениях, у других племён и народностей, и попали сюда, видимо, по местообитанию в пределах ведомства Сагайской степной думы, по месту взноса податей и несения различных повинностей. Такими были сеоки Кый, Аба, Четти-пюрю—сеоки шорского происхождения, в основной массе обитающие в Шории. Сеок Иркит имеется у алтайцев и тувинцев, а сеок Чода—у алтайцев, тувинцев и карагасов; следовательно, нельзя считать эти сеоки только сагайскими³. То же самое нужно сказать и в отношении сеока Кыргыз, большинство которого находится в среде качинцев, но встречается и среди алтайцев. Вообще же сеок Кыргыз принято считать остатком киргизов, живших в долине Енисея до начала XVIII в. Сеок Пюрют, отмеченный Катановым в среде сагайцев, но отсутствующий в списке Радлова, известен у качинцев, телеутов, алтайцев, что также позволяет исключить его из состава чисто сагайских сеоков. По записи Катанова, у сагайцев есть сеок Сарыг. Этот сеок он встретил также и у тувинцев и не считал сагайским⁴. Радлов его признавал киргизским и указывал на существование его у алтайцев, телеутов и киргизов Тянь-Шаня⁵.

Таким образом, из списков обоих исследователей остаются пока как сагайские сеоки: Сагай (с подразделениями, отмеченными Радловым), Ичиге и Туран⁶. Относительно двух последних сказать что-либо определённое трудно из-за отсутствия фактического материала. Но по поводу сеоков Сагай можно смело утверждать, что это—потомки тюркоязычных сагайцев

¹ Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, s. 208.

² Катанов. Отчёт о поездке, совершённой в Минусинский округ Енисейской губернии в 1896 г., стр. 62.

³ Радлов считал сеок Иркит киргизским родом.—Aus Sibirien, Bd. I, s. 208, 217. У якутов был Эргитский наслег.

⁴ Катанов. Отчёт о поездке, совершённой в 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии, стр. 96.

⁵ Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, s. 209.

⁶ Катанов записал предание: „Колено Ичеге пришло с р. Иус, с реки Иус они переселились (сначала) к хребту Сакчаку. Этот хребет находится в верховьях р. Еси“ („Образцы народной литературы тюркских племён“, ч. IX, стр. 581).

XVII в (киргизских киштымов), которых ни русские люди того времени, ни енисейские киргизы не считали за киргизов.

Итак, сагайцы, в широком смысле, включавшие бельтиров, а после 1858 г. и койбалов, представляли собой не племя, а вначале чисто административное образование, созданное царской администрацией в результате реформы 1822 г. Между прочим, это было известно и администрации Сагайской думы, т. е. князям. В одном из многочисленных запросов, которыми засыпало думу местное окружное начальство из г. Минусинска, был (в начале 30 х годов) и вопрос о происхождении этой думы. Ответ думы составленный её письмоводителем со слов сагайской „родовой“ администрации, представляет интерес, и его стоит привести полностью. В нём говорится: „Степная Дума наименована Соединенных разнородных племен потому, что составилаь из 10 родов. Бельтирский прежде до еще составления Думы находился в таежных местах почему и должно полагать, что оне от монгольского роду, а оттуда уже перешли на места владеемых теперь всеми ясажными. Два же сагайских рода водворились с самого начала и происходят от кыргызского племя, прочие же Управы собрались из Кузнецкого округа к здешним и потому когда умножились число их душ составили по распоряжению правительства Степную Думу“¹. В этом ответе отражён разнородный состав думы, состоящий из бельтир-пришельцев, происходящих „от монгольского роду“, спустившихся из тайги, что согласуется с приведёнными выше легендами, записанными у бельтир; затем из пришельцев из Кузнецкой тайги, о чём мы говорили, рассматривая состав административных родов, и, наконец, из сагайцев, которые первыми „водворились“ в эти места. В ответе нашли отражение и такие исторические факты, что бельтиры были зависимыми данниками от западных монгол (джунгар), и поэтому высказывается предположение— „должно полагать, что оне от монгольского роду“, а сагайцы были данниками киргизов, потому и „происходят от киргизского племя“. В этническом отношении сагайцы являлись смесью различных тюркских, затем самодийских, кетских и даже монгольских и русских элементов. В этом укрупнённом (за счёт бельтир и койбал) этническом конгломерате в течение второй половины XIX в. и начала XX в. под влиянием совместной жизни, в условиях оседлости и развивающегося хозяйства, возникла общность языка и культуры. Сложившийся в этих условиях тюркоязычный диалект, получивший название сагайского, содержал элементы, сближающие его с одной стороны с шорским (что объясняется наличием в составе сагайцев значительного количества выселенцев из Шории), а с другой—с качинским.

¹ Абаканский Архив, ф. 2, дело № 324.

Общность культуры населения, именуемого сагайцами, сложившаяся в рамках Сагайской степной думы, может быть хорошо доказана особенно на фактах хозяйственного и домашнего быта сагайцев. Население Сагайской думы не было кочевым и имело официально территорию. Хозяйство сагайцев со времени создания Думы развивалось по линии земледелия и скотоводства. Уже в 1835 г. сагайцы засевали 556 десятин¹. В 1890 г. площадь посева у них составляла 3779 десятин, хотя население за это время увеличилось только на 60%. В 1917 г. засевалось 19413 десятин, причём в это время посев производился 86,7% сагайских хозяйств. Рост скотоводства виден по следующим цифрам. Общее поголовье стада с 40189 голов по данным 1835 г.² выросло до 110.106 голов в 1890 г. и 178.662 голов в 1910 г.³. Процент хозяйств, не имеющих скота, был совсем незначительным. В отношении обеспеченности лошадьми такие хозяйства составляли 2,9%, крупным рогатым скотом — 2,0% и только хозяйств, не имевших овец, было 11,1%⁴. Техника земледелия у всех сагайцев (включая койбал и бельтир) была общей, заимствованной от местных русских крестьян. Пахали деревянной сохой, боронили деревянными боронами, причём эти простейшие сельскохозяйственные орудия научились от русских крестьян делать сами, как и колёса для телег и сани⁵. В 1871 г. Сагайская дума следующим образом характеризует земледелие у сагайцев: „Система земледелия по ведомству Степной думы вообще у всех инородцев чрезполосно-смежная, каждый земледелец производит землепашество один подле другого и между тем тут же оставляют возделываемые земли под пар, которые находятся под оным одно лето, в это время перепахиваются оные до 2—3 раз, в июне и в августе, более сего удобрения никакого не производится, а с наступлением августа некоторые из паров засеваются озимым хлебом, остальные же затем поступают к будущему году и с наступлением весны засеваются яровыми хлебами. Севообороты на здешних пашнях разницы большой не имеют, потому что обрабатываются почти на одинаковой черноземной почве в количестве по всему ведомству думы до 2000 десятин. Подсеков для хлебопашества здесь не производится и обработка земель с ряду на одной местности продолжается не более 10 лет, а после сего обращаются в залежи, из сих же

¹ Абаканский Архив, ф. 2, оп. 1. Дело № 205.

² Абаканский Архив, ф. 2, оп. 1. Дело № 205. В этом же году было заготовлено 126300 копён сена.

³ Эту цифру нужно считать несколько преуменьшенной, т. к. в 1910 г. обследование охватило только скотоводческую часть населения; данные 1890 г. относятся ко всему населению думы.

⁴ Краткие очерки истории и этнографии хакасов, стр. 201.

⁵ Абаканский архив, ф. 2, оп. 1, дело № 955.

последних возвращаются снова к посевам через 6—8 лет¹. Сеяли сагайцы озимую и яровую рожь и яровую пшеницу, заимствовав эти основные хлебные культуры от русских, а также ячмень и овёс. В цитированном документе указывается: „Здесь инородцы-земледельцы обрабатывают земли из своей экономии собственными своими трудами без наймов и отдачи их в аренду не бывает здесь“². Урожай не только обеспечивали сагайцев хлебом для собственного потребления, но некоторые из них продавали излишки на соседние золотые прииски, скотоводам, качинцам или своим же сагайцам (в неурожайные годы). Огородничество было развито слабо и ограничивалось посадками картофеля и табака. Оно было заимствовано ими от русских крестьян вместе с техникой обработки огорода.

Техника скотоводства также была единой у всех сагайцев. Лошадей, кроме рабочих, круглый год пасли на подножном корму, и в этом отношении способы разведения, содержания табунных лошадей и ухода за ними ничем не отличались от качинских. Рабочих лошадей, рогатый скот и овец зимой обычно содержали в стойлах и кормили сеном. Стойловое содержание было воспринято от русских крестьян и в тех же формах. Но в тёплые и малоснежные зимы крупный рогатый скот пасли на подножном корму, экономя сено. Вообще же способы и приёмы пастбищного содержания скота у сагайцев, в том числе у койбалов и бельтиров, перешедших к скотоводству лишь XVIII в., были общими с качинскими и, конечно, с той частью сагайцев, предки которых разводили скот и были кочевниками ещё в XVII в., когда они являлись киргизскими киштымами и жили с ними общим кочевым бытом. Общими были и приёмы охоты, преимущественно на пушного зверя, хотя общность эта распространилась и на шорцев, северных алтайцев, северо-восточных тувинцев, карагасов и камасинцев, а также кизильцев, промышлявших зверя в горной тайге.

Обратим внимание на общность типа и формы жилища, возникшую здесь в течение довольно короткого исторического периода. В XVIII в. и в первой половине XIX в. среди койбалов, бельтир, собственно сагайцев и сагайских административных родов (выселенцев из Шории) бытовало значительное количество различных типов жилища. Довольно распространённым типом был „алачных“ — конический шалаш из жердей, покрытый пластинами, сшитыми из вываренной бересты, или просто корой берёзы, лиственницы и др. Широко бытовала берестяная юрта, устройство которой было двух видов. Остов одного из них был таким же, как и у войлочной юрты, т. е.

---

¹ Абаканский архив, ф. 2, оп. 1, дело № 955.

² Там же.

состоял из складной деревянной решётки и 2 длинных палок, образующих купол крыши. Покрытие такой юрты было из полос бересты. Остовом другого типа берестяной юрты служили колья, вбитые по кругу, которые наверху скреплялись обручем из прутьев, и к ним прикреплялись палки, образующие крышу¹. Затем, бытовал примитивный (шорского типа) шалаш, называемый „одаг“². Имелся видоизменённый тип шорского одага, под названием „ат-иб“, у которого покрытие состояло из коры лиственницы. Довольно распространённой повсюду, за исключением тайги, являлась войлочная юрта, такая же, как у качинцев. Наконец, в этих районах строили срубную восьми или десятиугольную деревянную юрту и русскую срубную избу. Постепенно это разнообразие типов жилища сокращалось и вытеснялось повсюду деревянной многоугольной юртой — летним жильём и срубной русской избой для зимы. В начале XX в. указанная юрта и русский дом были основным и общим типом жилища для всех сагайцев (включая койбалов и бельтир). Архаический шалаш „ат-иб“ сохранялся лишь местами в таёжной зоне и был редким.

У сагайцев сложилась общность в отношении одежды. В конце XIX и начале XX вв. все сагайцы носили одежду двух видов: национальную, ничем не отличающуюся от качинской, и русскую. При этом, в отношении головных уборов и обуви явное преимущество отдавалось русским видам. Никаких особых отличий одежда сагайцев, бельтир и койбал в указанное время от качинской уже не имела. Однако отличия существовали ещё в XVIII и даже в начале XIX вв. Покрой и внешний вид старинной одежды у сагайцев помнят некоторые из современных стариков, так как даже в конце XIX в. местами эту старинную одежду ещё можно было встретить³. К ней относились, например, мужские рубаха и штаны из выделанной кожи козули. Рубаху шили глухой, без воротника, с прорезью для надевания через голову; штаны были без прорехи и на вздержке. У женщин бытовала длинная рубаха со стоячим воротником, без наплечников. Праздничную обувь, кожаную или меховую (из овчины мехом внутрь), расшивали цветным бисером. У койбал, как говорилось выше, в XVIII в. носили некоторые виды одежды и головные уборы, как и у качинцев, монгольского образца. В течение же XIX и начале XX вв. население Сагайской думы перешло к общему типу и покрою одежды и не отличалось в этом отношении от качинцев, в среде которых, кстати сказать, русская одежда была также распространена. То что сказано в отношении жилища и одежды сагайцев, применимо и к пище их, в которой чётко различа-

¹ См. „Краткие очерки по истории и этнографии хакасов“, стр. 205.

² См. нашу работу „Очерки по истории Шории“, стр. 110.

³ См. „Краткие очерки истории и этнографии хакасов“, стр. 206—20.

лись два вида народной кулинарии. Большинство молочной пищи и молочных продуктов приготавливалось сагайцами так же, как это делается у качинцев. Они делали из кислого коровьего молока айран, а из кобыльего—кумыс, гнали из айрана молочную водку-араку и умели делать кислый (сушёный на солнце) сыр или пресный, сладковатого вкуса. Те виды мясной пищи сагайцев, которые отличались от русских, например, способ варить мясо в котле без соли, мясной солёный бульон или колбаса из крови, мясной суп, приправленный зернами ячменя и т. п., являлись одинаковыми с качинскими. Другие же виды молочной и мясной пищи, а особенно хлебной, мучной, были усвоены сагайцами от русских крестьян.

Много общего у сагайцев (в широком смысле этого слова) было с качинцами в области свадебного обряда, религиозных представлений и шаманского культа, а также в фольклоре, в частности героическом эпосе. В перечисленных областях жизни общность среди сагайцев и качинцев уже вполне сложилась, хотя именно здесь наблюдались также отличия. Таково было, например, моление небу у бельтир, которое не являлось характерным ни для койбал или прочих сагайцев, ни для качинцев. У сагайцев устраивались моления родовым горам, чего не было у койбалов, хотя горные моления им, вообще говоря, были известны. Шаманский бубен сагайцев отличался от бубна качинских шаманов и т. д. В свадебном обряде, в номенклатуре родства, в фольклоре, народной мелодии сагайцы и качинцы также обнаруживали некоторые различия, истоки которых нужно искать в различии этнического происхождения и состава этих административно-территориальных групп.

Общность сагайцев (в т. ч. бельтиров и койбалов) с качинцами сложилась и в языке, хотя среди сагайцев наблюдались диалектальные отличия, объясняющиеся тем, что большая часть сагайцев была связана своим происхождением с шорскими родоплеменными группами. Что касается койбалов, то в отношении их Кастрен, как известно, удостоверил в середине XIX в., что они в то время говорили на качинском наречии. Самодийскоязычные и кетоязычные диалекты, на которых говорили их предки в XVII в. и частью в XVIII в., были полностью побеждены качинским языком.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше заключение может быть кратким. Мы проследили последовательно и документально административный и этнический состав ясачных земель Красноярского, Томского и Кузнецкого уездов в XVII в., а затем в XVIII и в начале XIX вв. Это дало нам возможность показать, из каких административных и этнических элементов были образованы Степные думы, заменившие после 1822 г. ясачные земли. Всё это вместе взятое позволило детально выяснить происхождение и охарактеризовать основные административно-территориальные группы, из которых сложилась хакасская народность.

Исследованный нами обширный и документальный исторический материал показывает, что хакасская народность формировалась вовсе не из кровнородственных племён путём постепенного слияния их в единое этническое целое, как было принято думать по этому поводу в специальной литературе. Происхождение хакасской народности оказалось более сложным. Она сформировалась из различных по своему этническому происхождению и языку административно-территориальных групп. Каждая из этих групп (качинцы, койбалы, сагайцы и др.) возникла в результате устойчивого административного деления разнородного ясачного населения на отдельные земли, реорганизованные затем в Степные думы. В таких землях оказывались самые различные по этническому составу, происхождению и языку мелкие родоплеменные группы или их части. В результате совместной жизни, у ясачного населения Красноярского и Кузнецкого уездов постепенно возникала общность языка, культуры и быта, как в рамках каждой земли, так и между различными землями. Таким образом, несмотря на смешанный в этническом отношении состав населения, в каждой ясачной земле, а затем и в Степной думе шёл процесс консолидации местного нерусского населения в отношении языка, быта и культуры. Одновременно шёл и другой, более широкий и общий процесс формирования языковой общности, а также общности культуры и быта между ясачным

населением различных земель и Степных дум. Этот общий процесс консолидации, протекавший, как было показано, под сильным влиянием качинцев, привёл к сложению в конце XIX и начале XX вв. на территории Минусинской котловины маленькой народности, которая получила у русских название минусинских или абаканских татар. Хакасами они стали именоваться только после Великой Октябрьской социалистической революции. Название „хакасы“ было предложено представителями местной интеллигенции при национальном определении „минусинских татар“ в самом начале 20-х годов нашего столетия. Предлагавшие это название исходили из ошибочного представления, что минусинские или абаканские „татары“ являются потомками древнего населения Саяно-Алтайского нагорья, зафиксированного в китайских летописях под наименованием „хягас“. Несмотря на то, что название „хакасы“ не может считаться исторически оправданным и аргументированным, возражать против него нет оснований, так как оно постепенно вошло в быт населения и было им принято.

Формирование хакасской народности происходило в благоприятных условиях. В начале XVIII в. в Минусинской котловине воцарилась устойчивая мирная обстановка. Обширную территорию Минусинской котловины успешно осваивало не только ясачное население, занявшее места после переселения енисейских киргиз в Джунгарию, но и русское трудовое крестьянство. Усилиями и энергией последнего здесь получило большое развитие продуктивное плужное земледелие и оседлое скотоводство, возникли различные кустарные промыслы и ремёсла, образовался местный рынок. В этих условиях быстро возникали и развивались экономические и культурные связи ясачного населения с русским крестьянством, что весьма способствовало росту экономики и культуры различных групп ясачного населения. Расширялось неуклонно сельскохозяйственное производство, росла производительность труда ясачного населения, а это прямым и положительным образом отражалось на приросте этого населения. Некоторые ясачные административные роды отдельных земель, насчитывавшие по несколько десятков человек, уже к середине XIX в., как мы видели выше, исчислялись тысячами душ обоего пола. На основе развития и укрепления хозяйства повышался и уровень культуры ясачного населения, улучшался их домашний быт. Всё это позволяет без всякого преувеличения утверждать, что процесс формирования хакасской народности шёл под сильным и благотворным воздействием трудового русского народа, его экономики, культуры и быта, что нашло яркое отражение в культуре и быте хакасов.

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА КОЙБАЛЬСКОГО В 1806-м ГОДУ
собранный членом С. П. Б. Общества любителей наук,
словесности и художеств Григорьем СПАССКИМ¹

Б

баба (женщина) нэ	богатый бай*
баран куча*	богатею
бездетный ассизеть	богат делаюсь } баимнагамъ*
беззубый тимазеть	бог кудаи*
безпамятный сагассэть	бодливый суюсю*
безрогий амнызеть	болото сасъ*
береза кую	больной инзиде
береста со	большой урга
бичь } камджи*	борода сагаль*
плеть } камджи*	борозда аде
блею седерла	борюся джябдолламъ
близнецы, двойни... икэрэ*	босый джяламъ*
блохи казаптюкъ	боюся пымлямъ
блудодеяние серо	бранюся кудолламъ
блудный сын	брат большой кагамъ
выблядок сурасъ*	брат малый пабимъ
блужу в тайге джюрзулямъ	брежу гжюдримъ
блюдо табакъ*	братьи пидибе
беру илямъ	бровь кумускэ*
блюю седербамъ	бросаю бабламъ
бобер садэ	

¹ Русский текст словаря переведен на современный алфавит, койбальский оставлен без изменений. Знак*, стоящий у Г. Спасского над словами, выносим в конец слова.

брюхо наны
беременная женщина нанэзбе
бужу судурлямъ
бык буга*

валяю тырдылямъ

варю падламъ

ваш се

веду погонла

езде ибре

везу к себе латыгамъ

везу от себя куналдыгамъ

веревка конье, уру

верчу пайдлямъ

верша, морда кыръ*

верховая лошадь джяланъ*

верх ныгнанъ

весло иски*

весна бюдюнь

вечер нюде

взнуздываю пыдла

вижу кубамъ

выжду нрарламъ

вино арга*

винопийца

пьяница } изрыль

винтовка мултыкъ*

вихрь куюнь*

вишу адля

вместе обри

внук асень

вода бу

водоворот каилгакъ

возвращаю,

отдаю назад пюдюмля

воздыхаю тынаремъ

волдырь, веред кочъ

волк макне

волна, вал шалга*

волос абде

волшебник, шеман тарбэ

вон уба

бью руками тобламъ

бегаю итырлямъ

белый сыры

белка тызыпъ

В

ворую джяпдолла

вор толе

ворона баре

ворон куле

ворочаю парла

ворчу нардла

восток бла

вот дё

вошь унё

вою, плачу джеорла

впереди джярдыганды

все баръ

встаю убламъ

встречаю удурбде

втыкаю, тычу нубля

вчера талынъ

вверх поднимаю мнеллямъ

выбиваю, } сабытобдемъ

вышибаю }

вывихиваю сустав джю-дукъ-
дубе

выворачиваю пюрюлдля

выгоняю мангорла

выдра тятъ

выигрываю утарбамъ

выкапываю тылляпля

вынимаю сабылляпля

выдираю итчилямъ

везу кунадлагам

выпрягаю убдулламъ

высокий прицэ

вычищаю ардырламъ

вью таймыдлямъ

ветвь, сук му

ветер бырсы

. . . полуденный тусбярсы

. . . западный аракбярсы

. . . северный такарбярсы*

. . . горный мыянбярсы*
. . . противный каянберсы
вешу адлямъ

вы се
вею аксубла
вяжу сарла

Г

галка тань*
гвоздь бозукь*
где кудэганъ
гденибудь кыденында
глажу сибapidбамъ
глаз сима
глина сэ
гложу кость тугуламъ
глотаю пинзилля
глоток поолдола
глубокий пуду
глупый алыхъ*
глухой ускерь*
гнида тарс
гнилый пысва
гнию тяплаганда га
гной тэ
гневаюсь, сержуся короля
гнездо пидэ
говорю нюрблямъ
год пе
годовой опсубе
голень пудюль
голова улу
голодный пиола
голос курю
голый тырзеть
голенище трей*
гоняюсь мингорла
гора мыя

горкий намзыде
горло агманъ
городьба чикдень*
горсть памъ
горшок кудешъ*
горю амоламъ
горячий джибде
господин конъ
господинова жена минзьечъ
гость алдже*
готовлю белечремъ
готовый билень*
грабли тарбошь
град тебси*
гребень тыпсень
гребу веслом тукбла амъ
гриб, губка мишке
грива кунду
гром каянъ
груди, титьки нюю
грудь сосу нюю немерля
грызу блаламъ
грею аюмля
грязь балгашъ*
губа монда
гуляю эдайлямъ
густый налго
гусь тазы
гуца налготъ
гремлю куремдля

Д

да, так яа дыргеть
давлюся суктулямъ
давно конджюган
далеко кунга
дань, ясак албанъ меля
даром возьми ттрогить

даю мелямъ
дверь ай
двор кажи*
день джяла
деньги акча*
деревня тирра

дерево па
держу джяболамъ
деру нынгылямъ
дешево сюмка
дикий имник
дира, скважина си
для чего мола
добрый джякши*
дождь суруно
долгий нумо
домовый мачзибе
дом, юрта мачъ
дорога аде
дорого сэде
доска тчярды*
достаю иля*
даю сурдемъ
дремлю конолдамъ

естли игабе

жаворонок карачадай*
жадный каджялу*
жажда, пить хочу бюбючтамъ
жалуюся наманыземъ
жареное мясо джяпсыно уя
жаркий джибиде
жарю джяпсыламъ
жвачка кепсенербе
жгу няндля
железа бильчаргай
желтый сегэй
желчь пода
железо базе
жених изить

заблуждаюсь джюрзалемъ
забываю нумилемъ
завтра каранъ

дровни, сани шоръ*
дрожу калдырля
друг найджи*
думаю тенля
дую тубля
дым сюнё
дышу тынарламъ*
девица, девушка кобдо
делаю палемъ
делю таарламъ
дети асе
детородный уд
мужеский ки
женский пе
должник алымъ*
догоняю бидивямъ

Е

еще базы*
ель сы

Ж

женское платье кепь
жеребей бросаю сынаамъ
жеребенок кулунъ*
живу бибёмъ
жидкий суукъ*
жила тань
жирный кобы
жир сыль
жну пыдламъ
жованый тодадобе
желток ось*
журавль курьерокъ
жую тодоламъ

З

загашаю кубдремъ
загибаю мунублямъ
задний бюднянь

задница кутень*
здесь дугунъ
заяц козанъ*
зажигая нандя
зажимаю тах чыджабля
заикаюсь, заика тылджикъ
закалаю, колю будемъ
закисает намзыбле
закрываю хайлямъ
закутываю сурлемъ
запираю тахтымъ
запрегаю кулерда*
заставляю юдюлямъ

застаю пегандыба
затыкаю тихчэмъ
захождение узлагандага
заезжаю токчогамъ
збираю опла
звезда кынзыгей
зверь кона
здираю кырле

игла неме
играю серла
иду кандагамъ
известь сэ

икра у ноги мыга

кадка сабанъ*
кажется идымла
какой кадечъ
камень пи
качаю орда
кашица мыя
кашель кутла
кедр саны
кидаю бабламъ
киплю минзиле
кисло намзыде
кишка бадѣ

здравствуй изень*
зеленый кокъ*
землетрясение джюмангылде
земля джя
земляк обджѣ
зеркало корндасъ*
зжимаю казаджябламъ

зима ка
зимник кыстагъ*
злой казырь*
змея нанзы
знакомлюсь тымдробямъ
знаю тымнемымъ
зрачек в глазу пючтиѣ
золото алтынъ*
зуб тые
зыбка джяпсы
зеваю амойлямъ
зябну конла
зять манмемъ

И

икра у рыбы турмэ
имя нымъ
исток ниирды
ищу пиля

К

кладеные ахта
кладу что палля
кланяюсь нуманузля
клей ниме
когда камень
кобыла сюима
кобылка сибиску
кожа куба
коза подо
козел муно
козленок нека
кокушка седа

колода нютме
колос улуть
колено сыне
комар нинянь
конец нерде
коно ине
копаю тылля
копейцо у стрелы не
кончу камнылла
копыто куда
кора пере
корень мына
кормлю быдла
корова тюзей
коса на голове кыджаге*
кость ле
косый каирсима
кочка бакты
кочую суйля
край тобдэ

ладон пямъ
ласточка, птичка карачагай
лает модла
лгу сая
лед бой
лежу бипбамъ
летаю нарголямъ
лисица мингай
лист на дереве джаба
лодка ане

мажу джюпла
малый уджюга
мальчик эсе
мараю сагармдла
марал сым майми
мать ямъ

медведь маина

крапива калагай
красный куме
кривый пилдысима
крик куро

кровля, крышка каибе
кровь камъ

крою кайля

крою пытла
крутое место пяллэ

крыло кодэръ

крюк быда

кто семь

куда кудыръ

кусаю талбла

кулик су

курица такакъ

курою хамнылла

Л

ломаю былдыла
лось, сохатый ка
луг кой
лук, коим стреляют инэ
лысый калдженъ
лью камныла
ленивый багыльзечъ
лесный, таежный джилямы
лето тага
лягушка тамнэ

М

мелю неплямъ
мерзну конбамъ
мертвый кубе

мигаю кайла
младенец тчязасы

много юго

могила сорач джюдже

могу пале
мозг кую
мой манъ
мокрый джёрпё
молния сюсагаралча
молоко сють*
молчу тызарламъ
молюся наманыздлать
море далай*
мороз систе

моча кынзе
мочу джютпемъ
мою бызла
муж бюзье
муравей кадума
мука сурусари
мел турзуга
месяц кый
мы ме
мясо уя
мягкий нёморъ

Н .

навзничъ кутдэ
нагибаюся медень
надуваю пюбля
надеваю серля
называю нимиллямъ
нахожу куламъ
накладываю паллямъ
на колени } сингле
становится } тлянуамъ
наливаю камныламъ
насилую женщину джябемъ
насмехаюсь бастирлямъ
наступаю тонла
натягиваю небля
научаюся тузля
начальник конъ
наш ме
небо нумъ
нёбо в роту няни

невеста изечъ-куза
невестка меимъ
недавно таптаганъ
незнаю абычимнемъ
немогу июзля
непроворный абы
нитки из жил¹ тал сымдахъ
новый тобда
ноготь кода
ножик тагай
ножны сэнъ
ноздри сичъ
нос пйя
ночую салемъ
ночь лё
ношу минъзилямъ
немый секазеть
нет нага

О

оба обры
обмачиваю джочпендля
обнимаю камырла
обрубаю бьолхла

обуваю сердля
обуздываю анадламъ
обучаю тузуллямъ
объявляю нуналлямъ

¹ Нитки из жил готовятся следующим образом: берут жилу скотиную или звериную, сушат оную, разбивают, напоследок разделяют на мелкие части, ссучивают и употребляют.

обещаю дримелямъ
овца уларъ
овчина куба
оглядываюся пюиччохуламъ
огниво пида
огонь сю
озеро то
окрововляю канджюбла
олень суме
он дэ
опасаюся пымлямъ
опускаюся узлямъ
опухоль базырбе
опушка тобдоть
орел нек
орех сана

оса копь
осень ирэ
оставляю пелябидбамъ
остаюся пинамго и гамъ
остров)
острый потме
отворяю аяхарламъ
отец абамъ*
открываю карла
откуда кудега
отнимаю джяблайгамъ
отстаю коёгамъ
отхожу уплагандагамъ
охаю кунулямъ

П

падаю узаремъ
пазуха мугма
пепел сымо
перевожу каналла
переправляюся беиля
перо ходэръ
песок пря
печень меттъ
плачу джеорламъ
плету курлямъ
плечо бать
плыву миля
плюю суэламъ
подкрадываюся манапламъ
показываю пердламъ
полночь пинджяръ
половина пелдой
пологое место,
некрутое пелле

помню тенлямъ
понужай менинлямъ
после писнянда
постеля сохточъ
посылаю отлямъ
потливый нугó
потоп бие
пот ного
пою что нинля
пою кого водою бюмуля
пояс джье
праздник ургаджяла
прежде джирдыганды
привязываю сурламъ
прижигаю одну¹ тюняндлямъ
примечаю тымнелеймамъ
промышляю самаилямъ
протока нагма
прочь перено

¹ Една пятно на груди прижигаемое кочующими обоого пола малолетним на 2-м и 3-м годах для того, чтобы у них не текла из роту слюна и не было бы в роту боли; оно бывает на груди а выжигают оное положа зажженный трут на тело.

прошу корламъ
пужаюся кумлеямъ
пузырь пяръ
пуля не
пуп санъ

разуося ангаллемъ
раждаю суйламъ
разгоняю мангорламъ
разделяю таарламъ
разнимаю бозлаимъ
рана мергъ
разсветает тлелымла
разтопляю ныгнылямъ
рвет меня ссе эрла
ребро коттъ
реву курымлемъ
ремень минел
ржет инарла
ров, яма тчютелля

сажа куя*
сажаю амналейбамъ
сало сель
сам манъ
сапоги, пимы пема
сват мыно
сваха мыногне
свербит ходалла
свищу сундулямъ
свой мэнъ
свежий тобда
свечу джялокбла
связываю, вежу сарламъ
сего дня тепмнанъ
седло конзанъ
сердитый курола
сердце сей
серьга когой
сизу амнамъ
скоблю тандламъ

пущаю стрелу паныдля
пущаю дым из
роту обдолемъ
пью битля

Р

рога амна
роса джибда
россомага мугнэ
рот анъ
рублю бодэмъ
ругаю кудолла
рука ода
рука правая мана
—“—левая сола
рыба кола
рысь ногамаина
река меанлай

С

сколько куминэ
скорлупа сана
скоро бюзё
скочу сумеля
сладко немыдэ
слезы книлъ
слина сузо
слово тано
слышу нюныбамъ
след адэ
смерть кубе
смеркается нюде
смею быстерлямъ
снимаю илямъ
снег сыра
собака мянъ
собираю опламъ
соболь сыле
солнце куя
сосна джэ
спина бягаль

спорю джекчырламъ
сплю конолламъ
ссорюся кодолла
старик безия
старуха немька
степь карач
стою где нугамъ
стригу педлямъ
стрела, пуля не

стреляю чидлэмъ
ступа систе
стыдливый сарлянъ
сухий котурбе
сын не
семья ургулокъ
сено но
сюда со

Т

там тыганъ
тащу устюлямъ
твердый каскакъ
твой танъ
темно толо
тепло аё
теряю джюрдым
тестъ имдеч
течет меанла
тетеря джио
титька нюю
товарищ пеля
толкаю мюдюдля

толстый джирямъ
только тыгок
тонкий тодамъ
тону бюнюзлямъ
топаю балабабдель
тополь пине
топчу тонбла
трова ноть
трут пядмя
туча ты
тело уя
ты танъ

У

убиваю кудламъ
угол джетъ
узда агнэтъ
умираю кулягандамъ

устал убдемъ
устье тагать
ухо ку
уха ми

Х

хватаю тчябламъ
хворый издэ
хвост тыйма
хлебаю бихля

хожу нунгамъ тонламъ
хорек кузень
худый биля

Ц

царь канъ
цвет карегот
целуюся панаргадлам

цель сыри
в цель попадаю углютчюдля
цена улу

Ч

чад сюнѣ
 чашка тоѣ
 человек куза
 черен у ножа пога

черный сагар
 черпаю супблаан
 чишу арымдлам
 чужий кузанъ

Ш

шаг азыбла
 шапка юзю
 шерсть таръ
 шея байга

штаны пакма
 шутка серо
 шуба прога
 шью содлямъ

Щ

щека одой

еду кандагамъ
 ем амламъ

Я

я монъ
 язык сека
 яйцо муны
 ястреб пиья
 ящерица танза
 один унемъ
 2 сыда
 3 нагоръ
 4 тадэ
 5 сумула
 6 муктут
 7 ссейгбе
 8 сынтаде
 9 тогосъ*
 10 бетъ
 11 бедопъ
 12 бепсыда

13 бетнагоръ
 14 бетадэ
 15¹ бетмунтут
 16 бетмунтут
 17 бетссейгбе
 18 бесынтаде
 19 бетогосъ
 20 сыдыбетъ
 21 сыдыбетопъ
 22 сыдыбесыда
 и так далее
 30 нагорб
 31 нагорбетопъ и т. д.
 40 каракъ*
 41 каракопъ
 и так далее
 50 илихъ*
 60 алтонъ*
 и так далее счисление

¹ У Спасского здесь, вероятно, описка—должно быть бесумула—Л. П.

ПРИМЕЧАНИЕ

Для точного выговора слов употреблены в Словаре следующие знаки:

1.) : сей знак показывает, что ту букву, над коею он находится должно выговаривать в нос напр: игаба (естьми) так как выговаривается.

2-й. ∪ : сей знак и особенно над такою буквою, над которою в Российском языке не поставляется, означает, что она буква должна произнесена быть или весьма коротко, или гор-
танью напр: пыдламъ (жну).

3-й. — : сей знак показывает, что должно выговаривать букву, под ним находящуюся протяжно напр: пабимъ (брат малой).

4-й. * — сей знак показывает, что слова, над коими он находится или и до ныне употребительны у кочующих в верху реки Енисея поколений и от них в языке Койбальской приняты, или происходят от языка кочующих. Слова употребляемые кочующими поставлены по той причине, что слова Российския одного значения были прежде написаны и притом из сих слов можно судить о близости языка кочующих от Татарского.

Сверх слов употреблена Латинская буква g по ненахождению таковой буквы в Российском языке.

Сия точность в выговоре слов показалась нужною в сем языке неимеющем письма и весьма подверженном переменам, для могущаго быть соображения с другими языками Азиатских народов.

СЛОВАРЬ

ЯЗЫКА МОТОРСКАГО СОБРАННЫЙ В 1806 ГОДУ
 членом С. П. Б. Общества любителей наук, словесности
 и художеств Григорьем Спасским¹

А

армия, войско кайджядага ах тармогумъ
 астра норгонъ соёкъ

Б

бабочка сонгоргонъ	блею тоштогамъ
↓	ближний сосед еште
баба негазы	близнецы, двойни игизечи
баран куче	блоха казактога
бездетный нугдунашчы	блудодеяние нундарсе
беззубый, зубов нет нагайга	блудный сын, выблядок су-
безпамятный, памяти нет те-	рась*
↓	блудить в тайге тчѣхсыгаче
ништа нагайга	блюю тоштужугурамъ
безрогий, рогов нет амдыде	бобер седе
↓	↓
нагайга	богатый бай*
безсильный, силы нет шахта	↓
↓	богатею баймнамъ
нагайга	бог нумъ
бережливый хахтанъ	бодливый шушку*
берёза ку	болото балгашъ*
беру меямъ	болтливый тчѣкъ тчаль
бичь, плеть камджи*	больной тчюкто

¹ Русский текст словаря здесь также переведен на современный алфавит, моторский оставлен без изменений. Знак *, стоящий у Г. Спасского над словами, здесь также выносим в конец слова.

большой орга
борода мундучень
борозда на пашне иды
борюся тороны

босый имай
боюся имергамъ
бранюся тохтарчоргамъ
брат аджямъ

брежу во сне агменамъ
брезгливый тчексэстэръ
бритый идымме

бровь камахнидёръ
бросаю мяельнымъ
брюхо андъетъ
беременная женщина анды-
гыне

бужу кудумгамъ
бунтую тчялчергамъ
бык кладеный ахтыланъ
быю руками алдымамъ
бедный нашта
белый кыръ

белка деранъ
бегаю колытургамъ

В

валяю войлок камбылазыш-
тамъ

варю логомдамъ
ваш тендыра
вдова джюйбу
веду балзамдымъ.
езде тугуй
везу кандыемъ
верблюды меитте
веревка кура
верчу кадыргамъ
верша, морда суганъ
верховая лошадь тчелымнун-
духо

верх намба
верхнее женское платье ар-
гада

веселый ачичарокъ
весло ля
весна укёнъ
вечер нудюнъ
взнуздываю соглохтыннамъ*
вижу кондоргомъ
вижду кыштындыгамъ
вино из хлеба арга
— “— молока коровьего ай-
ранъ арга*
— “— лошадиного кыйбын—
сагмоль

винтовка алдангай

вихрь хойгой
вишу тчягаптамъ
вместе обму
вмешиваю в пищу булгетыр-
гамъ

внук айнайда
внутри юрты мады муу
водоворот хайлыгакъ

вода бу
возвращаю тсалтыкай чыгам
воздыхаю когадсемъ
волдырь урь
волк мандыра
волна на воде шалгы*

волос ипти*
волосы отпускаю чучернамъ
— “— стригу хиддиямъ
волшебник, шеманъ дядэ
вон кондого
ворожу тулгалергам
ворую телернымъ
вор делгать

ворона бере

ворон харгой
ворочаю камбылгдьемъ
ворчит собака бунъ ернынд-
жигисча

ВОСК КЫНХАЯКЪ
 ВОСТОК СОЛНЦА КОЁХОНТЧААМ-
   ↓
 ДЫ
 ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР ИРГАНЪ МЕР-
 ГА
 ВОТ ТЫНЪ
 ВОШЬ ИНДЖИ
 ВОЮ УЮДУРНЫМЪ
 ВПЕРЕДИ ИДУ ИРНЫМЪ
 ВСЕ ТУПУЙ
 ВСТРЕЧАЮ ДЖАКТЫНГАЕМЪ
 ВСЯКИЙ ТУЮ
   ↓
 ВТЫКАЮ ТУГУНАМЪ
 ВЧЕРА ТЮДЮНЪ
 В ВЕРХ ПОДНИМАЮ НЕМНЫМЪ
 ВЫБИВАЮ СЭПРАЛДИЕМЪ
 ВЫВИХИВАЮ (НОГУ, РУКУ) АЙ-
 НЫДЖЁНДА ЮНДОРЪ
 ВЫВОРАЧИВАЮ ШУБУ КАБЫЛДА-
 КАРНЕМЪ
 ВЫГОНЯЮ КАРЬЕМЪ
 ВЫДИРАЮ НОЛОПТАМЫЕМЪ

>
 ВЫДРА НАМБУДАЙГБА
 ВЫИГРЫВАЮ ШАНЫРНЫМЪ
 ВЫКАПЫВАЮ КЫНГЫАМЪ
 ВЫНИМАЮ НОЛОПТЫНЯМЪ
 ВЫМЯ У КОРОВЫ ИЛИ ОВЦЫ ЭНД-
 ЖЫНДУРЪ
 ВЫПРЯГАЮ НИКСШЪАМЪ
 ВЫСОКИЙ НАМБО
 ВЫЧИЩАЮ БУДУКТНЫМЪ
 ВЬЮ ХАДЫРНАМЪ
 ВЕСТЬ НЮНДЁ
 ВЕТВЬ, СУК ТАЙ
   ↓
 ВЕТЕР МЕРГА
 —“— ЗАПАДНЫЙ УММЕРГА
 —“— ПОЛУДЕННЫЙ ХАИНДЖЕРЪ
 —“— СЕВЕРНЫЙ ТЮИТТУМЕРГА
 —“— ГОРНЫЙ БИИНМЕРГА
 —“— ПРОТИВНЫЙ БИСТАМЕРГА
 ВЕЩУ ИДЕМЪ
 ВЕЮ КАЙБЫЛГАМЪ
 ВЯЖУ САРНЫМЪ
 ВЫ ТЭНДЭ

Г

ГАДАЮ ТЕНЕМГАМЪ
 ГАЛКА ТАНЪ*
   ↓
 ГВОЗДЬ ТАЙБЕ
 ГДЕ КУНА
 ГДЕ НИБУДЬ КУНАЙГА
   ↓
 ГЛАДКИЙ ИНИ
 ГЛЯЖУ ТЧЯЗЫРНАМЪ
 ГЛАЗ СЯМЕ
 ГЛИНА КЫРБАЛГАШЪ*
 ГЛОЖУ КОСТЬ ЛЕДОГАШТЫМЪ
 ГЛОТАЮ ОРНАМЪ
 ГЛОТОК УНДЖЮРАСТЕАМЪ
 ГЛУБОКИЙ ТЧЮРЯ
 ГЛУПЫЙ, УМА НЕТ ТЕНЫШТА НА-
 ГАЙГА
 ГЛУХИЙ, СЛУХА НЕТ КУКТУ НА-
 ГАЙГА
 ГНИДА ТАРЕ

>
 ГНИЛЫЙ НИЗИГАИМЕ
   > ↓
 ГНИЮ НЕИГАМЪ
 ГНОЙ ДИ
 ГНЕВАЮСЬ БАЛЫМГАМЪ
 ГНЕЗДО ИДЫДЕ
 ГОВОРЮ НЕМНЕРШИСЧАМЪ
 ГОД ХАА
 ГОДОВОЙ АКА
 ГОЛЕНЬ ОХТЭ.
 ГОЛОВА НАМБАМЪ
 ГОЛОДНЫЙ ОЗУРЗУ
 ГОЛОЛЕДНИЦА КАНДАГАНА
 ГОЛОС КЫШТУКТЕ
 ГОЛЫЙ, ШЕРСТИ НЕТ ТЕРТЫ НА-
   ↓
 ГАЙГА
 ГОЛЕНИЩЕ ИМЫНАНГА
 ГОНЯЮСЯ ЗА ЗВЕРЕМ МНЕЖАНО-
 ДА—ГАЙТЫГЫМЪ

гора бія
горбатый мугуръ
горький нунджика
горло конгой
город тура*
городьба хажа
горсть угмы
горю коромнамъ
горячий тчюбука
господин джяръ
госпожа джярынмезде
гость медера
готовлю билянаимъ*
готовый билень*
грабли тарбошъ
гребень нингипсень
гребу тялямамъ

да дыргэ
давлю наптїямъ
давно герень
далеко кундугу
дань даю албан гандыямъ*
даром возьми турмохмечь
дар алмымекме
даю мїямъ
дверь но
двор кажа*
день каинъ
деньги каменгапты
деревня тура*
дерево ха
держу тишинамында
деру кырылнамъ
десна тиминапсе
дешево продаю кумыгамъ
дикий сшашъ*
дира, скважина хойга
для чего тырге
добрый ини
дождь шюрюль
долгий нанбу
домовой маканэ
дом, юрта менъ
дорога иде
дорого куймукчты

гремлю кингырзышчамъ

▽
гриб мишк*
грива тчяла
▽
гром канъ
груди нюю
грудь сосу нюмнїямъ
грызу бальемъ
грею тчюдїемъ
грязь балгашъ*
▽
груда коимока
губа гептынъ
гуляю каимъ
густый халды
гусь кай

Д

доска тчарды*
достаю меямъ
дою сартїямъ
дремлю хонунджёкомъ
дровни, сани шоръ*
дрожу нагрямъ
друг кулямъ
дряхлый тчягды
дубина хедыка
думаю тенэгамъ
дую халнамъ
дым кюнду
дышу кугадызымъ
девица, девушка контогъ
дед престарелый тчегдыказы
ченовонъ
делаю аямъ
▽
дело ижейга
делю теернамъ
дети аине
детородный удъ: мужской шу-
ню
детородный удъ: женский биш-
ке
должник алмыха
докучаю тчяхырнамъ
догоняю марлыямъ

Е

ель нарге
 естли міямъ

еще оміудать

Ж

жабры у рыбы ындраль
 жаворонок карачагай*
 жадный оргохонгояха
 жажду, пить хочу бюдунд-
 жёмъ
 жалуясь намбышангіямъ
 жареное мясо картымапса
 жаркий, жар джобука
 жарю апысапсыямъ
 жвачка томтужотопашча
 жгу картыямъ
 желаю монюдюльямъ
 железа урь
 жёлтый сарыхъ
 желудок тюнь
 желчь хадыде

железный, железо базе
 жена миземъ
 жених чагдемъ
 женское платье харгамъ
 жерновы тербень*
 жеребенок колынъ*
 живу бухоимъ
 жидкий калахбу
 жила тенъ
 жирный тудухо
 жир тунъ
 жну орернымъ
 желток яичной нармында
 журавль куроу
 журчит тендесе
 жую топьемъ

З

забава орохонгох
 забиячливый кандагать
 заблуждаюся тчѣксыганемъ
 забываю амелдамъ
 завидую кунгамдай-бога
 завтра куманъ
 загашаю каптестъ
 загибаю муюпчамъ
 задний унанэ
 задница тундадэ
 здесь тыкъ
 заяц коданъ
 зажигаю тапсыдьемъ
 жимаю тыннымъ
 заикаюся какулѣ
 закалаю кадамъ
 закисаю нундюджіемъ
 закладываю аннамъ
 закрываю каемъ

закутываю кедіямъ
 закопываю тагнамъ
 запираю дверь номкаямъ
 запрягаю колергамъ*
 запрещаю имилдиптамъ
 заставаю нилдіямъ
 застаю что напшамъ
 затыкаю каемъ
 затылок ниткидэ
 захождение солнца кондика
 заехал кайтизе
 збираю омдьемъ
 звеню тандырга
 звезда кинджикси
 зверь мнеге
 здираю кріямъ

здравствуй миндлернымъ
зеленый кокъ
землетрясение тчямынджирь*
земля тчя
земляк амъ
зеркало корпдасъ*
зжимаю сагэрманъ
зима коа
зимний день намбугас
зимовье, зимник кодимъ
злой халы

ивняк, тальник нарга
игла име
играю сынэргамъ
игрушка стане
идол бурканъ
иду гайтыгамъ
икаю койгамъ
икра у ноги балтэръ

кадка шабанъ
кажется адымга
казню кадьямъ
какой кулгу
камень дагя
каплю тизиста
карман изяпъ*
качаю бабрямъ
каша маге
кашель кодоргамъ
кедр тыдамъ
кидаю мязастыям
кипит вода логомжиста
кисло нюунджика
кишка бодѣхта
клад ахталамъ
кладу чтонибудь хеннамъ
кланяюся нанбышенгамъ
клей нимя

змея симиренда
знакомлюсь тундромам
знаю тенымгамъ
зрачек в глазу симиндуй
зоб кижирты
золото алтынъ*
зуб тыме
зыбка сепся
зеваю енгелстугулямъ
зябну кандагуль
зять миюгмэ

И

икра рыб турмэ
ил улянъ
имею тенемгамъ
имя нуммеде
искра тиндога
изпражняюся стяндыргамъ
исток конга
ищу хойгамъ

К

клин тчинджякъ
ключ карасукъ*
книга бичикъ*
когда качонъ
кобыла кейбе
кобыла насекомое сигипсень
кожа ко
коза хашта
козел мундо
козленок нинъ
кокушка кига
колечко таинбезэ
колода камага
колонок кырсы
колос намбедэ
колотушка монгая
кол урганъ*

колено у ноги хомойма
 колю легептьямъ
 комар ананда
 конец ерыда
 конской табун урнунда
 конь нундо
 копаю тугулгалымъ
 копейцо у стрелы ней
 копчу амдэ
 копыто кадыдэ
 кора тебэна
 корень дерева тчелегаде
 корми нармундэ
 кормлю бадьямъ
 кормлю грудью инджиммим
 „ мясом абсымызыхоим
 корова удэ
 коростовой бузурту
 коса на реке джяра
 коса, коей косят траву шахпы
 коса на голове ипты
 косоногий качегарай
 кость ле
 косый кааръ
 котел олгой*
 кочка нѣхтѣ
 край барадэ

ладонь оуме
 ласкаю иникоче
 ласточка птичка карачагай*
 лает мадызыста
 лгу инигынам дэхтеръ
 лед полоть
 лежу кыштамъ
 летаю диямъ
 лечу в болезни иниямъ
 лижу тчалгырнамъ*
 лисица лей
 лист с дерева намбэда
 лихий куюрсугура
 лихорадка нагыра гурамъ

крапива конджюръ соѣ
 красный нармындъ
 кремень тага
 кривой алясима
 крик нангадыста
 кровля, крышка каянъ
 кровь кемъ
 крот, мышь мингада
 крѣю каямъ
 крою тчяганямъ
 круглый тенгъ
 кругом обвертывать манмы—
 икам дыным
 крутое место иргиджя
 крыло туда
 крюк тедыпишнъ
 кто кымъ
 куда куна
 кузнец усъ*
 кулик птица туйсъ.
 купец сидыдже*
 курносый идинаста
 курю хурунангамъ
 кусаю баліямъ
 кусок батермядэ
 кустарник бара
 кую таптэерсу

Л

лодка ондой
 ложка шомлакъ*
 ложно амыннемертъ
 локоть тчиканакта*
 ломаю пиля птымъ.
 лоскут лякпля
 лось, сохатый ка
 лошадь сивая бора
 „ карая кундя
 „ рыжая бозракъ*
 „ гнедая тору*
 „ пегая ала*
 „ чубарая чѣгарь*
 луг булонъ
 лужа бубіеншисча

лукавый шая
лук, коим стреляют мынди
лысый калдженъ
лью камдьямъ
лево солаланъ*
ленивый иринджакъ

лесный, таежный бейгыны
лес хапсты
лягушка тамде
—
лето даганъ

М

мажу тчѣгнамъ
малый уджюмбуй
мальчик уд жюмбуй
мало уджюмбуй
мараю кумдыльямъ
—
марал, сым майми
масло хаякъ*
мать имамъ
медведица, медведь ремд-
жягды
мелю екельнамъ
мерзну кандамъ
—
мертвый кайма
мету арамдіямъ
мигаю каьямъ
мимо бежать тчяртыганджи-
ганэ
мирюся тчаразыръганы
младенец аймъ
—
много уйко
могу аямъ
мозг муй
мой мындамъ
мокрый джопа
молния нумгапга

молоко сютъ*
—
молчу намо
молю намбышенгымъ
море тынгысь
мороз тююка
морщина сурупсыганэ
—
мост кубрюкъ*
мох нумбо
моча кунджимъ
мочка у уха кугма
могу мурьямъ
—
мою мазіямъ
муж тчягадымъ
мука унъ
муравей мунджѣ
муравьище, мурав. куча мун-
джу матче
муха куреръ
мел торо
меняю орназырнамъ
мера, меряю тиме*
место джя
месяц киштитъ
мы мэндэ
мясо апса
мягкий чурокомбой

Н

навзничъ дитенъ
навоз тизекъ*
нагибаюся тохопса
надуваю халзы
надеваю керытьямъ
надеюся изенганъ*
называю нюмгуге

нахожу коямъ
наказываю кому ундурьямъ
накладываю руками камы-
рьямъ
на колени становлюся хлуп-
тыямъ
наливаю хымдыямъ

насилую женщину куштипно-
 ніям
 насмешник бижингетъ
 наступаю наптыямъ
 натягаю икильнямъ
 научаюся тохтіямъ
 начальник джяръ
 наш мендыма
 небо нумъ
 нѣбо в роту кургакъ
 невкусно биштянгэ
 неверю имгентнеръ
 невеста хоптоу
 невестка маемъ
 недавно урыгай
 незнаю игамданемъ
 немогу тчюгунджёмъ
 непереимчивый амыгыдыне
 неправда сындынасть
 непроворный тчабишь

нескоро бергадай
 несмелый, смелости нет кеды
 нагайга
 нижнее платье }
 рубашка и прочее } когонекъ
 новый нара
 ноготь кадамъ
 ножик куро
 ножны куромде
 ноздри йде
 носатый оргой
 нос эемъ
 ночью кингіямъ
 ночь инде
 ношу кандіямъ
 немый каклѣ
 нет нигайга

О

оба кыдэ
 обманываю микелергамъ*
 обмачиваю анджеретъ
 обнажаю ноймамъ
 обнимаю камырнамъ
 обрубая сабатте
 обуваюсь тононарным*
 обуздываю солотымгамъ
 обучаю тохтыямъ
 объявляю нундульямъ
 обедаю омурламъ
 обещаю баданмыгамъ
 овец стадо ихоккой
 овца кой
 овчина коинхо
 оглядываюсь гунучемъ
 огниво туй
 огонь туекъ
 одеваюсь кернамъ
 озеро тоа
 окно козонекъ*
 окровавляю, мараю кровью
 бутурзастьямъ

олень кырмнагы
 олово ахорголджинь
 он ты
 опасаясь имергамъ
 опрокидываю бахтыямъ
 опускаю хапырьямъ
 опухоль хедырэ
 опушка хаштранъ
 орел ни
 орех санга
 оса ара*
 осень урю
 оставляю коёхо
 остаюсь немендахоегамъ
 остров кадэрэ
 острый, вострый андыка
 отворяю кыргылтыямъ
 отдыхаю ыштыямъ
 отец абамъ*
 открываю каямойнамъ
 откуда куй
 отнимаю мезохаёхамъ
 отпрягаю чикать

отстаю немедіямъ
отхожу мынгаемъ

охаю мохтыжишитами
очередь джяде

П

ладаю капоргамъ
пазуха могма
палка хэ
пень салда
пепел та
первый айбай
перевариваю адызаштачамъ
перевожу тырмгандать
перед головы, лоб камакъ*
переправляюсь байнамъ
переезд кунгай
перстень тайнь
перо ту
песок хура
пестрый тчегурь*
печаль куондогапо
печень ондарь
пещера еле
письмо бичичигокъ*
платок арчогъ
плачу джяресмендя
плету курамъ
плечо маргомъ
плот саль*
плыву тадельнамъ
плюю тыштуганъ
подкрадываюсь маандыльгамъ
подсекаю сабыдьямъ
поздно нюдѣ
показываю кундурьямъ*
полдень тюшкуне*
полночь индинджеръ
половина холя
полого, место шюшча
ломню тенемгамъ
помогаю хабаржернамъ
понужаю тчядылдамъ
порожний амамоолдже

порок тарь*
после уна
попеля хаинга
посылаю аштыямъ
потливый нюйгумура
потоп талыгапча
пот нюйгугунгбю
почитаю торгамъ
пою нангырнамъ
пояс ни
правда шень
праздник орогая
прежде иринь
привыкаю мандоохомъ
привязываю шарнамъ
приданое айныенджимся
прижигаю хоромсыгане
примечаю тумдуджугу рамъ
преду кадерномъ
проворный сынд ахъ*
прогоняю нодаштамъ
продаю темді ямъ
промышляю міаштыргакъ
протока конуе
прочь индамъ
прошу кагнамъ
пряжа шадевшёнъ
птица тчинджяха
пужаю каріямъ
пужаюсь оргопаргом
пузырь ангада
пуля ней
пуп куйма
пускаю стрелу тчидіямъ
пущаю дым халгамъ
пью урнямъ
пьяный изырь*
пена кожукъ

Р

работаю тоогонернамъ*
 радуга кагантюнь
 радуюся конгомбамъ
 рождаю соегура
 разбиваю мязжастыямъ
 разбираю омдаты
 разгоняю ногдешетнемъ
 раздеваю нолоптаты
 разделяю таарнымъ
 разнимаю аратчилернамъ

√
 разумный кайга*
 рана соропта
 рано гигумень
 разсвѣтает каимзамды
 разтопляю лоомдаты
 рвѣт меня кеймъ биштанга
 ребро кайбидемъ
 ревет муштыршиста
 ремень мине

ресница кирбекъ*
 ржет крандырга
 ров, яма оро*
 рога амде
 родины соиманджа
 родный соимъ
 роса чипталъ
 росомага унгурте
 рот агма
 рублю сабыдьемъ
 ругаю тохториамъ
 рука удамъ
 „ „ правая омъ
 „ „ левая солъ
 рукавицы огамъ
 рыба келе
 рысь чѣкомъ
 река чага
 рядом кости*

С

сажа камде
 сажаю аптылдіямъ
 сажень кулашъ*
 сало джюръ
 сам мынь
 самоубійца худумохады
 сани шоръ*

сапоги, пимы хима
 свадьба той*
 сват моондогма
 сваха моондогнамезе
 свербит чахмырга
 свидетель керечь*
 свинья шоршка*
 свищу кумдургамъ
 свой мындамъ
 свежий нара*
 свечу кадаптыямъ
 связываю шарнамъ
 священник абысь*

√
 сегодня магай

седло ангырь
 сердитый белимгаты
 сердце кеемъ
 серебро кумышъ*
 серьга коктунь
 сижу магандамъ
 сильный кушту*
 синий кокъ

√
 сирота тчѣйбухъ
 сказка нумакъ*
 скоблю барарнамъ
 сколько кумне

√
 скользко айга*
 скорлупа саганко
 скоро беръ
 скочу тандалнымъ
 скучно халды
 скупой катханъ
 сладко тадлы*

слезы гайли

слина нямъ
слово бадамъ
слышу нюндамъ
след идэ
смертоубийца тимапталдыма
    ∨
смерть хадаибага
смеркивает имдымтчигай-
    итыгъ
смола сидедестта
    ∨
смелый кеита
смеюся бижнергамъ
снимаю мэямъ
    ∨
снег сыре
    ∨
собака бунь
собираю омдіямъ
соболь алдэ
солнце кае
соль тусъ
сосна тча
спина багамъ
спору тьугыгый
средина джяргемъ
сродник кундугай
спешу мендерте
сплю хондаштамъ

там дана
тарелка табакъ*
тащу кандіямъ
твердый тыры
твой тындар
теленок бызо*
темно инде
тепло чёбука
теряю тчегоиниташто
тестъ иникем
течет тесжеста
    ∨
тетеря элей
титька инджи
тихонько кэгонь
товарищ эмъ
толкаю наміямъ

ссорюсь кипшельшарнамъ
старик тчягдыхазы
старуха мезе
    ∨∨
степь нейга
стою на чем немындамъ
стригу тчязырнамъ*
    >
стрела ханга
стреляю тчидіямъ
ступа согакъ*
    >
ступью еду мангыля гаиты-
    гымъ
стыдливый кылдерганъ
стена меднуголь
суд джярга*
судья джяргачи*
сукно шикпанъ*
сухий калехъ
сын нумъ
сыр бичюлёръ*
сытый идямъ
седый киштяпсыгай
семя урлукъ
сено соёкъ
сети конго
сюда той

Т

толстый джярымъ
только тугокъ
тонкий тчяп-чомбуй
тону сенгамъ
топлю (кого) тухална
тополь, дерево іея
топор балта
топчу тчигильнямъ
торгую темдарнымъ
трава соёкъ
трубка курительная екель-
    намъ
труд, в кот, вы, огонь кабо
туча сёрехджядега
тело апса
тень кулетке*
ты танъ

У

убиваю кадьямъ
 убыток быйхынамъ хапха
 уговор бадэ
 уголь кое
 уда кояпшинь
 ужинаю оморнымъ
 узда тчюгань*
 узел шерымамъ
 улица егынъ

униваю арачиларнам
 умираю кимынджигулям
 упрямый баштанъ
 услужливый нбакъ
 устал маем
 устье кыдыбогомго
 утро игомо
 ухо кума
 уха мэе

Х

хвалюся махтыргамъ*
 хвалю также, то есть махтыр-
 гамъ
 хвастаю былыршемеемъ
 хвастает махтыныр гайтыгы
 хворый чюкту
 хвост дайба
 хлебаю урнамъ
 хлеб ипекъ*

хожу джядергамъ
 хозяйка мижетъ
 хозяин тчягдемъ
 хорек урка
 хочу хорынджёргам
 храпит характызыш
 хромый ахсакъ*
 хрящъ кыджиръ*
 худой биштянга

Ц

царь джяламъ
 цвет кыштапъ
 церковь тигирымень
 целуюся шупниямъ

цель крымъ
 в цель попадаю крыдж иди-
 ямъ
 цена кумня

Ч

чад кундухомпджигана
 часть, пай даргамя
 чашка тяха
 человек казы
 черен ангада

черный кюнда
 черпаю сооголнамъ
 чихаю кадыргамъ
 чищу арамдыямъ
 чужий ама

Ш

шаг монгалть
 шапка угуй
 шелк чибакъ*
 шепчу конгопджехтырнам
 шерсть деръ

шея бюйхуде
 штаны шубуръ
 шутка сшениканбы
 шуба гарга
 шью шештьямъ

Щ

щастливый таланта*
щенок сусуго
      ∨
щека огойба

щиплю нингям
щитаю торямъ
щука шортанъ

Ъ

      ∨
еду кайтыгамъ

ем оршотамъ

Я

я манъ
ягенок кураганъ*
ягоды: черемуха му
      кислица кызылгамъ
      клубника чистякъ

      смородина карагаты
язык каштя
яйцо шлэй
ящерица танже

Имена числительные

один омъ
2 кыды
3 нагоръ
      ∨
4 деите
5 шумбля
6 муктунъ
      ∨
7 кибе
      ∨
8 кныдэит
9 тогосъ
10 джюнь
11 тчюномъ
12 тчюнгиде
13 тчюньнагоръ
      ∨
14 тчюньдйите
15 тчюнь сумбля
16 тчюнь мухтунъ

17 тчюнь кейбе
18 тчюнь кныдейте
19 тчюнь тогосъ
20 кыдыджюнь
21 кыдыджюнь омъ
      и так далее
30 нагорджюнь
31 нагорджюнь омъ
      и так далее
40 дейтед жюнь
41 дейтедджюнь омъ
      и так далее
50 сумбляджюнь
51 сумляджюнь омъ
      и так далее о 100
100 тчюсь
далее счисления не находится.

ПРИМЕЧАНИЕ

Для точного выговора слов употреблены в словаре следующие знаки:

1 >: сей знак показывает, что ту букву, над коею он находится, должно выговаривать в нос например: куна (куда) так, как выговаривается во Французском языке.

2 √: сей знак и особенно над такою буквою, над которою в Российском языке не поставляется означает, что она буква должна произнесена быть или весьма коротко или гортанью например: иды (борозда на пашне)

3 —: сей знак показывает, что должно выговаривать букву, под ним находящуюся протяжно например: какулё (заикаюся).

4 *: сей знак показывает, что слова над коим он находится, или и донныне употребительны у кочующих в верху реки Енисея поколений и от них в язык Моторский приняты, или происходят от языка кочующих.

Слова употребляемыя кочующими поставлены по той причине, что слова Российския одного значения были прежде написаны и притом из сих слов можно судить о близости языка кочующих от Татарского.

Сверх сего употреблена Латинская буква g по ненахождению таковой буквы в Российском языке.

Сия точность в выговоре слов показалаась нужною в сем языке неимеющем письмян и весьма подверженном переменам, для могущаго быть соображения с другими языками Азиатских народов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Часть первая. Население Минусинской котловины в XVII в.	
I. Енисейские киргизы	11
II. Ясачные земли или волости Красноярского уезда	69
1. Аринская земля	71
2. Качинская (подгородная) земля	83
3. Яринская земля	92
4. Тубинская и Маторская земли	94
5. Саянская земля	114
6. Камасинская и Кашинская земли	122
7. Канская земля	127
8. Удинская земля	136
III. Ясачные волости Томского и Кузнецкого уездов	138
Часть вторая. Формирование современной хакасской народности в XVIII—XIX вв.	
I. Переселение енисейских киргизов в Джунгарию	166
II. Чулымские ясачные волости и их население	169
III. Ясачные земли Красноярского уезда XVIII в. и их этнический состав	175
1. Качинская земля	—
2. Койбальская земля	197
3. Яринская земля	201
4. Канская земля	209
5. Камасинская земля	216
6. Удинская земля	222
IV. Сагайские и Бельтирская волости Кузнецкого уезда	228
V. Административная реформа 1822 г. и Степные думы	238
1. Кизильская Степная дума	239

2. Качинская или Абаканская Степная дума	244
3. Койбальская Степная дума	249
4. Сагайская Степная дума	253
VI. Заключение	277
Приложение I	279
Приложение II	291

Леонид Павлович Потапов

Происхождение и формирование хакасской народности

Редакторы *С. П. Ултургашев, Г. И. Донидзе*

Художественный редактор *А. П. Масленников*

Технический редактор *Л. Ф. Ильина*

Корректор *П. А. Амурский*

Подписано к печати 3 октября 1957 г. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Печатных листов 19¹/₄.
Уч.-изд. л. 20,83. Тираж 2000 экз. АЧ00158. Заказ 1763.

Типография из-ва „Советская Хакасия“, г. Абакан.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка		Напечатано	Следует читать
	сверху	снизу		
3	—	9	Гуревичу	Гурвичу
15	—	2	расположен	расположен
49	2	22	русских... полоняников	русских... полоняников
53	—	6	Иреначко	Иширкачко
68	6—7	—	длилась	длилась
74	11	—	волостям... далее сноски 1, 2, 3, 4	волостям ¹ ... далее сноски 2, 3, 4
78	—	1	1639—1644	1634—1639
98	4	—	А шли де Киргиз и...	А шли до Киргиз из...
103	—	19	отждествляли	отождествляли
108	—	15	Бугучиев	Бугачиев
110	13	—	Татаев	Татев
116	5—6	—	зависимым	зависимыми
118	8	—	Кара-тыон	Кара-саян
133	12	2	кнзьями... Мрассы	князьями... Мрассы
139	4	—	Елудинский	Еудинский
191—196	16	20	Thumus	Thumus
259	7	—	койбйцев	кобыйцев

Поправки к сноскам

12—144	—	2—2	Бояршиной... Бояршинов	Бояршиновой... Бояршинова
102	—	2—3	Документ № 356	Документ № 365
127	—	6	transcription	transcription
133	—	1—2	составленному... Азии	составленное... Азии
135	—	2	Beschreibung	Beschreibung
149	—	5—6		Эти строки к 5-й сноске